

Вильгельм Райх

Сексуальная революция

Предисловие к русскому изданию

Вильгельма Райха безусловно следует отнести к числу выдающихся представителей психологической мысли нашего столетия. И время, которое является самым верным критерием, подтверждает это все усиливающимся интересом к его теоретическим воззрениям и практической деятельности в области психотерапии. Его новаторский взгляд на природу и жизнь человека, признание безусловной важности и способности к чувственным переживаниям и абсолютной необходимости полноценных сексуальных отношений, не ограниченных запретами и принудительными требованиями со стороны общества для гармоничного бытия человека в мире, до настоящего времени остаются до конца не осознанными и не принятыми в обществе, все еще стоящем в этом смысле на авторитарно-тоталитарных позициях.

"Сексуальная революция" В.Райха является страстным призывом автора к отказу от принципа принудительной моральной регуляции взаимоотношений полов со стороны патриархально настроенного общества, основанной на подавлении естественной биологической потребности людей в угоду экономическим соображениям и приводящей к неэффективному использованию энергетических ресурсов человечества.

В современной трактовке сексуально-экономические принципы В.Райха, скорее, следует рассматривать как сексуально-энергетические, то есть как необходимость разумно использовать энергию жизни.

Современному читателю книги, очевидно, следует учесть факт очарованности и идеализации автором событий политической и общественной жизни, имеющих место в послереволюционной России, и вытекающими отсюда спорными, а порой и неправильными их трактовками, а также простить автору чрезмерную скрупулезность в изложении фактического материала.

Предисловие к IV изданию (1949 г.)

Прошло двадцать лет с тех пор, как материал первой части этой книги был собран воедино и под названием *"Половая зрелость, половое воздержание, брачная мораль"* передан для публикации венскому издательству "Мюнстер Ферлаг".

Двадцать лет — не так уж много по биологическим меркам, но за это бурное начало XX века на человеческое общество обрушилось больше бедствий, чем за многие предшествующие столетия. Мы вправе сказать, что все понятия, которые человечество выдвинуло для объяснения своего бытия, за эти два десятилетия оказались под сомнением. Но, конечно же, ни одно из них не постиг такой крах, как основанную на принуждении сексуальную мораль, которая чуть более тридцати лет назад предельно четко определяла нормы этой сферы человеческой жизни. Сейчас мы переживаем подлинный переворот, охвативший все аспекты половой жизни человека. Сильнее всего он сказался на взглядах, касающихся половой жизни детей и юношества.

В 1928 г., когда я основал в Вене "Социалистическое общество сексуальных исследований и консультирования по сексуальным вопросам", отвергалось само существование прав детей и подростков в сексуальной сфере. Терпимое отношение родителей к играм детей с половыми органами было немислимо, не говоря уже о взгляде на такие игры, как на проявление естественного, здорового развития. Даже

мысль о том, что подростки стремятся удовлетворить свою потребность в любви с помощью обычных дружеских объятий, приводила в ужас. На каждого, кто хотя бы считал возможным существование таких прав, обрушивались потоки клеветы. В борьбе против первых попыток защиты права детей и юношества на любовную жизнь объединились люди, относившиеся друг к другу враждебно, более того, с ненавистью, — приверженцы различных конфессий, социалисты, коммунисты, психологи, врачи, психоаналитики и т.д. В моих консультационных пунктах по сексуальной гигиене, а также на собраниях приверженцев умственной гигиены, памятных, наверное, некоторым австрийцам, выступали этики и софисты, пророчившие гибель человечества вследствие распространения аморальности. Политики, безответственным образом обещавшие массам рай земной, изгоняли нас из своих организаций, так как мы защищали *права детей и подростков на естественную любовь*. Моя чисто врачебная защита их биологических интересов, по мнению политиков, грозила тяжелыми последствиями для всей социальной и экономической структуры общества. Я имею в виду их нападки на столь разные явления, как квартиры для подростков, обеспеченное существование родителей, воспитателей и подростков, изменение структуры характера воспитателей, критика всех политических направлений, основывавших свою деятельность и существование на представлении о беспомощности, присущей характеру человека, развитие внутренней самостоятельности как свойства человеческого характера, а тем самым и как свойства масс, *саморегулирование в воспитании детей*, а следовательно, постепенное превращение и взрослых в самостоятельные личности. Одним словом, под угрозой оказались первые попытки больших изменений биологической конституции человека.

Давление, которому наша социально-гигиеническая работа подвергалась со всех сторон, было столь велико, что я решился уехать в Германию. В сентябре 1930 г. я оставил свою в высшей степени успешную врачебную практику и преподавание психоанализа и перебрался в Берлин. С тех пор я видел Австрию только один раз — в апреле 1933 г. Выступая во время этого краткого посещения Вены на большом собрании студентов Венского университета, я смог сделать некоторые выводы из своей работы применительно к пониманию фашизма. Катастрофа в Германии казалась мне как психиатру и биологу результатом биологической беспомощности человеческих масс, покоровшихся воле немногих властолюбивых бандитов. Я был благодарен за понимание, которое встретил у молодой интеллигенции Вены, тогда как ни один политик не проявил интереса к моему выступлению.

С тех пор проблема биологии человека-зверя выросла до небывалых размеров. Сегодня, в марте 1949 г., мы в Соединенных Штатах Америки оказались в самом центре трудной борьбы за признание *биологической революции*, на протяжении последних десятилетий охватившей человечество. Детальное изложение увело бы слишком далеко, но следует, тем не менее, подчеркнуть лишь *одно* обстоятельство.

Сегодня, в 1949 г., в Америке стало предметом оживленных общественных дискуссий как раз то, что в 1920 — 1930 гг. казалось в Австрии столь чуждым и опасным. Перелом наступил примерно в 1946 г., вскоре после Второй мировой войны. В ежедневных газетах стало появляться все больше статей, авторы которых ратовали за естественность детского генитального самоудовлетворения. Идеи движения за умственную гигиену, широко распространившегося в стране, овладели общественным сознанием. Сегодня в Америке понимают, что *будущее человеческого рода зависит от решения вопроса о структуре человеческого характера*. В последние два года в воспитании детей особенно распространилось модное понятие — "саморегулирование", которое начало проникать в широкие массы. Правда, и здесь, как и в других сферах, на чиновничьих должностях встречаются сексуальные лицемеры, возмущающиеся даже при упоминании о

саморегулировании. Но это ведь политические карьеристы худшего сорта. В прогрессе же массового движения за умственную гигиену и в одобрении биологически естественной сексуальности детей и юношества сомневаться не приходится. Мировоззрению, означающему отрицание жизни, противопоставит мировоззрение, приверженцы которого говорят жизни "да".

Хотя я не считаю, что победа уже достигнута. Предстоит еще трудная борьба на протяжении не одного десятилетия. Однако я утверждаю, что принципиальное одобрение *естественной* любовной жизни становится позицией все более широких кругов, несмотря на существование многочисленных и опасных врагов. Насколько я знаю, Америка — единственная страна, основными элементами Конституции которой являются "*Жизнь, свобода и стремление к счастью*". Заверяю читателя, что я вполне отдаю себе отчет в существовании в Соединенных Штатах и реакционных течений. Но здесь, как нигде в другом месте, существует возможность выступить за стремление к счастью и права жизни. Книга Александра Нейла "*Проблема семьи*", в полной мере представляющая сексуально-экономический принцип в воспитании, была распродана в тысячах экземпляров сразу же после выхода. Да и предлагаемая вашему вниманию книга "*Сексуальная революция*" встретила положительный отклик. В Америке существуют мощные и признанные организации родителей и воспитателей, придерживающихся принципа саморегулирования, а следовательно, и сексуальной экономики. Этот принцип жизни, включая сексуальный элемент, преподается в университетах. То там, то здесь этот подход сталкивается с нерешительностью, замалчиванием, а подчас и враждебностью, но все же общественность энергично взялась за массовую сексуальную гигиену.

Я охотно расширил бы эту книгу, приведя ее в соответствие с современным уровнем знания, но от этого пришлось отказаться. Читателю предлагается законченный труд, отражающий сексуально-политическую ситуацию 20-х гг. То, что было характерно для нее, в значительной мере сохраняет силу. Поэтому я предлагаю "*Сексуальную революцию*" вниманию немецкого читателя в почти неизменном виде. Научный и врачебный опыт, накопленный с 1930 г. в области сексуальной экономики, уже был детально изложен. Планируется немецкое издание, призванное рассказать о новых явлениях. Следует также подчеркнуть со всей настоятельностью, что я вел свою работу около 17 лет независимо от всех партий и политических течений. Результатом стала работа, посвященная человеческой жизни, порою резко противостоящая угрозе жизни — угрозе, исходящей из сферы политики.

Вильгельм Райх

Форест Хиллз, Нью-Йорк, март 1949 г.

Предисловие к III изданию (1945 г.)

Предлагаемое III издание моей книги "*Сексуальность в борьбе за культуру*" ("*Die Sexualität im Kulturkampf*", I изд. — 1930 г., II расширенное изд. — 1936 г.) появилось благодаря большим усилиям д-ра Теодора Р. Волфса сначала на английском языке. Содержание книги осталось прежним, в терминологии, напротив, пришлось произвести ряд изменений.

Дело в том, что европейское движение за свободу, в соответствии с хронологическими рамками которого материал этой книги поначалу охватывал период с 1918 по 1935 г., базировалось на заблуждении. Суть его заключалась в том, что авторитарное мышление отождествлялось с образом жизни "буржуазии", а мышление, ориентированное на свободу, — с образом жизни "пролетариата". Из-за этой коренной ошибки европейское движение за свободу и потерпело поражение. Социальные события последних двенадцати лет поправили его, преподав кровавый

урок: *авторитарное мышление и мышление, ориентированное на свободу*, не имеют ничего общего с острыми экономическими классовыми противоречиями. Идеология социального слоя не является непосредственным отражением его экономического положения. Эмоциональным, мистическим взрывам, потрясающим человеческие массы, должно быть придано столь же большое значение (если даже не большее) в социальных движениях, сколь и чисто экономическим интересам. Практика авторитарного принуждения точно так же проходит через *все* слои общества всех наций, как и мышление и действия, проникнутые идеями свободы. Не существует классовых границ, проводимых в соответствии со структурой характера социальных слоев, подобно тем, которые существуют согласно размерам дохода и положению в социальной иерархии. "Классовые бои" ведутся не между пролетариями и буржуа, как это механистически формулирует теоретическая социология. Нет, трудящиеся, характеры которых структурированы в соответствии с принципами свободы, борются и против трудящихся, чьи характеры структурированы авторитарно, и против паразитов общества. Представители высших социальных слоев, характеры которых структурированы в соответствии с принципами свободы, борются, рискуя жизнью, за права *всех* трудящихся, против диктаторов — выходцев из пролетариата.

Сегодня, в 1944 г., Советская Россия, являющаяся результатом пролетарской революции, реакционна в сексуально-политическом отношении (я сожалею, что приходится говорить об этом), тогда как Соединенные Штаты Америки, родившиеся в ходе революции буржуазной, можно охарактеризовать как страну, по меньшей мере прогрессивную в этом отношении. Социальные понятия XIX века, определявшиеся чисто экономическими факторами, неприменимы к характеристике мировоззренческого расслоения в борьбе вокруг вопросов культуры, идущей в обществе XX столетия. Упрощая ситуацию до краткости формулы, можно сказать, что социальные конфликты бушуют сегодня вокруг интересов *сохранения и поддержания жизни*, с одной стороны, и интересов *уничтожения и подавления жизни* — с другой. Сегодня вопрос социальной совести не "Богат ты или беден?", а "Ты за сохранение и возможно большую свободу человеческой жизни? Борешься ли ты за это? Делаешь ли ты практически все, что в твоих силах, помогая миллионным массам людей труда стать настолько самостоятельными в мышлении, действии и жизни, чтобы полное саморегулирование социальной жизни в не столь уж отдаленном времени превратилось бы в само собой разумеющееся правило?"

Совершенно ясно, что социальный вопрос, поставленный столь конкретно, учитывает живой процесс жизни в каждом, даже беднейшем члене человеческого сообщества. И в *этой* связи в огромных масштабах возрастает значение, которое я 15 лет назад придал сексуальному угнетению. Благодаря исследованиям в области социальной и индивидуальной сексуальной экономики мною была выяснена роль подавления любовной жизни детей и юношества как важнейшего механизма формирования послушных подданных и людей, пребывающих в состоянии экономического рабства. Дело, следовательно, не в том, предъясняется ли в доказательство того или иного образа мыслей партийный билет белого, желтого, черного или красного цвета, а вне всяких сомнений, в том, — *и здесь навсегда исключаются всякие возможности социального обмана*, — одобряются ли полностью, поддерживаются ли и охраняются возможности свободного проявления жизни у новорожденных, маленьких детей, детей, находящихся в периоде полового созревания, женщин и мужчин или эти возможности подавляются и уничтожаются. При этом совершенно неважно, с помощью какой идеологии, в каком государстве, с позиций ли "пролетарской" революции или защиты "капиталистического" строя, с использованием аргументов какой религии (иудаизма, христианства или буддизма) происходит такое подавление. Сказанное неопровержимо и имеет силу повсеместно

до тех пор, пока существует жизнь и пока хотят делом доказать серьезность демократических идеалов, раз и навсегда покончить с социальным обманом масс трудящихся людей.

Сознание необходимости радикального изменения устройства сексуальной жизни проникло сегодня в общее социальное мышление и быстро распространяется. Хотя дело с социальной заботой о любовной жизни в период полового созревания все еще обстоит очень плохо, а официальная наука о воспитании все еще избегает касаться такой щекотливой темы, как сексуальность в пубертатный период, мысль о том, что интимная жизнь в этот период является естественным, само собой разумеющимся требованием, не кажется столь ужасающей, как в 1929 г., когда я впервые высказал ее. Забота о любовной жизни детей постепенно охватывает все более широкие круги. Своим успехом во многих странах сексуальная экономика обязана многочисленным хорошим воспитателям и заботливым родителям, которые считают сексуальные потребности ребенка и подростка чем-то совершенно естественным и обоснованным. Правда, все еще существуют достойное средневековья позорное законодательство, регламентирующее половые отношения, и ужасные заведения типа исправительных домов, приносящие безмерные несчастья. Но рациональной идее любовной жизни ребенка и подростка проложена дорога, и это бесповоротно.

Идеям нового периода просвещения придется утверждаться в борьбе против все еще сильных пережитков средневекового иррационализма. Хотя еще и можно встретить носителей взглядов о "наследственной дегенерации" и "криминальном вырождении", понимание *социальной* обусловленности преступлений и эмоциональных заболеваний повсеместно овладевает умами. Слишком еще много врачей, рекомендующих для предотвращения онанизма связывать руки детям, но в ежедневных газетах, у которых немало читателей, уже можно найти высказывания противоположного свойства. Немало здоровых подростков все еще попадают в исправительные дома из-за того, что они выполняли естественные любовные функции, но немало уже и судей, понимающих, что такая юрисдикция и такие заведения являются социальным преступлением. Среди духовенства все еще более чем достаточно лицемерных моралистов и доносчиков, проклинающих естественную сексуальность как творение дьявола, но растет и число кандидатов на должности священников, которые ведут практическую социальную работу и отвергают морализаторство. Есть еще епископы, выступающие за регулирование рождаемости, — пусть они и ограничивают свою позицию только законным браком. Немало молодых людей все еще терпят неудачу в изнурительной борьбе за любовное счастье, но бывает, что и в радиопередачах ставят на место отца, проклявшего дочь, которая родила без штампа в паспорте. По-прежнему действуют законы о нерасторжимости брака, позволяющие превратить развод в аферу с вымогательством, но быстро растет, охватывая общество, отвращение к таким законам и к таким бракоразводным процессам.

Мы переживаем подлинную, вызывающую глубокие изменения революцию в культурных характеристиках бытия. Это борьба, в которой нет парадов, мундиров и медалей, барабанного боя и пушечного салюта. Борьба эта стоит, однако, не меньших жертв, чем битвы гражданских войн 1848 или 1917 годов. Чувства человека-зверя, способности воспринимать свои естественные функции просыпаются от тысячелетнего сна. Переворот в нашей жизни затрагивает корни нашего эмоционального, социального и экономического существования.

Речь идет, прежде всего, о происходящих в хаотической форме гигантских изменениях в семейной жизни, этой ахиллесовой пяты общества. Изменения эти хаотичны потому, что наша структура семьи, унаследованная от патриархата, оказалась глубоко подорванной и готова уступить место лучшей, естественной

форме семьи. (Настоящая работа направлена не против *естественных* семейных отношений, а против *авторитарной* формы организации семьи, закрепляемой жесткими законами, структурой характеров людей и иррациональным общественным мнением.) Говоря о революционных изменениях в культурных характеристиках бытия, я и имею в виду, прежде всего, смену патриархально-авторитарной формы семьи естественной ее формой. Но именно этой естественной форме отношений между супругами, а также между родителями и детьми приходится преодолевать очень опасные препятствия. Именно процессы, происходившие в Советском Союзе в ходе социальной революции после 1917 г., о чем идет речь во второй части книги, свидетельствуют об опасном в эмоциональном и социальном отношении характере этих изменений. Эти процессы, спрессованные в двадцатые годы в Советской России на кратком временном промежутке и призванные путем принуждения обеспечить решение проблем, происходят теперь по всему миру — гораздо медленнее, но и с гораздо большей глубиной.

Как в этой, так и в других работах по сексуальной экономике слово "*революционный*" означает не использование взрывчатки, а обращение к правде, не деятельность тайных кружков и нелегальное распространение листовок, а открытый и публичный призыв к человеческой совести — без отговорок и уверток. Речь идет не о политическом гангстеризме, расстрелах, заключении и разрыве пактов, а об осуществлении рационального переворота, о том, чтобы дойти до корня вещей. Сексуальная экономика революционна так же, как революционны изменения, приведшие в медицине к открытиям микробов и несознательной душевной жизни, в технике — законов механики и электричества, а в экономике — сути производительной силы товара. Сексуальная экономика оказала действие, подобное действию переворота, так как она раскрыла законы формирования структуры человеческих характеров и основывает стремления людей к свободе не на призывах, а на понимании законов функционирования биологической энергии. Мы революционны, обращаясь с жизненным процессом не мистически, механистически и политикански, а естественнонаучно. Открытие космической энергии оргона, функционирующей в живых существах как биологическая энергия, дает нашим социальным стремлениям солидный естественнонаучный фундамент.

Развитие событий в наше время настоятельно побуждает к *созданию планетарного сообщества граждан Земли и к интернационализму без всяких "но" и "если"*. Деятельность политиканствующих правительств, стоящих над народами, должна смениться естественнонаучным регулированием социальных процессов. Все дело в человеческом обществе, а не в государстве, в правде, а не в тактике. Естественные науки стоят сегодня перед своей величайшей задачей — взять наконец на себя ответственность за дальнейшую судьбу этого измученного рода человеческого. Политика окончательно выродилась в политиканство. Ученые-естествоиспытатели будут призваны, хотя бы они того или нет, регулировать жизненные процессы, а политики будут волей-неволей учиться полезному труду. Задача предлагаемой работы — помочь возникновению нового, рационального и научно обоснованного устройства жизни, за которое повсюду идет жестокая борьба, сделать его рождение и становление менее болезненным, требующим минимальных жертв. Тот, кто порядочен и наделен социальной ответственностью за живущее, не может не понять ее и не злоупотребит выводами из прочитанного.

Ноябрь 1944 г. Вильгельм Райх

Предисловие ко II изданию (1936 г.)

В октябре 1935 года 300 наиболее знаменитых психиатров призвали мир задуматься. Италия только-только начала войну против Абиссинии. Сразу все были убиты тысячами людей, в том числе женщин, стариков и детей. Мир получил

представление о масштабах массовых убийств в случае возникновения новой мировой войны.

Хотя и ожидалось, но оказалось все же непонятным, что такая нация, как итальянская, испытывая массовый голод, столь воодушевится призывом к войне или, тем более, не бунтуя, последует ему. Создается впечатление, что судьбы мира решают не только правители, диагностика психических расстройств которых не представляла бы трудности для психиатров, но и что слишком многие люди, населяющие разные части света, — на деле душевнобольные, ибо их реакции ненормальны, ибо они противоречат их собственным желаниям и реальным возможностям. Вот признаки реакций, свидетельствующих о психической аномалии: голодать среди изобилия; мерзнуть и мокнуть, несмотря на запасы угля, строительные машины, миллионы квадратных километров свободных площадей для застройки и т.д.; верить, что божественная сила в образе старца с белой бородой руководит всем и мир всецело зависит от нее; воодушевляться убийством людей, никому не причинивших зла, и считать необходимым захват страны, о которой ничего толком и не слышали; ходить в тряпье и чувствовать себя представителями "великой нации"; желать бесклассового общества и ради этого создавать "народное сообщество", включающее и охотников за наживой; забывать, что обещал вождь государства, пока он не стал вождем нации, вообще, вручать отдельным людям, пусть даже и государственным мужам, значительную власть над собственной жизнью и судьбой; быть не в состоянии и представить себе, что так называемые крупные руководители государства и хозяйства спят, едят, страдают от сексуальных расстройств, удовлетворяют естественные потребности, точно так же находятся во власти подсознательных, неконтролируемых эмоций, как и простые смертные; считать само собой разумеющимся избиение детей в интересах "сохранения культуры"; лишать молодых людей в расцвете лет счастья любви. Этот перечень можно было бы продолжать как угодно долго.

Призыв 300 наиболее известных психиатров был поступком, актом официальной политизации науки, столь далекой от мира и якобы аполитичной. Он не касался корней правильно названных явлений. Он не исходил из вопроса о *сущности* всеобщих душевных заболеваний современных людей. Психиатры не задавались вопросом о причинах безграничной готовности масс к жертвам в интересах немногих политиканов. Их призыв не констатировал противоречие между подлинным удовлетворением потребностей и иллюзией этого удовлетворения в националистическом угаре, весьма родственном экстазу, охватывающему религиозных фанатиков. Голод и нищета, испытываемые массами при росте производительности труда, привели не к созданию рационального планового хозяйства, а к примирению самих трудящихся масс с голодом и духовным обнищанием. Движение за свободу оказалось отодвинутым на задний план. Проблема заключается в психологии государственных деятелей, а не масс.

Нынешние государственные мужи — это друзья, родные, двоюродные братья и другие родственники крупных капиталистов или диктаторов. Проблема заключается в том, что масса мыслящих, отчасти культурных и образованных людей не видит этого и не реагирует соответствующим образом. Проблема не решается с помощью индивидуальных "психодиагностических исследований". Если свести сущность психических расстройств, таких как помутнения рассудка, крайний пессимизм, чувство покорности, причинение себе физического ущерба, безусловная уверенность в своем праве на руководство и т.д., к простейшей формуле, то эти расстройства окажутся выражением нарушенной гармонии вегетативной, в особенности половой, жизни на общей основе общественной механизации жизни.

Гротескные видения, посещающие душевнобольных, являются лишь грубо искаженными и увеличенными стереотипами мистически-религиозного поведения

народных масс, которые, например, предотвращают войну с помощью молитв. Пациентов психиатрических больниц — а это примерно каждые четверо из тысячи, — так же мало спрашивают о характере их *половой* жизни, как и политиков. Глава под названием "Сексуальность" в официальной науке все еще не написана. Тем не менее сегодня не приходится больше сомневаться в обусловленности аномальных душевных реакций болезненным направлением неудовлетворенной сексуальной энергии (так называемое возбуждение блуждающего нерва). Поэтому, ставя вопрос о *социальном устройстве половой жизни людей*, мы доходим до корней массовых душевных заболеваний.

Сексуальная энергия является биологической созидательной энергией психологического аппарата, формирующей эмоциональную и мыслительную структуру человека. Сексуальность (физиологически — это функция блуждающего нерва) является просто созидательной жизненной энергией. Ее подавление означает с точки зрения не только врача, но и общества нарушение жизненных функций, имеющих принципиально важное значение. Важнейшими в общественном смысле формами проявления этого нарушения являются бесцельные (иррациональные) действия людей, их сумасбродства, мистицизм, готовность воевать и т.д. Поэтому сексуальная политика должна задаваться вопросом: *на каком основании создаются препятствия развитию любовной жизни человека?*

Попробуем сформулировать тот способ, которым сексуальная экономика осмысливает отношения между духовной жизнью человека и экономической структурой общества. Потребности человека формируются, изменяются, а также подавляются обществом. Так возникает *психическая структура влечений* людей. Она развивается у каждого члена общества в ходе постоянной борьбы между потребностью и обществом. Не существует врожденной *структуры* влечений, эта структура формируется на протяжении первых лет жизни. Врожденный характер имеет только энергия, которой человек обладает в большей или меньшей мере. Под воздействием сексуального угнетения возникает психологическая структура подданного, в одно и то же время повинующегося и бунтующего. Мы хотим "свободного" человека и поэтому хотим не только знать, как сложилась структура психологии современного человека, но и понимать, какова должна быть структура характера свободных людей, к помощи каких сил надо прибегать для формирования такой структуры.

Сексуальная политика представляет собой ядро практически-политической психологии, ведь ядро духовных функций — функция половая. Это доказано характером художественной литературы и кинопродукции. 90 % всех романов, всех произведений лирической поэзии, 99 % всех фильмов и спектаклей — произведения, связанные с удовлетворением сексуальных потребностей.

Биологические потребности в питании и сексуальном наслаждении обосновывают необходимость общественного объединения людей как такового. Возникающие таким образом "производственные отношения" изменяют основные потребности, но не убивают их и создают на их основе новые притязания. Изменившиеся и вновь возникшие человеческие притязания в свою очередь определяют дальнейшее развитие производства, средств производства (инструментов и машин), а с ними — общественных и экономических отношений *между* людьми. На основе этих производственных отношений между людьми развиваются определенные взгляды на жизнь, мораль, философию и т.д. Они соответствуют, в целом, среднему уровню развития техники, т.е. способностей к пониманию бытия и решению его проблем. Возникшая таким образом общественная "идеология" в свою очередь формирует структуру человеческой личности, становясь тем самым материальной силой и консервируясь в структуре личности в виде "традиции". Дальнейшее зависит от того, участвует ли в производстве общественной идеологии все общество или только

меньшинство его членов. Если это меньшинство обладает политической властью, то в его распоряжении находятся характер и содержание процесса выработки идеологии и формирование соответствующих структур. Поэтому в авторитарном обществе мышление людей соответствует интересам тех, в чьих руках экономическая и политическая власть. В противоположность этому в обществе, основанном на принципах рабочей демократии, где нет властных интересов меньшинства, вырабатываемая общественная идеология должна была бы соответствовать жизненным интересам всех членов общества.

До сих пор общественная идеология рассматривалась лишь как сумма идей, формирующихся "в головах людей" посредством экономического процесса. После того, как в Германии в условиях глубочайшего кризиса победила реакция, и с учетом опыта иррационального поведения масс идеологию нельзя более рассматривать как простое отражение экономических отношений. Как только идеология охватывает и формирует структуру человеческой личности, она становится *материальной, социальной* силой. Нет ни одного социально-экономического процесса, имеющего историческое значение, который не коренился бы в духовной структуре масс и не проявлялся бы в форме поведения этих масс. Не существует "развития производительных сил как такового" — есть только развитие человеческой структуры или торможение этого процесса, мышления и чувств человека на основе экономических и социальных процессов. Экономический процесс, т.е. развитие машин, функционально идентичен с процессом развития психической структуры человека. Этот последний процесс порождает, стимулирует или тормозит экономическое развитие, испытывая, в свою очередь, его влияние. Экономика немыслима без действующей структуры человеческих влечений, точно так же, как и наоборот — человеческие чувства, мысли и действия невозможны без экономических основ и последствий. Однозначность каждой из обеих систем взглядов обосновывается в *психологизме* ("Одни лишь душевные силы человека творят историю") и *экономизме* ("Историю творит одна лишь техника"). Следовало бы меньше говорить о диалектике, а постигать живые взаимоотношения между группами людей, природой и машинами. Как функция, они образуют единство, одновременно обуславливая друг друга.

На практике никогда не удастся овладеть современным культурным процессом, не поняв, что ядром психической структуры является структура сексуальная, а культурный процесс в значительной степени есть процесс удовлетворения половых потребностей, происходящий на основе сохранения жизни.

Проблемы малозначащей, убогой и якобы "аполитичной" половой жизни людей следует, в принципе, рассматривать и решать в связи с вопросами функционирования авторитарного общества. Именно в этой малозаметной жизни, а не за дипломатическими завтраками совершается на деле то, что называется большой политикой. Поэтому нельзя более откладывать политизацию так называемой частной жизни людей. Если бы 1800 млн жителей Земли понимали смысл деятельности дипломатов, то все было бы в порядке. Развитие общества и удовлетворение человеческих потребностей не направлялись бы более в соответствии с интересами фабрикантов оружия и повесткой дня разных открытых и тайных совещаний. Но эти 1800 млн людей не смогут сами стать хозяевами своей судьбы до тех пор, пока они не осознают значение собственной скромной личной жизни. Внутренние силы, мешающие им сделать это, — сексуальная мораль и религиозный мистицизм.

Экономический строй последних двухсот лет сильно изменил структуру человеческой личности, и все же это изменение малозначительно для всего человечества по сравнению с негативными последствиями, которые принесло в наш мир подавление естественной жизни, прежде всего сексуальной, начавшееся много

тысяч лет назад. Подавление влечений на протяжении тысячелетий создало в массовой психологии почву, состоящую из страха перед властью, послушания, невероятной скромности, с одной стороны, и садистской жестокости — с другой. На этой почве только и может сохраниться частное капиталистическое хозяйство, проявив все свои разрушительные свойства. Но при этом мы не забываем, что именно социальные и экономические процессы далекого прошлого послужили причиной изменений структуры человеческой личности. Следовательно, сегодня речь идет не о существующей двести лет проблеме промышленности, а о насчитывающей уже около шести тысяч лет психической структуре человека, которая до сих пор оказывалась неспособной поставить машины на службу человеку.

При всей грандиозности и революционности открытия закона капиталистической экономики его одного недостаточно для решения проблемы зависимости и самоподчинения человека. Хотя группы людей, те или иные *отряды* угнетенных классов повсюду борются "за хлеб и свободу", подавляющая масса стоит в стороне и молится или борется за свободу на стороне своих угнетателей. Массы ежечасно, ежедневно переживают неслыханную нужду. То обстоятельство, что они получают лишь хлеб, а не все блага жизни, только усиливает неприязнательность масс. Им до сих пор конкретно не объяснили, что же такое на самом деле свобода, чем она может быть или будет. Им не дали ощутимого доказательства возможности всеобщего счастья в жизни. Чтобы завоевать массы на свою сторону, им демонстрировали лишь болезненные, проникнутые чувством вины и убогие развлечения в мелкобуржуазных кабаках и на ярмарочных площадях.

Ядром же счастья в жизни является счастье, вызванное *сексуальным удовлетворением*. Никто, обладающий политическим весом, не осмелился поставить данное утверждение под сомнение. Сексуальность — частное дело, не имеющее ничего общего с политикой. Таково было и таковым остается общее мнение. Реакционеры думают иначе!

Переводчик книги "*Половая зрелость, половое воздержание, брачная мораль*" ("*La crise sexuelle*", Paris, 1934) на французский язык противопоставляет марксизму фрейд-марксизм и полагает, что именно психоаналитический образ мышления отменяет марксистскую постановку вопроса. "По его (Райха) мнению, сексуальный кризис не является прежде всего результатом противоречия между моралью и капиталистическими отношениями эпохи упадка капитализма, с одной стороны, и новыми социальными отношениями, новой пролетарской моралью — с другой. Он является результатом противоречия между естественными, вечными сексуальными потребностями и капиталистическим общественным строем".

Такого рода возражения всегда поучительны и продуктивны. Размышления над ними обычно ведут к уточнению и расширению первоначальной формулировки.

Критик противопоставляет здесь классовое противоречие противоречию между потребностью и обществом. Тем не менее оба эти противоречия должны быть объяснены одной причиной, и их нельзя только противопоставлять друг другу. Верно, что при рассмотрении проблемы с классовых позиций сексуальный кризис является выражением противоречия между упадком капитализма и революционным подъемом. В то же время правильно, что он — выражение противоречия между сексуальной потребностью и механистическим обществом. Как это совмещается? Да очень просто. Сам критик не нашел решения только потому, что строгое различие между субъективной и объективной сторонами общественного процесса непривычно, хотя и разумеется само собой. Сексуальный кризис объективно представляет собой форму проявления классового противоречия. Но как же представляется это противоречие при субъективном восприятии? Что значит "новая пролетарская мораль"?

Капиталистическая классовая мораль выступает *против* сексуальности, порождая тем самым противоречия и бедствия. Революционное движение снимает эти противоречия, выступая поначалу с идеологических позиций *за* удовлетворение половых потребностей, а затем закрепляя эту свою позицию с помощью законодательства и переустройства сексуальной жизни. Следовательно, капитализм совпадает с общественным сексуальным угнетением, с одной стороны, в то время как "революционная мораль" — с удовлетворением половых потребностей, с другой.

Сказав "новая революционная мораль", мы не говорим ничего. Эта новая мораль получает конкретное содержание только благодаря упорядоченному удовлетворению потребностей, причем не в одной лишь половой сфере. Если революционная идеология не осознает, что именно это упорядоченное удовлетворение потребностей и является, наряду с прочим, ее конкретным содержанием, то, хотя эта идеология и провозглашает новую мораль, она остается на деле в плену старых фактов.

Существование этого противоречия со всей очевидностью доказывается на примере советской идеологии и действительности. Новая мораль существует как раз для того, чтобы сделать излишним моральное регулирование и установить саморегулирование общественной жизни. Эта ее направленность ясно видна и воплощается в практику, если, например, речь идет о воровстве. У того, кто не голодает, нет потребности красть, и такой человек не нуждается, следовательно, в морали, препятствующей этим действиям. Такой же основной закон действует и в сфере сексуальности: тот, кто удовлетворен, не совершит изнасилования и не нуждается в морали, не допускающей этого преступления. Место нормативного регулирования половой жизни занимает "сексуально-экономическое регулирование". Ввиду отсутствия ясности относительно законов сексуальности коммунизм пытается сохранить форму буржуазной морали, изменив содержание. Например, в Советском Союзе возникает "новая мораль", приходящая на смену старой. Это фактически неверно. Как государство не только изменяет свою форму, но и полностью "отмирает" (Ленин), так и мораль не только должна изменяться. Отмирает и она.

Второе заблуждение критика заключается в представлении о том, что мы предполагаем существование *абсолютной* сексуальности, оказывающейся в конфликте с современным обществом, например коренной ошибкой психоанализа является восприятие влечений как абсолютной биологической данности. Но ее причина не в специфически диалектической сущности психоанализа, а в механистическом мышлении аналитиков, дополняемом, с другой стороны, как всегда, метафизическими тезисами. Влечения возникают, изменяются и проходят. Сроки биологических изменений так долги, а сроки протекания социальных процессов столь коротки по сравнению с биологическими, что первые впечатляют нас именно как абсолютная данность, а вторые — как нечто текущее, относительное. Для исследования конкретных процессов, ограниченных во времени, достаточно констатации конфликта между имеющимся биологическим влечением и тем, как оно воспринимается в рамках определенного общественного строя. Этого совершенно недостаточно, когда речь идет о законах развития сексуальных процессов с учетом многовековых эпох, на протяжении которых развиваются названные процессы. В данном случае следует ясно отдавать себе отчет в относительности и изменчивости, которыми характеризуется предрасположенность к тому или иному влечению. Если мы должны, например, воспринимать процесс жизни индивидов как *первую* предпосылку *каждого* общественного события, то достаточно предположить наличие жизни со всеми потребностями, свойственными живущим. Но сама эта жизнь не абсолютна. Она возникает и проходит в форме смены поколений, оставаясь в то же время неизменной в форме зародышей, сохраняющихся из поколения в поколение.

Жизнь как целое — если учитывать космические эпохи — является чем-то возникшим из неорганической природы и обреченным на гибель также, как целое. Эта гибель должна наступить однажды, если верно учение об изменяемости небесных тел, и жизнь вернется в неорганическую форму. Таково необходимое допущение диалектического мышления. Может быть, никакая другая точка зрения не является столь пригодной для того, чтобы выразить в полной мере понимание незначительности иллюзий людей об их "духовной", "трансцендентальной" задаче и важности связи их вегетативной жизни с жизнью природы. Эту мысль можно было бы изложить и по-другому, сказав, что и социальные конфликты представляются ничтожными по сравнению с космическими процессами. Ведь человек и общество являются лишь небольшой частью этих процессов.

Кто-то мог бы сказать: "Как же смешно, когда люди истребляют друг друга ради устранения безработицы или приводят к власти Гитлера и потом устраивают торжественные националистические процессии, в то время как в космосе совершают свой кругоборот звезды и было бы лучше посвятить себя только наслаждению от общения с природой". Такая интерпретация была бы ошибочной, ведь именно естественнонаучная точка зрения высказывается *против* реакции и в пользу мировоззрения, основанного на принципах рабочей демократии. Реакция пытается втиснуть бесконечный космос и отражающее его чувство природы, свойственное людям, в рамки бесконечно малой идеи сексуального аскетизма и жертвенности ради целей отечества, то есть сделать то, что ей никогда не удастся. Напротив, рабочая демократия как мировоззрение пытается включить бесконечно малую индивидуальную и общественную жизнь в очень широкие рамки естественных событий, сняв противоречие, вызванное в обществе "ошибочным развитием" природы, — шесть тысяч лет эксплуатации, мистицизма и сексуального угнетения, — даже если это противоречие и было "необходимым". Короче говоря, мировоззрение рабочей демократии означает выступление в поддержку сексуальности и против противоестественной сексуальной этики, за международное плановое хозяйство, против эксплуатации и национальных границ.

В национал-социалистской идеологии имеется рациональное зерно, обеспечившее значительный подъем реакционного движения. Имеется в виду тезис о "связи крови и почвы". Напротив, вся практика национал-социализма жестко ориентирована как раз на общественные силы, противоречащие главному положению революционного движения — связи общества, природы и техники. Речь идет об ориентации на классовое деление, неустранимое с помощью иллюзии об единстве народа, и о частной собственности на средства производства, которая не отменяется с помощью "идеи общности". Национал-социалистская идеология в мистической форме выражает свое рациональное зерно, а именно: идею бесклассового общества и жизни, приближенной к природе. Эта идеология, не осознавая в полной мере свое идейное содержание, обладает, напротив, полной ясностью относительно экономических и общественных предпосылок осуществления рационального мировоззрения, *осуществления жизненного счастья на Земле*.

С точки зрения сексуально-экономического опыта, накопленного во врачебной практике, обобщенная в данной работе критика господствующих ныне сексуальных отношений и взглядов на проблемы пола на протяжении ряда лет пробила себе дорогу. Первая часть книги "Фиаско сексуальной морали" появилась примерно шесть лет назад под названием "Половая зрелость, половое воздержание, брачная мораль" (по-французски "La crise sexuelle" — "Сексуальный кризис"). В нынешнем издании она кое в чем расширена, но в основном же осталась неизменной. Вторая часть — "Борьба за "новую жизнь" в Советской России" была переработана на основе материала, собранного в течение десяти лет. Изложение процесса

торможения сексуальной революции в Советском Союзе покажет, почему я в своих первых работах по сексуальной политике вновь и вновь ссылался на Советский Союз. Кое-какие положения, правильные еще недавно, утратили силу применительно к последним трем-четырем годам. В связи с общим попятным движением в Советском Союзе по направлению к авторитарным принципам общественного устройства продолжается и ликвидация достижений сексуальной революции.

Предлагаемая работа весьма далека от полного охвата и, тем более, решения всех соответствующих вопросов. Предметом рассмотрения должна была бы стать критика современных учений о душевных заболеваниях в той же мере, в какой и обстоятельное рассмотрение роли религии. Но это было невозможно в силу неисчерпаемости проблематики, и из-за этой обширности книга превратилась бы в "кирпич", непригодный для чтения. Предлагаемая работа — это не словарь по сексуальной науке, не история сексуального кризиса современности. Она сознательно ограничивается рассмотрением на отдельных типичных примерах общих *основных* черт противоречий, присущих современной половой жизни. Изложенные мною сексуально-экономические взгляды не являются результатом работы за письменным столом. Ни одно предложение в моей книге нельзя было бы написать без тесного контакта с молодежью на протяжении десятилетий, без постоянной проверки опыта в процессе общения с больными.

Я хотел бы с самого начала противопоставить сказанное критике определенного рода. При всей плодотворности и необходимости борьбы мнений такая борьба превращается всего-навсего в пустую трату времени и энергии, если сами критики не действуют на тех участках общественной жизни, где только и можно найти живой источник непосредственного опыта сексуальной науки, если они не проникают в жизнь некультурных или подвергнутых воздействию псевдокультуры, страдающих и отчасти борющихся масс — тех, кого ниспосланные Богом вожди наций называют "недочеловеками". Основываясь на своем практическом опыте, приобретенном в Германии и Австрии, и на результатах клинической практики, я позволил себе отважиться высказать суждение о ходе сексуальной революции в Советском Союзе, не имея возможности длительное время лично наблюдать за развитием сексуальной политики в этой стране. Вполне возможно, что характеристика советской сексуальной политики в том или ином отношении утрирована. Дело было, однако, не в высказывании неких абсолютных истин, а в изложении основных тенденций развития и противоречий. Я, разумеется, в следующих изданиях учту любую деловую критику фактической стороны моей работы.

Наконец, я хотел бы сказать озабоченным друзьям, обращающимся ко мне с настоятельной просьбой оставить "опасную политику" и посвятить себя только работе в области естественных наук: сексуальная экономика, коль скоро она заслуживает этого названия, не является ни левой, ни правой. Она направлена *вперед*, то есть на *рациональный переворот*, хочет она того или нет. Кто стал бы в пылающем доме со спокойной душой писать труды о цветоощущении сверчков?

Вильгельм Райх
Ноябрь 1935 г

Часть I. ФИАСКО СЕКСУАЛЬНОЙ МОРАЛИ

ГЛАВА I. Клинические основы сексуально-экономической критики

1. От морального принципа к сексуально-экономическому

Сексуально-экономические воззрения, излагаемые в данной работе, основываются на опыте клинических наблюдений над больными, испытывшими в ходе успешного лечения с помощью анализа характера изменение своей психической структуры. Есть все основания поставить вопрос о применимости

знаний, полученных в результате превращения структуры характера невротика в структуру характера здорового человека, к анализу проблем структур поведения масс и их перевоспитания. Вместо теоретических рассуждений рекомендуется предоставить слово самим фактам. Следует признать, что нельзя понять встречающиеся в массовом масштабе иррационально-бессознательные и бесцельные проявления жизни на инстинктивном уровне, не используя опыт, полученный в ходе наблюдений над отдельным человеком, страдающим неврозом.

При обнаружении болезненного психического состояния среднего представителя масс нам бросается в глаза сходство его поведения с поведением наших больных. Ему свойственны, например, страх перед сексуальными контактами, девиация инстинктивного характера удовлетворения сексуальных влечений, подчас принимающая формы крайней жестокости, неспособность представить себе, что удовлетворение инстинктивных влечений совместимо с интенсивным трудом. Такое поведение характеризуется как бы естественной верой в то, что сексуальность детей и юношества — болезненное извращение, невозможностью представить себе существование какой-либо иной формы сексуальных отношений, кроме пожизненной моногамии и связанной с этим тоской по некоему идеалу всеведущего отца и т.д. Массовые индивиды переживают, в принципе, те же конфликты, хотя и отличающиеся друг от друга в деталях: ведь формирование отдельных личностей происходит по-разному. Если есть желание перенести на массу опыт, накопленный в ходе наблюдений над индивидами, то следует пользоваться только результатами, относящимися к типичным конфликтам, касающимся всех. Исходя из этого, представляется вполне корректным распространение выводов, полученных при изменении структуры личности отдельных больных, на изменение психологической структуры массы.

Люди, страдающие психическими заболеваниями, приходят к нам с типичными признаками душевного расстройства. Работоспособность во всех этих случаях снижена в большей или меньшей степени, и реальные результаты деятельности не соответствуют ни требованиям, предъявляемым человеком к самому себе или обществом к нему, ни способностям, которые он в себе ощущает. Способность к сексуальному удовлетворению во всех без исключения случаях сильно снижена или даже совсем отсутствует. Место естественного генитального способа удовлетворения всегда у них занимают негенитальные (прегенитальные) способы, садистские представления о половом акте, фантазии об изнасиловании и т.д. Причем несомненно выяснялось, что изменение характера и сексуального поведения больного приобретало четкие контуры и формы, как правило, на 4 — 5-м году жизни. Раньше или позже нарушение душевной деятельности в социальной и сексуальной сферах становится очевидным для всех. Каждый больной несет в себе противоречие между инстинктом и моралью, неразрешимое в условиях невротического вытеснения сексуальных переживаний. Моральные требования, которые он предъявляет к себе из-за постоянного давления со стороны общества, и следующие за ними ограничения усиливают застойные явления в сексуальной и в целом вегетативной сферах. Чем сильнее была нарушена его генитальная потенция, тем более возрастает диспропорция между *необходимостью* удовлетворения и *способностью* к нему. Это, в свою очередь, обостряет моральное давление, необходимое для того, чтобы справиться с инстинктами. Так как конфликт в целом остается бессознательным, непостижимым для больного, он сам ни в коем случае не может разрешить его.

В конфликте между инстинктом и моралью, между "Я" и внешним миром организм вынужден изолироваться от внешнего мира, отгородиться от него броней, "охладеть". Это "бронирование" организма обуславливает более или менее значительное ограничение всей жизнеспособности и жизнедеятельности. Нелишне

будет заметить, что большинство людей страдают в этом жестком "панцире". Между ними и жизнью — стена. "Панцирь", о котором мы говорим, — самая важная причина обособления столь многих людей в условиях коллективной жизни.

Цель лечения, основанного на анализе характера, заключается в освобождении вегетативных энергий от их связи с психологическим "панцирем". Благодаря этому сначала усиливаются асоциальные потребности, несущие в себе жестокость и извращение, а с ними — возрастающий социальный страх и моральные препятствия. Если, однако, в то же время ослабевают детские привязанности к родительскому дому, к переживаниям, испытанным в раннем детстве, к воспринятым тогда антисексуальным заповедям, то к генитальной системе притекает все больше вегетативной энергии, иными словами, естественные половые потребности просыпаются к новой жизни, а может быть, и возникают впервые. Последовательное же устранение генитальных препятствий и страхов дает больному способность к совершенному — вплоть до оргазма — удовлетворению, к обретению подходящего партнера. В этом случае наблюдаются, как правило, значительные и во многих случаях ошеломляющие изменения общего поведения больного. Важнейшими среди этих изменений являются следующие:

— если прежде все поведение и мышление больного находилось под более или менее острым и тормозящим влиянием бессознательных, иррациональных мотивов, то теперь все более расширяется его возможность реагировать не в соответствии с несознательными, иррациональными мотивами, а согласно причинам, порождаемым действительностью. Например, в ходе этого процесса утрачиваются сами, без "воспитания" больного, склонность к мистицизму, религиозность, несамостоятельность, суеверия и т.д.

— если прежде больной был жестко изолирован, не имея контакта с самим собой и своим окружением или обладая только запасными функциями неестественного характера, то теперь он все более приобретает способность к непосредственному контакту как со своими инстинктами и потребностями, так и с миром. Следствием этого процесса является ясно видимое формирование непосредственного, естественного поведения вместо прежнего неестественного.

У большинства больных мы наблюдаем, так сказать, двойную жизнь. Общаясь с внешним миром, они кажутся странными, но через болезненную форму можно с несомненностью почувствовать здоровую суть. Так называемая индивидуальная дифференциация людей является сегодня в значительной степени выражением гипертрофированных невротических форм поведения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по мере выздоровления эта индивидуальная дифференциация в значительной степени устраняется, уступая место упрощению поведения в целом. Следствием же упрощения является растущее сходство характеров выздоравливающих, хотя эти люди и не теряют своего индивидуального своеобразия. Например, каждый больной весьма по-разному преодолевает нарушения в работе, которые он испытывает. Избавляясь от этих нарушений, он обретает доверие к функциям своего "Я", затем исчезают все черты характера, компенсирующие чувство собственной неполноценности. У всех людей, однако, схожим является чувство самосознания, основанное на достижениях в труде, который осуществляется подобно движению свободного потока.

Все сказанное имеет силу и применительно к половой жизни. Тот, кто вытеснил из своего существа собственную сексуальность, развивает в себе различные формы моральной и эстетической самозащиты. Если же больные вновь обретают контакты со своими сексуальными потребностями, то невротические дифференциации исчезают. Отношение к естественной половой жизни становится более или менее одинаковым. Это относится, прежде всего, к признанию полового желания и утрате чувства сексуальной вины.

Неразрешимый прежде конфликт между инстинктивным стремлением и препятствием, обусловленным моралью, вел к необходимости для больного регулировать все свои действия в соответствии с мерками и нормами, как бы витающими над ним или по ту сторону его личности. Все, что он думал и делал, измерялось моральной меркой, которую он сам создавал для себя, одновременно протестуя против этого. Если в процессе изменения структуры характера больной признает не только необходимость, но и непереносимость генитального удовлетворения инстинктов, то будет сброшена смиренная рубашка, а вместе с этим произойдет и освобождение от накопленных застойных инстинктивных потребностей. Если прежде завышенный уровень моральных требований усиливал инстинкт или делал его асоциальным, а усиление инстинкта требовало введения еще более жестких моральных препятствий, то приведение способности к удовлетворению в соответствие с силой инстинкта содействует ликвидации морального регулирования в характере больного. Благодаря этому ликвидируется и необходимый прежде механизм сдерживания.

Речь идет о том, что инстинкт, ставший асоциальным, лишается важнейшего заряда энергии. Теперь объем того, что нуждается в сдерживании, не так уж велик. А здоровый человек не нуждается более в морали, так как у него нет импульсов, для сдерживания которых были бы необходимы моральные препятствия. Сдерживание еще, возможно, оставшихся импульсов асоциального поведения будет делом нетрудным при условии удовлетворения основных половых потребностей. Об этом явствует поведение человека, обретшего оргастическую потенцию. Половое сношение за деньги становится невозможным. Имеющиеся фантазии на эротические темы, включающие представления об убийстве, теряют свою силу и значимость. Мысль о принуждении партнера к любви или об изнасиловании становится чуждой, да и само такое намерение воспринимается как нечто немислимое. То же происходит и с импульсами, существовавшими прежде и толкавшими, например, к соращению детей. Анальные, эксгибиционистские и другие извращения, как правило, полностью исчезают, а с ними — и социально обусловленные чувства страха и вины. Исчезает заинтересованность в кровосмесительной привязанности к родителям, братьям и сестрам, и вследствие этого в характере больных высвобождается энергия, которая ранее вытеснялась из него. Короче говоря, названные здесь процессы следует рассматривать как признаки саморегулирования душевного организма.

Оказалось, что люди, обретшие способность к оргастическому удовлетворению, гораздо более способны к моногамным отношениям, нежели те, у которых нарушена нормальная способность к разрядке. Но их моногамная позиция вызвана не препятствиями, с которыми сталкиваются импульсы, побуждающие к полигамии, или сомнениями, обусловленными причинами морального порядка, а сексуально-экономическим принципом, побуждающим вновь и вновь испытывать живое, благодетельное наслаждение с одним и тем же партнером. Предпосылкой этого является полная сексуальная гармония с партнером. Различие между мужчиной и женщиной с этой точки зрения не поддавалось констатации посредством клинических исследований. Напротив, при отсутствии подходящего партнера — а это в современных господствующих условиях половой жизни имеет тенденцию к превращению в правило — способность к моногамии превращается в свою противоположность, в безостановочные поиски устраивающего партнера. Если такой партнер найден, то моногамная позиция восстанавливается сама собой и сохраняется до тех пор, пока сохраняются сексуальная гармония и удовлетворенность. Мысли о другом партнере и желания такого рода появляются лишь в очень слабой форме или не реализуются в силу интереса к постоянному партнеру.

Однако старые отношения непоправимо рушатся, если они утратили свежесть, и новая связь обещает большее наслаждение. Это обстоятельство, которое не поддается изменению, оказывается в непреодолимом противоречии со всем сексуальным устройством современного общества, где материальные связи и необходимость считаться с детьми вступают в конфликт с сексуально-экономическим принципом. Таким образом, в условиях общественного строя, отрицающего половую жизнь, именно самые здоровые люди вынуждены испытывать тяжелейшие субъективные страдания. Иным является поведение людей, оргастические восприятия которых нарушены, а ведь именно они составляют большинство. Так как они испытывают меньшее наслаждение от полового акта, или им лучше удается в течение периодов различной длительности обходиться без партнера, или они становятся менее разборчивыми. Акт не особенно много значит для таких людей. Неразборчивость в сексуальных контактах является, таким образом, следствием сексуального нарушения. Человек, испытывающий такого рода нарушения, более способен покориться условиям брака, заключаемого на всю жизнь, но его верность основывается не на сексуальной удовлетворенности, а на моральных препятствиях.

Если выздоровевшему пациенту удастся найти подходящего партнера в половой жизни, то оказывается, что не только исчезают все невротические симптомы, но более того, такой человек теперь способен с удивительной, прежде неведомой ему легкостью упорядочивать свою жизнь, решать конфликты так, чтобы это не порождало неврозы. В нем формируется как бы автоматическая уверенность в регулировании своих импульсов и социальных отношений. При этом недавний больной полностью следует принципу наслаждения жизнью. Упрощение отношения к жизни — неважно, идет ли речь о структуре, мышлении или об эмоциях — устраняет из его бытия многочисленные источники конфликтов. Одновременно он приобретает критическое отношение к существующему моральному порядку. Принцип морального регулирования душевной жизни противостоит, следовательно, сексуально-экономическому саморегулированию.

В современном обществе, пришедшем в упадок, если говорить о состоянии сексуальных проблем, и отказывающемся в какой бы то ни было помощи для их решения, проведение оздоровительной работы, о которой шла речь выше, часто наталкивается на труднопреодолимые препятствия, прежде всего заключающиеся в том, что сексуально здоровые люди, которые могли бы быть партнерами выздоровевших, редки. Кроме того, дают себя знать общие рамки сексуальной морали. Можно было бы сказать, что человек, здоровый в сексуальном отношении, неизбежно превращается из бессознательного лицемера в сознательного по отношению к социальным институтам и социальным условиям, препятствующим развитию его здоровой, естественной сексуальности. Другие развивают в себе способность так изменять свое окружение, что препятствия, возникающие вследствие современного социального устройства, уменьшаются или полностью исчезают.

Мне приходится здесь ограничиваться самым кратким изложением проблемы, почему я и отсылаю всех, кого она интересует, к работам, весьма обстоятельно раскрывающим ее, — *"Функция оргазма"* и *"Анализ характера"*. Клинический опыт позволяет сделать выводы принципиального характера применительно к общественной ситуации. Поначалу широкие перспективы, которые открывались благодаря этим выводам, например для предотвращения неврозов, борьбы против мистицизма и суеверий, для решения старой проблемы мнимого антагонизма между природой и культурой, влечением и моралью, лишь ошеломляли и сбивали с толку. Но после многолетней проверки этих выводов на этнологическом и социологическом материале сформировалось твердое убеждение в правильности заключений, в

основе которых лежит переструктурирование с морального принципа регулирования на *сексуально-экономический*. Они были повсеместно подтверждены. Если бы теперь социальному движению удалось изменить общественные отношения таким образом, чтобы место современного отрицания сексуальности заняло бы ее всеобщее признание (со всеми экономическими предпосылками такого признания), применение принципа перевоспитания к массе людей могло бы стать действительностью.

Природа и культура, индивидуум и общество, сексуальное и социальное не противоречили бы более друг другу. Сказанное не следует, конечно, понимать как возможность лечить всех членов общества, а ведь основная идея сексуальной экономики зачастую неправильно понималась именно таким образом. Опыт индивидуального переструктурирования служит нам лишь для формирования общих принципов перевоспитания ребенка и подростка.

Терапевтический же опыт и теоретические результаты, ставшие возможными благодаря введению в психотерапию учения об оргазме, довольно существенно противоречили и противоречат всем воззрениям, сформировавшимся в соответствующих сферах науки. Представление об абсолютном противоречии сексуальности и культуры господствует в сферах морали, философии, культуры, науки, психологии и психотерапии как неприкосновенная догма. Самое значительное место занимает здесь, несомненно, фрейдовский психоанализ, приверженцы которого, несмотря на первоначально сделанные ими клинические и естественнонаучные открытия, упорно настаивают на существовании абсолютного антагонизма, о котором шла речь. Поэтому необходимо изложить противоречия, вызвавшие "заболевание" психоаналитической теории культуры и метафизическое вырождение научной работы, основанной на ней. Такое изложение вполне способно привести в смущение.

2. Противоречие теории культуры Фрейда

Вытеснение сексуальности и отказ от влечения

Серьезная дискуссия о социологических последствиях психоанализа требует сначала четкого ответа на вопросы:

1. Являются ли психоаналитическая социология и соответствующее мировоззрение, открывающиеся нам в поздних работах Фрейда и принявшие вид "сгустков" гротескных результатов в работах его как бывших, так и все еще признанных учеников (например, Рохайма, Пфистера, Мюллер-Брауншвайга, Кольнаи, Лафоржа и др.) прямым логическим следствием аналитической психологии?

2. А не возникли ли эти социология и мировоззрение как следствие в результате разрыва с аналитическими принципами клинической деятельности, спорного толкования **или** неполного понимания результатов клинических исследований?

Если бы удалось доказать наличие такого скачка или разрыва в самой клинической теории и если можно было бы затем показать отношение, существующее между отклоняющимися воззрениями клиницистов и основными представлениями социологов, то был бы найден важнейший источник ошибок, характерных для аналитической социологии. (Другим источником ошибок является отождествление индивидуума и общества.)

В своей теории культуры Фрейд представлял точку зрения, согласно которой культура обязана своим возникновением подавлению влечения или отказу от него. Ученый пытается иллюстрировать эту позицию на примере открытия огня. Основная его мысль заключается в том, что культурные достижения являются результатами проявления сублимированной сексуальной энергии, из чего следует, что подавление или вытеснение сексуального влечения является необходимым фактором формирования любой культуры. Можно бы было на историческом материале

доказать, что данный взгляд неверен, так как существуют и более высокие культуры без подавления сексуальности, напротив, с полной свободой половой жизни[1].

Правильно в этой теории лишь то, что подавление сексуальности создает в массовой психологии основу определенного типа культуры, а именно: *патриархальной культуры* во всех ее формах, но оно не является основой культуры как таковой и ее формирования в целом. Как же Фрейд пришел к взгляду, изложенному выше? Конечно, это произошло не благодаря *сознательно* занятой политической и мировоззренческой позиции. Наоборот, ранние работы (вроде статьи "О культурной половой морали") указывают как раз на критику культуры с позиций сексуальной революции. Фрейд не пошел дальше по этому пути, более того, он восстал против такого рода попыток. И именно предпринятые мною попытки развить концепции сексуальной политики и критики культуры стали поводом к первым серьезным разногласиям во мнениях с фрейдистами.

Анализируя психические механизмы и содержание бессознательной душевной жизни, Фрейд считал, что бессознательное наполнено асоциальными и антисоциальными инстинктивными побуждениями. Это открытие может подтвердить каждый, кто воспользуется соответствующим аналитическим методом. В характере любого мужчины центральное место занимают фантазии, связанные с намерением убить отца и стать вместо него господином матери. Импульсы жестокости, заторможенные более или менее осознанным чувством вины, встречаются повсюду. Жестокие фантазии мужчины, представляющего себе, как он в момент полового сношения ранит женщину, пронзая ее тело, или закалывает ее, вызывают, если они заторможены страхом и чувством вины. различные виды импотенции или служат обоснованием убийства на почве полового извращения. если нарушены механизмы торможения. Как показывает анализ, значительное число мужчин, входящих в наши культурные круги, независимо от классовой принадлежности, реализуют свои неосознанные стремления, поедая собственные или чужие экскременты. У большинства женщин констатируются настойчивые намерения кастрировать мужчин и присвоить половой член или в какой-либо другой форме, например путем заглатывания, "овладеть" им. Препятствовать этим импульсам означает породить не только социальное приспособление, но и целый ряд душевных нарушений, если намерение неосознанно фиксируется (например, истерическая рвота, которую хирурги пытаются устранить операциями желудка). Открытие, сделанное психоаналитиками и заключающееся в том, что слишком большая нежность матери к своему ребенку или женщины к своему супругу находится в прямой зависимости от силы бессознательных фантазий на тему убийства, было для поборников "святой материнской любви" и "брачного сообщества" далеко не отрадным. Подобные факты можно было бы перечислять сколь угодно долго, но лучше прервать этот перечень, чтобы вернуться к нашей теме. Бессознательные стремления или их вытесняемые компоненты оказываются по своему содержанию большей частью пережитками детского отношения к ближайшему окружению — родителям, братьям и сестрам и т.д. Ребенку надо было преодолеть эти импульсы, чтобы стать способным к выживанию и овладению ценностями культуры. Большинство людей, однако, уже в раннем возрасте оплачивают такое преодоление более или менее тяжелым неврозом, то есть значительным нарушением трудоспособности и потенции.

Признание асоциальной природы подсознательного и необходимости отказа от влечения ради приспособления к общественному бытию порождает, однако, возникновение двух противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, ребенок должен вытеснять свои инстинкты, чтобы быть в состоянии приобщаться к ценностям культуры. С другой стороны, он большей частью оплачивает преодоление влечения неврозом, который, в свою очередь, вредно воздействует на его способность усваивать ценности культуры, делает приспособление к

общественным нормам раньше или позже совершенно невозможным, а самого ребенка — снова асоциальным. Чтобы, тем не менее, приспособить индивида к условиям его бытия, необходимо ликвидировать механизмы вытеснения и высвободить инстинкты. Это предпосылка выздоровления, хотя еще не само излечение, как свидетельствуют первые терапевтические формулировки Фрейда. Но что же должно прийти на место вытеснения инстинктов? Это не могут быть инстинкты, освобожденные от вытеснения, ведь такая ситуация означала бы снова потерю жизнеспособности.

В различной психоаналитической литературе мы находим утверждение (заметим, кстати, что оно уже стало частью мировоззренческой практики) о том, что открытие и освобождение подсознательного, то есть согласие с его существованием, ни в коем случае не означает одобрения соответствующего действия. Как применительно к жизни, так и применительно к ситуации, создаваемой в процессе аналитического лечения, аналитик формулирует принцип: "Вы можете и должны *говорить* что хотите, но это не значит, *что* вы можете *делать* что хотите". Но перед аналитиками, сознающими свою ответственность, как прежде, так и теперь во всей своей значимости стоит вопрос о том, что же должно произойти с вытесненными, а теперь — освобожденными инстинктами. Ближайший выход из положения формулировался следующим образом: *сублимировать* и *осудить*. Но так как способными к сублимации в той степени, которой требовало лечение, оказались лишь очень немногие пациенты, в свои права вновь вступало требование об отказе от влечений с помощью осуждения. Следовательно, место вытеснения должно занять *осуждение*. В оправдание этой позиции приводится такое соображение: инстинкты, которые в свое время — в детстве — противостояли слабому, неразвитому "Я", способному только вытеснять, наталкиваются теперь на взрослое, сильное "Я", способное защищаться с помощью осуждения. Хотя эта терапевтическая формула и противоречит в основном клиническому опыту, она с давних пор была и остается донныне ведущей в психоанализе.

Эта точка зрения является господствующей и в аналитической педагогике. Анна Фрейд представляет ее, например, отвечая на вопрос о том, что может делать ребенок с вытеснявшимися, а теперь освобожденными инстинктами. Наряду с сублимацией названо и осуждение, то есть место вытеснения занимает, с позволения сказать, "добровольный отказ от инстинкта".

Так как в соответствии с этой точкой зрения в результате "отказа от инстинкта", а не с помощью вытеснения у индивида появляется способность усваивать ценности культуры, а тем самым он становится и культуртрегером, то с учетом другого основного положения, согласно которому общество ведет себя так же, как индивид, и поддается такому же анализу, из сказанного следует, что предпосылкой существования общественной культуры является отказ от инстинкта, и культура зиждется на этом отказе.

Вся конструкция представляется безупречной. Радует согласие с ней подавляющего большинства не только психоаналитиков, но и приверженцев абстрактного понятия культуры, то есть самых влиятельных представителей буржуазного мира. Ведь только с помощью охарактеризованной выше замены вытеснения отказом от инстинкта и осуждением кажется возможным обуздать тот грозный призрак, который породил большое смятение умов, когда Фрейд впервые заявил о своих открытиях. Результаты его исследований тогда недвусмысленно свидетельствовали, что вытеснение сексуальности *не* только порождает болезни, но и делает человека неработоспособным и неспособным к усвоению ценностей культуры. Мир неистовствовал перед лицом гибели, грозившей нравственности и этике, упрекал Фрейда в том, что он, желая того или нет, проповедовал "всевластие страстей", угрожал культуре и т.д. Мнимая враждебность Фрейда морали была

одним из самых сильных средств борьбы, использовавшихся против него его прежними противниками. Призрак отступил лишь с выдвижением *теории осуждения*. Первоначальные заверения Фрейда в том, что он является сторонником "культуры", что его открытия не угрожают ей и т.д., не произвели большого впечатления. Доказательством этому служат постоянно повторяемые утверждения о фрейдовском "пансексуализме". Враждебность уступила место частичному признанию: ведь если только влечения не испытывались на деле, то, "с точки зрения культуры", было безразлично, играл ли роль сторожевого пса, не допуская появления теней преисподней на земле, механизм осуждения или вытеснения. Кроме того, можно было даже записать на свой счет как несомненный успех переход от неосознанного вытеснения зла к добровольному отказу от удовлетворения влечения. Так как подлинная этика любого создания заключается не в асексуальности, а как раз в способности противостоять сексуальным соблазнам, то смогло воцариться всеобщее согласие и подвергавшийся остракизму психоанализ оказался способным превратиться в составную часть культуры — к сожалению, в результате "отказа от инстинкта", то есть в результате отказа от учения об инстинкте.

Я сожалею, что мне приходится разрушать иллюзии, которым предавались все участники только что описанного процесса. Во всех их схемах обнаруживается доказуемая ошибка, свидетельствующая о ложности этих построений. Речь идет не о ложности исходных психоаналитических посылок, на которых основываются названные выводы. Напротив, они абсолютно верны и лишь отчасти неполны, отчасти же формулировки абстрактны и поэтому скрывают действительные выводы.

Удовлетворение влечения и отказ от него

Немецкие психоаналитики, пытавшиеся осуществить унификацию психоанализа — будь то из-за буржуазности собственной натуры, будь то под большим давлением политической ситуации в Германии, — приводили в оправдание своего поведения, не совместимого с наукой, как раз такие цитаты из работ Фрейда, в которых, как им казалось, можно было еще в догитлеровские времена усмотреть обоснование их стремлений к унификации. И действительно, в трудах Фрейда имеются формулировки, лишаящие клинические открытия психоаналитиков свойственной им взрывчатой силы, их революционного по отношению к современной культуре воздействия. Это цитаты, выражающие во всей глубине противоречие между естествоиспытателем и буржуазным философом — исследователем культуры, свойственное личности Фрейда. Вот одна из таких характерных цитат:

"Злое и оправдываемое только незнанием недоразумение — считать, что психоанализ ожидает излечения невротических расстройств в результате "свободного переживания" сексуальных ощущений. Напротив, осознание минувших сексуальных влечений, наступающее в ходе анализа, делает возможным господство над ними, которого нельзя было достичь с помощью одного только вытеснения события из сознания. Можно с гораздо большим основанием сказать, что анализ освобождает невротика от оков его сексуальности".

Если семнадцатилетняя дочь некоего высокопоставленного национал-социалиста заболевает истерией, точнее говоря, истерическими припадками из-за вытесняемых желаний совершить с ним половой акт, то в ходе психоаналитического лечения эти желания поначалу признаются кровосмесительными и в качестве таковых осуждаются. Но что же происходит далее с сексуальной потребностью? Согласно формулировке, цитировавшейся выше, девушка "освобождается" от оков собственной сексуальности. С клинической же точки зрения, дело обстоит следующим образом:

если с помощью анализа девушка отдалится от отца, то она освободится только от оков стремления к инцесту, а не от своей сексуальности в целом. В

формулировке Фрейда упущено из вида как раз это важнейшее обстоятельство. Можно сказать, что научный спор о роли генитальности разгорелся как раз при такой постановке вопроса и образует важнейший элемент различий между сексуально-экономическим тезисом и психоаналитическим подходом, проникнутым конформизмом. Формулировка Фрейда постулирует, что девушка отказывается от *всякой* сексуальности. В такой форме психоанализ приемлем и для нацистских сановников, а с точки зрения Мюллер-Брауншвайга, он является инструментом для "выращивания героического человека". Но эта форма не имеет, однако, ничего общего с психоанализом, книга по которому Гитлер приказал сжечь.

Подлинный психоанализ, не обращающий внимания на буржуазные предрассудки, однозначно констатирует, что девушка сможет выздороветь только в том случае, если она перенесет свои сексуальные желания с отца на друга и удовлетворит их с ним. Но как раз это и противоречит всей Нацистской идеологии и со всей неумолимостью ставит вопрос о сексуальном устройстве общества. Ведь для того, чтобы соответствовать требованиям сексуальной экономики, девушка должна быть свободна не только с точки зрения своей генитальной сексуальности. Ей нужны квартира, противозачаточные средства, друг, обладающий способностью к любви и потенцией, то есть человек, структура характера которого не отвергает сексуальность и не соответствует, следовательно, национал-социалистским представлениям. Нужны чуткие родители и атмосфера в обществе, включающая признание сексуальности. Причем чем меньшими денежными средствами она располагает, тем более все это необходимо, чтобы взломать общественные рамки, поставленные перед половой жизнью юношества.

Вопрос о смене механизма вытеснения сексуальности механизмом отказа от влечения или механизмом осуждения, применяемым в психоаналитической работе, можно было бы легко решить, причем в соответствии с фрейдовской формулировкой, если бы осуждение инстинктивных потребностей и отказ от влечения не были бы связаны с экономикой инстинктивной жизни. Психический аппарат может осуществить отказ от влечения только при совершенно определенных сексуально-экономических условиях. Точно так же и сублимация влечения связана с определенными предпосылками. Результаты клинического анализа характера учат, что продолжительный отказ от патогенного или асоциального инстинктивного побуждения возможен только в том случае, если урегулировано сексуальное состояние человека, то есть если не накапливаются и не застаиваются нерешенные сексуальные проблемы, придающие силу проявлению предосудительных побуждений. *Регулировка же психоэнергетического состояния требует возможности сексуального удовлетворения, соответствующего каждому возрасту.* Это значит, что взрослый может отказаться от стремлений детского и патогенного характера только в том случае, если перед ним свободен путь к нормальному генитальному удовлетворению и если он на деле испытывает его. Способы удовлетворения, связанные с извращениями и имеющие невротический характер, способы, от которых следует защищать общество, сами являются заменителями генитальной половой жизни и формируются только в том случае, если она нарушена или встречается с препятствиями. Отсюда следует, что нам нельзя говорить в общей форме, неконкретно, об удовлетворении влечения и отказе от него, а следует поставить вопрос конкретно — о *каком* удовлетворении влечения и об отказе от *какого* влечения идет речь.

Аналитическое лечение может практически достичь отказа от способа удовлетворения потребностей, *не соответствующего* стадии развития, только в том случае, если оно будет заключаться лишь в устранении механизмов вытеснения, не сочетающемся с проповедями на моральные темы. К примеру, такое лечение приведет девушку, достигшую половой зрелости, в характере которой инфантильная

привязанность к отцу порождает невротические симптомы, к осуждению ее кровосмесительных притязаний благодаря одному лишь осознанию ею сути этих притязаний. Но это еще не означает освобождения от желаний, так как постоянные сексуальные раздражители вновь и вновь побуждают бороться с ними. Только прибегнув к моральным аргументам, можно побудить девушку к отказу от такого сексуального удовлетворения, но это будет означать грубейшее нарушение терапевтических принципов и поставит под угрозу саму цель излечения. Девушка может избавиться от фиксации на отце единственно при условии, что ее сексуальность обретет другой, соответствующий объект и *испытает реальное удовлетворение*. Если этого не произойдет, то инфантильная фиксация не прекратится или влечение обратится на другие инфантильные цели, так что проблема останется нерешенной. То же относится и к любому другому случаю невротического заболевания. Женщина, неудовлетворенная в браке, бессознательно активизирует детские сексуальные притязания, от которых она сможет отказаться только в том случае, если ее сексуальность будет удовлетворена каким-то иным образом — вне брака или в новой связи.

Насколько само осуждение детских инстинктивных импульсов является предпосылкой нового способа решения половых проблем, настолько же и это переустройство и эффективное удовлетворение представляют собой совершенно неотъемлемые предпосылки окончательного освобождения от болезненного стремления. Убийцу, побуждаемого к преступлению нарушениями сексуального характера, можно отвлечь от его целей, только открыв перед ним биологически нормальный путь половой жизни. Альтернатива, следовательно, формулируется не "отказаться от влечения или подчиниться ему", а "в каких случаях отказываться от влечения и в каких удовлетворять его".

В абстрактных рассуждениях о греховной природе вытесняемого бессознательного затушевываются обстоятельства, имеющие важнейшее значение не только для лечения и профилактики невротозов, но и для всей педагогики. Фрейд открыл, что содержанием бессознательного у невротиков — а это в наших культурных кругах подавляющее большинство людей — являются в основном инфантильные, жестокие и асоциальные импульсы. Это верно. При этом, однако, не учитывалось еще одно обстоятельство, а именно: наличие в несознательном притязаний, вполне соответствующих естественным биологическим потребностям, например сексуальных потребностей у подростков в период полового созревания или у людей, несчастных в браке.

Позднейшая интенсивность асоциальных и инфантильных побуждений вытекает как исторически, так и экономически из неудовлетворения этих естественных притязаний, ибо неудовлетворенное половое влечение отчасти усиливает до безграничных размеров примитивно-инфантильные побуждения, отчасти же порождает совершенно новые, большей частью антисоциальные потребности, как, например, потребность в эксгибиционизме или импульс к убийству ради сексуального удовлетворения.

Этнология учит нас, что такие импульсы отсутствуют в примитивных обществах — вплоть до достижения ими определенного уровня экономического развития — и возникают только как замена обычной любовной жизни, когда общество начинает подавлять ее. Эти побуждения, порожденные только развитием определенных форм сексуальности в обществе и вынужденные переместиться на уровень несознательного, так как общество отказывается в их удовлетворении, в психоанализе сплошь и рядом рассматриваются как биологические факты. Такой взгляд не особенно отличается от другого, представленного Хиршфельдом, считавшим, что причина эксгибиционизма — существование особых эксгибиционистских гормонов. Данный простой механистический биологизм трудно поддается разоблачению

потому, что он выполняет в нашем современном обществе определенную функцию. Мы имеем в виду перенесение постановки вопроса об общественном явлении в биологическую сферу, а тем самым, в практически недоступное. Существует, следовательно, *социология несознательного* и асоциальной сексуальности, то есть социальная история неосознанных побуждений, рассматривающая как количественную, так и качественную сторону вытесненных побуждений. Не только вытеснение как таковое представляет собой общественное явление. Результат этого процесса — также общественное явление.

Исследование возникновения частных влечений должно будет ориентироваться на этнологические факты такого, например, рода, что в некоторых племенах, жизнь которых регулируется материнским правом, мало что можно увидеть из анальной фазы развития либидо — фазы, которая у нас, как правило, оказывается между оральной и генитальной фазами, так как дети в этих племенах вскармливаются грудью до третьего или четвертого года жизни, а затем активизируют непосредственно генитальные игры.

Психоаналитическое понятие абсолютной асоциальности инстинктивных побуждений приводит к заключениям, которые вступают в конфликт с фактами. Если рассматривать их как нечто относительное, то появятся принципиально иные последствия для восприятия не только аналитической терапии, но и особенно для социологии и сексуальной экономики. Анальные манипуляции, совершаемые ребенком на первом или втором году жизни, не имеют вообще ничего общего с понятием "социального" или "асоциального". Если при взгляде с абстрактной точки зрения руководствоваться представлением об асоциальной природе анальных побуждений ребенка, то результатом будет правило, которому охотно следуют и которое заключается в попытке сделать ребенка, чего доброго, уже на шестом месяце жизни "способным приобщиться к ценностям культуры". Следствие этого представления, проявившееся позже, — труднопреодолимые препятствия анальному сублимированию и анально-невротические нарушения.

Механистическое представление об абсолютной противоположности сексуального удовлетворения культуре обуславливает и принятие родителями, разделяющими идеи и выводы психоанализа, мер против детского онанизма, среди которых меньшее — "мягкое отвлечение". Если я не ошибаюсь, то нигде в трудах Анны Фрейд не сказано, что она как частное лицо соглашается с выводом из теории психоанализа, в соответствии с которым онанизм у детей следует рассматривать как проявление физиологического развития и поэтому *не* подвергать ограничению.

Исходя из представления о том, что объект бессознательного вытеснения противоречит культуре, следует поставить под угрозу осуждения генитальные притязания зрелого человека. Это и происходит обычно, причем с благожелательным замечанием о том, что принцип реальности требует отложить удовлетворение влечений. Тот факт, что сам этот принцип реальности относителен, что сегодня он служит интересам авторитарного общества и определяется этим обществом, исключается из дискуссии как политика, не имеющая ничего общего с наукой. При этом не замечают, что и само такое "исключение" — тоже политика. Наибольшие сомнения в данном случае вызывает то обстоятельство, что рассматриваемый подход создал самую серьезную угрозу проведению психоаналитических исследований, не только препятствуя открытию определенных фактов, но и парализуя, а отчасти даже и фальсифицируя проверенные результаты, когда дело доходило до практического применения. Чтобы достичь такой цели, эти результаты связывались с реакционными аспектами о понятиях культуры. Поскольку психоаналитическое исследование непрерывно оперирует как воздействиями общества на индивид, так и оценками здоровья и нездоровья, социальности и

асоциальности, не осознавая при этом революционного характера своего метода, то эти оценки вращаются в трагическом круге между констатацией того факта, что вытеснение сексуальности враждебно культуре, с одной стороны, и необходимо для культуры — с другой.

Стоит суммировать факты, которые психоаналитические исследования оставляют без внимания, ибо они противоречат представлениям о культуре, на которых зиждутся эти исследования:

— само несознательное обусловлено культурой как в качественном, так и в количественном отношении;

— осуждение инфантильных и асоциальных инстинктивных притязаний предполагает в каждом случае удовлетворение физиологически нормальных и необходимых сексуальных потребностей;

— сублимация как наиболее существенное достижение культуры, реализуемое психическим аппаратом, требует ликвидировать всякое вытеснение сексуальности и у взрослых противоречит лишь удовлетворению прегенитальных, но не генитальных потребностей;

— генитальное удовлетворение как фактор, имеющий с сексуально-экономической точки зрения решающее значение для предупреждения неврозов и формирования социальной эффективности, противоречит с любой точки зрения нынешним законам государства и принципам всякой патриархальной религии;

— ликвидация вытеснения сексуальности, начатая практическим психоанализом в качестве лечения, а наукой в социологической форме, самым резким образом противоречит тем элементам культуры, которые зиждутся как раз на этом вытеснении.

До тех пор пока психоанализ продолжает придерживаться своей точки зрения на культуру, это оказывается возможным в ущерб результатам собственных достижений психоаналитиков, так как психоанализ пытается разрешить в пользу мировоззрения противоречие между представлением исследователей о культуре и результатами научных исследований, направленными против этой культуры. В тех случаях, когда психоанализ не отваживается сделать выводы из собственных исследований, он оправдывается якобы аполитичным ("непрагматичным") характером науки, в то время как каждый шаг в развитии аналитической теории и практики означает рассмотрение политических ("прагматических") фактов.

Тот, кто будет исследовать церковные, фашистские и другие отсталые идеологии с точки зрения их неосознанного психического содержания, придет к выводу, что они в значительной мере являются защитными конструкциями, возникшими из страха перед неосознаваемым адом — страха, который каждый человек носит в себе. Отсюда и только в том случае, если бы антисоциальные бессознательные инстинктивные побуждения были биологическими, абсолютными, можно было бы вывести оправдание аскетической морали и понятия Бога, направленного против всего "дьявольского". Тогда реакционеры были бы правы, но всякая попытка устранения сексуальных бедствий оказалась бы бессмысленной. Консервативный мир имел бы все основания ссылаться на то, что разложение "высокого", "божественного", "морального" начал в человеке порождает хаос в его социальном и нравственном поведении. Именно это и подразумевается бессознательно под понятием "культур-большевизм".

Революционное движение, кроме представителей своего сексуально-политического крыла, не знает об этой связи и очень часто, если предметом конфликта оказываются основы сексуальной экономики, выступает единым фронтом даже с силами политической реакции. Правда, оно выступает против сексуально-экономического закона по иным причинам, нежели это делает политическая реакция. Революционное движение не знает этого закона и его исторических изменений. Оно

верит также в абсолютную природу злых сексуальных инстинктов, а следовательно, и в необходимость морального торможения и регулирования. Революционное движение в столь же малой степени, как и его противники, замечает, что моральное регулирование как раз и порождает то, что оно может, по словам его сторонников, укротить, то есть асоциальную инстинктивную жизнь.

Сексуальная экономика учит, что неосознанная инстинктивная жизнь современного человека, поскольку она действительно является асоциальной, а не только оценивается таким образом со стороны моралистов, представляет собой продукт морального регулирования и может исчезнуть только с его ликвидацией. Только социально-экономический принцип морального регулирования может устранить противоречие между культурой и природой, устраняя вместе с сексуальным угнетением и противоестественные или асоциальные влечения.

3. Вторичное влечение и моральное регулирование

В борьбе между так называемым "культурбольшевизмом" и фашистским "антибольшевизмом" чрезвычайно важную роль играет утверждение о том, что социальная революция полностью уничтожает мораль и ввергает общество в сексуальный хаос. Чтобы опровергнуть этот аргумент, утверждается и обратное: как раз наоборот, расшатываемый капитализм порождает общественный хаос, и только социальная революция одна в состоянии создать в общественной жизни ситуацию уверенности. Это только пусть противоположные, но утверждения. В Советском же Союзе потерпела неудачу попытка замены авторитарно-морального принципа регулирования сексуальных отношений неавторитарным саморегулированием.

Столь же малоубедительной, как и приведенное противопоставление утверждений, является попытка доказательства собственной "нравственности". Дело заключается, прежде всего, в том, чтобы понять, почему среднестатистический человек обнаруживает такую привязанность к понятию "мораль" и почему с понятием "социальная революция" он обязательно связывает представление о сексуальном и культурном хаосе. Часть ответа на этот вопрос можно получить уже в результатах исследования идеологии фашизма. С точки зрения среднестатистических людей, которые ведут бессознательную, аффективную жизнь, включающую отрицание сексуальности, быть приверженцем "культурбольшевизма"

— это значит "отдаваться чувственным сексуальным переживаниям". Поэтому, если кто-либо пытается защитить точку зрения, согласно которой достижения сексуальной экономики, отменяющие необходимость морального регулирования, можно было бы в ходе социальной революции сразу же применить на практике, то это только доказывало бы, что образ мышления приверженцев сексуальной экономики понят неправильно.

Лишь только общество вступает во владение средствами производства, оно неизбежно сталкивается с вопросом о том, как же теперь следует регулировать совместную жизнь людей

— с помощью принципов морали или на основе "свободы". Даже самое поверхностное размышление свидетельствует о том, что не может быть и речи о немедленном высвобождении сексуальности или отмене моральных норм и регулятивов. Мы уже достаточно часто сталкивались с тем, что человек с нынешней структурой своего характера не в состоянии регулировать сам себя, что он, следовательно, может тотчас же установить экономическую демократию, но не политическую. В этом и заключается весь смысл ленинской формулы о том, что государство может отмереть лишь постепенно. Если же хотят отменить моральное регулирование и поставить на его место саморегулирование, то следует знать, насколько старый способ регулирования был необходим и насколько он как в личном, так и общественном плане являлся несчастьем и порождал несчастье.

Приверженность принудительной морали, а именно такова точка зрения, которой

придерживаются представители политической реакции, позволяет видеть лишь одну абсолютную противоположность между биологическим инстинктом и общественным интересом. За констатацией такого противоречия следует ссылка на необходимость морального регулирования — ведь, как говорят сторонники этого подхода, "отмена морали приведет к тому, что звериные инстинкты затопят все и вся и вызовут хаос". Очевидно, что утверждение об общественном хаосе, играющее в политике столь большую роль, представляет собой не что иное, как выражение страха перед человеческими инстинктами.

Так необходима ли мораль? Да, в той мере, в какой инстинкты на деле угрожают совместной жизни членов общества. Возникает следом другой вопрос. Как же в этом случае можно ликвидировать регулирование, основанное на принудительной морали? Ответ на этот вопрос можно дать тотчас же, если взять в советчики сексуальную экономику со следующим выводом, сделанным ею: моральное регулирование естественных биологических притязаний людей порождает в результате подавления, неудовлетворения *вторичные, судорожные, асоциальные* влечения. Эти влечения неизбежно должны быть заторможены. Следовательно, мораль возникла первоначально не из потребности подавления инстинктов, мешающих обществу, ведь она существовала до появления этих асоциальных инстинктов. Она возникла в первобытном обществе под воздействием определенной заинтересованности развивавшегося и приобретающего экономическое могущество верхнего слоя в подавлении естественных потребностей, которые сами по себе *не мешали социальной жизни*. Регулирование, опирающееся на принудительную мораль, получило свое обоснование в тот момент, когда то, что было порождено этим регулированием, начало *действительно* угрожать общественной жизни. Например, подавление удовлетворения потребности в питании сначала породило склонность к воровству, которая, в свою очередь, сделала необходимым моральное правило, запрещающее красть.

Таким образом, если мы будем обсуждать вопрос о том, необходима ли мораль, следует ли ее ликвидировать или на место одной морали поставить другую, а то и вообще заменить моральное регулирование саморегулированием, то мы не продвинемся ни на шаг, не отличив *естественные биологические* влечения от *вторичных социальных* влечений, порожденных моралью. Неосознанная душевная жизнь людей в патриархальных условиях наполнена влечениями *обоих* типов. Ясно одно: *в процессе обоснованного подавления асоциальных влечений жертвой подавления оказываются и естественные, биологические*, так как нельзя отличить одни от других. Если же, как уже говорилось, представители политической реакции с самого начала с понятием "влечение" связывают понятие "асоциальное", то различие между этими понятиями открывает перед нами выход.

До тех пор пока изменение структуры характера человека не удалось в такой мере, чтобы регулирование потенциала его биологической энергии само собой исключало любую тенденцию к асоциальным действиям, не удастся ликвидировать и моральное регулирование. Так как процесс изменения структуры потребует, вероятно, очень и очень длительного времени, есть все основания утверждать, что ликвидация регулирования, основанного на принудительной морали, и ее замена сексуально-экономическим регулированием будут возможны только в той мере и постольку, поскольку сфера вторичных асоциальных влечений будет сокращаться в пользу естественных биологических стремлений. Мы можем достаточно уверенно предвидеть это, основываясь на результатах анализа характера в процессе лечения отдельных людей. И в этом случае мы видим, что человек ликвидирует в себе инстанции, осуществляющие моральное регулирование, лишь по мере обретения заново своей естественной сексуальности. Утрачивая моральное регулирование со стороны совести, больной теряет и свою асоциальность и становится "моральным" в

той степени, в какой становится сексуально здоровым.

Следовательно, социальное развитие не отменит морального регулирования сегодня. Оно, прежде всего, таким образом изменит структуру характера людей, что те станут способны жить и работать в социальном сообществе без воздействия авторитета и морального давления, вполне самостоятельно, руководствуясь подлинной добровольной дисциплиной, которая не может быть навязана. Конечно, моральное торможение будет иметь силу только применительно к асоциальным влечениям, заключаясь в юридической норме о необходимости сурового наказания взрослых за совращение детей. Оно не будет отменено до тех пор, пока в массе людей будут присутствовать обусловленные структурой их характеров импульсы к такому действию. В этом смысле ситуация после революции будет еще идентична ситуации в авторитарном обществе. Различие между тем и другим обществами будет, однако, выражаться в том, что свободное общество предложит совершенно свободное пространство для развития естественных стремлений и безопасность для их удовлетворения. Например, оно не только не станет запрещать любовные отношения между двумя молодыми людьми разного пола, но, скорее, окажет им всю необходимую помощь. Оно не только не станет запрещать детский онанизм, а, напротив, вероятно, примет решение строго карать каждого взрослого, который будет препятствовать развитию детской сексуальности.

Нам не следует, однако, слишком жестко и абсолютно воспринимать представление о "сексуальном инстинкте" — ведь содержание вторичного влечения определяется не только желанием человека, но и временем, когда развивается это влечение, и обстоятельствами, в которых оно стремится достичь удовлетворения. Одно и то же влечение может в одном случае и в один момент быть естественным, в другой ситуации и в другое время — асоциальным. Приведем пример. Если ребенок в возрасте от года до двух мочится в постель или играет с собственными экскрементами, то мы имеем дело с естественной стадией развития его прегенитальной сексуальности. Стремление играть с собственными экскрементами в этом возрасте естественно, оно обусловлено биологически, так что наказание ребенка за это действие само заслуживает очень серьезного наказания. Если бы тот же самый человек, достигший четырнадцати лет, захотел бы есть свои экскременты или играть с ними, это было бы уже вторичным, асоциальным, болезненным влечением. Подверженного ему следовало бы не наказывать, но, конечно же, поместить в больницу. Свободное общество, однако, не могло бы удовлетвориться этим. Его важнейшая задача должна была бы заключаться в организации такого воспитания, чтобы не было импульсов к подобным поступкам.

Приведем другой пример. Если бы пятнадцатилетний подросток захотел вступить в любовные отношения с тринадцатилетней созревающей девочкой, свободное общество не только ничем не воспрепятствовало бы подростку, а, напротив, взяло бы его под защиту. Но если бы тот же пятнадцатилетний подросток попытался склонить к сексуальным играм маленькую девочку лет трех или принудить ровесницу к таким действиям вопреки ее воле, то речь шла бы об асоциальном поведении. Такое поведение свидетельствовало бы о препятствиях невротического характера при выборе партнерши своего возраста с помощью нормальных средств. Резюмируя, можно сказать: в продолжение переходного периода от авторитарного общества к свободному действует принцип, согласно которому моральное регулирование будет применяться в отношении вторичных, асоциальных влечений, а сексуально-экономическое саморегулирование — в отношении естественных биологических потребностей.

Цель развития заключается в том, чтобы шаг за шагом упразднить вторичные влечения, а с ними и моральное принуждение, полностью заменив и те, и другие сексуально-экономическим саморегулированием. Моралисты или больные люди

могли бы легко истолковать формулировку о вторичных влечениях в соответствии со *своими* целями и намерениями. Тем не менее, несомненно, удастся достичь такой ясности относительно различия между естественным и вторичным влечением, чтобы больше нельзя было протащить в общественную жизнь через заднюю дверь позицию сверхчеловека-моралиста, свойственную патриархату.

Правда, наличие строгих моральных норм всегда свидетельствовало о неудовлетворенности биологических, в особенности сексуальных потребностей людей. Всякое моральное регулирование само по себе неизбежно отвергает сексуальность, отвергает потребность. Каждая мораль отрицает жизнь, а у социальной революции нет, конечно же, более важной задачи, чем сделать наконец возможной жизнь человеческих существ, а также осуществить и удовлетворить их желания.

Следовательно, сексуальная экономика стремится к "моральному поведению" так же, как это делает моральное регулирование. Она хочет, однако, по-другому обосновать смысл этого понятия, да и понимает под моралью нечто совершенно иное — не противоречие природе, а полную гармонию природы и цивилизации. Сексуальная экономика борется против регулирования, основанного на принудительной морали, а не против морали, говорящей жизни "да".

4. Сексуально-экономическая "мораль"

На всей Земле — где в более, где в менее благоприятной ситуации — люди борются за переустройство общественной жизни. Они ведут свою борьбу не только в тяжелейших общественных и экономических условиях. Их усилия тормозятся их же собственной психической структурой. Эта структура, одинаковая с психической структурой тех, против кого они борются, запутывает людей и подвергает их опасности. *Цель культурной революции заключается в создании подлинно человеческих структур характера, способных обеспечить саморегулирование.* Те, кто сегодня борется за достижение, за завоевание этой цели, часто живут в соответствии с принципами, выводимыми из названной цели, проникнутой стремлением к свободе, но дело в том, что это действительно не более чем "принципы". Важно отдавать себе отчет в том, что, так как на всех нас влияла авторитарная, религиозная, отвергающая сексуальность машина системы воспитания, сегодня еще нет людей с тренированной, спокойно развивавшейся структурой характера, которые признавали бы сексуальность.

Тем не менее в процессе формирования нашей личной жизни мы смогли занять позицию, которую можно назвать сексуально-экономической. Одному лучше удастся перестроиться, другому хуже. Тот, кто на протяжении многих лет, даже десятилетий участвовал в рабочем движении, знает на собственном опыте, что в личной жизни его участников в той или иной мере предвосхищены позиции жизни, основанные на сексуально-экономических принципах.

Следует только показать на немногих примерах, чем уже сегодня является "сексуально-экономическая мораль" и в какой мере она предвосхищает "мораль будущего". Необходимо сразу же подчеркнуть, что мы, поддерживая такую жизнь и такие установки, не хотим создавать нечто вроде острова, но можем разделять такие взгляды и вести такую жизнь потому, что в целостном процессе общественного развития уже начали пробивать себе дорогу новые стереотипы поведения и новые "моральные принципы". Это происходит совершенно самостоятельно, независимо от чужой воли и от партийных лозунгов.

Лет пятнадцать или двадцать пять назад для незамужней девушки было позором не сохранить девственность. Сегодня же среди девушек, принадлежащих ко всем кругам и слоям, начинает формироваться взгляд — конечно, где-то он выражен в большей степени, где-то в меньшей, где-то яснее, где-то в более путаной форме, — согласно которому позорно примерно в восемнадцать — двадцать два года еще

оставаться девственницей.

Не так уж давно считалось проступком против морали, подлежавшим строгому наказанию, поведение людей, которые, собираясь заключить брак, вступали в интимный контакт до оформления своих отношений. В настоящее время, вопреки воздействию со стороны церкви, схоластической медицины, философов и т.д. совершенно естественно в широких кругах населения распространяется взгляд, согласно которому неосторожно и даже, может быть, губительно для будущего, если мужчина и женщина, вступают в брак, не убедившись, подходят ли они друг другу в половой жизни.

Внебрачное половое сношение, которое еще несколько лет назад считалось позором, а в соответствии с законом даже "протivoестественным развратом", стало среди рабочей, а также мелкобуржуазной молодежи чем-то само собой разумеющимся и жизненно необходимым.

Мысль о том, что у девушки пятнадцати-шестнадцати лет, достигшей половой зрелости, может быть Друг, еще несколько лет назад звучала абсурдно. Такая ситуация казалась немыслимой. Сегодня уже размышляют над этим вопросом, и через несколько лет эти отношения станут настолько само собой разумеющимися, насколько сегодня само собой разумеется право незамужней женщины иметь партнера. Лет через сто требование о недопустимости половой жизни для учительниц будет вызывать такую же удивленную усмешку, какую сегодня вызывают времена, когда мужчины надевали на своих жен пояса целомудрия.

В общественном сознании преобладает идея, согласно которой женщину следует соблазнять, она же сама не имеет права на такой поступок. Кто сегодня скажет, что это смеху подобно?

Тот факт, что можно при нежелании одного из партнеров не совершать полового акта, был неизвестен женщине. Об этом свидетельствует понятие "супружеская обязанность", включенное в законодательство и имеющее также самые отрицательные последствия. Мы же в своих пунктах сексуального консультирования и во врачебной практике все чаще сталкиваемся с тем, что, вопреки всем идеологическим стереотипам общества, как нечто вполне естественное пробивает себе дорогу позиция, согласно которой мужчина не совершает половой акт со своей партнершей, если он не хочет этого, более того, не совершает половой акт, если он не испытывает генитального возбуждения. Еще несколько лет назад, как, впрочем, и сегодня, было широко распространено явление, заключавшееся в том, что женщины всего лишь терпели половой акт, сами не участвуя в нем. Следовательно, будет вполне соответствовать принципам морали отказ от полового акта при отсутствии полной сексуальной готовности. В результате этого сами собой сойдут на нет идеологические стереотипы, оправдывающие изнасилование или побуждающие к нему. Будет покончено также с позицией женщины, согласно которой ее роль в половой близости — быть соблазненной или, по крайней мере, "мягко" изнасилованной. Как несколько лет назад, так и теперь было и еще остается широко распространенным представление о необходимости ревниво следить за верностью партнера, и статистика убийств на сексуальной почве, на первый взгляд, убеждает нас в том, насколько же велика степень разложения в этой сфере общества. Постепенно, однако, с большей или меньшей четкостью пробивает себе дорогу понимание того, что ни у одного человека нет права запрещать своему партнеру создавать на краткое или более продолжительное время сексуальное сообщество с другим. Он имеет право лишь на то, чтобы отстраниться или вновь завоевать партнера, а при определенных условиях и терпеть сложившуюся ситуацию. Такая позиция, всецело соответствующая результатам сексуально-экономических исследований, не имеет ничего общего со сверхрадикальной идеологией, приверженцы которой считают ревность вообще недопустимой и полагают, что

"ничего не случится", если у партнера будет связь еще с кем-нибудь. Боль, возникающая от представления о том, что *любимый партнер* обнимает другого, вполне естественна. Эту естественную ревность необходимо строго отличать от ревности собственника. Насколько естественно желание не видеть любимого партнера в руках другого, настолько же неестественной была бы соответствующая вторичному влечению ситуация, когда в браке или длительной связи партнеру при отсутствии половых отношений запрещалась бы связь с кем-нибудь еще.

Мы довольствуемся этими примерами и утверждаем, что столь сложная сегодня личная и, особенно, половая жизнь людей регулировалась бы как нельзя проще, если бы структура характера людей была в состоянии сама делать выводы, вытекающие из интереса к наслаждению жизнью. Сущность сексуально-экономического регулирования как раз и заключается в том, чтобы избегать установления абсолютных предписаний или норм и признавать интересы, вытекающие из воли к жизни и стремления к наслаждению ею в качестве регуляторов человеческого сосуществования. Тот факт, что такое признание сегодня чрезвычайно ограничено из-за расшатывания структуры человеческого характера, говорит только против морального регулирования, которым оно и порождено, а не против принципа саморегулирования.

Существуют, следовательно, *два вида "морали"*, но только *один вид морального регулирования*. Ту "мораль", к которой, как к чему-то само собой разумеющемуся, относятся все люди (не насиловать, не убивать и т.д.), можно установить только на основе полнейшего удовлетворения естественных потребностей. Другая же "мораль", которую мы отвергаем (аскетизм для детей и подростков, абсолютная вечная верность, принудительный брак и т.д.), сама нездорова и порождает хаос, устранение которого считает своим призванием. Против нее мы ведем беспощадную борьбу. Сексуальную экономику упрекают в намерении разрушить семью. Люди, придерживающиеся таких взглядов, пустословят о "сексуальном хаосе", который принесет с собой освобождение любви. Массы прислушиваются к словам этих людей и верят им потому, что они носят черные сюртуки и очки в золотых оправках или умеют говорить, как подобает вождям. Все дело не в словах, а в том, что имеется в виду.

Должно быть уничтожено *экономическое* порабощение женщин и детей, равно как и *авторитарное* угнетение. Только когда это произойдет, муж будет любить свою жену, жена — мужа, дети — родителей, а родители — детей. У них больше не будет причины *ненавидеть* друг друга. Следовательно, если мы что и хотим разрушить, так это ненависть, которую порождает семья, и "нежное" изнасилование.

Если семейная любовь является большим человеческим достоянием, она должна проявить себя в этом качестве. Если привязанная собака не убегает, никто не будет только поэтому считать ее верным спутником. Ни один разумный человек не будет говорить о любви, если мужчина совершает половой акт с незащитной женщиной, связанной по рукам и ногам. Никто, кроме грязных субъектов, не будет гордиться любовью женщины, если эта любовь куплена за пропитание или завоевана силой. Ни один порядочный человек не примет любви, если она не добровольна. Принудительная мораль супружеских обязанностей и семейного авторитета является моралью трусов, боящихся жизни, и импотентов, не способных пережить благодаря естественной силе любви то, что они хотят обрести с помощью полиции и брачного права.

Они хотят втиснуть в свою смиренную рубашку весь род человеческий, так как сами не способны к естественной сексуальности. Это раздражает их, они зеленеют от злости, ибо сами хотели бы, но не могут так жить. *Мы* же не стремимся никого принуждать к расторжению семейного сообщества, но мы также не хотим позволить ни одному мужчине принуждать к близости женщину, если она этого *не* желает.

Пусть тот, кто всю свою жизнь хочет прожить в моногамии, так и поступает. Тот же, кто этого не может, кому угрожает крушение, должен иметь возможность устроиться по-другому, но предпосылкой устройства "новой жизни" является знание противоречий старой.

ГЛАВА II. Неудача консервативной сексуальной реформы

Целью сексуальной реформы является устранение недостатков общественного сексуального бытия, коренящихся, в конечном счете, в способе экономического существования и проявляющихся в духовной жизни членов общества. В авторитарном обществе в связи с экономическими и идеологическими конфликтами нарастают противоречия между действующей моралью, навязываемой господствующими классами всему обществу в интересах сохранения и укрепления их власти, и естественными сексуальными потребностями в определенный момент. Такое нарастание противоречий доходит до степени кризиса, неразрешимого в рамках существующего общества. Но никогда еще в истории человечества это противоречие не приводило к столь острым, объективно жестоким последствиям, выливающимся даже в убийства, как на протяжении последних 30 лет. Поэтому никогда ранее не было написано столь много, не шли столь бурные дискуссии по половым вопросам, как ныне, и никогда также не уводили все стремления настолько далеко по ложному пути, как теперь, в "век техники и науки".

Такая ситуация лишь кажется парадоксальной. Противоречие между бедственным положением в сексуальной сфере, разлагающим образом воздействующим на половую жизнь, и гигантским прогрессом сексуальной науки оказывается подобием другого противоречия — между экономической нищетой трудящихся масс и выдающимися техническими Достижениями нашего времени. Ситуация, когда в век осуществления асептических операций и хирургического искусства, достигшего в Германии совершенства, с 1920 по 1932 гг. ежегодно умирали от последствий аборта около 20 тыс женщин, а 75 тыс каждый год тяжело заболели от последствий прерывания беременности, лишь кажется абсурдной — точно так же, как и такая, когда с прогрессом рационализации производства в 1930—1933 гг. все больше промышленных рабочих становились безработными и обреченными вместе со своими семьями на физическую и моральную гибель. Это противоречие, которое никак нельзя назвать абсурдным, является вполне рациональным, если не рассматривать его независимо от экономической и общественной структуры, в которой оно возникло. Нам также следует показать, что как факт сексуального убожества, так и неразрешимость проблемы пола неотделимы от общественного строя, которому они обязаны своим возникновением.

В рамки культурно-политического противоборства вписываются и стремления к сексуальной реформе. Например, либерал Норман Хэйр, выступая за сексуальную реформу, борется только против определенного недостатка общества, не желая посягать на сам характер этого общества. Пацифистски настроенный социалист, "реформист" предполагает, осуществив реформу, сделать несколько шагов в направлении социалистического преобразования существующего общества. Он пытается повернуть в обратном направлении ход развития, начав с изменения экономической структуры.

Несмотря на сколь угодно деловую аргументацию с нашей стороны, человек, занимающий позицию моралиста, никогда не поймет, что сексуальные бедствия являются одним из признаков защищаемой им принудительной морали. Он видит причины такого состояния или в греховности человека или в таинственной "Ананке" (*гр.* — вземное принуждение; судьба. — *Прим. пер.*) или в не менее таинственной воле к страданию, а то и верит, что сексуальные бедствия столь велики из-за пренебрежения к тем требованиям аскетизма и моногамии, которые он выдвигает. Но мы не хотим считать его способным на признание своей доли вины в процессе

возникновения того, что он, — поверим ему в этом! — преисполнясь сострадания, хочет устранить с помощью реформ. Последствия такого вывода могли бы при определенных условиях потрясти тот экономический базис, основываясь на котором, он хотел бы осуществить свою реформу. Такой моралист еще не понял, что фашист любого типа не намерен шутить серьезными вещами и, не колеблясь, прикажет заменить либерального пацифиста палачом, когда речь пойдет о его, фашиста, существовании.

Приверженцы сексуальной реформы на протяжении многих десятилетий пытаются смягчить тяжелое положение в этой сфере. В центре внимания общественности постоянно находятся такие проблемы, как проституция, венерические заболевания, сексуальные бедствия, прерывание беременности и убийства на сексуальной почве, а также неврозы. Ни одна из принятых мер не смогла каким-либо образом улучшить нынешнее преимущественно бедственное положение в сексуальной сфере, более того, предложения по осуществлению сексуальной реформы все еще отстают от действительных изменений в отношениях между полами.

Снижение числа заключаемых браков, возрастание числа разводов и нарушений супружеской верности делают настоятельно необходимой дискуссию о реформе брака. Внебрачные половые контакты завоевывают все большее признание вопреки воззрениям представителей сексуальной науки, ориентирующихся на этические ценности. В то время как сторонники сексуальной реформы все еще бьются над вопросами о том, не стоит ли продлить воздержание в период полового созревания до возраста старше двадцати и не надо ли признать онанизм естественным явлением, фактом повседневной жизни становится начало половой жизни у большей части молодежи в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет. В то время как приверженцы сексуальной реформы продолжают ломать голову над вопросом о том, не следует ли наряду с медицинскими показаниями к прерыванию беременности признать и социальные, "криминальный" аборт и половые сношения с предохранением становятся все более популярными. Это отставание реформаторских стремлений, а также тот факт, что конкретные энергичные изменения в половой жизни далеко обогнали усилия пропагандистов сексуальной реформы, едва ли достойные упоминания, ясно свидетельствуют о том, что во внутренней сути реформаторских стремлений что-то несостоятельно, что *внутреннее противоречие, подобно тормозному устройству, препятствует каждому движению и обрекает эти стремления на безрезультатность.*

Таким образом, мы стоим перед задачей проследить скрытый смысл фиаско авторитарной сексуальной реформы и разобраться в отношениях, которые органически связывают авторитарную сексуальную реформу и ее неудачу с авторитарным общественным строем.

Эти отношения отнюдь не просты. Собственного обстоятельного исследования требует в особенности проблема формирования сексуальной идеологии^[2]. В данной же работе рассматривается лишь небольшая часть комплекса проблем, в частности, проблемы:

1. Ситуация в сфере брака как препятствие сексуальной реформе.
2. Семья, основанная на принуждении, как воспитательный аппарат.
3. Предъявляемое к молодежи требование аскетизма как логичная с авторитарной точки зрения мера воспитания для пожизненного моногамного брака и патриархальной семьи.
4. Противоречие между консервативной реформой брака и консервативной идеологией брака.

Некоторые из этих проблем оставались до сих пор без внимания, так как в критике сексуальной реформы подчеркивались внешние формы половой жизни (жилищный

вопрос, аборт, брачное законодательство и т.д.) в противоположность сексуальным потребностям, механизмам и переживаниям. В Европе критика была весьма основательной и осуществлялась с социологической точки зрения (Ходанн, Хиршфельд, Брупбахер, Вольф и др.), но особо резким нападкам этой критики подверглось осуществленное в Советском Союзе в 1918—1921 гг. коренное преобразование законодательства, регулирующего сферу сексуальных отношений[3].

ГЛАВА III. Институт нерасторжимого брака как основа противоречий сексуальной жизни

Осуществление сексуальной реформы затрагивает брачную мораль, основанную на принуждении. За этой реформой стоит институт брака, прочно укорененный в экономических интересах. Брачная мораль является крайним выражением этих экономических интересов в идеологической надстройке общества и в качестве такового пронизывает мышление и деятельность любого исследователя или реформатора этой сферы в такой степени, что делает невозможной сексуальную реформу.

Как же связаны экономические интересы с брачной моралью? Ближайшим следствием этой связи является заинтересованность в сохранении целомудрия до брака и верности женщины, состоящей в браке. Мюнхенский специалист по сексуальной гигиене Грубер верно отметил этот последний мотив, имеющий решающее значение: "Мы должны оценивать и культивировать целомудрие женщины как высшее народное достояние, так как в нем — единственная верная гарантия того, что мы действительно будем отцами наших детей, трудимся и создаем нашу собственную кровь ради себя. Без такой гарантии не существует возможности для прочной, исполненной искренности семейной жизни — этой неотъемлемой основы для процветания народа и государства. Этим, а не эгоистичным произволом мужчины обосновывается предъявление женщине более строгих требований по сравнению с мужчиной относительно целомудрия до вступления в брак и верности в браке. Если женщина ведет себя вольно, на карту ставится гораздо больше, чем если такую вольность в поведении позволяет себе мужчина".

Благодаря связи наследственного права с деторождением проклятая проблема брака оказывается прочно укорененной в половой жизни, а половая связь между двумя людьми перестает таким образом быть вопросом половой жизни. Внебрачное целомудрие женщины и ее верность в браке нельзя сохранить в долгосрочной перспективе без вытеснения сексуального начала из характера женщины, причем вытеснение это должно было быть значительно. Ближайшее последствие этого — требование целомудрия, предъявляемое к девушке.

У примитивных народов, общество которых организовано уже на частнохозяйственной основе, девушка как в давние времена, так и теперь может жить половой жизнью как ей заблагорассудится. Только вступление в брак обязывало ее к недопущению внебрачных связей[4]. В нашем обществе в качестве условия заключения брака безусловно ставилось требование о девственности. Особенно резкие формы оно приняло в последние десятилетия прошлого века и на рубеже веков. *Строгое соблюдение верности замужней женщиной и добрачное целомудрие девушки* закладывают на этой стадии два краеугольных камня реакционной сексуальной морали, которые должны, создавая психическую структуру, проникнутую боязнью сексуальности, служить опорой патриархальных брака и семьи.

Следовательно, идеология является выражением экономических интересов. Но при этом необходимо сказать и о противоречивости процесса. Требование целомудрия, предъявляемое к девушке, лишает юношу предмета любви. В

результате этого внезапно возникают многочисленные проявления сексуальности, появление которых *хотя и не планировалось общественным строем, но которые неизбежно являются частью свойственной ему системы половой жизни.*

Антиподом моногамного брака становится *нарушение супружеской верности*, столь же старое, как и сам этот брак, девичье целомудрие дополняется существованием *проституток*, противоречащим целомудрию.

Супружеская неверность и женская проституция являются неотъемлемыми составными частями двойной сексуальной морали, позволяющей мужчине как до заключения брака, так и в браке совершать то, в чем она отказывает женщине. Естественные потребности сексуальности приводят между тем к ситуации, когда строгая сексуальная мораль достигает результата, противоположного запланированному. Аморальность же в том смысле, как ее понимают реакционеры, то есть супружеская неверность и внебрачные половые связи, порождая гротескные социальные явления, развивается в двух направлениях — половые извращения и превращение сексуальности в нечто вроде платной услуги, оказываемой вне брака.

Так как чувственная сексуальность вне брака попадает в сферу товара, то жертвой этого оказываются нежные отношения с партнером, что наиболее отчетливо проявляется в проституции. Например, молодой человек расщепляет свою сексуальность, удовлетворяя чувственность с женщиной из "низших слоев" и, напротив, обращая нежность к девушке своего круга. Следствием такого расщепления любовной жизни и соединения чувственности с добыванием денег являются ее полное принижение и пропитывание жестокостью. Это выражается наиболее отчетливо в широком распространении *венерических заболеваний* и становится, также неумышленно, важной составной частью консервативного социального устройства. Борьба против проституции, внебрачных половых связей и венерических заболеваний ведется под лозунгом аскетизма, в соответствии с представлением о том, что половые отношения моральны только в браке. Доказательством же гибельности внебрачных сексуальных контактов является их якобы рискованность.

Сами реакционные авторы подтверждают невозможность Применения аскетизма как эффективного средства против венерических заболеваний, но они не указывают правильный путь из тупика брачной морали. Ведь если венерические болезни и порождаются бактериями, то распространением своим они обязаны принижению внебрачной половой жизни, утвердившейся в виде морального контраста, противопоставления санкционированным брачным отношениям. Реакционно настроенный сексуальный исследователь, если только он не порвет со своей средой, должен волей-неволей подкреплять это противоречие идеологическими доводами.

В вопросе об абортах мы также видим противоречия, а за ними — идеологическую опору брачной морали и оглядку на институт брака. В качестве одного из аргументов против отмены параграфа уголовного кодекса, карающего за аборт, выдвигается понятие "нравственности", как то: куда бы, мол, привело нас разрешение аборт, да и вообще, параграф о запрете аборт является препятствием для "необузданной половой жизни". Стремясь добиться прироста населения, достигают обратного результата — постоянного снижения цифр рождаемости. (Известно, что легализация прерывания беременности в Советском Союзе не нанесла ущерба росту населения — наоборот, необходимое социальное попечение, связанное с легальным аборт, обусловило резкий прирост рождаемости.)^[5]

Но ведь нужны национальное превосходство и пушечное мясо, и это порождает стремление к повышению численности населения.

Ошибочно было бы полагать, что ведущим мотивом в данном случае является внимание к проблеме роста резервной армии труда. Эта проблема, вероятно,

являлась определяющей раньше, когда безработица небольшой в процентном отношении части трудящихся оказывалась чрезвычайно полезной, обеспечивая давление на заработную плату. Но времена изменились.

Массовая безработица в странах Запада, превратившаяся в структурный элемент нашей экономики, обесценила этот побудительный мотив. Недопущение рационального регулирования рождаемости по причинам непосредственно экономического характера имеет меньшее значение по сравнению с соображениями идеологического, мировоззренческого порядка, также, в конечном счете, коренящимися в экономических интересах.

Итак, как уже говорилось, важнейшее обоснование наказуемости аборта — ссылка на "нравственность". Утверждают, что если разрешить прерывание беременности, то придется допустить его не только для женщин, состоящих в браке, но и для незамужних. А тем самым якобы одобряются внебрачные связи и отменяется моральное принуждение к заключению брака в случае, если женщина забеременеет, и наносится ущерб институту брака. Следовательно, с идеологической точки зрения, необходимо сохранять сексуальную мораль, несмотря на противоречащие ей факты половой жизни, так как брак является стовальным хребтом авторитарной семьи, а она, в свою очередь, *местом производства авторитарных идеологий* и авторитарных структур человеческого характера.

Этим обстоятельством до сих пор пренебрегали в имевших место до сих пор дискуссиях по вопросу об аборте. Можно было бы сделать половинчатые выводы, например, разрешить прерывание беременности женщинам, состоящим в браке, но не незамужним. Занять такую позицию означало бы принимать во внимание институт брака. Это возражение было бы правильным, если бы против него не говорил еще один факт, почерпнутый из переплетения сексуальных и идеологических проблем. *Основным элементом сексуальной морали является представление о том, что половой акт не может быть независимым от продолжения рода действием, направленным на удовлетворение определенной потребности и достижение наслаждения.* Официальное признание сексуального удовлетворения помимо задачи продолжения рода одним ударом покончило бы со всеми официозными, в том числе и церковными, представлениями о половой жизни. Например, Макс Маркузе пишет в коллективном труде "Брак" (глава "Предохранение от зачатия в браке"): "Если бы действительно удалось, предписывая женщинам препараты для внутреннего употребления, иногда стерилизовать их по их же усмотрению, то самая неотложная задача заключалась бы в обнаружении метода популяризации и сбыта этих средств, которые обеспечивают преимущества с точки зрения гигиены, но избавляют от неслыханной опасности, грозящей сексуальному порядку и морали, даже жизни и культуре (читай: "авторитарной жизни и культуре")".

В 1933 — 1945 гг. германский фашизм учел проникнутую этическими мотивами озабоченность Маркузе, либерального сторонника сексуальной реформы, выраженную в 1927 г. Хотя примерно полторы тысячи стерилизаций в "третьем райхе" не дали преимуществ с точки зрения гигиены, они "избавили от неслыханной опасности (отделение сексуальности от продолжения рода), грозящей сексуальному порядку и морали, даже жизни и культуре" ради преодоления "сексуального большевизма".

С помощью простого расчета мы можем продемонстрировать, что в действительности означали эти слова. Ни один патристически настроенный и озабоченный дальнейшим существованием рода человеческого специалист по сексуальным проблемам не может требовать от женщины-работницы, чтобы она родила, предположим, более пяти детей. Это означало бы право на пять половых сношений на протяжении всей жизни, если акт рассматривается только как средство размножения. Природа человека, однако, устроила так, — конечно же, для того,

чтобы доставить возможно больше головной боли приверженцам сексуальной реформы, — что человек, во-первых, порождает и сексуальное возбуждение и хочет полового контакта, даже если у него нет документа о браке, и, во-вторых, ощущает это влечение в среднем каждые три дня. Следовательно, если человек не придает большого значения вопросам морали, он совершает между 14 и 50 годами примерно от 3 до 4 тыс. половых актов. Если бы Маркузе хотел только обеспечить увеличение численности расы, ему надо было бы предложить — и добиться реализации этого предложения, — чтобы женщина имела право использовать предохранительные средства в 2 995 случаях, если она не использует их только пять раз, то есть столь часто, сколько нужно было бы, чтобы произвести на свет пятерых детей.

В действительности сторонника сексуальной реформы гнетет не забота о "пяти" актах продолжения рода, а страх того, что человек мог бы и на самом деле, — заметим, *с согласия властей* — не только желать 3000 актов наслаждения, но и совершить их. Почему же его гнетет этот страх?

1. Потому что *институт брака* не приспособлен к этому естественному факту и, тем не менее, должен быть сохранен как основной элемент семьи — фабрики авторитарной идеологии.

2. Потому что он неизбежно оказывается перед комплексом вопросов *сексуальности молодежи*, который, как ему кажется, решается под лозунгами аскетизма и сексуального просвещения.

3. Потому что его теория о *моногамной предрасположенности* женщин, как и человека вообще, потерпела бы жалкий крах, потрясенная биологическими и психологическими фактами.

4. Потому что он в таких условиях пришел бы к тяжелому конфликту с церковью. Маркузе ладит с ней только до тех пор, пока он, подобно Ван де Вельде в книге "*Совершенный брак*", пропагандирует эротизацию *в рамках брака*, не приводя при этом обстоятельных доказательств того, что его стремления не противоречат церковным догмам.

Общепринятая идеология нравственности является опорным элементом авторитарного института брака. Она противоречит признанию сексуального удовлетворения и имеет своей предпосылкой отрицание сексуальности.

Следовательно, именно от института брака и исходят импульсы, парализующие решение вопроса о допустимости абортов.

ГЛАВА IV. Влияние консервативной сексуальной морали

1. "Объективная, аполитическая наука"

Специфический характер идеологической атмосферы, созданной вокруг сексуальных проблем, заключается в отклонении и принижении сексуального начала, что в процессе *вытеснения сексуальности* воздействует в авторитарном обществе на каждого индивида. При этом не имеет значения, какие компоненты сексуальных потребностей охватываются вытеснением, в каких масштабах это происходит и каковы последствия этого процесса в отдельных случаях. Важно, прежде всего, установить, какими средствами для вытеснения пользуется "общественное мнение", к которому мы причисляем и консервативную сексуальную мораль, и каких общих результатов оно при этом достигает.

Наиболее характерным и значительным носителем идеологии, о которой идет речь, является *консервативная сексуальная наука*. Рассматривая отдельно проблемы брака и юношеской сексуальности, мы детально исследуем и роль консервативной сексуальной науки, здесь же хотим привести только наиболее типичные примеры моральной предубежденности якобы объективной сексуальной науки.

В своей статье "Сексуальная этика" в "*Настольном словаре сексуальной науки*" Маркузе — труде, выражающем точку зрения официальной сексуальной науки,

Тимердинг пишет:

"Для всей совокупности взглядов на половую жизнь всегда оказывалась весьма важной общая этическая установка, а предложения по реформе сексуальной сферы почти всегда обосновывались этическими принципами...

"Действительное значение сексуально-этического подхода заключается в том, что он учит видеть явления половой жизни в великой взаимосвязи целостного развития личности и общественного строя".

Мы знаем, что когда речь идет об общественном строе, имеется в виду вполне конкретный строй — *авторитарный*, равно как когда речь идет о развитии личности, то о той, которая сумела *приспособиться к этому* строю. Но любая официальная сексуальная этика неизбежно занимает позицию отрицания сексуальности, пусть даже она в борьбе против реальных явлений половой жизни делает некоторые уступки сексуальному удовлетворению или даже если господствующий класс ведет и поощряет половую жизнь, сколь угодно противоречащую этой официальной этике.

Конечно, некоторые исследователи ввиду внутренней противоречивости своих позиций приходят к выводам, не согласующимся с общественными настроениями. Но этот противоположный естественнонаучный полюс никогда не Проявлял своего существования на практике, никогда не было конкретных акций, выходящих за рамки, установленные реакционным обществом. Это, конечно, должно приводить к непоследовательности, даже к абсурдным результатам. Так, Визе пишет:

"За пределами религиозного аскетизма (по крайней мере, в ослабленной форме) существует, особенно *в наше время*, немало проявлений аскетизма, то есть принципиального воздержания, проистекающего из философских или этических взглядов, соображений социальной целесообразности, душевной или телесной слабости, препятствующей решению Эротических проблем, из склонности к спиритуализму или из смешения всех этих побуждений с унаследованными религиозными инстинктами. Часто встречается представление, что половые контакты между людьми могут приобрести духовную составляющую только благодаря более или менее строгому аскетизму. В основе таких взглядов всегда лежит пренебрежение к телесной сфере и представление об обособленности духовного начала от телесного, о борьбе между телом и душой. Этот современный аскетизм, часто лишь теоретический или делающий из нужды добродетель, можно лишь в редких случаях приравнять к настоящему религиозному аскетизму. Он часто является весьма слабым результатом перенасыщения или слишком малой жизненной силы, которая не может перенести пафоса или пестрой смены чувственных переживаний.

Для каждой формы и каждой степени проявления аскетизма верно наблюдение, в соответствии с которым сильное природное влечение может быть не устранено, а только направлено в другую сторону и преобразовано. Аскетизм "вытесняет" половое влечение. Насколько следует остерегаться некоторых преувеличений, свойственных школе Фрейда, настолько же придется признать основные идеи его учения о вытеснении сексуального инстинкта в подсознание с помощью аскетизма. Из аскетизма могут возникнуть фанатизм, перенапряжение, человеконенавистничество, нецеломудренность фантазии". И далее:

"У здорового человека нет естественного инстинкта воздержания (не путать с преходящим, временным ослаблением влечения или его охлаждением, наступающими по мере старения), аскетизм, как правило, имеет социальные, а не биологические корни. Временами воздержание представляет собой форму приспособления к неестественным условиям жизни, а иногда — проявление нездоровой идеологии".

Это в целом верные утверждения, но сделать практические выводы Визе мешает уже то, что он отличает религиозный аскетизм от других его форм, упуская в

результате этого из виду, что и религиозный аскетизм проистекает из "склонности к спиритуализму", а не из "унаследованных религиозных инстинктов". Признание религиозных инстинктов оставляет для аскетизма — явления, обусловленного в основном социальными причинами, — лазейку с религиозной символикой, через которую он снова может отправиться гулять, хотя его через эту же лазейку уже выгнал наблюдательный исследователь, констатировав, что у здорового человека "нет естественного инстинкта воздержания".

Другой этической лазейкой официальной сексуальной науки является манера говорить о придании половым отношениям "духовной" и "нравственной составляющей". Поначалу чувственность была проклята; она вернулась, подобно фурии, попирая всех, кто соглашался с проклинавшими. Что же было делать с явлением, которое оказалось в столь резком противоречии с "нравственными", то есть проникнутыми аскетизмом и целомудрием, изменениями жизни? Остается только одно: сделать эту фурию "духовной" и "нравственной"! Под "облагораживанием полового влечения" — а это лозунг широких кругов приверженцев сексуальной реформы, — даже если и пользоваться сколь угодно общими оборотами речи, имеется в виду нечто совершенно конкретное, а именно: не что иное, как вытеснение или паралич этого влечения. По меньшей мере, что касается конкретного разъяснения их позиции, то приверженцы придания "духовной" и "нравственной составляющей" половым отношениям остаются перед нами в долгу.

Для наблюдателя этого противоречия интересен абсурд, возникающий из смешения констатации фактов и сексуальной этики. Так, мы читаем у Тимердинга:

"Если незамужней женщине отказывают в праве на любовь, то и от мужчины следует требовать полового воздержания вплоть до брака. Следует признать, что полное добрачное целомудрие и является состоянием, которое, если дать ему реализоваться, гарантирует человеческому обществу самую высокую степень прочности, а отдельного человека избавит от борьбы с самим собой, окружающим миром и от страданий. Если же требование остается идеалом, достижимым только в редких случаях (подчеркнуто автором), и используется только для осуждения других, а не в качестве ориентира для собственных действий, то достигается немного. Сначала идея целомудрия должна была бы получить всеобщее преобладание как индивидуальная этическая норма, что, однако, казалось все более бесперспективным с исчезновением простых жизненных условий прежних времен и уменьшением возможности заключить брак сразу после достижения половой зрелости. Простое социально-этическое требование, проникнутое стремлением служить возможно более прочной защите семьи, слишком легко отвергается индивидом, который видит в нем лишь досадное принуждение..."

Примечательно, насколько несостоятельным оказалось это воззрение по отношению к ситуации, порожденной условиями современной жизни, превращаясь почти в фарс в процессе действительного отправления правосудия".

Мы внезапно сталкиваемся с такими проявлениями не последовательности в логической аргументации: если женщина должна быть до брака целомудренной, почему бы не предъявить такое же требование мужчине? Правильно! Возможность добиться осуществления идеи целомудрия как индивидуально-этической нормы (?) все более убывает. Верно! Но эта идея целомудрия должна была бы пробить себе дорогу, хотя это воззрение оказалось несостоятельным и превратилось в фарс. Мы слышали также, что "добрачное целомудрие... гарантирует... обществу самую высокую степень прочности". Как правило, эти утверждения остаются бездоказательными. Они представляют собой типичные пустые фразы, правда, имеющие смысл, если речь идет о прочности авторитарного общества. Мы уже пытались показать это. Далее:

"Гигиеническая оценка половой жизни осуществляется по двум расходящимся

направлениям. С одной стороны, в доказательство определенной позиции приводятся факты ущерба здоровью, в том числе душевному, связанные с насильственным подавлением полового влечения, а следовательно, выдвигаются требования обеспечить человеку здоровую половую жизнь, соответствующую его предрасположенности, но не зависящую от материальных условий его жизни. С другой стороны, решительно берется под защиту безвредность полного воздержания, при этом указывается на опасности, связанные с нерегулируемыми половыми сношениями. Имеются в виду действительно очень распространенные и губительные венерические болезни... Единственным надежным средством против них является на деле полное половое воздержание. Но так как его можно потребовать, конечно, только в исключительных случаях, следует возвращение к идеалу полового сношения, осуществляемого при *строгой моногамии*. *Желаемая цель была бы практически достигнута посредством полного осуществления этого идеала.* (Выделено автором.) Венерические болезни быстро сошли бы на нет. *Но и этот идеал едва ли будет когда-либо осуществлен* (выделено автором), и мало чему поможет также сохранение заключенного брака в чистоте, так как самые большие опасности заражения встречаются до брака. Полезным поэтому может быть только *общее ужесточение моральных требований*, предъявляемых к половым отношениям, чтобы, по меньшей мере, избежать неосторожных сексуальных контактов с частой сменой партнеров.

Вероятно, можно было бы подумать даже и о том, что освобождение полового акта, покоящегося на сильной личной склонности, от принуждения, под воздействием которого он находится как ввиду воззрений, господствующих в буржуазном обществе, так и благодаря законодательству, благоприятствовало бы возникновению связей, сохраняющихся на протяжении длительного времени. Оно устранило бы открытую и тайную проституцию и тем самым уменьшило бы риск не только венерических заболеваний, но и других физических и душевных недугов. Не следует, во всяком случае, отрицать, что лиц обоего пола, склонных к вступлению в половую связь, никогда нельзя было удержать от следования своим влечениям, выдвигая требования морального характера. Возможно, к чем большей тайне им приходилось стремиться, чтобы следовать видимости приличий, в тем более необузданной форме они это делают. С другой стороны, вполне может быть закреплен идеал совершения полового акта только с одним человеком и поиска у него на протяжении длительного периода полного телесного и душевного удовлетворения — ведь вопрос заключается не в том, чтобы считать счастливыми только тех, кому удастся жить такой жизнью".

Мы видим, что консервативный приверженец сексуальной реформы сам близко подходит к практическому решению проблемы бедственного состояния сексуальной сферы, но он не может освободиться от идеологии моногамного брака. Она тяжким грузом давит на его оценку, загоняя в тупик: "с другой стороны, вполне может быть закреплен идеал..." ведь можно "считать счастливыми только тех, кому удастся жить такой жизнью". Такое могло бы быть, но кому это удалось? И не возвестил ли сам специалист по сексуальной этике фиаско этого идеала? Противоречие и здесь объясняется тем, что постановка идеала обуславливалась экономическими и сексуально-экономическими факторами.

При таких колебательных движениях от идеологии целомудрия к идеологии брака между этими крайними точками разверзается нечто вроде чудовищной пропасти — "венерические заболевания", с которыми нельзя справиться, потому что они представляют собой противоположность брачной морали и идеологии целомудрия. Хотя сам автор и говорит, что "освобождение полового акта... от принуждения (реакционных воззрений и законодательства)... благоприятствовало бы возникновению связей, сохраняющихся на протяжении длительного времени..."

уменьшило бы риск возникновения венерических заболеваний", но от "нравственного порядка" и "принуждения" отказаться нельзя (мы говорим это со всей серьезностью!), так что остается только "общее ужесточение моральных требований". Поэтому обеспокоенный специалист по сексуальной гигиене Грубер констатирует:

"Сладострастие созданий смешано с горечью. Прочитавший эти страницы уже нашел немало подтверждений словам мастера Эххарта. И тем не менее мы совсем еще не говорили с должной обстоятельностью о злейших бедах, которые может принести половой акт".

"Сладострастие созданий смешано с горечью". Это верно. Но никому, кто утверждал это, не пришло в голову спросить себя, каковы корни этой горечи — общественные или биологические. Латинская фраза "Omni animal post coitum triste" ("Всякое животное печалится после соития") стала научной догмой. Следует знать, что такие слова, изреченные авторитетами, столь глубоко входят в мир чувств тех людей, которые с благоговением внемлют какому-нибудь Груберу, что они не только искажают собственные восприятия, противоречащие сказанному, но и, кроме того, затуманенные и одурманенные высокопарными фразами, отказываются от всякого самостоятельного мышления, которое их безошибочно привело бы к вопросу об общественной ситуации, в которой сладострастие *должно* смешиваться с горечью.

Надо попытаться возможно живее представить себя на месте некоего подростка, переживающего период полового созревания. Он читает, например, нижеследующий текст именитого сексолога Фюрбрингера: "Новые задачи ставит *юношеский возраст* перед врачебной оценкой *венерических заболеваний* с их опасностями ущерба, вызываемого обратным воздействием на общее состояние организма, а также инфекцией. Не является более тайной тот факт, что большинство молодых людей в наших культурных государствах вступают в половые связи уже до брака. Мы не высказывались по поводу вопроса, насколько и в каком объеме эти привычки должны быть терпимы, чтобы не сказать, одобрены (!!) обществом".

Юноша воспринимает следующие внушения:

1. Заключение врача, то есть нечто, вызывающее величайшее уважение у непрофессионала, гласит, что половой акт "вредит общему состоянию организма". Тот, кто видел, как молодые люди реагируют на подобные утверждения, как эти сентенции ввергают их в ад сексуального конфликта, в неврозы и ипохондрию, как в сочетании с детскими переживаниями эти фразы превращаются в повод для формирования невроза, согласится с нами, что против подобного рода "авторитетных" суждений надо не только протестовать, но и оказывать им практическое противодействие.

2. *Врач* констатирует, что половое сношение может привести к заражению. Грубер утверждает, что подозрительна всякая женщина, вступающая во вне- или добрачную половую связь. Можно было бы дать совет вступать в половые сношения только с тем, кто хорошо знаком или к кому питаешь нежные чувства. Можно, кроме того, договориться с партнером о соблюдении верности на то время, пока сохраняется связь, или о том, чтобы после полового акта с другим партнером на протяжении нескольких недель не иметь сношений с основным. Возможны были бы и другие советы. Что же в таком случае остается от ссылок на нравственность?

Поскольку Грубер, Фюрбрингер и другие исследователи, которым присущ подобный склад ума, рассматривают любую внебрачную половую жизнь через очки посетителя публичного дома, как когда-то сказал Энгельс, постольку они действуют вполне в духе реакционной сексуальной идеологии. Это тем более верно, если результатом их рассуждений оказываются следующие "нравственные" предостережения:

"Ввиду того, что проституция отвратительна и опасна, — пишет Грубер, — некоторые чувствуют искушение к поискам удовлетворения в так называемых "отношениях" до тех пор, пока не будут в состоянии заключить брак. Но им надо было бы усвоить следующее: такие отношения могли бы предоставить полную безопасность от заражения только в том случае, если один из их участников — девушка, до этих пор сохранявшая невинность, и если с обеих сторон строго соблюдается верность, ибо при нынешнем распространении венерических заболеваний *всякие* полигамные отношения, как уже подчеркивалось, в высшей степени опасны. Не приходится, однако, надеяться на верность девушки, которая с легким сердцем соглашается на такую связь, может быть, даже за вознаграждение, пусть и в сколь угодно завуалированной форме. Если она, что нередко бывает, уже переходила из рук в руки (!), то она будет едва ли менее опасна, чем та, которая открыто занимается проституцией. Молодому человеку, преисполненному стремления к высокому, следовало бы страшиться и того, что сожительством с девушкой, стоящей на низком уровне духовного и душевного развития, не понимающей его целей и знающей лишь примитивные удовольствия, может снизить его собственный культурный уровень. Такие "любовные отношения" означают гораздо большее *душевное* загрязнение, нежели эпизодическое посещение проституток — действие, являющееся, по сути, удовлетворением естественной потребности, вроде посещения общественной уборной".

Но чтобы с самого начала исключить выход, заключающийся в половом акте с *"нетронутой* девушкой", уже на следующей странице предлагается подлинный перл сексу-ально-моралистской мысли:

"Побудить к вступлению во временные "любовные отношения" порядочную девушку, которой присущ благородный образ мыслей, — безответственное начинание, если тот, кто это делает, отдает себе полный отчет относительно своих конечных намерений".

И далее:

"Я не хочу говорить о том, что уже лишение девственности как таковое приносит девушке ущерб, затрудняя ей последующее вступление в брак, так как мужчина, руководствуясь вполне верным инстинктом, предпочитает в качестве супруги женщину, не утратившую невинности (sic!).

Главное же в том, что утрата девственности не обходится без нанесения вреда или глубокой раны женской душе. Желание материнства является природным для нормальной женщины. Половой акт делает ее полностью счастливой только в том случае, если он открывает ей надежду стать матерью. Тот, кто с помощью жалких приемов склоняет женщину к половому сношению, отнимает у нее момент высочайшего переживания счастья, который принес бы ей честный брак и первые поистине бесконечные объятия двух любящих существ".

Так в интересах сохранения института брака "делаются научные заключения". Половой акт осчастливит женщину только в том случае, если с ним будет связана перспектива стать матерью. Нам известно такое же мнение, являющееся результатом анализов фригидных женщин, отвергающих сексуальность. Как же на деле выглядят "первые поистине бесконечные объятия... в честном браке", мы узнаем в процессе лечения женщин, заболевших в "честном браке".

Кто лучше славного университетского профессора подходил бы для такого воздействия на массы с позиций сексуальной морали? Авторитарное общество весьма искусно в выборе своих проповедников.

Наиболее красноречивым примером опасного использования научного авторитета в интересах реакционной идеологии было утверждение Грубера о том, что воздержание совсем-де не вредно. Напротив, оно в высшей степени полезно, так как благодаря ему происходит всасывание семени, что означает "поступление белка". "И

уж совершенно не следует думать о вредности удержания семени в теле, ведь семя не является вредным продуктом, не относится к числу отходов, образующихся в процессе обмена веществ, в отличие от мочи или экскрементов". Правда, у Грубера есть еще некоторые сомнения относительно возможности ничем не завершить эту бессмыслицу. Поэтому ниже мы читаем следующее:

"Так как всасывание семени полезно только в том случае, если его количество не превышает определенного предела, то можно было бы думать, что излишек может оказаться вредным. Опровергая эти возражения, надо обратить внимание на то, что природа благодаря произвольным ночным семяизвержениям — а это совершенно нормальное явление, если оно не происходит слишком часто, — заранее позаботилась о том, чтобы не было чрезмерного скопления семенной жидкости. Надо учесть также то, что *выделение семени снижается само собой, если не используется сексуальный механизм. В этом смысле яички ведут себя точно так же, как и другие инструменты тела. Если они не используются, то уменьшается прилив крови к ним, а если уменьшается прилив крови, то снижается их питание и вся жизненная сила этих органов.* (Выделено мной.) Это также предотвращает вред".

Эти рассуждения следует прочитать со всем вниманием, которого они заслуживают. То, что Грубер высказал здесь открыто и честно, содержится втайне в этической ориентации всей реакционной сексуальной науки. В интересах нравственного порядка, культуры, народа и государства пропагандируется атрофия сексуального аппарата. Если бы мы отважились бездоказательно утверждать нечто подобное, мы были бы недостойны взгляда ученого. То, о чем пишет Грубер, представляет собой ядро реакционной сексуальной идеологии — это *сексуальная атрофия!* После сказанного больше не приходится удивляться тому, что примерно 90% женщин и 60% мужчин страдают сексуальными расстройствами, а неврозы стали *массовой проблемой.*

Если обнадеживают поступлением белка, семяизвержениями и атрофией яичек, то не хватает разве что кастрации в качестве активного мероприятия. Но тогда и сама столь "объективная" наука лишилась бы того, чего следует избегать в интересах "прогресса человечества" и "повышения уровня культуры"! Это цветок нашей "культуры" произрос в форме стерилизации, практикуемой фашистами.

Так как труд Грубера "*Гигиена половой жизни*" был издан тиражом в 400 тыс. экземпляров и его читают, по меньшей мере, миллион человек, преимущественно молодежь, можно легко представить себе, что книга оказала значительное воздействие на общество. Она вызвала, по меньшей мере, столько же заболеваний неврозами и импотенцией, сколько и внешних болезненных проявлений.

Могут возразить, что цитирование именно Грубера является злонамеренным действием, ведь большинство исследователей сексуальных проблем не идентифицируют себя с ним. Другие представители этой науки подчеркивали значение сексуальности. Позволительно, однако, будет спросить:

кто из исследователей сексуальных проблем, якобы не отождествляющих себя с Грубером, написал работу, направленную против него и призванную парализовать воздействие его идей? Я не говорю в данном случае об исследованиях, превращающихся в пыль в научных журналах и посвященных, например, причинам и сущности поллюций или онанизма. Речь идет о последовательном превращении научных, убеждений в соответствующие действия, например публикации брошюр, способных противодействовать псевдолитературе, точнее, халтуре на сексуальные темы. А ведь ее фабрикуют в сотнях тысяч экземпляров бессовестные врачи, ничего не понимающие в предмете, о котором они пишут. Как показывает объем сбыта подобной продукции, жадное стремление непросвещенных масс к знаниям в сексуальной сфере, к обретению некоторой ясности в неразберихе, в которой они

нередко гибнут, приносит великолепный доход. Воплям:

"Осторожно, венерические заболевания!", жупелу "онанизма" или мнимым интересам культуры, используемым в качестве приманки, нельзя противопоставлять эзотерические трактаты. Нельзя отговариваться необходимостью солидарности между коллегами и "сословными интересами". Нет, дело совсем в другом. Тот, кто не солидаризируется с ясными и однозначными высказываниями Грубера, так как должен отвергнуть их из-за несовместимости с наукой, конечно, колеблется и не проявляет последовательности, не додумывая до конца и не высказывая свои правильные взгляды и научные убеждения. Такие действия вывели бы его из состояния консервативной ограниченности познания, а тем самым увели бы с определенной позиции, занимаемой в обществе. На такой риск, как известно, идут неохотно.

Правда, не было недостатка в попытках объявить войну воззрениям вроде тех, которые проповедует Грубер, но половинчатость этих намерений свидетельствовала о робости авторов. Бывало, что полемика исчерпывалась и общими местами.

Вот пример:

"Чтобы более справедливо оценить характер сексуальных процессов и избежать слишком легко объявляемого им общественного бойкота, желательно и более широкое распространение знаний физиологических и психических основ половой жизни. Большое значение для познания собственных душевных движений и поведения, на которое они влияют, может иметь знакомство с надежными научными фактами. Следует верить, что прогресс культуры, если он будет распространяться не в отдельных проявлениях, а в своем целостном содержании, в конечном счете, приведет не к одичанию половой жизни, а к ее утонченности и облагораживанию".

Итак, следует желать (а, скажем, не *требовать*) знания основ половой жизни, "знакомство с... научными фактами" может иметь большое значение (а не имеет большого значения), "следует верить"... "Одичание" нравов, "утонченность и облагораживание" и т.д. Пустые фразы!

Но этим убожество не исчерпывается. Даже констатация фактов и построение теории остаются в плену морализаторства, что свойственно многим авторам, которые при рассмотрении других областей не подвержены воздействию консервативных пристрастий. Это и неудивительно, так как реакционная сексуальная идеология наиболее распространена и имеет самые глубокие корни.

Известно, что охлаждение сексуального чувства женщины имеет в своей основе недостаточную влагилищную чувствительность и что вагинальное возбуждение и способность к оргазму появляются у женщины, если устраняется вытеснение общей и вагинальной эротики. Пауль Крише написал популярную брошюру "*Целина любви*" — "социологию половой жизни". В ней мы читаем о вагинальной анестезии:

"Единственным возбудителем наслаждения женщины является клитор, а не внутренняя поверхность влагилица и матки наряду с ним, как еще и сегодня нередко утверждают даже ученые и врачи. Ведь предварительным условием достижения чувства блаженства является наличие набухающих телец и окончаний Краузе, а они имеются только в клиторе. Следовательно, ни матка, ни внутренняя сторона влагилица не могут быть носителями ощущения сексуального наслаждения, тем более что они не только служат для оплодотворения, а образуют, кроме этого, родовой путь для появления на свет зрелого плода жизни. Чтобы не превратить роды в непереносимую муку, природа сделала набухающие тельца женщины меньше... так что выход влагилица стал нечувствительным к родам... В результате природа вызвала конфликт, который она не смогла урегулировать на всем протяжении истории человечества, конфликт, заключающийся в том, что она, чтобы сделать возможными роды, лишила выход влагилица чувствительности и тем самым воспрепятствовала желаемому осчастливлению женщины при половом

акте".

Тот факт, что среди представителей германской расы "по меньшей мере, 60 % женщин, регулярно совершая половой акт, никогда или только изредка испытывают сексуальное блаженство" (sic! Остальные, значит, испытывают его, но каким же образом — ведь природа устроила все по-другому?), Крише объясняет якобы значительным смещением клитора и влагалища. В конце концов, сексуальная функция объясняется функцией сохранения рода, как это весьма часто делают представители официальной сексологии, но страницей ниже вновь дает себя знать влияние консервативной морали:

"Наиболее благоприятный возраст материнства для женщины — первая половина десятилетия между 20 и 30 годами. Созревание яйцеклеток начинается, однако, уже у 14-летних девушек. Поэтому, чтобы предохранить от преждевременной беременности, природа установила низкий уровень сексуальной возбудимости у девушек, только входящих в пору полового созревания".

Остается непостижимым, почему природа оказалась столь неискусной, что переместила созревание яйцеклеток на 25-й год жизни. Но еще менее понятно, почему природа не дала этой защиты немалому количеству девушек, которые, несмотря на все предвидение современного Бога, то есть "природы", тяжело страдают от половых возбуждений. И как особенно мучительное мы должны воспринимать то обстоятельство, что девушки начинают онанировать не в 14 лет, что уже трех- и четырехлетние девочки мастурбируют и играют в куклы, испытывая желание иметь детей от своих отцов, хотя природа сочла приемлемым для зачатия только 25-й год. Не может ли "природа" оказаться на деле, если приглядеться внимательнее, особым экономическим положением женщины в нашем обществе и соответственно этому добропорядочным "нравственным" чувством? Ведь как же быть в этом случае с 14-летними негритянками и хорватками? Несомненно, о них природа забыла.

Такие теоретические построения являются объективно не чем иным, как методами отвлечения научного интереса от истинных социальных и психических причин сексуальных нарушений. *Преимущественно или исключительно биологическое понимание полового влечения как средства сохранения вида является одним из методов вытеснения, которым пользуется консервативная сексуальная наука.* Это принятие сохранения вида за основу представляет собой телеологический, то есть идеалистический, способ рассмотрения. В основу процесса кладется цель, которую неизбежно должна преследовать некая надмирная инстанция, если универсуму не суждено чисто логически превратиться в бессмыслицу. Такой подход вновь вводит метафизический принцип и, следовательно, находится в плену религиозных или мистических представлений.

2. Брачная мораль как тормоз любой сексуальной реформы

Хелене Штеккер

Мы пытались показать в предыдущем разделе, что тупиком традиционной сексуальной реформы оказывается приверженность представлению о якобы биологически, на самом же деле экономически обоснованном институте брака, что из идеологии брака, с помощью которой авторитарное общество непосредственно воздействует на всю ситуацию в сексуальной сфере, шаг за шагом логически вытекает бедственное состояние этой сферы. Лучшие, наиболее прогрессивные приверженцы сексуальной реформы оказываются несостоятельными и обреченными на бесплодие именно в этом пункте, хотя в остальном они выдвигают тезисы, вполне верные с точки зрения сексуальной экономики.

Немецкое движение за сексуальную реформу разгромлено. Но во всех остальных странах оно делает успехи, хотя и отягощено всеми противоречиями, вытекающими из отрицания юношеской сексуальности. Нижеследующее рассмотрение проблемы

можно без труда применить к любой разновидности либеральной сексуальной реформы.

"Немецкий союз защиты матерей и сексуальной реформы", вдохновителем которого была Хелене Штеккер, выпустил свои *"Директивы"* (приняты собранием делегатов союза в Берлине 25 — 26 ноября 1922 г., опубликованы в издательстве "Verlag der neuen Generation"). Воспроизведем отдельные тезисы этого издания, с которыми, в принципе, можно солидаризироваться с точки зрения сексуальной экономики.

1. Содержание и цель движения

Движение в защиту матерей и сексуальной реформы вырастает на почве радостного, жизнеутверждающего мировоззрения. Оно проистекает из убежденности в высшей ценности, святости и неприкосновенности человеческой жизни.

Наше движение хочет сделать жизнь и отношения в ней между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, вообще между людьми богатыми и плодотворными насколько возможно.

Поэтому наша задача — нести во все более широкие круги населения сознание того, как отвратительны общественные отношения и этические воззрения, терпящие и поощряющие проституцию и венерические заболевания, сексуальное лицемерие и вынужденное воздержание.

Запутанность господствующих ныне нравственных оценок, вытекающие отсюда личные страдания и социальное зло требуют устранения. Решить же эту задачу можно не лечением симптомов, а только посредством радикального искоренения действительных причин.

Но наше движение хочет служить совершенствованию индивидуальной и социальной жизни не одним лишь устранением различных зол, а с помощью позитивного воздействия на общественную ситуацию. Оно хочет поддерживать и укреплять жизнь и радость жизни.

Мы стремимся защищать жизнь прежде всего у ее истоков, позволить ей стать сильной и чистой. Это значит *защищать материнство*, превратить сексуальность человека в мощный инструмент не только продолжения рода, но и поступательного развития и в то же время радости бытия, более высокой и облагороженной ценностями культуры. *Сексуальная реформа* — вот содержание и цель наших стремлений.

2. Общий принцип нравственности

Предпосылкой оздоровления человеческих сексуальных отношений является безусловный разрыв с теми современными воззрениями на нравственность, в основе которых лежат заповеди, основанные как на произвольных положениях, сформулированных человеком, так и на традициях, уходящих корнями в прошлое. Учение о нравственности следует также в значительной степени основывать на достижениях развивающейся *науки*. Мы не должны бездумно позволить и далее существовать в качестве нравственного требования тому, что в действительности было правильно только для своего времени или служило лишь интересам господствующих классов. *Пробным камнем* для проверки нравственности какого-либо морального положения является, с нашей точки зрения, лишь его пригодность для того, чтобы сделать человеческую жизнь, то есть социальное сосуществование, более богатым, *гармоничным* и свободным от зол!

Поэтому мы отклоняем противопоставление тела и духа человека. Мы не хотим, чтобы естественное половое влечение клеймилось как *"грех"*, чтобы против *"чувственности"* боролись как против чего-то низменного или животного, а "преодоление плоти" возводилось в ранг нравственного принципа! Напротив, человек является для нас единым чувственно-духовным существом, духовные и телесные склонности которого имеют равное право на здоровое развитие, равное

право на поощрение и заботу.

Заповеди нравственности — это лишь требования, которые с необходимостью вытекают из обусловленности равноправного и мирного сосуществования, гарантирующего всем людям возможно более благоприятные условия формирования и развития их способностей и сил. Нравственным для нас является то, что при имеющихся условиях в соответствии с нашим максимально возможным пониманием ситуации служит развитию индивида в личность, движению общества к более высоким и совершенным формам бытия.

3. Сексуальная этика

Мы видим, что господствующие в нашем обществе этические воззрения, наши общественные отношения порождают неискренность в сфере половых отношений, вынужденное воздержание, телесные заболевания, другие недуги и способствуют их развитию. Поэтому мы считаем своей задачей донести до широких социальных кругов понимание невыносимости этих отношений и запутанности этих воззрений. Наша задача заключается и в самой решительной борьбе против этих отношений и взглядов. Мы *не* хотим, чтобы "добродетель" принимали за "воздержание", не хотим, чтобы для мужчины действовала другая мораль, нежели для женщины.

Половой акт как таковой не является ни нравственным, ни безнравственным. Порожденный сильным природным влечением, он становится таким или другим только под действием мышления и сопутствующих развитию человека обстоятельств. Значение сексуальности не исчерпывается, конечно же, ее важнейшей ролью — продолжением рода. Напротив, половая жизнь, соответствующая сущности человека и его потребностям, является предпосылкой внутренней и внешней жизненной гармонии. Эта половая жизнь предполагает существование второй воли, действующей в том же направлении, что и воля данного человека, то есть существование личности, завоевываемой силой влечения. В этом случае любовная жизнь и раскрывает всю полноту новых возможностей жизни и переживания, открывает пути к углублению и облагораживанию познания человека и взгляда на собственную жизнь. Это единственный путь к полному творческому формированию человеческого бытия и существа в результате *материнства* и отцовства.

Мы цитировали тезисы "Директив" столь подробно потому, что в значительной степени солидаризируемся со сказанным, а также для того, чтобы яснее показать противоречие, которое рассмотрим ниже.

В главе "Содержание и цель движения" подчеркивается необходимость "радикального искоренения действительных Причин" бедственного положения в сексуальной сфере, в других главах верно отмечается, что "нравственность" служит интересам определенных классов, а утверждение о том, что "половая жизнь, соответствующая сущности человека и его потребностям, является предпосылкой внутренней и внешней жизненной гармонии", полностью соответствует результатам сексуально-экономических исследований. Но уже в формулировку о том, что все это — "единственный путь к полному творческому формированию человеческого бытия и существа в результате материнства и отцовства", вкрадывается недоказанный и недоказуемый тезис, являющийся прелюдией к положению, одним ударом опровергающему все сказанное до сих пор. Речь идет о пункте (он не приводится в тезисах), в котором обнаружило свою несостоятельность все предыдущее рассмотрение половой жизни в сфере проблемы молодежи и брака.

"Мы считаем необходимым, чтобы молодежь обоего пола была закаленной, чтобы она воспитывалась в духе самодисциплины, уважения к противоположному полу и понимания своих задач, чтобы, в особенности, молодые мужчины заранее учились уважать человеческое достоинство женщины, ее душевную жизнь и влечения и поступали в соответствии с этим. Поэтому мы требуем воздержания до

достижения полной физической и духовной зрелости. Мы признаем, тем не менее, естественное право взрослого и сознающего свою ответственность человека, будь то мужчина или женщина, на половую жизнь в соответствии с его предрасположенностями и склонностями и по свободному согласию с его партнером при условии, что половой акт совершается с сознанием *возможных последствий и без нарушения прав других личностей* (например, на сексуальную верность)".

Мы видим здесь следующие противоречия со сказанным ранее:

1. Уважение "человеческого достоинства" женщины. Из следующего же предложения становится ясно, что при этом не имеются в виду старые, враждебные сексуальности, пустые фразы, касающиеся сексуальности женщины.

2. "Поэтому мы требуем воздержания до достижения полной физической и духовной зрелости". Нет конкретного исследования вопроса о том, почему сегодня, в этом обществе, половой акт означает для женщины нарушение ее человеческого достоинства. Говорится ли это "в общем", абстрактно? Далее, не указано конкретно, *когда* можно рассматривать молодежь как физически и духовно зрелых людей, какие критерии существуют для этого. Ведь в наших широтах юноша и девушка физически созревают для оплодотворения и деторождения в среднем на 14 — 15-м году. Развитие же духовной зрелости юноши или девушки зависит, главным образом, от их прежнего и нынешнего окружения. Уже здесь мы видим множество противоречий, которые ни в коей мере не разрешаются с помощью общей формулировки о физической и духовной зрелости.

3. Признание естественного права "взрослого и сознающего свою ответственность человека" (когда человек становится "взрослым", когда "сознающим свою ответственность", сознает ли свою ответственность 16-летний рабочий?)... на половую жизнь в соответствии с его предрасположенностями и склонностями... при условии, что половой акт совершается без нарушения *прав других личностей* (например, на сексуальную верность). Это значит, что супруг имеет право на тело супруги, и наоборот. Какое право? То, которое ему предоставлено юридическим институтом брака, и более никакого. Следовательно, мы имеем дело с точкой зрения, которая никоим образом не отличается от реакционных правовых взглядов, которая представляет непосредственные экономические интересы, и именно от их влияния и хотят авторы "Директив" освободить сексуальность.

Рассмотрим теперь следующее противоречие:

"Мы видим суть *брака* и его *"нравственности"* не в том, что они *исчерпываются выполнением определенных формальностей*, а именно это большей частью и имеет место сегодня. В соответствии с нынешними взглядами, если только соблюдена предписанная форма, не принимается во внимание образ мыслей, приведший к заключению брачного союза. Приверженцы этих взглядов не задаются и вопросом о том, будут ли и как будут выполняться обязанности, вытекающие из брака. В соответствии с этими взглядами единственно "нравственными" объявляются все любовные отношения, оформленные надлежащим образом, все же остальные клеймятся как "безнравственные", и происходит это без проверки их внутренней обоснованности, их ценности и воли к принятию на себя ответственности, свойственной этим отношениям. Наконец, согласно этим взглядам, брак сохраняется с помощью *юридического принуждения* и в том случае — разве только он уже не расторгнут фактически или прекращены отношения между супругами, — если даже совместная жизнь воспринимается самими его участниками как бессмысленная и бесцельная и превратилась в мучительное стеснение".

Но далее читаем:

"Мы рассматриваем юридически признанный моногамный брак как высшую и желательную форму сексуальных отношений между людьми, как наиболее пригодную для упорядочения полового общения в длительной перспективе,

создания семьи на здоровой основе, обеспечения сохранения человеческого сообщества. Мы, однако, не отрицаем и того, что строго моногамный брак, заключаемый на всю жизнь, повсюду и всегда сохранялся и сохраняется лишь как идеал, достижимый для немногих. Гораздо большая часть половой жизни на деле протекает *до и вне брака*. Как по *духовным*, так и по *экономическим причинам* брак, закрепляемый законом, не в состоянии вместить в себя все и любые возможности *обоснованных любовных отношений*, то есть превратить все эти случаи в продолжительный "моногамный брак".

Итак, выступая в пользу "юридически признанного моногамного брака" (признанного кем?), "не отрицают и того", что "моногамный брак, заключаемый на всю жизнь, повсюду и всегда сохранялся и сохраняется лишь как идеал, достижимый для немногих" и большая часть половых актов на деле совершается вне брака. Принципиальная защита института брака не позволила даже на самом общем уровне поразмыслить о его истории и общественной функции. Моногамный брак провозглашается самой лучшей формой сексуальных отношений, хотя тут же констатируют и противоположное. Поэтому само собой разумеется, что реформаторские намерения исчерпываются в общих, ничего не говорящих положениях, например:

"Поэтому мы выступаем за:

а) *сохранение* юридически признанного брака на основе подлинного равноправия полов, поощрение *экономических* возможностей для заключения брака, но вместе с тем и обеспечение посредством воспитания *духовных* возможностей для брака и выполнения родительских обязанностей, а также с помощью совместного воспитания полов и других пригодных мер для лучшего и более глубокого "душевного самопознания" противоположного пола;

б) расширение законных возможностей *расторжения брака* при исчезновении предварительных условий, приведших к его заключению, или если брак не может более удовлетворять условиям, требующимся для длительной совместной жизни (в особенности при замене принципа задолженности как предпосылки расторжения брака принципом расшатывания);

в) нравственное и юридическое признание связей, несущих в себе сознание ответственности за выполнение обязанностей, вытекающих из факта таких связей и доказывающих волю к выполнению этих обязанностей — также и в том случае, если не соблюдены юридические формальности;

г) борьбу против причин "проституции" с помощью медицинских мер, а также с помощью мер духовного и экономического воздействия.

Мы видим здесь следующие противоречия:

1. "Подлинное равноправие полов" в авторитарном обществе — пустая фраза. Предпосылками осуществления такого равноправия являются экономические условия, основанные на принципах рабочей демократии, и предоставление права распоряжаться собственным телом. Но тем самым и брак перестает быть браком.

2. "Поощрение *экономических* возможностей для заключения брака" является при существующих условиях бессодержательной фразой. Кто должен поощрять? Общество, в структуру которого специфическим образом входит существование резервной армии труда?

3. "Воспитание... для брака" — но ведь оно происходит непрерывно, начиная с детства, и "Союз" был основан для того, чтобы бороться против последствий этого воспитания. Организация, которая, как мы еще в дальнейшем подробно покажем, для сохранения брака требует вытеснения сексуальности, с самого начала приходит в противоречие с целями "совместного воспитания полов" и более глубокого "душевного самопознания", если эти положения снова не должны стать бессодержательными фразами.

4. "Расширение законных возможностей расторжения брака" само по себе является полумерой, ведь экономическое положение женщины и детей таково, что развод экономически невозможен, и тогда "расширение" закона ничего не дает массам. Сначала должны измениться производственные отношения таким образом, чтобы со временем стали возможными экономическая самостоятельность женщины и социальное попечение о детях, тогда расторжение сексуального сообщества не будет сопряжено с какими-либо трудностями внешнего порядка.

5. "Борьба против причин проституции". Этими причинами являются безработица и идеология целомудрия, внушаемая девушке из мелкобуржуазной семьи. Борьба же против этого требует большего, чем медицинские мероприятия. Кто должен их осуществлять? То же самое реакционное общество, которое не может справиться с безработицей и не имеет права отменить идеологию целомудрия?

Бедственное состояние сексуальной сферы нельзя исправить такими средствами, оно представляет собой важную составную часть существующей общественной структуры!

Огюст Форель

Среди социалистических исследователей половых проблем никто, конечно, с такой силой не подчеркнул ущерб гигиенического характера от превращения сексуальной функции в объект купли-продажи, как Огюст Форель. Он верно увидел все принципиальные трудности половых отношений, проистекающие из авторитарного образа жизни, не добравшись, правда, до более глубоких экономических корней бедственного состояния сексуальной сферы. В соответствии с этим его констатации завершаются жалобами, а не последовательным доведением размышлений до конца, и доброжелательными советами насчет того, что следовало бы сделать для ликвидации недостатков, вместо познания специфических зависимостей убожества сексуальной сферы жизни общества от господствующей социальной структуры.

Мировоззренческая робость — а ничего другого и не следовало от него ожидать — проявляется в противоречивости его собственных взглядов. В брошюре "Сексуальная этика" Форель представляет этическую точку зрения, в соответствии с которой "удовлетворение полового влечения как у мужчины, так и у женщины само по себе в общем и целом этически индифферентно" до тех пор, пока формулировки сохраняют общий характер. "Поэтому мы берем на себя смелость заявить, что каждое половое сношение, не вредящее ни одному, ни другому его участнику, ни третьему лицу, ни здоровью ребенка, который может быть зачат в результате этого... не может быть аморальным". Желание воспрепятствовать этически индифферентным оплодотворениям бесцельно. "До тех пор пока они не вредят, их следует терпеть, тем более что счастье и здоровая, радостная созидательная деятельность индивидов часто зависят от нормального удовлетворения влечения". Великолепные слова для времени, когда Форель писал их. После того как было еще установлено, что мужчина "большей частью имеет инстинктивную предрасположенность к моногамии" (Почему только мужчина? Вот двойная половая мораль, затемняющая констатацию фактов!), следует добрый совет:

"Этический сексуальный идеал решительным образом представляет собой моногамный брак, покоящийся на продолжительной взаимной любви и верности и благословенный несколькими детьми... Это дело не столь редкое, как утверждают наши современные пессимисты, но, впрочем, и не особенно частое. Для того же, чтобы этот брак был целиком тем, чем он может и должен быть, ему следует стать совершенно свободным, оба супруга должны быть абсолютно равноправными и никакое другое внешнее принуждение, кроме обязанностей перед детьми, не должно скреплять брак. Для этого необходим прежде всего раздел имущества и правильная оценка любой трудовой деятельности как женщины, так и мужчины".

Но в этом случае брак ликвидируется сам собой, так как последнее требование лишает брак его последнего основания — сексуального и экономического угнетения женщины.

На практике же имеет место следующее:

"Полигамный конфликт: "На протяжении длительного времени мною владеет страсть к женщине, страсть, которую я напрасно пытаюсь победить. Будучи женатым мужчиной, имея чудесную супругу, с которой я прожил в мире 32 года... я, конечно, понимаю, что такая связь ни в коей мере не является оправданной или хотя бы извинительной. Тем не менее я оказываюсь вновь и вновь слишком слабым, чтобы противостоять страсти".

"Сначала следует попытаться бороться с помощью внушения". *"В этих случаях дорог добрый совет"* (курсив мой), — говорит сам Форель. Конечно, добрый совет дорог, если каждому члену консервативного общества непрерывно вбивают в голову, что отношения с другой женщиной или другим мужчиной "ни в коей мере не являются оправданными или хотя бы извинительными".

Конец "Всемирной лиги сексуальной реформы"

Во второй половине 20-х годов либеральный гуманист и социалист Магнус Хиршфельд придал своей исследовательской работе организационную форму, создав "Всемирную лигу сексуальной реформы" (ВЛСР). Она охватывала наиболее прогрессивных для того времени исследователей половых проблем и сторонников сексуальной реформы во всем мире. Ее программа включала следующие пункты:

1. Политическое, экономическое и сексуальное равноправие женщины.
2. Освобождение брака (в особенности расторжения брака) от опеки со стороны церкви и государства.
3. Регулирование рождаемости в соответствии с принципами деторождения, проникнутыми сознанием ответственности.
4. Евгеническое воздействие на потомство.
5. Защита матерей-одиночек и детей, рожденных вне брака.
6. Правильная оценка вариантов интерсексуальных отношений, в особенности гомосексуальности мужчин и женщин.
7. Предупреждение проституции и венерических заболеваний.
8. Восприятие нарушений полового влечения не как прежде — в виде преступлений, грехов или пороков, а в качестве более или менее болезненного явления.
9. Сексуально-уголовное право, которое делает наказуемым только действительное вмешательство в половую свободу другого лица, но не вмешивается в сами половые отношения, основывающиеся на совпадающей воле взрослых людей.

10. Планомерное половое воспитание и просвещение. Датский специалист в области сексуальной политики Леунбах, который был одним из трех президентов ВЛСР, отметил ее большие заслуги, одновременно подвергнув обстоятельной критике противоречия в ее деятельности ("Von der bugerlichen Sexualreform zur revolutionaren Sexualpolitik", Ztschr. f. pol. Psych, u. Sexok, 1935, 2). Наиболее существенные пункты его критики касались попыток Всемирной лиги проводить сексуальную реформу "аполитично", критиковал он и ее слишком либеральные представления о свободе, заходившие так далеко, что каждой национальной организации предоставлялось право руководствоваться законами своей страны, игнорирование детской и юношеской сексуальности, положительное отношение к институту брака и т.д.

После смерти Хиршфельда Хэйр и Леунбах выступили со следующим заявлением:

Сообщение для всех членов и секций Всемирной лиги сексуальной реформы

Мы, д-р Норман Хэйр (Лондон) и д-р Леунбах (Копенгаген), два оставшихся президента ВЛСР, вынуждены, выполняя печальную обязанность, сообщить о смерти нашего президента Магнуса Хиршфельда. Он умер в Ницце 15 мая 1935 г.

Самым лучшим решением был бы, на наш взгляд, созыв конгресса, который и принял бы решение о будущем ВЛСР. В настоящее время, однако, это представляется невозможным по тем же причинам, которые воспрепятствовали проведению нового Международного конгресса после того, как в 1932 г. в Брно состоялся последний. Политическая и экономическая ситуация в Европе сделала невозможной не только проведение международных конгрессов, но и дальнейшую работу ВЛСР во многих странах. Французская секция больше не существует, испанская с момента гибели Хильдегарт^{1[6]} прекратила всякую деятельность, как и секции в большинстве других стран. Как нам удалось установить, английская секция — единственная, которая еще активно функционирует.

Ввиду невозможности созвать Международный конгресс два президента считают необходимым заявить, что дальнейшее сохранение ВЛСР как международной организации невозможно. Поэтому мы объявляем Всемирную лигу сексуальной реформы распущенной. Национальные секции должны сами решать, будут ли они продолжать действовать как самостоятельные организации или распустятся.

Среди членов различных организаций возникли значительные разногласия относительно того, в какой мере лиге следовало бы сохранять свой первоначальный неполитический характер. Некоторые считают, что невозможно добиться осуществления целей ВЛСР, не борясь одновременно за социалистическую революцию.

Д-р Хэйр твердо настаивает на исключении революционной деятельности из программы ВЛСР. Как полагает д-р Леунбах, ВЛСР не смогла ничего достичь потому, что она не присоединилась и не может присоединиться к революционному рабочему движению. Его точка зрения сформулирована в статье, опубликованной в № 1 т. 2 "Zeitschrift für politische Psychologie und Sexualökonomie" за 1935 г. Мнение д-ра Хэйра публикуется в № 2, в котором напечатано и это сообщение.

Теперь, после роспуска Всемирной лиги сексуальной реформы, члены ее национальных секций могут вполне самостоятельно решать проблемы своей дальнейшей деятельности".

И. Х. Леунбах Норман Хэйр

Таков был конец организации, которая хотела осуществить освобождение сексуальности *в рамках реакционного общества*.

3. Тупик полового просвещения

Кризисное состояние современной системы воспитания в целом и полового воспитания в особенности выдвинуло на передний план вопрос и о том, следует ли заниматься "половым просвещением" детей, приучая их к виду обнаженного человеческого тела, точнее, половых органов человека. Хотя существует согласие — по меньшей мере в кругах, не слишком подверженных влиянию церкви, — насчет того, что утаивание половых проблем приносит бесконечно больший вред, чем пользу, хотя проявляется настоящая воля к устранению безотрадного состояния сферы воспитания, в группе приверженцев реформы воспитания дают себя знать серьезные противоречия и препятствия, объясняющиеся двумя причинами — индивидуального и социального свойства. Я ограничусь лишь анализом трудностей принципиального характера, возникающих при одной только постановке целей "воспитания нормального отношения к обнаженному телу" и "полового просвещения".

Среди названных половых влечений особенно хорошо известны стремления к созерцанию и показу, направленные на рассматривание и, соответственно, демонстрацию эротически подчеркнутых частей тела, в особенности половых

органов. В существующих сегодня почти повсеместно условиях воспитания это влечение, обычно очень скоро после своего проявления, оказывается жертвой подавления. Ребенок быстро усваивает на собственном опыте, что он не должен ни показывать свои половые органы, ни рассматривать гениталии других, и отсюда развиваются двоякие ощущения. Во-первых, если он все-таки следует своей потребности, то появляется ощущение совершения чего-то предосудительного, в результате формируется чувство вины, во-вторых, из-за манипуляций со скрытыми и "запрещенными" гениталиями все сексуальное приобретает таинственный характер. В соответствии с этим желание созерцания, первоначально естественное, превращается в сладострастное любопытство.

Чтобы избавиться от конфликта между желанием и запретом созерцания, ребенку приходится вытеснять стремление из сознания. В зависимости от широты и интенсивности процесса вытеснения сильнее развиваются страх и стыд или сладострастие. Обычно они сосуществуют, в результате чего на место старого конфликта приходит новый.

Имеются две крайние возможности дальнейшего развития рассматриваемого процесса — нанесение ущерба любовной жизни и появление невротических симптомов в результате сохраняющегося вытеснения стремления к демонстрации или возникновение полового извращения — эксгибиционизма. Никогда нельзя с уверенностью предсказать, какой из двух возможных выходов будет реализован на практике. Развитие сексуальной структуры, не нарушающей ни социальное бытие, ни субъективное самочувствие, является в результате полового воспитания, отрицающего сексуальность, почти исключительно делом случая и взаимодействия многих других факторов, как то: протекания полового созревания, освобождения от родительской власти и частичного преодоления власти общественной, но прежде всего обретения пути к здоровой половой жизни.

Итак, мы видим, что подавление стремления к созерцанию и показу ведет к результатам, которые не может счесть желательными ни один воспитатель.

Существующее до настоящего времени половое воспитание всегда исходит из негативных оценок сексуальности и из этических, а не гигиенических аргументов. Результатом такого воспитания является возникновение неврозов и половых извращений. Отрицать воспитание нормального отношения к обнаженному телу означает соглашаться с обычным половым воспитанием, так как одно нельзя рассматривать в отрыве от другого. Напротив, признавать воспитание нормального отношения к обнаженному телу, оставляя в неприкосновенности цели воспитания, означало бы конструировать противоречие, которое с самого начала сделало бы иллюзорной попытку своего разрешения или ввергло ребенка в еще более тяжелые ситуации. Компромисс же в области полового воспитания, исходя из противоречий, присущих половому влечению едва ли возможен. Сначала, прежде чем вообще ставить вопрос о половом воспитании, надо принять однозначное решение: поддерживаете ли вы сексуальность или против нее, против существующей сексуальной морали или за нее. Любая дискуссия оказывается бесплодной без такого прояснения собственного отношения к половому вопросу. Именно ясность является предпосылкой согласия в подобных проблемах. Здесь, однако, следует показать, куда ведет такая ясность в формулировке предпосылок.

Итак, мы предполагаем, что отвергаем воспитание, *отрицающее* сексуальность, из-за опасностей, которые оно несет здоровью, и высказываемся в пользу противоположности, то есть воспитания, *одобряющего* сексуальность. Возможно, нам скажут, что отрицание сексуальности вовсе не так уж опасно, ее ценность признается и надо лишь "поощрять сублимирование сексуальности". Но в данном случае речь идет вовсе не об этом, то есть не о сублимировании. Ставится вполне конкретный вопрос: должны ли представители обоего пола потерять свой страх

перед обнажением гениталий и других частей тела, вызывающих эротические представления? Еще конкретнее: должны ли воспитатели и воспитанники, родители и дети, купающиеся и играющие, появляться друг перед другом обнаженными или в купальных костюмах, должна ли обнаженность стать чем-то само собой разумеющимся?

Тот, кто безусловно признает как саму собой разумеющуюся обнаженность при купании, во время игр и т.д., — а признание на определенных условиях имеет место в союзах нудистов, где обнажаются, чтобы практиковаться в половом воздержании, — тот, кто стремится не к созданию островков в океане общественной морали, а к тому, чтобы сделать воспитание одобрительного отношения к обнаженному телу, нормальной сексуальности всеобщим, должен будет проверить отношение обнаженности к остальной половой жизни и решить, соответствуют ли выводы из таких стремлений (не будем пока говорить о возможности их осуществления) его намерениям.

Опыт врачей, занимающихся лечением половых расстройств, учит, что сексуальное угнетение порождает болезни, извращения или сладострастие. Попытаемся теперь установить последствия воспитания, основанного на *одобрении* сексуальности. Если не внушать ребенку мысли о том, что половые органы являются чем-то стыдным, то, хотя в его сознании и не сформируется робость или сладострастие, не будет сомнения в том, что после удовлетворения, а значит, и снижения своего сексуального любопытства он захочет удовлетворить и свою сексуальную любознательность. Ему будет трудно отказать в таком удовлетворении, ведь в противном случае возник бы гораздо более тяжелый конфликт, вытеснение которого стоило бы ребенку гораздо больших усилий. Кроме того, значительно выше была бы опасность возникновения полового извращения. В этом случае ничего нельзя было бы возразить против занятия онанизмом, который давно уже признан естественным явлением, но нельзя было бы обойтись без объяснения ребенку процесса зачатия.

От выполнения требования ребенка позволить ему наблюдать этот акт можно было бы увильнуть, если отношения взрослых с ребенком таковы, что в семье руководят взрослые. Однако это, несомненно, означало бы уже определенное ограничение одобрения сексуальности — ведь что можно было бы возразить какому-нибудь циничному приверженцу сексуальной этики, спроси он, почему, собственно, ребенок не может видеть половой акт. Ведь и без того едва ли не любой ребенок, даже из самой благополучной семьи, украдкой наблюдал за ним, о чем свидетельствует психоаналитический опыт, так почему же не разрешить смотреть открыто?

Наш приверженец сексуальной этики мог бы поставить нас в особенно щекотливое положение, если бы ему пришло в голову спросить, что, собственно, можно возразить, с точки зрения ребенка, против наблюдения за актом, если он не раз мог видеть этот процесс, совершаемый на улице собаками, при условии, что ему затем объяснят происходившее. Если бы у нас хватило мужества быть честными, нам надо было бы признать, что мы не можем привести против сказанного ни одного аргумента, пусть даже этического, а это вновь укрепило бы позицию противника полового просвещения. Или, может быть, нам понадобился бы героизм, чтобы признать: не желая, чтобы ребенок смотрел, мы действуем так вовсе не в его интересах, а руководствуясь своим стремлением к ненарушаемому наслаждению. Нам, загнанным в угол, осталась бы, следовательно, лишь такая альтернатива — возвращение к сексуальной этике, которая с неизбежностью должна отрицать сексуальность, или обращение к самому щекотливому вопросу, к вопросу об отношении к половому акту. Если же мы сделаем выбор в пользу того или другого решения, то нам следовало бы убедиться в том, что о нем ничего не знает

прокуратура, которая, в противном случае, неизбежно воспользовалась бы параграфом, карающим за преступления против нравственности.

Того же, кто вознамерился бы утверждать, что мы преувеличиваем, мы просим пройти с нами еще часть пути, чтобы убедиться, что по-деловому и разумно продуманное воспитание нормального отношения к обнаженному телу и половое просвещение подчас приводят воспитателей и детей в тюрьму¹⁷¹.

Предположим теперь, сделав уступку, что мы, руководствуясь *нашими* сексуальными интересами, заставили ребенка отказаться от намерения наблюдать за половым актом. В этом случае мы запутались бы в неразрешимом противоречии и выбросили за борт все, что начали делать и сумели создать ценой больших усилий, если бы не дали четкий и правдивый ответ на неизбежный вопрос ребенка о том, когда ему можно будет делать то же самое. Он ведь уже узнал, что дети растут в теле матери и очень хорошо понял, что для этого отец вставил свою "палочку" или "штуку" в отверстие в теле матери. Если родители были мужественны, они рассказали ему также, что "это хорошо", так же как его игра со своей "палочкой". (Не стоит забывать, что мы, если уж вступили на стезю просвещения, хотим действовать разумно, то есть последовательно, а не бессмысленно.)

Если же ребенок будет об этом знать, то мы, возможно, утешим его лишь на краткое время перспективой "стать взрослым", а когда придет пора созревания, то начнутся половые возбуждения, эрекции, семяизвержения и, соответственно, менструации, так что, вне всяких сомнений, будет предъявлен к оплате вексель, выданный в детстве. Если бы мы попытались и в этом случае отсрочить платеж, то сторонник сексуальной этики, который во что бы то ни стало хочет довести нашу позицию до абсурда и которому это очень хорошо удается, может задать логичный и иронически звучащий вопрос о том, что, собственно, мы могли бы возразить против полового акта в пору половой зрелости. Он будет с полным основанием ссылаться на то, что среди промышленных рабочих или у крестьян начало половой жизни само собой разумеется с достижением полной половой зрелости, то есть на 15 — 16-м году.

Мысль о том, что наши сыновья и дочери в 15 или 16 лет, а может быть, даже и раньше, могли бы жестко настаивать на своем праве иметь естественные сексуальные потребности, несомненно, болезненно задела бы нас и заставила после некоторого колебания и замешательства искать аргументы для защиты не столь уж многообещающей позиции. Нам придет в голову, например, аргумент "культурной сублимации", в соответствии с которым аскетизм в период созревания необходим для духовного развития. Кроме того, будем стремиться к тому, чтобы оказывать на молодежь, которая до тех пор росла в условиях ничем не стесняемой телесности, разумное влияние, рекомендуя ей в ее собственных интересах воздержание "на некоторое время".

И тогда наш злонамеренный и хорошо ориентирующийся сторонник сексуальной этики использует два аргумента, с которыми мы уже не сможем поспорить. Первый из них будет заключаться в том, что утверждение об аскетизме несостоятельно, так как есть сексологи и психоаналитики, со всей серьезностью утверждающие, что онанизмом занимаются чуть ли не все 100 % юношей и девушек в пору половой зрелости, и он не может усмотреть принципиального различия между сексуальностью и онанизмом. Напротив, онанизм не только снимает сексуальные напряжения в обычных условиях таким же образом, как половой акт, он даже связан с гораздо большим числом конфликтов, то есть, несомненно, еще более мешает жить.

Во-вторых, опираясь на это соображение, он возразит нам, что если верно утверждение о всеобщем характере онанизма, то не может быть верен тезис о необходимости аскетизма для духовного развития. Он слышал, как утверждают, что

не онанизм, а напротив, его отсутствие в детстве и в период созревания свидетельствует о тяжелой патологии. Еще не удалось установить, что молодые люди, ведущие в период созревания аскетической образ жизни, в длительной перспективе обнаруживают более высокую духовную активность. Наоборот, истинно обратное утверждение.

В этой ситуации мы вспоминаем, что Фрейд однажды объяснил общую духовную отсталость женщин большими препятствиями к мышлению, обусловленными характером их сексуальности, и утверждал, что половая жизнь является образцом и для достижений в социальной жизни. Он противоречил самому себе, подчеркивая культурную необходимость сексуального угнетения. Фрейд не проводил различия между удовлетворенной и неудовлетворенной сексуальностью. Первая стимулирует культурную активность, вторая препятствует ей. Дело в конце концов не в нескольких плохих стихах, случайно возникших под пером приверженца аскетизма.

Убежденные теперь доводами рассудка, мы вспоминаем и о мотивах своей несостоятельной аргументации и при этом обнаруживаем всякого рода интересные и не особенно приятные нам тенденции, которые, к изумлению, ну никак не хотят подходить к нашим прогрессивным стремлениям. Наш аргумент о духовном развитии окажется попыткой придать рациональную форму нашему подсознательному страху, который вызывается мыслью о предоставлении сексуальности ее естественному ходу развития. Об этом мы предусмотрительно умолчим, отвечая нашему стороннику сексуальной этики, но честно признаем ничтожность нашей аргументации и приведем ему более серьезный довод. Что должно произойти с детьми, которые появятся в результате этих первых связей? Нет ведь никаких экономических возможностей, чтобы растить их.

Наш противник удивленно спросит, почему, собственно, мы не хотим просвещать всех школьников, переживающих половое созревание, относительно применения противозачаточных средств. Призрак параграфа, предусматривающего наказание за сводничество, снова поставит нас на почву действительности. При этом нам представится многое, например, как мы, движимые своими стремлениями к воспитанию нормального отношения к обнаженному телу, к половому просвещению — насчет оплодотворения *людей*, а не цветов! — и к другим прекрасным целям, намереваемся извлечь камень за камнем из здания консервативной морали, как затем идеал девственности, невинной вступающей в брак, теряет свою опору вместе с вечной моногамией, а с ними — и идеал брака как такового. Ни одна трезвомыслящая личность не вознамерится всерьез утверждать, что люди, получившие настоящее, бескомпромиссное, научно обоснованное, то есть подлинное, половое воспитание, подчинятся принуждению со стороны адептов ныне господствующих нравов и морали.

Наш специалист по этике, который привел нас туда, где он хотел нас видеть, с торжеством спросит, считаем ли мы теперь, что требования, автоматически следующие из нашей первой серьезной посылки откровенного сексуального воспитания, выполнимы в существующем обществе, отдаем ли мы себе в этом отчет и считаем ли все это желательным. И снова он с полным основанием добавит, что хотел всего лишь доказать нам: необходимо оставить все как было, то есть сохранить воспитание, отрицающее сексуальность, сохранить вытеснение сексуальности, неврозы, половые извращения, проституцию и венерические заболевания, если, как он ожидает от нас, будут оставлены в неприкосновенности высокие ценности брака, целомудрия, семьи и авторитарного общества.

Иной фанатик полового просвещения вслед за этим обратится в бегство, и это будет более честное и сознательное действие, он скорее поймет свою подлинную точку зрения, чем тот, кто, чтобы не утратить ощущения своей прогрессивности, примется упорствовать, утверждая, что все это-де преувеличено, что половое

просвещение вовсе не может вызвать таких последствий, оно вовсе не столь важно. Но теперь спросим мы: к чему же тогда все усилия?

Отдельная родительская пара может строить воспитание своих детей в соответствии со своими вкусами и убеждениями. Однако при этом родителям надо будет ясно сознавать, что, осуществляя последовательное, научно обоснованное половое воспитание, им придется отказаться от многого, что они привыкли высоко ценить в отношениях с детьми, например от привязанности к семье, выходящей далеко за рамки периода полового созревания, "порядочной", в соответствии с современными понятиями, половой жизни детей, от влияния на решения, имеющие жизненно важное значение, хорошего — опять-таки в соответствии с современными понятиями — замужества дочери и от многого другого. На это решатся, надо думать, немногие родители. А если и решатся, то им придется подумать и о том, что они, занимая такую позицию, подвергают детей опасности тяжелого конфликта с существующими общественным строем и моралью, даже если — что возможно — такая позиция позволяет избежать невротических конфликтов.

Тот же, кто, испытывая недовольство обществом, полагает, что ему удастся с помощью крупномасштабного воздействия в области полового воспитания, например используя школы, потрясти устои существующего порядка, скоро почувствует, что у него могут отнять возможность дискутировать о приемлемости его метода изменения общества. Эту возможность могут отнять как с помощью лишения средств к существованию, так и с помощью гораздо более жестких мер (психиатрия или тюрьма).

Нам не надо здесь приводить доказательства того, что общественный слой, материально заинтересованный в существовании нынешнего строя, терпит и даже поощряет реформистские стремления, представляющие собой малозначащие игры. Он, однако, сразу же ожесточится и пустит в ход все имеющиеся у него средства, чтобы помешать осуществлению серьезных замыслов, цель которых — нарушить прочность его материального существования и неприкосновенность его духовных ценностей.

Я убежден, что половое воспитание создает в высшей степени серьезные проблемы, чреватые гораздо более тяжелыми последствиями, чем ошибочно полагает большинство приверженцев сексуальной реформы. И как раз поэтому, несмотря на все средства и выводы, которые предоставила в наше распоряжение сексуальная наука, в этой сфере нет прогресса. Нам приходится бороться с могущественным общественным аппаратом, который до поры до времени осуществляет пассивное сопротивление, но при первых же серьезных стремлениях с нашей стороны перейдет к сопротивлению активному. И все колебания и осторожничанье, вся нерешительность и склонность к компромиссам в вопросах полового воспитания объясняются не только вытеснением сексуальности из собственного сознания, но и страхом оказаться в серьезном конфликте с консервативным общественным строем.

В заключение приведу два типичных случая из практики сексуального консультирования, которые должны показать, что врачебная совесть заставляет принимать меры, находящиеся в диаметральной противоречии не только с консервативной моралью, но и с сексуальной реформой охарактеризованного типа.

Первый пример. В консультационный пункт робко и боязливо входят 16-летняя девушка и 17-летний юноша, оба крепкие и хорошо развитые. После долгих уговоров юноша задает вопрос, действительно ли вредно жить половой жизнью раньше 20 лет.

— Почему ты думаешь, что это вредно?

— Это говорил нам руководитель нашей группы "Красных соколов" (социал-демократическая молодежная организация в Австрии. — *Прим. пер.*), и так считают

все, кто у нас говорит о половом вопросе.

— Так у вас в "Красных соколах" говорят об этих вещах?

— Конечно, мы все ужасно мучаемся, но никто не набирается смелости высказаться *открыто*. Теперь группа ребят и девушек вышла из нашей секции и основала свою группу, потому что они не ладили с руководителем группы. Он ведь все время говорит, что половой акт вреден.

— Вы давно знаете друг друга?

— Уже три года!

— Вы уже были близки?

— Нет, но мы очень любим друг друга и нам приходится расставаться, потому что мы ужасно возбуждаемся.

— Чем?

— (Долгое молчание.) Ну, мы целуемся и делаем еще много чего. Но так поступают очень многие. А мы теперь почти свихнулись. Хуже всего, что у нас такая работа в союзе, из-за которой мы всегда должны быть вместе. Последнее время она то и дело ударяется в слезы, а я не успеваю в школе.

— Ну а как вы сами думаете, что было бы для вас лучше всего?

— Мы хотели расстаться, но ничего с этим не получается — ведь распалась бы вся группа, которой мы руководим, да и с другой девушкой у меня повторилось бы, конечно, то же самое.

— Вы занимаетесь спортом?

— Да, только толку никакого. Когда мы вместе, мы не можем ни о чем другом думать, кроме этого. Скажите нам, пожалуйста, действительно ли это вредно?

— Нет, это не вредно, но часто вызывает серьезные проблемы в отношениях с родителями.

Я разъяснил молодым людям физиологию полового созревания и полового акта, рассказал о препятствиях социального характера, с которыми они могут столкнуться, об опасности беременности и о противозачаточных средствах. После этого отпустил их, посоветовав еще раз прийти ко мне.

Две недели спустя я снова увидел ребят, теперь радостных, преисполненных благодарности и готовности трудиться. Они преодолели все внутренние и внешние трудности. Я наблюдал за этими пациентами еще несколько месяцев, пока не уверился, что уберег двух молодых людей от болезни. Мою радость омрачало только сознание того, что эти успехи простого консультирования представляют собой разрозненные исключения из-за невротической фиксации на своих проблемах, свойственной большинству юношей и девушек, ищущих совета.

В качестве *второго примера* приведу случай с 35-летней, еще очень молодо выглядевшей женщиной. Она вышла замуж в 18 лет, имела взрослого сына и была очень счастлива в браке. Но года три назад у ее мужа возникла связь с другой женщиной. Моя пациентка, нуждавшаяся в совете, знала об этом и терпела ситуацию, хорошо понимая, что после столь долгой совместной жизни может появиться потребность во внешних объектах страсти. Она до сих пор оставалась верной, хотя муж в течение примерно двух лет не вступал с ней в половые сношения. Она уже несколько месяцев мучилась от воздержания, но была слишком горда, чтобы побудить мужа к близости. В последнее время появились боли в сердце, бессонница, раздражительность и депрессии. По моральным соображениям она не решалась нарушить супружескую верность и пойти на связь со своим давним другом, хотя и понимала бессмысленность этих соображений. Муж постоянно хвастался верностью своей супруги, и она точно знала, что он не захочет предоставить ей право на сексуальное удовлетворение, которым пользовался сам как само собой разумеющимся. "Что мне делать?" — спрашивала пациентка. Выдерживать эту ситуацию она больше не могла.

Стоит вдуматься в этот случай. Дальнейшее воздержание означало бы для нее верное невротическое заболевание. Разорвать связь мужа и вернуть его в лоно семьи было невозможно. Он не дал бы сделать это, сославшись на отсутствие у него чувственного интереса к супруге, да и сама она больше не желала иметь с ним ничего общего. Оставалась только супружеская измена с другом, которого любила женщина. Но тут имелась определенная сложность. Женщина не была экономически независима, и если бы супруг узнал о ее проблемах, он сразу же потребовал бы развода. Я изложил пациентке все эти возможности и дал ей время, чтобы обдумать решение. Через несколько недель она мне сообщила, что решила вступить в интимную связь со своим другом, но делать это незаметно для мужа. Прошло совсем немного времени, исчезли ее жалобы невротического характера. Такое решение она приняла благодаря моей успешной попытке рассеять ее сомнения, вызванные причинами морального свойства. Но по закону я был, конечно же, не прав, сделав возможной супружескую измену для неудовлетворенной женщины, находившейся на грани невротического заболевания.

ГЛАВА V. Принудительная семья как воспитательный аппарат

Важнейшим очагом формирования идеологической атмосферы консерватизма является принудительная семья. Ее основным типом является треугольник "отец, мать и ребенок". В то время как приверженцы консервативных воззрений видят в семье основу или, по словам некоторых, "ячейку" человеческого общества вообще, мы, учитывая ее изменения в ходе исторического развития и ее общественные функции в различные периоды, усматриваем в семье *результат* существования определенных экономических структур. Следовательно, мы рассматриваем семью не как структурный элемент и основу общества (матриархальная и патриархальная семьи, патриархат с многоженством или без него и т.д.). Если же консервативная сексуальная наука, реакционная сексуальная этика и правопорядок вновь и вновь говорят о семье как об *основе* государства и общества, то они правы лишь постольку, поскольку принудительная семья является неотъемлемой составной частью авторитарного государства и авторитарного общества. Ее общественный смысл исчерпывается следующими основными свойствами:

1. *Экономическое.* До капитализма и в начальный период капитализма семья была малым предприятием и еще остается таковым и сегодня в крестьянском хозяйстве и мелком производстве.

2. *Социальное.* В авторитарном обществе она выполняет важную функцию защиты женщины и детей, бесправных в экономическом и сексуальном отношениях.

3. *Политическое.* Если во времена докапиталистической частной собственности и раннего капитализма семья имела непосредственные экономические корни в мелком семейном производстве (как еще и сегодня в мелком крестьянском хозяйстве), то с развитием производительных сил и возобладанием коллективных форм процесса труда совершилось *изменение функций семьи*. Ее непосредственная экономическая основа утратила свое значение. Происходило это по мере все большего вовлечения женщин в производственный процесс. Потеря экономической основы заменялась появлением у семьи *политической функции*.

4. Кардинальная задача семьи — та, из-за которой ее чаще всего и защищают консервативная наука и консервативное право, — заключается в ее свойстве быть *фабрикой авторитарных идеологий и консервативных структур*. Она образует воспитательный аппарат, через который должен пройти едва ли не каждый член общества со своего первого вздоха. Семья оказывает на ребенка воздействие, проникнутое консервативным мировоззрением, не только как институт авторитарного типа, но и, как мы скоро увидим, в силу характера своих собственных структур. Она представляет собой посредствующее звено между экономической структурой общества и его идеологической надстройкой, она пронизана консервативной духом,

который с неизбежностью впитывается в сознание каждого члена общества и сохраняется в нем, не поддаваясь устранению. Благодаря характеру своего формирования и своему непосредственному влиянию, она передает не только общие установки по отношению к общественному строю и консервативный способ мышления, но и непосредственно воздействует в консервативном смысле на сексуальную структуру детей. Это имеет место благодаря той сексуальной структуре, порождением которой является семья и которую она воспроизводит. Не случайно положительное или отрицательное отношение молодежи к господствующему порядку в очень высокой степени пропорционально ее положительному или отрицательному отношению к семье. Не случайно также, что консервативно и реакционно настроенная молодежь в общем и целом, за немногими исключениями, привержена семье и выступает за ее сохранение, революционно же настроенная молодежь отрицательно относится к семье, склонна поддержать ее разрушение и в более или менее полном объеме освобождается из семейного сообщества. Это самым тесным образом связано с атмосферой семьи и ее структурой, враждебными сексуальности, с отношениями членов семьи друг к другу.

В соответствии с этим нам, если мы будем анализировать воспитательное значение семьи, придется в отдельности рассмотреть две проблемы: 1) влияние конкретных общественных идеологий, к помощи которых прибегают в процессе семейного воспитания, стремясь оказать воздействие на молодежь; 2) непосредственное влияние самой "треугольной структуры".

1. Влияние общественных идеологий

Семьи крупных буржуа отличаются от мелкобуржуазных, а те, в свою очередь, от семей промышленных рабочих. Но все они подвергаются воздействию одной и той же атмосферы половой морали, не ликвидирующей специфическую классовую мораль. Эта последняя частично противоречит первой, отчасти же заключает с ней компромиссы.

Преобладающий тип семьи — мелкобуржуазный — простирается значительно дальше границ общественного слоя, называемого мелкой буржуазией, и встречается как среди крупной буржуазии, так и, в еще большей степени, среди индустриальных рабочих. Основой мелкобуржуазной семьи являются отношения патриархального отца к жене и детям. Он, так сказать, представляет в семье авторитет государства. Ввиду противоречия между своим положением в производственном процессе (служащий) и функцией в семье (господин) отец семейства является, что типично, фельдфебельской натурой. Он покоряется вышестоящим, впитывает все без остатка господствующие воззрения (отсюда тенденции к подражанию в его поведении) и господствует над теми, кто ниже его. Он передает дальше воспринятые им взгляды "начальства" и содействует воплощению их в жизнь.

Сточки зрения *сексуальной идеологии*, общественная идеология брака совпадает в мелкобуржуазной семье с представлением о длительном моногамном браке. Какими бы убогими и безутешными, мучительными и невыносимыми ни были ситуация в браке и семейные отношения, с точки зрения идеологии, члены семьи должны защищать их как внутри семьи, так и перед окружающими. Общественная необходимость такого бытия принуждает к затушевыванию убожества семьи и брака и к превознесению их. Она порождает также широко распространенную семейную сентиментальность и штампы вроде "семейного счастья", "домашнего очага", "тихого приюта" или представления о счастье, которым семья якобы является для детей. Из того факта, что в нашем обществе ситуация вне брака и семьи выглядит еще безутешнее, так как отсутствует всякая материальная, правовая и идеологическая защита половой жизни, делается вывод о естественной необходимости института семьи. С точки зрения душевного состояния, семья также оказывается необходимой, чтобы завуалировать действительность от самих себя и использовать

сентиментальные штампы, образующие важную часть атмосферы идеологического воздействия, ведь они помогают выстоять в семейной ситуации, которая с той же точки зрения душевного состояния неэкономична. Так объясняется тот факт, что лечение невротиков столь легко разрушает брачные и семейные связи — ведь в результате лечения ликвидируется иллюзия и ее место неумолимо занимает истина.

Целью "выращивания" детей с самого начала является воспитание для брака и семьи. Воспитание для профессиональной деятельности прибавляется к нему лишь гораздо позже. Воспитание, отрицающее и отвергающее сексуальность, диктуется не только общественной атмосферой. Оно становится необходимым вследствие вытеснения сексуальности, практикуемого взрослыми. Без возможно более полного отказа от сексуальности существование в семейной атмосфере невозможно.

В типичной мелкобуржуазной семье воздействие на аппарат половых влечений принимает определенные специфические для нее формы, которыми определяются индивидуальные способы переживания "чувств брака и семьи". Внимание акцентируется на прегенитальной эротике путем усиленного подчеркивания значения функций питания и выделения, в то время как генитальные манипуляции полностью пресекаются (борьба с онанизмом). Воспрепятствование генитальным манипуляциям и фиксация на прегенитальном удовлетворении обуславливают перемещение сексуального интереса в сферу садизма, сексуальная же любознательность ребенка активно подавляется. Это приходит в противоречие с жилищной ситуацией, общей сексуальной нескромностью родителей и условиями жизни в семье, которым неизбежно свойственна преувеличенная сексуальность, ведь дети, пусть даже искаженно и в ложной интерпретации, но чутко воспринимают все происходящее в семье.

Препятствия развитию сексуальности, обусловленные идеологией и воспитанием, с одной стороны, и наблюдение над самыми интимными действиями взрослых, их сопереживание, с другой, уже закладывают в ребенке основу сексуального лицемерия. Это явление несколько смягчено в рабочих семьях, в которых не столь сильно подчеркиваются функции питания и пищеварения, а генитальные манипуляции, напротив, больше распространены и подвергаются менее жестким запретам. Поэтому там противоречия не столь остры и более свободен путь для проявления генитальной сексуальности. Это сплошь да рядом обуславливается образом жизни семьи индустриального рабочего. Но если рабочий продвигается вверх, попадая в ряды рабочей аристократии, то, соответственно, изменяется и его образ мыслей, а его дети оказываются под более сильным давлением консервативной морали.

2. Треугольная структура

Если семья, на которую вышеописанным образом воздействует идеологическая атмосфера общества, оказывает влияние на ребенка, то ее *треугольная структура* порождает, кроме этого воздействия, и специфическое положение ребенка, вполне соответствующее направленности консервативных тенденций общества.

Основополагающее значение для понимания индивидуального сексуального развития имеет открытие Фрейда, заключающееся в том, что повсюду, где существует эта треугольная структура, ребенок вступает в совершенно определенные чувственные и нежные отношения со своими родителями. Так называемый эдипов комплекс охватывает все эти отношения, которые определяются и окружением, и структурой семьи как с точки зрения их интенсивности, так и, главное, с точки зрения их результата. Свои первые любовные порывы генитального характера (прегенитальные устремления здесь мы не рассматриваем, чтобы упростить изложение) ребенок направляет на тех, кто ему ближе всего в его окружении, а это большей частью родители. Типична любовь к

родителю противоположного пола, тогда как родитель своего пола поначалу ненавистен. По отношению к последнему развиваются импульсы ревности и ненависти, но одновременно — чувства вины и страха перед ним. Страх касается, прежде всего, собственных генитальных побуждений, направленных на родителя противоположного пола. Этот страх, соединенный с невозможностью действительности удовлетворить кровосмесительное желание, вытесняет желание вместе с генитальными стремлениями. От вытеснения и берут начало большей частью будущие нарушения любовных отношений.

Не следует оставлять без внимания два обстоятельства, имеющих важнейшее значение для последствий этого детского переживания. Во-первых, дело не дошло бы до вытеснения, если бы мальчику пришлось, например, "отказаться" от своей матери, но правила общественной морали позволяли бы ему генитальные игры со сверстниками или занятие онанизмом. Неоспорим факт, что эти сексуальные игры (в "доктора" и т.д.) всегда практикуются там, где дети длительное время находятся вместе со своими ровесниками, причем они ясно понимают предосудительность такого действия. Так возникает чувство вины и вредоносная фиксация на этих играх.

Поведение ребенка, не осмеливающегося принять участие в такой игре, когда есть возможность, вполне соответствует принципам семейного воспитания, но он — несомненный кандидат на наличие в будущем ущербной половой жизни. В свое время история попросту проигнорирует попытки сбросить такие констатации со счета как результаты испорченной фантазии. Будет невозможно более продолжать отрицать эти факты и избегать выводов, которые они навязывают. Конечно, осмысление таких фактов обществом невозможно до тех пор, пока семейное воспитание имеет экономические и политические корни в этом авторитарном обществе.

Вытеснение ранних сексуальных побуждений будет в качественном и количественном отношении решающим образом определяться характером сексуального мышления родителей. Многое зависит от его большей или меньшей строгости, от того, затрагивает ли оно привычку ребенка к онанизму, и от многого другого.

Тот факт, что ребенок именно в критическом возрасте между четырьмя и шестью годами переживает свои генитальные ощущения в родительском доме, навязывает ему определенные решения, специфические как раз для семейного воспитания. Ребенок, который начиная с третьего года жизни воспитывался бы с другими детьми без жесткой опеки со стороны родителей, развивал бы свою сексуальность совершенно по-другому, в формах, обсуждение которых здесь не представляется возможным. Не следует также недооценивать и тот факт, что семейное воспитание имеет практически индивидуалистический характер, исключает благотворное воздействие детского коллектива, даже если ребенок ежедневно проводит несколько часов в детском саду. Семейная идеология на деле оказывает гораздо большее влияние на детский сад, нежели этот последний — на семейное воспитание.

Итак, ребенок "втискивается" в семью, что порождает фиксацию на родителях как образце сексуальных отношений и воплощении авторитета. Родительская власть, независимо от того, строга она или нет, подавляет ребенка просто в силу его физической малости. Привязанность, зиждущаяся на власти, вскоре начинает преобладать над сексуальной, оттесняет ее в состояние неосознанного существования, а позже, когда сексуальные интересы должны обратиться за пределы семьи, оказывается труднопреодолимым барьером между сексуальным интересом и действительностью. Именно потому, что привязанность, зиждущаяся на власти, сама становится в значительной степени неосознанной, она не поддается сознательному воздействию. Ребенок мало что может сказать, если неосознанная привязанность к родительскому авторитету часто выражается как ее

противоположность, как невротический бунт. Он, тем не менее, не в состоянии добиться развития сексуальных интересов, разве только в форме инстинктивных и неконтролируемых сексуальных действий как болезненных компромиссов между сексуальностью и действительностью. Ликвидация этой привязанности к родителям — вот предпосылка здоровой половой жизни. Сегодня же удается ликвидировать ее лишь в немногих случаях.

Привязанность к родителям — как сексуальная, так и авторитарная (подчинение авторитету отца) — затрудняет шаг в сексуальную и социальную реальность в период полового созревания, если не делает этот шаг полностью невозможным. Мелкобуржуазный идеал послушного сына и добропорядочной дочери семейства, сохраняющийся в сознании детей вплоть до зрелости, является крайней противоположностью представления о свободной, самостоятельной юности.

Другой признак семейного воспитания заключается в том, что родители, в особенности мать, если она не вынуждена зарабатывать на жизнь вне семьи, начинают со временем все более искать и находить в детях содержание *своей* жизни. Ущерб, наносимый при этом детям, заключается в том, что они играют роль домашних собак, которых можно любить, но и мучить как заблагорассудится, и что аффективное отношение к детям часто делает родителей непригодными для воспитания. Все это слишком банальные факты, не стоящие того, чтобы мы уделяли им большое внимание.

То ощущение убожества брака, которое не удается непосредственно выплеснуть в супружеских конфликтах, изливается на детей. Это вновь наносит ущерб их самостоятельности и сексуальной структуре, но одновременно создает и новое противоречие — между сопереживанием родительского брака и рождающейся отсюда *враждебностью* к этому институту, с одной стороны, и возникающей впоследствии экономической необходимостью вступить в брак. Трагедии разыгрываются именно в пору полового созревания: если юношам и девушкам удалось счастливо избежать ущерба, наносимого половым воспитанием в детстве, то они намереваются избавиться от новых оков, накладываемых семьей.

Сексуальные ограничения, которые приходилось накладывать на себя взрослым, чтобы быть в состоянии вынести существование в браке и семье, они распространяют и на детей. А так как позже и детям приходится "опускаться" в семейную жизнь, то сексуальные ограничения продолжают действовать из поколения в поколение.

Поскольку принудительная семья экономически сращивается с авторитарным обществом, постольку надеяться на выкорчевывание в этом обществе последствий ее существования означает страдать полной слепотой по отношению к фактам и их взаимосвязям. Дело ведь в том, что эти последствия заключаются в положении самой семьи и закреплены в бессознательном механизме структуры инстинктов каждого индивида так, что они не поддаются ликвидации.

К непосредственным препятствиям развитию сексуальности, вытекающим из отношения к родителям, добавляется чувство вины, порожденное безмерной ненавистью, которая на протяжении многих лет накапливалась в душах детей под воздействием отношений в семье. Если эта ненависть осознается, она может стать мощной индивидуальной революционной движущей силой, превратиться в двигатель освобождения из семейного сообщества и может быть легко перенесена на рациональные цели, побуждая к борьбе против условий, породивших саму эту ненависть.

Если же эта ненависть вытесняется из сознания, то развиваются противодействующие ей побуждения к верной приверженности и детскому послушанию, которые, конечно же, превращаются в подобие свинцовых гирь, если рациональные причины впоследствии побуждают человека к движению к свободе. В

результате можно встретить человека, который, вероятно, и выступает за полную свободу, но посылает своих детей на уроки Закона Божьего и сам не выходит из церковной общины, хотя это противоречит его убеждениям, — и все только потому, что "он не может сделать что-нибудь такое своим старым родителям". Ему свойственны робость, склонность к колебаниям, нерешительность, скованность из-за оглядки на семью и т.д. Это, конечно, не передовой борец за свободу.

Та же самая обстановка в семье может, однако, породить и "революционера" по причинам невротического характера. Такой тип встречается очень часто среди представителей мелкобуржуазной интеллигенции. Это, конечно, ничего не говорит о его ценности как революционера, но связь с чувством вины, сохраняющаяся в его характере, делает революционность личности, структурированной таким образом, весьма проблематичной.

Семейное половое воспитание должно по самой своей сути нанести ущерб половой жизни индивида. Если тому или другому человеку все-таки удастся добиться для себя здоровой половой жизни, это происходит обычно в ущерб его привязанности к семье.

Подавление сексуальных потребностей проявляется, кроме того, в общем снижении духовных и эмоциональных функций, прежде всего уверенности в себе, способности к критическому восприятию действительности. Авторитарный общественный строй не заинтересован в "морали самой по себе". Только изменения в психическом организме, которые стоит приписать укоренению сексуальной морали, создают духовную структуру, образующую в массовой психологии основу всякого авторитарного общественного строя^{1[8]}. Психологическая структура подданного представляет собой смесь из полового бессилия, беспомощности, несамостоятельности, тоски по вождю, страха перед властью, боязни жизни и мистицизма. Она характеризуется склонностью к бунтовществу и одновременно к подчиненности. Сексуальный страх и сексуальное лицемерие образуют ядро того, что называется мелкобуржуазной психологией. Люди с такой структурой характера неспособны к демократии. Об эти структуры разбиваются попытки создания или сохранения организаций, руководство которых является подлинно демократическим. Они создают ту почву в массовой психологии, на которой могут развиваться диктаторские вождедения и бюрократические склонности вождей, избранных демократическим путем.

Следовательно, семья имеет двойную политическую функцию:

1. Она воспроизводит самое себя, калеча человека в сексуальном отношении. Благодаря сохранению патриархальной семьи консервируется и сексуальное угнетение с его последствиями — сексуальными нарушениями, неврозами, душевными заболеваниями, половыми преступлениями.

2. Она порождает подданных, боящихся власти и испытывающих страх перед жизнью, и так создает возможность господства кучки властителей над массами.

Таким образом, семья приобретает, с точки зрения консерваторов, особое значение как оплот того общественного строя, который они защищают. Отсюда становится ясной позиция, которую занимают и решительнее всего отстаивают представители консервативной сексуальной науки: по их мнению, семья является институтом, "сохраняющим государство и народ", — конечно, в реакционном смысле. Поэтому и характеристика семьи может быть для нас критерием оценки общего характера того или иного строя.

ГЛАВА VI. Проблема полового созревания

Конечно, авторитарному мировоззрению не удалось ни в какой другой сфере сексуальной науки оказать на нее такого сильного влияния, как в интерпретации полового вопроса применительно к молодежи. Альфой и омегой всех исследований является прыжок от констатации того факта, что пубертатный период, в основном,

означает все же *половое созревание*, к требованиям общества о необходимости соблюдать молодежью *половое воздержание*. Тот, на кого последний аргумент не производит впечатление, хранит молчание. Как бы ни было замаскировано и обосновано это требование, ссылаются ли на биологические аргументы, например вроде "еще не наступившей зрелости" перед 24-м годом (Грубер), приводятся ли в доказательство этические, культурные или гигиенические причины, ни одному из известных мне авторов не пришло в голову, что сексуальные проблемы молодежи являются, в принципе, проблемами чисто общественного свойства и что они только и начинаются с выдвиганием *требования о воздержании*. Попытки оправдать это общественное требование биологическими, культурными или этическими доводами приводят аргументацию к совершенно абсурдным противоречиям.

Рассмотрим более подробно пубертатный конфликт и общественные требования к молодежи.

1. Пубертатный конфликт

Явления пубертатного конфликта и пубертатного невроза во всех их формах объясняются противоречием, существующим между фактом полной половой зрелости, наступающей примерно к 15 годам, то есть физиологической необходимостью жить половой жизнью, способностью к оплодотворению и деторождению, с одной стороны, и экономической и структурной невозможностью создать в этом возрасте требуемые обществом законные рамки для половых отношений, то есть заключить брак, с другой. Это основная черта затруднения, к которому добавляются многие другие, например последствия полученного в детстве воспитания, отрицающего сексуальность, которое, в свою очередь, является результатом всей системы консервативного сексуального устройства.

Примитивное общество, основанное на материнском праве, не знает сексуальных проблемы молодежи. Напротив, все сообщения, будь их авторами миссионеры или серьезные исследователи, констатируют — с подобающим возмущением относительно "нравственного упадка диких" или без него, — что пубертатные ритуалы сразу же с наступлением половой зрелости вводят юношу или девушку в половую жизнь, что во многих этих примитивных обществах большое значение придается сексуальной радости, а посвящение во взрослые является большим общественным событием. Рассказывают, что некоторые примитивные народы не только не препятствуют половой жизни молодежи, но и способствуют ей самыми разными способами, сооружая, например, общинные дома, в которые молодежь переселяется с достижением половой зрелости, чтобы иметь возможность полового общения^{1[9]}. В тех примитивных обществах, в которых уже существует институт строгого моногамного брака, молодежь со времени наступления половой зрелости до женитьбы или замужества пользуется правом на полную свободу полового общения. Ни в одном из этих сообщений нет указаний на сексуальные бедствия или самоубийства среди молодых людей, вызванные несчастной любовью (даже если они, что вполне возможно, и имеют место). В рассматриваемых обществах отпадает противоречие между половой зрелостью и недостатком генитального удовлетворения половой потребности. Но это только основная черта различия между примитивным и авторитарным обществами. Хотя в последнем и сохраняется праздник посвящения во взрослые, приняв форму различных церковных ритуалов (конфирмация и т.д.), но его подлинная суть полностью затушевывается. Более того, имеет место тенденция к влиянию на молодежь, прямо противоположная смыслу посвящения в совершеннолетние^[10].

Среди проблем пубертатного периода лучше всего описан *онанизм*. Если не говорить о патологических случаях, то он представляет собой всего лишь замену отсутствующих половых контактов. Констатацию этого факта, какой бы простой и само собой разумеющейся она ни была, я не обнаружил еще ни в одной работе и

прошу извинить, если все-таки чего-то не заметил. Достаточно и того, что это само собой разумеющееся обстоятельство скрывается так тщательно, что на него можно вообще не обратить внимания. Здесь мы хотели только отметить, что авторы, о которых идет речь, выводят пубертатный конфликт не из противоречия между *зрелостью и отсутствием половой жизни*, а из другого — между *зрелостью и невозможностью заключения брака*. Как и прежде, мастурбация вызывает страстные протесты со стороны церкви и врачей, необразованных в сексологическом отношении, да к тому же проникнутых моральными предубеждениями. Хотя в последнее время и говорят все чаще о том, что борьба против онанизма еще усиливает остроту проблемы, закрепляя чувство вины, порождающее болезнь, просвещение увязло в научных трактатах, если не говорить о популярных работах, например, Макса Ходанна. Масса молодежи ничего не знает об этом.

Подведя краткий итог, можно сказать, что психоаналитическое исследование неосознанных побудительных мотивов конфликта, переживаемого в пору половой зрелости, свидетельствовало о возрождении прежних, испытывавшихся в раннем детстве кровосмесительных желаний и чувства вины, обусловленных причинами сексуального характера. Все они на деле соответствуют неосознанным фантазиям, а не онанистическому акту. Мастурбация обуславливается не кровосмесительными желаниями, а половым возбуждением, соответствующим усиленному функционированию сексуального аппарата. Таким образом, исследование оргазма корректирует заключения психоаналитиков. Накопление сексуальных эмоций, не находящих выхода, только оживляет давние кровосмесительные желания, которые, со своей стороны, обуславливают не факт мастурбации, но форму и содержание психического переживания при онанистическом акте. Иначе было бы непонятно то обстоятельство, что кровосмесительные фантазии *снова* возникают именно в период полового созревания, но не раньше и не позже.

Тем самым пубертатный *конфликт* соответствует движению вспять, к содержанию и примитивным, детским формам половой жизни. Если это движение не обусловлено с самого начала патологической фиксацией на детских переживаниях, то оно однозначно является следствием несостоятельности общества в решении проблемы полового удовлетворения при половом акте в период полового созревания.

Имеются две принципиальные возможности: или юноша или девушка вступает в пубертатный период и вследствие своего предшествующего сексуального развития неспособны найти полового партнера, или общество отказывает им в создании условий, благоприятных для полового удовлетворения в период созревания. Все это толкает его (ее) к онанистическим фантазиям, а тем самым и ввергает в патогенную ситуацию детского конфликта. Ясно, тем не менее, что между этими двумя возможностями не существует коренного различия, так как первая из них является всего лишь следствием патогенного сексуального воспитания и ситуации в семье в детстве. А она была, как известно, сориентирована на неукоснительное вытеснение сексуальности. В этом случае в полной мере уже в детстве дало себя знать воздействие преград, которое общество воздвигало перед половой жизнью, тогда как в другом случае оно проявилось только в пору половой зрелости.

Мы оценим данное обстоятельство еще вернее, сказав, что оба препятствия половому развитию — в детстве и в пору созревания — совпадают. Ведь препятствие, уходящее корнями в детство, создает фиксацию, к которой сексуальность может быть возвращена позже под воздействием препятствий социального характера, возникающих в период созревания. Если преобладают последствия детской травмы сексуального развития, то в точном соответствии со степенью этого ущерба снижается способность начать нормальную половую жизнь

по достижении зрелости. Тем легче может сказаться и воздействие социальных препятствий на пути полового общения со вступлением в пору половой зрелости.

Чувство сексуальной вины сильнее при мастурбации, чем при половом акте, потому, что онанизм отягощен кровосмесительными фантазиями, в то время как половое сношение, приносящее удовлетворение, в нормальных условиях делает такие фантазии излишними. Если преобладает фиксация на объектах детства, то будет нарушен акт и чувство вины будет не меньше, чем при мастурбации. Но сексуальное переживание, приносящее удовлетворение, может ликвидировать и чувство сексуальной вины. Это обнаруживается сколь угодно часто. А так как онанизм при прочих равных условиях никогда не приносит такого же удовлетворения, что половой акт, то при онанизме дает себя знать более сильное чувство вины.

Между типом человека, достигшего половой зрелости и совершенно неспособного сделать шаг от своей инфантильной привязанности к родителям в реальную сексуальную жизнь, и типом человека, который делает этот шаг без всякого сомнения, спасаясь, таким образом, от инфантилизма своей сексуальности, существуют всевозможные переходные типы личности и ситуации.

Первый из названных — конечно, тот, кто соответствует идеалу "порядочного" юноши: привязан к семье, подчиняется требованиям родителей, являющихся, как известно, представителями консервативного общества. Он — хороший ученик в том смысле, какой вкладывают в это понятие консерваторы, — неприятный, скромный, покорный. Позже представители этого человеческого типа образуют основной контингент добропорядочных семейных пар и граждан государства, неспособных к критике. Но именно этот тип составляет и основную массу невротиков.

Представители другого типа, весьма охотно характеризуемого как асоциальный, в основном склонного к бунтарству, требовательного, не расположенного к родительскому дому и враждебно настроенного к мелкобуржуазной среде, из которой они вышли, образуют революционные группы в рядах рабочих и служащих и порождают многочисленных психопатов в определенных слоях мелкой и крупной буржуазии. Движимые инстинктами, носители таких характеров опускаются по социальной лестнице, если вовремя не присоединятся к социальному движению, так как иначе они оказываются внутри своего класса в состоянии неразрешимого конфликта. Так как эти люди обладают интеллектом, превосходящим средний уровень, и способны к сильным переживаниям, учителя, ориентированные на "добропорядочность" и интеллект, не превышающий среднего уровня, не знают, что делать с такими учениками. Они "морально нездоровы" (мораль понимается здесь в полном соответствии с реакционными представлениями о жизни) или, по крайней мере, их характеризуют таким образом, даже если они не делают ничего другого, кроме реализации той естественной функции, в основе которой лежит половое влечение. Но так как в консервативном обществе, в нынешних условиях сексуального бытия, именно это действие слишком часто касается самого края преступления, то по чисто социальным причинам такая молодежь легко оказывается жертвой беспризорности. Оценивая таким образом юношескую сексуальность, мы полностью согласны с Линдсеем, который пишет в своей книге *"Революция современной молодежи"* о трудностях, с которыми сталкивается подрастающее поколение: "В целом, я различаю несколько типов молодежи, вовсе не безусловно сталкивающиеся с такого рода трудностями. Это, прежде всего, молодые люди, не обладающие энергией, лишённые уверенности в себе и инициативы. Молодые грешники чаще всего как раз и обладают этими ценными свойствами, и поэтому тем более ценным является их спасение. Дело обстоит таким образом, хотя и не всегда, но очень часто. Хорошие отметки в школе могут означать для мальчика только одно

— что у него отсутствуют мужество и энергия или здоровье, и его удерживает от грехопадения не "добродетель", а всего лишь страх. Для нормального юноши мораль не играет большой роли, если он — действительно здоровое, молодое, живое существо, каким и должен быть. Ему следовало бы точно так же не осознавать свою душу, как он не осознает дыхание или какое-либо другое проявление жизнедеятельности организма".

2. Требования общества и сексуальная действительность

Нам следует, прежде чем рассматривать данную проблему, ответить на три вопроса, касающиеся юношеской сексуальности:

1) Какие требования предъявляет авторитарное общество к молодежи и по каким причинам это происходит?

2) Как в действительности выглядит половая жизнь молодежи между 14 и 18 годами?

3) Какие несомненные факты известны о последствиях для молодежи: а) онанизма, б) воздержания, в) полового акта?

Устанавливая "нравственные нормы" для половой жизни, реакционное общество требует от молодежи безусловного соблюдения целомудрия до заключения брака и осуждает половое сношение точно так же, как и мастурбацию. (Мы говорим здесь не об отдельных исследователях, а об идеологической атмосфере.) До тех пор пока наука, сама, конечно, не подозревая об этом, находится под влиянием авторитарного мировоззрения, она выдвигает тезисы, призванные создать для него прочный фундамент. Обычно ученые для этого даже не делают ничего особенного, ссылаясь попросту на всем известную нравственную природу человека. При этом они забывают о своей собственной точке зрения, столь часто выдвигаемой в качестве возражения мировоззренческим противникам, о том, что задача науки — описывать факты, причем такое описание должно быть нейтральным в ценностном отношении и объяснять их причины. В тех же случаях, когда наука выходит за пределы объяснения социальных требований, выдвигая этические аргументы и не освободившись на деле от воздействия этих аргументов, она объективно берет на вооружение гораздо более опасный метод, а именно: маскировку этических позиций псевдонаучными теориями. Получается, таким образом, что этика рационализируется с помощью научных приемов.

Утверждают, например, что *для молодежи необходим аскетизм, так как иначе будет снижаться уровень ее социальных и культурных достижений*. При этом ссылаются на теорию Фрейда, в соответствии с которой социальные и культурные достижения человека зависят от питания сексуальной энергией, отвлекаемой от своих первоначальных целей и направляемой на "более высокую" цель. Мы знаем этот процесс под названием "сублимация". Теория верна и опирается на богатый опыт клинических наблюдений, но сексуальное удовлетворение превратили в жесткое и абсолютное противоречие. Вопрос следует поставить конкретно: *какой вид сексуального удовлетворения и сексуальной деятельности, сублимация каких сексуальных движущих сил имеется в виду?*

Аргумент о необходимости аскетизма для социального развития неверен просто с точки зрения наблюдения. Утверждается, что совершение полового акта молодыми людьми в половозрелом возрасте будет снижать уровень социальных и культурных достижений. Фактом же является мастурбация почти 100% молодежи, и с этим согласны все современные исследователи сексуальных проблем. Констатация этого факта полностью одерживает верх над всеми аргументами. Ведь если половой акт должен снижать уровень социальных достижений, то что же онанизм, напротив, не оказывает такого действия? Насколько онанизм *принципиально* отличается от полового сношения? И не мешает ли, сверх того, чреватая конфликтами мастурбация нормальному развитию гораздо больше, чем могла бы помешать

упорядоченная половая жизнь?

Аргументация оказалась в безнадежном тупике! Так как половая жизнь, приносящая удовлетворение, не отличается от той, которая его не приносит, нельзя увидеть и ее различного отношения к социальным достижениям и сублимации. И почему же здесь в теоретической сфере зияет брешь, которую столь явно упускают из виду? Потому лишь, что ее закрытие приведет к таким практическим последствиям — как и вообще любое продумывание фактов до конца, — которые могли бы заставить извлекать один винт за другим из сложной и тонкой конструкции реакционных представлений о жизни.

Если бы был официально обесценен самый существенный аргумент в пользу целомудрия молодежи, то она могла бы прийти к пониманию необходимости таких идей и действий, которые могли бы оказаться опасными отнюдь не для ее здоровья и интеграции в общество, а для структуры принудительной семьи и для существования института брака. Позже мы ясно увидим на фактах эту связь между требованием целомудрия молодежи и брачной моралью.

Какова же в действительности половая жизнь молодежи? Уж конечно, она выглядит не так, как того требует мораль. К сожалению, нет конкретных статистических данных, которые могли бы охарактеризовать это явление. Опросы, опыт Консультирования по половым проблемам и доклады для Молодежи (в особенности вопросы молодых слушателей этих Докладов), а также широкомасштабный сбор сексуально-экономических сведений позволяют нам сделать самый общий вывод: полное воздержание едва ли встречается у мальчиков, вступивших в пору полового созревания, а если и наблюдается, то у тех, кто страдает тяжелыми неврозами и характеризуется психической заторможенностью. У девочек оно наблюдается чаще, но данные, имеющиеся на этот счет, слишком ненадежны. Несомненно, однако, что сексуальное поведение, которое с известным основанием можно было бы характеризовать как воздержание, встречается столь редко, что оно практически не учитывается.

На деле под покровом воздержания осуществляются всевозможные сексуальные манипуляции. В процессе социологических исследований удавалось познакомиться с женщинами и мужчинами, которые занимались онанизмом на протяжении многих лет, не зная об этом. Онанистический акт у женщины очень часто происходит необычно — с помощью сжатия бедер. Езда на велосипеде и мотоцикле является подходящей ситуацией для бессознательной мастурбации. Сексуальные мечты, посещающие женщину днем, даже если они и не сопровождаются сопутствующими манипуляциями, с психической точки зрения, представляют собой полноценный онанизм, по крайней мере в том, что касается вредной стороны этого явления. Те, кто предаются таким мечтам, будут, конечно, утверждать, что они соблюдают воздержание. Мы согласимся с ними до определенной степени: они действительно соблюдают воздержание в том, что касается удовлетворения, но не возбуждения.

Рабочая молодежь

В этих кругах существует большая боязнь разговоров с руководителями своих организаций на сексуальные темы. Характерно, что молодежь не отваживается обсуждать эти проблемы и между собой серьезным образом, зато очень часто об этом говорят, прибегая к остротам и непристойным шуткам. Атмосфера отношений между молодыми людьми пропитана сексуальностью. Очень часто обычные ругательства используются для выражения сексуальных понятий или отношения к половым проблемам.

Устраиваемые в рабочих организациях вечера, посвященные половому просвещению, слишком часто преследуют цель укрепить молодежь в приверженности к воздержанию. Крайне редко встречаются специалисты по сексуальной политике, которые могут корректным образом изложить молодежи

волнующие ее проблемы. В высшей степени важное значение имеет характер постановки сексуальных вопросов. Очень многое зависит от способа раскрытия этих вопросов. В докладе, во-первых, нельзя обнаружить ни малейшего признака робости или отрицательного отношения к сексуальным бедствиям, во-вторых, о проблемах следует говорить без обвиняков и напрямик, в-третьих, жгучий интерес проявится только тогда, когда вопросы задаются в письменном виде. Это позволяет щадить личную стыдливость, и очень мало найдется молодых людей, которые не стали бы задавать вопросы после такого доклада.

Несмотря на существующее мнение о поведении юношей и девушек, они очень часто вступают в половые сношения (сельская молодежь примерно в 13, рабочая — в возрасте около 15 лет). У сельской молодежи часто встречается обычай, согласно которому девушка ждет у танцевального зала до тех пор, пока парень не пригласит ее и не поведет танцевать. После танца, во время которого открыто демонстрируется чувственность, парень уводит девушку за забор, и там они совокупляются. О предохранении от беременности практически ничего неизвестно, зато акт в большинстве случаев прерывается или процветает вытравливание плода. В последнем случае прибегают, конечно, к услугам знахарей.

Рабочая молодежь в городах получает во много раз больше информации о предупреждении беременности, но, как ни странно, мало пользуется этими знаниями. До установления фашистского господства в Германии и Австрии молодежные организации и партии в этих странах не занимались вопросом контрацепции. Очень многие средние и низовые функционеры молодежных организаций, как и некоторые низовые функционеры партий, проявляли заинтересованность по отношению к проблемам молодежи. Руководители же более высокого уровня относились к этим вопросам отрицательно.

Поэтому многие энергичные молодые люди и руководители молодежных организаций сами брались за дело, пытаясь организовывать доклады по проблемам пола. Самая большая трудность, с которой они при этом сталкивались, заключалась в позиции родителей. Если они слышали, что в организациях говорили "об этих вещах", то типичным явлением даже для родителей, входивших в рабочие партии или профсоюзы, оказывались запреты на посещение их взрослыми детьми культурных мероприятий в этих организациях. Это происходило и в тех случаях, когда старшие замечали возникновение чисто дружеских отношений даже между 18-летними. Но опыт показывает, что и самым строгим родителям не удается отстоять свою жесткую точку зрения в присутствии сплоченной массы молодежи.

Общим явлением этих организаций бывала ревность, которая, приводя порой к дракам, раскалывала их. С точки зрения сексуальности, среди молодых функционеров можно было выделить два типа. Первые — те, которые жили в условиях полного воздержания, вторые — те, которые давали волю своим влечениям, будучи связаны с другом или подругой ничем не стесненными сексуальными отношениями. Для представителей первого типа партийная работа служила средством отвлечения от сексуального общения. Типичным для них было ослабление активности в партийной работе, если они находили девушку. Многие юноши и девушки приходили в организацию только для того, чтобы найти полового партнера, и исчезали, обретя его.

Но весьма часто бывает, что юноша очень долго "ходит вместе" с девушкой, но не вступает с ней в половую связь потому, что "нет подходящего случая". В формировании такой ситуации участвуют как внутренние препятствия (страх импотенции), так и отсутствие возможности. Для девушек типичен страх перед половым актом. Юноши зачастую настаивают на близости, девушки же, напротив, допускают все виды любовной игры, но отвергают половое сношение. За это они расплачиваются такими повседневными для себя явлениями, как истерические

припадки и безудержный плач. Эти нарушения, обусловленные состоянием нервной системы, — важнейшая проблема, с которой сталкивается молодежь. Особенно сильно она выражена у девушек.

У молодежи, занимающейся спортом, сексуальность вытесняется сильнее, чем у неспортивной, и спортом часто занимаются сознательно, чтобы справиться со своей сексуальностью.

Оба типичных явления встречаются также в летних лагерях, студенческих общежитиях и каникулярных колониях гимназистов, где, с одной стороны, весьма широкая сексуальная свобода, а с другой стороны, конфликты, в которые вступает нерешительная молодежь. Эти конфликты часто приводят к взрывам, колеблющим всю жизнь в общежитии.

Иногда девушки доверительно сообщают, что, находясь дома, они испытывают сильнейшую тоску по другу вообще или по кому-нибудь конкретному в этом качестве, но когда появляется возможность начать любовную жизнь, они, к их сожалению, изо всех сил противятся этому, не находят мостика от фантастической жизни к реальному сексуальному действию. Танцевальные вечера и коллективные праздники усиливают сексуальную напряженность без наступления соответствующей разрядки.

Юноши онанируют в одиночку или совместно, и последнее иногда превращается в коллективные эксцессы. Среди девушек мастурбация распространена меньше.

Юноши и девушки, решившиеся вступить в интимную связь, жалуются на обстоятельство, вконец изматывающее их, — отсутствие помещения, где они могли бы удовлетворить свою страсть. Весной и летом половые сношения совершаются под открытым небом, но зимой молодые люди очень сильно страдают от внешних обстоятельств, делающих интимную близость невозможной, так как у них нет денег на довольно дорогие гостиницы. Редко можно встретить молодого человека, у которого есть своя комната, да и родители в таких ситуациях сплошь и рядом занимают резко отрицательную позицию. Результатом становятся тяжелые конфликты и половая близость в условиях, не соответствующих требованиям гигиены (на лестничных площадках, в темных углах улиц и т.д.).

Самое сложное во всей проблеме заключается в том, что атмосфера в организациях рабочей молодежи и вне их проникнута сексуальным напряжением, в то время как значительная часть молодежи и испытывает внутренние препятствия, и слишком угнетена внешними трудностями, чтобы быть в состоянии найти выход из этой ситуации. Поискам и обретению выхода мешают родители, партийное руководство, да и вся идеология общества, тогда как совместная жизнь молодежи побуждает ее именно к преодолению установленных сексуальных ограничений.

Типичную картину, с точки зрения вышеизложенного, представляла собой группа рабочей молодежи в Берлине, с которой я поддерживал самый тесный контакт. Она состояла примерно из 60 молодых рабочих в возрасте от 14 до 18 лет. Преобладали юноши. И здесь много говорили о сексуальных проблемах, но в форме острот, большей частью о половом акте, меньше — об онанизме. В группе подтрунивали друг над другом и отпускали шуточки, если, например, замечали, что юноша "ходит" с девушкой. Почти у всех был уже опыт интимной близости, и партнеров меняли довольно часто. К половому акту относились не особенно серьезно, но крупных конфликтов не было, если не говорить о некоторых драматических случаях ревности, приводивших к рукоприкладству. Никогда не наблюдалось чего бы то ни было подобного эксцессам или так называемым публичным оргиям. Половой акт совершался большей частью во время ночных прогулок под открытым небом, но довольно часто и во время прогулок днем. Никто не видел ничего особенного в том, что парень и девушка время от времени "исчезали". О мастурбации, как и о

гомосексуальном половом акте, слышали очень мало. Юноши, однако, охотно рассказывали друг другу о своих переживаниях, то же, хотя и реже, делали девушки.

Совсем юная девушка, некоторое время работавшая в этой группе в качестве функционера, так ответила на мой вопрос о том, почему к проблеме не относятся всерьез, а говорят, прибегая к остротам: "Да как же могло быть иначе? Ведь воспитатели говорят, что все это плохо, но говорить-то надо, вот мы и острим".

Пессарий был мало известен и редко использовался, чаще прибегали к прерыванию полового акта или применяли презерватив. Половой акт с использованием презерватива считался, как правило, дорогостоящей затеей (презерватив стоил от 30 до 50 пфеннигов).

Конфликты, возникавшие на сексуальной почве, часто мешали партийной работе. Порой юношей и девушек упрекали в том, что они вступили в партию, чтобы найти партнера. Девушки нередко оставались в организации только для того, чтобы не потерять друзей. По мнению одной функционерки, ситуация складывалась таким образом лишь потому, что у самой молодежи не было ясности относительно ее половой жизни. Хотя подавление сексуальности, как она считала, принесло бы еще худшие результаты, эта проблема не играла бы такой роли при другом воспитании и если бы ее можно было обсудить открыто и всерьез. Например, зимой возникают очень серьезные конфликты только из-за того, что негде "заняться любовью". От этого очень сильно страдают все девушки и ребята.

Я хорошо знаю только австрийскую и немецкую рабочую молодежь. На основе опыта многолетней работы врача, а также в сфере молодежной политики я могу заверить, что ситуация — за исключением небольших различий — повсюду одинаково безотраднa, а состояние здоровья ужасающе. Я не сомневаюсь, что ситуация в сексуальной сфере чудовищна во всех странах. Это мнение подтверждается сообщениями, которые я получил из Англии, особенно из Лондона, из Венгрии, Америки и т.д.

В 1934 г. национал-социалистское правительство Германии запретило походы с ночевками, в которых совместно участвовали юноши и девушки. И ни одна партия не осмелилась выступить в защиту интересов молодежи и осудить этот запрет.

Самые же ужасные, поистине губительные несчастья готовит рабочей и мелкобуржуазной молодежи страсть к сплетням, которую испытывают повсюду в мире старые девы и неудовлетворенные мужчины и женщины в маленьких городах и на селе. В такой среде для молодежи было бы совершенно нереально завязать любовные отношения даже при физической возможности этого. Скука, жертвой которой оказывается население, порождает у многих сладострастие и злобу, приводящие к бесчисленным самоубийствам. Картина существования этой молодежи безотраднa.

Когда я был вынужден жить в изгнании в Мальме, у меня было более чем достаточно свободного времени, чтобы собрать доказательства верности моих взглядов. Между 8 и 11 часами вечера молодежь в возрасте примерно от 17 до 30 лет прогуливалась взад-вперед по главной улице города. Юноши и девушки прохаживались обособленными группами, каждая из которых включала по трое-четверо юношей и столько же девушек. Парни отпускали глупые остроты, строили наглые рожи, но через эти маски проглядывала робость, а девушки пристыженно пересмеивались друг с другом. Все всех знали, и никто ничего не осознавал. Временами дело доходило до грубых ласк в подъездах. А как насчет культуры? Инкубаторы для выведения приверженцев фашистских идей — вот что это было, для этого не хватало только, чтобы скука и разложение, царящие в сфере сексуальных отношений, столкнулись с шумливой фашистской демагогией. Социалистические же организации оказались не готовы организовать жизнь.

Молодое поколение крупной буржуазии

Проникновение генитальной половой жизни в школы приняло формы, заставившие вмешаться власти. Послушаем отчет Линдсея о половой жизни молодого поколения американской крупной буржуазии. Линдсей пишет:

"В первоклассном учебном заведении ("Филипс экэде-ми") пришлось запретить танцы из-за случаев разврата, которые имели место во время танцевальных вечеров. Эти происшествия вызвали большое внимание всей общественности. Директор "Филипс экэде-ми" Э. Стерне отмечал в своей статье в газете "Бостон глоб", что в числе мер, которые ему недавно пришлось принять, было и назначение комиссии из преподавателей и студентов, на которую возлагались следующие обязанности:

1. Действовать в качестве полиции и останавливать, а в случае необходимости и выдворять пары, танцующие нескромно.
2. Не допускать появления на танцах девушек с сомнительной репутацией.
3. Не допускать распития спиртных напитков молодыми людьми обоего пола как в танцевальном зале, так и где-либо в другом месте.
4. Не допускать в зал или выдворять из него подвыпивших.
5. Наблюдать за раздевалкой девушек, чтобы не допустить ношения неподобающей одежды, а также выпивки и неприличных разговоров.
6. Следить за тем, чтобы девушек, пришедших в гости в эту мужскую школу, сопровождали гувернантки и чтобы во время танцевальных вечеров молодые люди не устраивали автомобильных прогулок.
7. Позаботиться о том, чтобы поблизости от танцевального зала не останавливались автомобили.
8. Предотвращать проведение собраний и встреч снаружи, если они не поддаются такому же контролю, как танцевальные вечера.
9. Следить за тем, чтобы сразу после окончания танцевального вечера девушки расходились по своим комнатам.

Я воспроизвожу этот список без сокращения, ибо он так четко отражает ситуацию, существующую в одном из старейших и благороднейших учебных заведений нашей страны, как вряд ли что-нибудь еще могло бы это сделать. Почти все молодые люди — выходцы из богатых семейств Востока, характеризующихся высоким культурным уровнем, получившие первоклассное воспитание в лучших традициях".

Попробуем теперь через моральный застой, обнаруживающийся под действием такой ситуации в среде юношей "из богатых семейств Востока, характеризующихся высоким культурным уровнем", продвинуться к пониманию того обстоятельства, что эта ситуация существует как раз вопреки внешнему пуританству и антисексуальному воспитанию. Внешние формы проявления охарактеризованной ситуации — диалектическая противоположность антисексуальной морали. Больше всего нас интересует здесь не прорыв подавляемой сексуальности вопреки моральным требованиям, а вопрос о том, *как влияет сексуальная мораль на формы сексуальной активности*. Задавшись таким вопросом, мы сразу же увидим, что эти сексуальные действия не соответствуют ни сексуальной морали, ни сексуальной экономике, но компромиссы между ними возможны, причем к невыгоде и той, и другой.

"Все свидетели — учащиеся привилегированных учебных заведений. Первый пункт их показаний заключается в том, что более 90 % всех девушек и юношей, участвующих в вечеринках с танцами и в автомобильных прогулках, без удержу целуются и предаются грубым ласкам. Это не означает, что каждая девушка позволит каждому парню сделать с ней все, что он захочет. Но каждая найдет в конце концов одного, с которым она зайдет достаточно далеко. Остальные 10% — молодежь, не имеющая достаточной физической или душевной энергии, чтобы

выразить свои естественные влечения. Это значит, что таких молодых людей ввергает в конфликты, в беды излишек силы, бьющая через край жизненная энергия, и речь идет лишь о более умном регулировании этой мощной энергии.

Данные о процентах, которые я привел, почти единодушны. Если эти результаты верны, значит, молодежь более или менее единогласно сделала выводы о намерении рассматривать первые слабые формы сексуального опыта как нечто принадлежащее ей по праву. И действительно, ее широчайшие круги пользуются этим правом, правда, не переходя довольно четко обозначенных границ. Некоторые девушки настаивают на своем праве получать подобные удовольствия от общения с юношами и весьма искусно проявляют агрессивность, в которой не уступают ребятам.

Я вспоминаю одну очень красивую, живую девушку, которая рассказывала мне, что она не хотела иметь ничего общего с парнем, который не был настоящим сорвиголовкой и не умел толком ее потискать.

— И все ребята поступают так? — спросил я.

— Конечно, — ответила она. — Если нет, то у них что-то не в порядке".

Если Линдсей говорит об излишке силы, о жизненной энергии, бьющей через край, то он прав лишь в той мере, в какой эта чрезмерность отчасти соответствует живой сексуальности молодежи, отчасти же является результатом противоречивого характера сексуальной активности. Мы слышали, что молодежь рассматривает грубые ласки, то есть прелюдию к акту наслаждения, "как нечто принадлежащее ей по праву", но "не переходит довольно четко обозначенных границ". Мы можем позволить себе менее осторожные выражения.

Итак, молодые люди практикуют все виды сексуального возбуждения, не переходя, однако, в большинстве своем к половому акту. Мы должны задаться вопросом: почему же они позволяют себе все, кроме интимной близости? Ответ придет сам собой, если подумать о том, что мораль недвусмысленно представляет именно половой акт худшим из всех сексуальных действий. Да и на деле он является наиболее значительным завершением любовного возбуждения. Решиться на ласки — значит эмансипироваться, но отвергать половой акт — значит все еще находиться во власти принудительной морали. Определенную роль в данной ситуации играет и способность девушки к вступлению в брак, так как ее целомудрие увеличивает шансы на заключение брака с юношей.

Тем не менее, как пишет Линдсей далее, "50 % молодых людей, начинающих с ласк и поцелуев, не ограничиваются этим, а идут дальше и начинают пользоваться другими сексуальными свободами, которые являются возмутительными и неприличными даже в соответствии с нравственными требованиями, принятыми ими". Только 15 % доходят до полового акта. В 1920 — 1921 гг. Линдсей встречался с 769 девушками в возрасте от 14 до 17 лет из-за их "сексуальных оплошностей". По его словам, "численность этих случаев не была еще выше только из-за физической невозможности охватить их все". Как пишет Линдсей, "сексуальный опыт" имеют до окончания школы, то есть до 18 лет, 90 % юношей. Значит, девушки отказываются от сдержанности.

"Старшеклассник, с которым я недавно беседовал, признался, что у него была половая связь с 15 ученицами, что все они в среднем были неплохими. Он предпочитал их обычным уличным девчонкам. Я уверился в истинности этого сообщения, поговорив со всеми 15 девушками и убедившись, что все они в среднем были неплохие создания. С каждой из них он был близок несколько раз. Все его партнерши, за исключением двух, не были девчонками, без разбора меняющимися любовниками, и, по-моему, возвратились на праведный путь. *Возможно, существование квартала "красных фонарей" в Денвере уберегло этих девушек от приобретения отрицательного опыта*, но не уберегло ни школьников, ни

проститутки, имеющих точно такое же право на спасение, как и все остальные. Если теперь гораздо больше "хороших" девушек имеет сексуальный опыт, то, как бы странно это ни показалось, гораздо меньше их оказываются "потерянными" и "погибшими".

В этот момент Линдсей постигает, возможно, сам того и не чувствуя, тайну проституции и предлагает решение, которое порождается сексуальным кризисом: *упадок проституции в результате вовлечения женской молодежи в половую жизнь*. Он пишет:

"Эта напористая, требовательная, проникнутая духовными устремлениями позиция девушек в отношении просвещения и истины становится в последние годы все более распространенной и проявляется все более открыто. Причина изменений заключается в том, что в современной экономической и социальной ситуации девушки все более уравниваются в правах с мужчинами. Многие попадают по окончании школы на лучше оплачиваемую работу, чем юноши, с которыми они "ходят". Потому-то, когда заходит речь о материальном благополучии, иной воздыхатель может перехватить критический, а то и пренебрежительный взгляд своей возлюбленной".

И далее:

"Я располагаю определенными цифрами, доказывающими, что на каждый случай сексуальных прегрешений, выплывающих на свет божий, приходится множество таких же случаев, остающихся неизвестными. Например, из 495 девушек, признавшихся мне в своих контактах с молодыми людьми, забеременели только 25. Всем им было от 14 до 18 лет. Остальные избегают беременности — кто благодаря счастливому случаю, кто с помощью противозачаточных средств. Такие знания распространены среди молодежи шире, чем обычно предполагают...

Три четверти этих 495 девушек пришли ко мне по собственной воле — некоторые из-за беременности, другие из-за того, что заразились. Были и истерзанные угрызениями совести или нуждавшиеся в особом совете еще по какой-либо другой причине. Их пригнала ко мне бедственная ситуация, иначе бы они, конечно же, не пришли. Но есть и множество таких, которые, несмотря на свои беды, не знают или не находят дороги ко мне или предпочитают помочь себе сами, зная, "как это делается".

Иными словами, эти примерно 500 девушек, прошедшие через мое бюро на протяжении менее двух лет, — всего лишь небольшая группа из всех тех, которые оказывались в таком же положении, но лучше умели помочь себе сами. Например, сотни шли на аборт. И я не только предполагаю это. Я это знаю".

Какие выводы делает Линдсей из своих наблюдений, поистине убийственных для принудительной морали?

"Мне нет нужды говорить, что мы рассматриваем в высшей степени трудный и опасный вопрос. Он не может быть решен с помощью слежки со стороны взрослых или их бдительности. На него можно ответить только с помощью *добровольно соблюдаемого нравственного закона, с помощью установления настоящих внутренних преград*, которые будут одобрены и приняты самой молодежью. Такой закон может быть воплощен в свободное и естественное действие только с помощью самого единогодушного и глубокого воспитания".

Что же такое этот "нравственный закон"? Как конкретно представляет себе Линдсей решение? Как следует добиться установления таких "настоящих внутренних преград"? Ведь более "настоящих" ограничений сексуальности и способов ее вытеснения, чем те, которые привиты воспитанием, которые внушаются всем обществом — будь то школа, родительский дом или церковь, — не может быть по очень простой причине: нет иных преград, кроме привитых воспитанием, воспринятых из внешнего мира, так как природа не знает "нравственного закона". А

каков результат длящегося веками сексуального угнетения молодежи? Да как раз тот, который описал Линдсей.

Линдсей попадает в противоречия, совершенно неразрешимые, если разделить его точку зрения на суть вещей и процессов. С одной стороны, он констатирует факты, которые означают конец влияния принудительной морали на молодежь. Отсюда, на основании именно этих фактов, он приходит к требованиям, означающим не что иное, как восстановление той же самой морали, гибель которой он сам отчасти весьма недвусмысленно одобрял. *Он не выходит, в конце концов, за пределы идеологии моногамного брака и требования целомудрия для девушек.* Так, например, Линдсей пишет:

"Много лет назад на моем попечении находилась 17-летняя девушка, которая еще за пять лет до этого была близка со многими одноклассниками. Была ли она аморальна? Поступала ли плохо? Глупости! Она была *неосведомленной*. Единственный разговор с ней, состоявшийся тогда, положил делу конец. Она стала *одной из лучших девушек* в Денвере. Ни один мужчина *больше не осмеливался перейти ей дорогу*. Она очень красива, необычайно умна и замужем за человеком, который, по-моему, ее заслуживает".

Следовательно, наш автор только смягчает оценку, основанную на принудительной морали, а не выступает *против* нее. Он не делает из наблюдавшихся фактов вывода о фиаско, более того, об окончательном упадке принудительной морали. Взрослые говорили, что девушка плоха и глупа, Линдсей же считает, что она лишь неосведомлена. Я сомневаюсь, что она была неосведомленной. Она точно знала, что она делала, но ее история завершилась и *должна* была завершиться браком, что было заранее предписано девушке. Благодаря этому она не стала более осведомленной в смысле сексуальной ориентированности. В лучшем случае, она стала под влиянием Линдсея более осведомленной о последствиях, которые угрожали ей, если она не подчинится нормированным формам половой жизни.

Итак, Линдсей констатирует, что:

1) *Изменяются социальные критерии:*

"Нельзя утверждать, что упомянутые явления представляли собой лишь проявление послевоенной истерии и теперь устранены после того, как они внешне оказались под контролем и был отменен запрет танцев, который последовал за полицейскими мерами, продемонстрировавшими свою неэффективность. Сейчас запреты практикуются более искусно, более скрытно и, к тому же, в более широких масштабах, так как эти меры уже не новы. Взрослые полагают, однако, что под внешне успокоенной поверхностью уже ничего больше не происходит, и продолжают жить в своем раю для дураков. Молодежь же тем временем стала хитрее, презирает старшее поколение более чем когда-либо и более чем когда-либо прежде преисполнена хладнокровной решимости следовать своим путем. Это, правда, не всегда означает, что речь идет о гибельных путях или что те, которые вступают на них, двигаются навстречу своей гибели. Сказанное означает, что изменяются применяемые нами социальные критерии, и я убежден в том, что они победят, если не при нашей жизни, то после нас".

2) *Перестают существовать препятствия экономического характера, с которыми сталкиваются, прежде всего, девушки:*

"Внешние препятствия, столь мощные прежде экономические помехи, исчезли навсегда, и единственный вопрос заключается теперь в том, как скоро и насколько успешно эти препятствия будут заменены *внутренним* сдерживанием, действующим благодаря *добровольному принятию нравственной точки зрения*. А только такая позиция способна удержать человека на *правильном* пути. Я не думаю, что это молодое поколение — всего лишь слепой слон в посудной лавке".

3) Современная молодежь — "самая здоровая и нравственная, которую мир когда-либо видел".

4) *Замена посещения борделя связью с одноклассницей — более благое дело, так как более соответствует требованиям морали:*

"Ведь юноши и мужчины, благодаря которым вообще стало возможным появление кварталов публичных домов, станут или остаются хорошими и уважаемыми гражданами, мужьями и отцами. Девушкам же, находящимся в том мире, вступление на этот путь заказано. И все же кажется, что, несмотря на множасьее число сексуальных проступков, совершаемых девушками, новое время менее разрушительно для женщины, чем прежняя эпоха "красных фонарей", с неумолимыми, жесткими обычаями, жестокими наказаниями и лицемерной точкой зрения двойной морали. Этим я, конечно, не хочу сказать, что новая ситуация не нуждается в улучшении. Я лишь настаиваю на том, что в ней в большей мере, чем прежде, торжествует подлинная мораль и что мы, несмотря на старых плакальщиц, *не вернулись назад*".

5) Современные девушки знают, как надо обращаться с "этим зверем — мужчиной":

"Раньше хорошенькая девушка оскорбилась бы, если бы ее сочли способной на соответствующее поведение. Пусть теперь она и отвергает ухаживания, но едва ли будет оскорблена ими. Она слишком хорошо знает, как надо обращаться с "этим зверем — мужчиной", и понимает, что его инстинкт, в конце концов, — нечто вполне нормальное. Я не хочу исследовать здесь вопрос о том, является ли эта откровенность в отношениях между девушками и молодыми мужчинами обретением или потерей. Она является, во всяком случае, неотъемлемым признаком свойственной молодежи решимости назвать вещи своими именами, и нам, взрослым, приходится считаться с этим, хотели бы мы или нет".

6) *"Подобно аппетиту, сексуальные стремления не являются законными или незаконными, моральными или аморальными"*.

Формулируя выводы, Линдсей, однако, не исследует причины *неудачи* сексуальной революции молодежи, а оценивает эту революцию с нравственной точки зрения:

"Молодежь в целом, благодаря отходу от старых представлений, несомненно, достигла некоторого прогресса, отдельные же ее представители попросту впали из одной формы рабства в другую. Необузданность — это порабощение. *Напротив, свобода — это добровольное подчинение высшим законам, означающим большее принуждение, более трудным для исполнения и более строгим, чем человеческие законы*. Часто молодежь путает свободу с необузданностью, так как, основываясь на собственном опыте, она не может прийти к спасительному знанию".

В "высших законах" мы распознаем жизненную необходимость и условия существования авторитарного общества, в их "принуждении" — недостаток общественного базиса для жизни молодежи согласно сексуально-экономическим принципам, в их "строгости" — решимость общества не позволить молодежи ускользнуть от своего влияния, уйти за пределы фабрики по штамповке подданных, называемой семьей. Сама же молодежь не может обрести спасительного знания, у нее нет права на такое знание, так как она материально заинтересована именно в том общественном строе, который создает столько препятствий ее половой жизни.

Но как же получается, что самому Линдсею, достойному уважения мужественному защитнику молодежи, не хватило последовательности? У нас создается впечатление о нем как о борце за права молодежи, сознание которого затуманено моральными предрассудками и которому поэтому недостает решимости. Может быть, здесь нам и откроется тайна неизменной приверженности аскетизму, несмотря на фиаско, которое потерпело это требование?

Линдсей пишет: "Была ли эта девушка (вступавшая до брака в половые связи, а позже вышедшая замуж) действительно осквернена этим или она совершила лишь оплошность, нарушив правила общественной нравственности? Различие между той и другой оценками имеет в высшей степени важное значение. *Мы можем допустить, что она была неправа, пойдя до брака на интимную близость с мужчиной.* (Курсив Линдсея.) Ее ошибка заключалась только в неуважении к традиции, но не в каком-то таинственном "загрязнении", которое можно "накликать" благодаря суеверию нашей расы".

Итак, хотя она и не "загрязнена" в результате внебрачной связи, но совершила проступок против "традиции". Нельзя четче обосновать предъявляемое к девушке требование сохранения целомудрия: она была неправа, совершив половой акт до брака... Но абсолютна ли эта неправота? Нет, с точки зрения традиции, согласно которой *консервативное общество по идеологическим и экономическим причинам не может одобрить внебрачную связь, так как в противном случае погибли бы и брак, и семейная идеология.* Ведь Линдсей говорит о бунтовщице Мэри: "И все же ни в коем случае нельзя проложить путь "свободной любви" и тому подобным вещам. Нам не обойтись без брака. Он должен сохраняться с помощью мудрого, осторожного изменения правил, регулирующих этот институт..."

Таким образом, все ясно: *сексуальная свобода молодежи означает крах брака (брака принудительного), сексуальное же угнетение молодежи должно сделать ее способным к заключению брака.* К этому, в конечном счете, и сводится многократно упоминаемая формулировка о "культурном" значении брака и о молодежной "нравственности". Только поэтому вопрос о браке нельзя обсуждать без рассмотрения вопроса о юношеской сексуальности. Если данная связь нарушается, то молодежь попадает в неразрешимые конфликты, ведь ее половая проблема не поддается разрешению без решения вопроса о браке, в свою очередь, не имеющего решения, если оставлять без рассмотрения проблему экономической самостоятельности женщины, а также сложные проблемы воспитания и экономических отношений.

Несмотря на все добровольные ограничения, которым Линдсей подвергал сам себя, он оказался в Америке жертвой бойкота и потерял свою судейскую должность.

Эти строки были написаны примерно за два года до первой публикации, летом 1928 г. В них формулировались выводы, сделанные на основе изучения социологических взаимосвязей между брачной моралью и обращенным к молодежи требованием аскетизма. И вот осенью 1929 г. счастливый случай позволил мне найти статистические доказательства правильности моих выводов, которые до тех пор представляли собой лишь догадки относительно этих взаимосвязей. Врач Московского венерологического института М. Бараш опубликовал работу "Половая жизнь московских рабочих" в "Journal of Social Hygiene" (Bd. XII, N. 5, Mai, 1926), в которой имелось статистическое исследование соотношения между супружеской неверностью и временем начала половой жизни до брака. 61,6% начавших половую жизнь до вступления в брак *и в возрасте до 17 лет* были неверны в браке, из тех, кто *начал ее от 17 лет до 21 года*, неверны были 47,6 %, а среди тех, которые совершили половой акт впервые только *после 21 года*, было всего лишь 17,2 % нарушителей супружеской верности. Автор замечает по этому поводу:

"Чем раньше тот или иной представитель исследованной группы начинал половую жизнь, тем менее стойким оказывался он в браке, склоняясь к частым случайным связям Те, которые совершали первый половой акт уже в раннем возрасте, вели позже нерегулярную половую жизнь".

Если верно, что обращенное к молодежи требование аскетизма непосредственно определяется, как показывают результаты социологических наблюдений, институтом брака, а косвенно теми же экономическими интересами, что и официальная

сексуальная реформа, если, кроме того, статистически доказано, что раннее начало половой жизни делает молодых способными к вступлению в брак в соответствии с требованиями принудительной морали ("один партнер на всю жизнь"), то ясно также, что требование аскетизма служит созданию сексуальной структуры индивидов, призванной соответствовать строгой брачной жизни и воспитывать добропорядочных подданных государства.

В дальнейшем должны быть исследованы эта сексуальная структура, ее воздействие на саму молодежь и противоречия брачной ситуации, порождаемые ею.

3. Рассмотрение проблемы половой жизни молодежи с медицинских, а не с этических позиций

Следует иметь ясное представление о том, с какой позиции рассматривается вопрос. В данном случае мы снова сталкиваемся с тремя точками зрения: этической, сексуально-экономической и общественной. С этической позиции к вопросу нельзя подойти и он не имеет решения. Конкретно поставленный вопрос сводится к проблеме сексуальной экономики индивидов и к заинтересованности общества в судьбе своих членов.

Как мы видели, авторитарное общество самым серьезным образом заинтересовано в подавлении юношеской сексуальности. Такого подавления требуют прочность принудительного брака и основанной на нем семьи, а также формирование психологической структуры подданного. Правда, приверженец сексуальной этики полагает, смешивая авторитарное общество с человеческим, что прочность человеческого общества вообще оказалась бы под угрозой, если бы молодежь, по типичному для этих ученых выражению, "дала волю своим страстям". Но именно это и необходимо сначала исследовать. У юноши или девушки есть только три возможности: воздержание, мастурбация (включая гомосексуальные отношения и гетеросексуальное возбуждение) или половое сношение. Следует конкретно поставить вопрос о том, противоречат ли общественные интересы, и если да, то какие именно, сексуально-экономическим, необходимо ли нанести ущерб одним ради соблюдения других. Также нужно, прежде всего, принять во внимание и интересы самой молодежи и задаться вопросом, каковы, с точки зрения гигиены, преимущества и ущерб для молодежи, возникающие в результате воздержания, онанизма или полового акта.

Половое воздержание в пубертатный период

Мы должны, конечно, исследовать явления *полного* воздержания, так как все прочее охватывается расширенным понятием онанизма. Итак, мы имеем дело с неопровержимыми фактами, свидетельствующими о том, что в среднем к 14-му году жизни в результате усиленной работы аппарата внутренней секреции и созревания генитального аппарата сексуальность вступает в высшей степени активную фазу. Половое влечение, естественно, направляется на половой акт. Если же столь многие юноши и девушки не ориентируются сознательно на половую близость, то это, вопреки общему ошибочному мнению, является не выражением биологической незрелости, а следствием воспитания, вытесняющего всякую мысль о сексуальном контакте. Важно констатировать это, если есть желание видеть вещи такими, каковы они на самом деле, а не такими, какими хотели бы их видеть авторитарное общество и церковь.

Юноши и девушки, которые преодолели вытеснение представления о половом акте, совершенно точно знают, что он существует и что отныне они именно его и хотят. Предпосылкой же воздержания является как раз вытеснение представлений сексуального характера, в особенности о половом акте. Существует, вероятно, и еще шире распространенная возможность, заключающаяся в том, что представления о половом акте, пусть не бессознательно, но с точки зрения сохранения душевного равновесия, до такой степени лишаются тайны и

связываются с чем-то отвратительным и страшным (это типично для девушек из мелкобуржуазных семей), что утрачивают всякое практическое значение. Но для того чтобы осуществить воздержание, необходимо нечто большее, а именно: *вытеснение полового возбуждения*. Это на некоторое время обеспечит покой. Преимущество такого подхода заключается в избавлении от мучительного конфликта, порождаемого онанизмом, и от опасной в социальном отношении борьбы против своего окружения, если юношей или девушкой движет осознанное, а потому непреодолимое стремление к половому акту.

Становясь старше, юноши и девушки большей частью демонстрируют явное изменение своего отношения к сексуальному наслаждению. По достижении 16 — 17 лет они отрицают сексуальность гораздо резче, чем прежде. Анализ показывает, что вместо стремления к наслаждению появился *страх перед ним*. Это явление можно назвать *боязнью наслаждения*. Оно представляет собой нечто принципиально иное, нежели страх перед наказанием за сексуальные действия, находящий свое крайнее выражение большей частью в неосознанной боязни кастрации.

В боязни наслаждения коренится все более распространяющийся *сексуальный страх*. Причины данной ситуации в том, что под постоянным воздействием сексуальных запретов изменился и сам процесс полового возбуждения. Клинический опыт показывает, что наслаждение, не испытанное из-за *препятствия*, превращается в отвращение, часто даже в *болезненное* возбуждение половых органов. Таким образом, чувственное возбуждение, например при сексуальном удовлетворении, превращается в источник отвращения, а тем самым в истинный мотив, заставляющий молодых людей бороться *против* своей сексуальности и подавлять ее. Компетентному врачу-сексопатологу знакомо странное поведение подростков и юношей, когда, например, искусственно обращаются вспять эрекции, если они становятся неприятными, если не наступает удовлетворение.

Еще более выражен в период полового созревания свойственный девушкам страх не перед наказанием, а перед сильным возбуждением. Возбуждение ощущается как опасность. В этой *боязни наслаждения* нам и следует искать подлинную причину укоренения приобретенного извне страха перед наказанием за сексуальные действия. Таким образом, юноши и девушки сами часто становятся защитниками сексуальных запретов.

Но состояние сексуального возбуждения без удовлетворения никогда нельзя перенести в течение длительного времени. Существуют только два решения: вытеснение сексуального возбуждения или удовлетворение. Первое приводит обычно к нарушениям душевного здоровья, второе — в современном обществе — к социальным конфликтам.

Следовательно, воздержание опасно и абсолютно вредно для здоровья. Отметим для начала тот факт, что подавленное сексуальное возбуждение создает различные пути выхода из этой ситуации. Очень скоро наступает нервное нарушение или молодой человек погружается в дневные сексуальные фантазии, существенно препятствующие ему в работе. Тот же, кто не хочет видеть связи между сексуальным возбуждением и нервозностью во всех ее формах, может без долгих размышлений заявить, что воздержание не вредит и в большинстве случаев осуществимо. Такой человек только констатирует, что молодой человек живет в условиях воздержания, то есть, очевидно, может жить таким образом. Но от взгляда людей, не ориентирующихся в проблеме, ускользает тот факт, что расплатой за воздержание будет невроз и появление других проблем. Наш оппонент полагает, например, что невроз является выражением "дегенеративной предрасположенности" или воли к власти. Он избавляет себя от большего, чем молодой человек, а именно: от размышления о юношеской сексуальности вообще и, к тому же, о связанной с ней проблеме общественного строя.

Скажут, что не все юноши и девушки, соблюдающие воздержание, сразу же заболевают. Да, конечно, но как же в этом случае принять тот факт, что невроз возникает и позже, когда от человека требуют только "законных" половых отношений?

Опыт сексуально-экономических наблюдений в клинических условиях показывает, что наиболее неблагоприятны случаи тех пациентов, которые никогда не отваживались заняться онанизмом. Сначала имело место вытеснение сексуальности, возможно даже успешное на протяжении некоторого времени. Половой аппарат не приводился в действие, и если в ходе соблюдения воздержания достигался результат, которым могло быть довольно авторитарное общество, то позже аппарат не срабатывает вообще — он, так сказать, заржавел. Численное преобладание женских половых расстройств над импотенцией у мужчин указывает на глубокую связь, существующую между более редкой мастурбацией у женщин и вытеснением сексуальности и свойственной им позже неспособностью к сексуальным переживаниям. Говорить об этом молодежи остерегаются, даже если и знают, ведь иначе какие оправдания останутся для проповеди воздержания?

Когда я обсуждал проблему онанизма, в качестве возражения на мои доводы всегда выдвигалась возможность отвлечения от половых влечений с помощью занятий спортом. На это я, если не хотел фальсифицировать факты в угоду сексуальной морали, мог возразить только одно: хотя спорт и лучший способ снижения полового влечения, но ведь и спортсмены, которые хотят с помощью спорта полностью убить влечение, очень часто настолько хорошо реализуют этот замысел, что впоследствии не могут более распоряжаться своей сексуальностью. Постоянно удивляет большое число сильных, тренированных людей с сексуальными нарушениями. А все объясняется просто: так как эти люди не могли в течение длительного срока обратить все свое половое возбуждение на достижение высоких спортивных результатов, им, в конце концов, пришлось прибегнуть к помощи вытеснения со всеми последствиями, которые влечет за собой использование этого средства. Итак, хотя спорт и является способом *снижения* полового возбуждения, он так же непригоден для решения сексуальной проблемы молодежи, как и любое другое средство, направленное на умерщвление полового возбуждения.

Тому, кто зная о последствиях своего поступка, все-таки решается на него, мы охотно предоставим свободу действий. Мы не хотим никого принуждать к половой жизни, приносящей удовлетворение, но говорим: пусть тот, кто, идя на риск душевного заболевания или уменьшения радости от результатов своего труда и жизнерадостности, хочет жить в воздержании, так и поступает. Кто этого не хочет, пусть добивается упорядоченной половой жизни, приносящей удовлетворение, коль скоро не приходится отрицать наличие полового влечения. Но существует и обязанность обращать внимание на опасную возможность "ржавения" сексуальности, ее отлива в детские и извращенные формы сексуальной активности и на душевные заболевания как следствия аскетичного образа жизни в юном возрасте.

Самые трагические случаи — те, когда к нам в амбулаторию или в консультацию по половым вопросам приходят люди в возрасте 35—40 лет, даже 50—60-летние с тяжелейшими нарушениями душевного состояния, страдающие неврозами, угрюмые, одинокие, пресыщенные, и просят от нас помощи. Чаще всего они хвалятся тем, что никогда не жили, предаваясь "распутству", под чем подразумевается избегание онанизма и полового акта в раннем возрасте.

Даже авторы, характеризующиеся, как правило, проницательностью, неверно оценивают опасности полового воздержания, и это происходит по двум причинам. Во-первых, им не ясна связь между нарушениями в половой сфере, дающими себя знать лишь позднее, и длительным воздержанием, во-вторых, у них не было

возможности наблюдать тесную связь между нервными нарушениями и воздержанием так же часто, как ее видят практикующий психотерапевт и консультант по половым вопросам.

Фриц Брупбахер пишет в своей книге *"Счастье быть родителями, предупреждение беременности и изгнание плода"*, труде, превосходном со всех точек зрения, кроме подхода к воздержанию: "Во всевозможных работах рассуждают на тему вреда и пользы воздержания. Тот, кому оно нравится, может его практиковать. Оно не нанесет никакого вреда... В любом случае воздержание полезнее для здоровья, чем венерические заболевания".

Как показали беседы с Брупбахером, он в дальнейшем отказался от этого взгляда. Прежде он не видел, что сама склонность к длительному аскетизму уже является симптомом болезни, знаком довольно полного вытеснения сознательного полового влечения. Воздержание всегда, раньше или позже, наносит ущерб любовной жизни и результатам в работе. Это факт, основанный на опыте.

Рекомендовать такую позицию молодежи означает сеять семя невроза, который рано или поздно даст о себе знать, или, по меньшей мере, создавать предпосылки будущего снижения жизнерадостности и трудоспособности. Рассматривая же воздержание с душевно-экономической точки зрения, можно было бы усомниться в том, что оно полезнее для здоровья, чем венерические заболевания. От них можно избавиться, если лечиться должным образом. Напротив, болезненные изменения характера, приобретаемые в результате воздержания, устраняются полностью лишь в очень редких случаях. Кроме того, мы не располагаем количеством квалифицированных психотерапевтов, необходимым для врачевания зла, которое может быть причинено длительным воздержанием.

Сказанное не означает недооценки опасности венерических заболеваний. Но их привыкли использовать, как правило, в качестве пугала, в качестве средства, пригодного для вытеснения сексуальности. Кроме всего прочего, альтернатива вовсе не формулируется как "воздержание или венерические заболевания". Ведь можно избежать последнего, общаясь не с проститутками, а только с любимым партнером, принадлежащим к своему же социальному слою.

Мы говорим здесь о половом воздержании юношей и имеем в виду, чтобы не возникло недоразумений, 15 — 18-летних. Авторитарная сторона требует воздержания "вплоть до закрытия эпифизных пазух", то есть примерно до 24 лет. В свое время в Вене одна дама, специализирующаяся по проблемам социального попечения, выступала перед молодежью с докладами, в которых это вредное "учение" вдалбливалось в голову слушателей под видом научных тезисов. Она не сказала, однако, ничего о том, что общего имеет закрытие эпифизов с созреванием полового аппарата, которое происходит примерно к 14 годам.

На страницах газеты "Морген" один из консультантов молодежи по проблемам психологии индивида открыл рубрику для обмена мнениями и консультирования. 18 марта 1929 г. в ней, наряду с прочим, был помещен и такой "милый" совет читателю:

"Ваш вопрос касается проблемы начала "сексуальной практики", нередко обсуждающейся среди биологов. Римский писатель Тацит превозносит германцев, которые до 24 лет не касались женщин, и это правило должно иметь силу и у нас. Половое влечение, одно из самых мощных в жизни человека, не должно рано обретать господство над человеком, и вы совершенно правы, когда ищете в спорте ту разгрузку, которая вам еще не полагается в сексуальной сфере(!). Если ваши друзья, пусть даже они и моложе, действуют по-другому, это против заповедей сексуальной гигиены(!). Знаменитый специалист в области гигиены тайный советник профессор д-р Макс фон Грубер (sic!!) никогда не прекращал проповедовать в своей темпераментной манере, что половое воздержание никому еще не причиняло вреда".

Ссылка на Грубера и древних германцев — конечно, весомый аргумент! Тот же самый профессор Грубер утверждал, однако, что воздержание не только не приносит вреда, но даже полезно: неизлившееся семя вновь поглощается, что означает поступление белка.

Я знаю лучший и более приятный способ обеспечить поступление белка — *мясной рацион*. Но Груберу, в соответствии с принципами государственного строя и объективным нравственным законом, твердо настроенному против всего плотского и озабоченному сохранением авторитарного общественного устройства, совершенно не пришло в голову, что существует и другой способ подачи белка, кроме прямого всасывания спермы.

Я упоминаю эти давние примеры не только потому, что они исторически интересны и доказывают, каких усилий стоило освобождение от этой идеологии. Гинеколог из Вены социал-демократ д-р Карл Каутский в 1930 г. резко атаковал меня на страницах "Фрайхайт", обвинив в том, что я лишаю рабочих их "идеалов". В высшей степени важно констатировать, что сексуальный страх не перестает существовать и на границах рабочего движения.

При исследовании сексуальной революции в Советском Союзе также оказалось, что утаивание этих проблем не пошло на пользу рабочему движению. Надо наконец добиться, чтобы врачи-сексологи и консультанты молодежи перестали соперничать с церковью в "служении нравственности". Следующий пример свидетельствует о том, как необдуманно поступали в наших кругах.

Среди венских консультантов молодежи был и один священник. Он таким образом консультировал 22-летнюю девушку (согласно ее собственному сообщению):

"Для начала я сказала, что прочитала в газете о консультационном пункте и что я — одна из несчастнейших людей и не знаю, как себе помочь.

Д-р П. ободрил меня и сказал, что я лишь должна спокойно выговориться.

После этого я рассказала, что у меня есть друг и мы очень любим друг друга, но с некоторых пор наши отношения очень напряжены, так что я не знаю, что делать. Я добавила, что уже пыталась примириться с религией, но не смогла найти в этом удовлетворения.

Потом д-р П. начал задавать вопросы.

— Сколько Вам лет?

— 22 года.

— Сколько лет Вы знаете своего друга?

— 4 года.

— А ему сколько лет?

— 24 года.

На это он вскользь заметил, что ему знакомы молодые люди, которые знают друг друга 8-9 лет и, тем не менее, остались *чистыми*.

Он не уточнил, что подразумевает под чистотой, сказав под конец только, что может представить себе двух людей, которые хотя и очень любят друг друга, но не связывают со своими отношениями чувственных мыслей. Затем он поставил такой вопрос: как мой жених относится к сложившейся ситуации? Я ответила, что, конечно, и он ужасно страдает и поэтому я не могу дольше выносить таких мучений и просто наблюдать за ними. Потом он спросил о нашем финансовом положении. На это я ответила, что зарабатываю мало, да и у моего друга очень неустойчивое положение на службе.

За этим последовал вопрос об обстановке у меня дома, на что я ответила, что мне не приходится рассчитывать на поддержку родных.

Д-р П. сказал, что мне следовало бы поговорить обо всем этом с матерью и постараться как можно скорее выйти замуж. Он, кстати, сказал в этой связи: заповеди церкви имеют очень глубокий смысл, например заповедь "Не

прелюбодействуй". Ведь ребенок, который может родиться, окажется в семье, где не найдет заботливого попечения о себе.

На мое возражение, что пройдет еще несколько лет, прежде чем финансовые условия позволят мне вступить в брак, и что, конечно же, моих сил не хватит до тех пор, чтобы выдержать такое состояние, д-р П. ответил, что я должна видеть перед собой не один только год, а выдерживать день за днем и оставаться сильной. Потом он спросил, встречаюсь ли я со своим другом и знают ли об этом мои родители, на что я ответила утвердительно. И вслед за этим он дал мне *добрый совет* избегать встреч с моим другом наедине, то есть не ставить себя саму в неприятную ситуацию, чтобы потом не испытывать взаимных мук.

Д-р П. еще подбодрил меня и сказал, что я должна верить, что смогу выдержать, тогда, конечно, так все и получится. Он отпустил меня, еще раз посоветовав постараться скорее выйти замуж и сказав: "Да благословит вас

Бог".

Такого рода "советы", вызывающие смех, представляют собой следствие полной беспомощности, которая охватывает консультанта молодежи в трудной ситуации, независимо от того, верит ли он сам в рекомендуемые им средства, убежден ли в бесплодности требования воздержания или нет. Ведь сам он, не говоря о препятствиях, заложенных в сознание этого человека, всего лишь несознательный исполнительный орган авторитарной системы, отрицающей сексуальные отношения, препарат "способности к вступлению в брак", "порядочности", то есть верноподданничества. Мы увидим вскоре, что знание истины вовсе не облегчает, а лишь осложняет его положение.

Консультируют по половым вопросам и натуропаты. После одного доклада мне на заключение передали рецепт, который некий натуропат выписал 17-летнему юноше, соблюдавшему воздержание и страдавшему от дневных поллюций:

"Трижды в день по шепотке горечавки в облатке. Сварите затем 30 г растолченной конопки в 0,5 л молока до образования слизи и принимайте 3 — 4 раза в день по столовой ложке. Кроме того, принимайте каждые два дня сидячую ванну продолжительностью около 20 мин из отвара аира. Помимо этого, позвоночник хорошо массируется по вечерам смесью следующего состава: 90 г спиртового раствора арники, по 4 г настоек лаванды и Melissa, по 1 г настоек перечной мяты и тимьяна полевого. Все хорошо перемешать".

Эти советы тоже вызывают смех.

Онанизм

Онанизм предоставляет выход из трудностей, порожденных воздержанием, лишь в определенных узких пределах. Он может регулировать состояние сексуальной сферы только в том случае, если онанистический акт происходит без слишком сильного ощущения вины и нарушений процесса возбуждения, и к тому же до тех пор, пока отсутствие реального партнера не ощущается как слишком большая помеха. Конечно, он способен помочь здоровым юношам справиться с первыми бурями полового созревания. При наличии же условий, ограничивающих сексуальное развитие с детства, он лишь в крайне редких случаях выполняет эту функцию.

Лишь очень немногие юноши настолько освободились от морального воздействия, оказанного воспитанием, что без всякого стеснения прибегают к онанистическому удовлетворению. Большой же частью молодые люди с разной степенью успешности борются против настойчивого стремления к мастурбации. Если им не удастся победить свое влечение, то они мастурбируют под воздействием сильнейшего торможения и прибегают к самым вредным способам удовлетворения, например, задерживают семяизвержение. Таким образом они, несомненно, толкают себя, по меньшей мере, к неврастеническому нарушению.

Если борьба заканчивается успехом, то они снова впадают в то воздержание, от которого спаслись благодаря онанизму. Теперь, однако, ситуация стала гораздо более неблагоприятной, так как активизировавшиеся тем временем фантазии и проснувшееся половое возбуждение делают воздержание гораздо более невыносимым, чем прежде. И только немногие находят выход, лучший с сексуально-экономической точки зрения, то есть ведущий к половому акту.

До самого последнего времени онанизм был всеобщим пугалом. Совсем недавно стало модным изображать его как безвредное и вполне естественное явление. Это делается только ради защиты нравственного порядка и благодаря пониманию того, что требование воздержания неосуществимо. Такая позиция верна лишь с оговорками.

Конечно, онанизм лучше воздержания. Но на протяжении длительного срока он перестает приносить удовлетворение и начинает изрядно мешать, ибо отсутствие объекта любви становится как нельзя более заметным. Если же онанизм не приносит удовлетворения, он порождает раздражение и ощущение вины и превращается в необходимость из-за настойчивого полового возбуждения и под действием противоречий внутри собственного "Я". Недостаток мастурбации, практикуемой даже в лучших условиях, заключается также в том, что она вновь и вновь возвращает фантазию на невротические и уже покинутые детские сексуальные позиции, что опять вызывает необходимость вытеснения. Опасность возникновения невроза растет по мере увеличения продолжительности онанистического удовлетворения. И если мы сумеем внимательно понаблюдать за нашими юношами, связать суть их характеров с их половой жизнью, то нам сразу же бросится в глаза их боязливое поведение, характеризующееся большей или меньшей напряженностью. Онанизм ослабляет связи с действительностью. Легкость, с которой при его помощи достигается удовлетворение, часто делает юношу неспособным вести живительную борьбу за обретение подходящего партнера. Бодрыми, активными и живыми всегда оказываются те юноши, которые в нужный момент отважились сделать шаг от мастурбации к половому акту.

Вывод, к которому мы приходим, заключается в следующем: подобно тому, как призрак "полового акта созревающих" толкал прежде, да часто толкает и теперь к заявлению о безвредности, даже о пользе полового воздержания, так он же с недавних пор заставляет неоправданно считать, что онанизм в период полового созревания представляет собой *естественное* явление, полностью безвреден и *решает* пубертатный вопрос. Занимать как одну, так и другую позицию означает избегать ответа на самый деликатный вопрос, а именно: о половом акте созревших молодых людей.

Этот вопрос следует рассматривать как принципиально, так и конкретно с учетом ситуации, имеющейся в сферах экономики и воспитания. Такого учета избегали как бы преднамеренно во всей предшествующей литературе.

Мы показали, что именно интересы авторитарного общества косвенным путем (семья, способность к заключению брака) обуславливают ограничения, накладываемые на сексуальность молодежи, переживающей период половой зрелости, и порождают ее проблемы. Эти ограничения являются частью системы авторитарного общества, а вытекающие из них бедствия представляют собой непреднамеренно образующуюся "добавку". Но если дело обстоит таким образом, то, следовательно, будет невозможно и сексуально-экономическое решение вопроса в рамках этого общества. Мы видим это сразу, едва начинаем анализировать условия, при которых наши юноши в возрасте от 14 до 18 лет вступают в фазу половой зрелости. Мы намерены в данном контексте оставить за скобками специфику классовой принадлежности и рассмотреть только влияние идеологической атмосферы и общественных институтов.

1. Вначале юноша имеет дело с множеством внутренних тормозов, не позволяющих справиться с представлениями, сформировавшимися в его сознании под воздействием воспитания, отрицающего сексуальность. Как показывают усредненные результаты наблюдений, его половое чувство несвободно, нарушено (это особенно характерно для девушек). Наконец, оно сознательно или неосознанно обращено в гомосексуальную сферу. Следовательно, юноша (и девушка), если говорить о внутреннем мире, испытывает значительные трудности в установлении гетеросексуальных отношений.

2. Физическое половое созревание юношей блокируется психическими факторами. Можно сколь угодно часто наблюдать, особенно в мелкобуржуазных семьях, что психический инфантилизм, затянувшееся пребывание роли детей в семье с соответствующим отношением к родителям создает несовпадение физического и психического созревания.

3. В определенных слоях, испытывающих особенно сильную материальную нужду, подростки, переживающие пору полового созревания, отстают и в *физическом* развитии. Здесь имеет место как физическое, так и психическое недоразвитие при достижении физиологической половой зрелости.

4. К числу половых табу, тяжким бременем ложащихся на молодежную сексуальность, прибавляется не только отсутствие всякого общественного попечения, но и активное недопущение половой жизни, принимающее самые разные формы. Среди них:

а) Активное ограничение *необходимого просвещения* молодых людей, переживающих пору созревания, в вопросах их сексуальности. "Просвещение", ставшее сегодня модным, — только полумера, лишь усиливающая неразбериху. Например, 14-летней девушке рассказывают о сущности менструации, но изо всех сил отмалчиваются относительно природы полового возбуждения, испытываемого ею. Здесь становится ясно то, о чем мы уже говорили в другом месте: рассмотрение половой жизни с чисто биологических позиций представляет собой маскировочный маневр.

Юноше или девушке в пору полового созревания психологически менее важно знать о том, что яйцеклетка и сперматозоид встречаются для "таинства" создания новой жизни, и о том, как это происходит. Это интересует гораздо меньше, нежели "таинство" полового возбуждения, против которого они вынуждены отчаянно бороться. Но какой логический аргумент можно было бы использовать, чтобы удержать молодого человека от полового акта, если бы ему рассказали в полном соответствии с действительностью, что он теперь созрел для половой жизни и что заботы, мучающие его, и трудности, с которыми он сталкивается, порождены неудовлетворенной сексуальностью, настоятельно требующей своего? Так просвещение лишь создает для юноши или девушки еще большие трудности. Надо признать, что отсутствие просвещения и отрицание сексуальности полностью соответствуют существующей общественной ситуации. Сексуальность юноши или девушки, искаленная в период полового созревания, представляет собой продолжение того искажения, которому подвергалась сексуальность детская.

б) *Жилищный вопрос и проблема предупреждения беременности*. Здесь проблема обстоит таким образом: если при всеобщей жилищной нужде и старшее поколение трудящихся почти не имеет возможности жить так, чтобы не испытывать неудобств и помех с чьей бы то ни было стороны, то жилищная нужда молодежи, обусловленная половыми проблемами, возрастает до степени хотя и безмолвного, но ужасного мучения.

Характерно, что наши сексуальные реформаторы, которых можно так легко растрогать другими проявлениями остроты половых проблем, никогда не замечали данного обстоятельства. Да и что могут они ответить на вопрос дерзкого парня или

даже распущенной девчонки о том, почему же общество *не* заботится о них и в этом отношении? Следует ожидать, что иной попечитель, услышав такой вопрос, обратится в бегство, даже если он, как правило, и выступает перед молодежью с докладами о "половом вопросе", в которых человеколюбиво не требует воздержания до "полной душевной и физической зрелости". Он будет проповедовать "чувство ответственности" до тех пор, пока не перестанет ощущать себя ответственным за то, что молодежь, преисполнившись необходимого "чувства ответственности", предается любви в подъездах, у заборов, в сараях, испытывая постоянный страх быть застигнутыми.

А что уж говорить о противозачаточных средствах! Задиристые молодые люди могли бы задать наивный вопрос: какой, собственно, интерес обществу не информировать их о лучших методах предупреждения беременности и держать наготове врачей, вмешивающихся в том случае, если контрацептив оказался неэффективным, или оставлять молодежь без жилья?

Ясно, что такие вопросы не могут быть разрешены и на них нельзя получить ответа при общественном строе, который не признает внебрачной половой связи и даже не заботится о том, чтобы половая жизнь взрослых протекала в условиях, соответствующих требованиям гигиены.

Точно так же ясно, что без основательно подготовленного решения вопроса о половом воспитании *детей*, без решения вопроса о противозачаточных средствах и жилищного вопроса призыв молодежи к началу половой жизни, не сопровождаемый соответствующими критическими оговорками, был бы столь же вредным и безответственным, сколь и его противоположность — проповедь воздержания. Моя же задача в том и заключалась, чтобы вскрыть противоречия и доказать их неразрешимость в данный момент. Я могу лишь надеяться, что это удалось в должной мере. Но в принципе нам надо, если мы не хотим быть шарлатанами и трусами, поддерживать сексуальность молодежи, помогать молодым людям во всем, в чем можем, и делать все, чтобы подготовить окончательное высвобождение юношеской сексуальности. Это задача гигантской сложности и в высшей степени ответственная!

Теперь мы лучше понимаем половинчатость, робость и непоследовательность полового просвещения, осуществляемого ныне. Оно характеризуется следующими свойствами:

начинается слишком поздно, напускает на себя таинственность и проходит мимо самого существенного — сексуального *наслаждения*. Это объясняется противоречивостью ситуации, в которой гораздо большую последовательность проявляют те, кто выступает *против* всякого просвещения вообще. Против них надо бороться как против врагов научной последовательности, но в чем-то их позиция более ясна, нежели позиция спасителей-реформаторов, всерьез полагающих, что с помощью своего просветительства они смогут изменить положение. Противники просвещения лишь затуманивают реальную ситуацию, они маскируют необходимость коренного изменения условий нашего существования.

Все это, конечно, не означает, что можно поступать подобно д-ру П., о котором шла речь выше. В конкретном случае, после внимательного рассмотрения социального и экономического положения, а также психического состояния юноши или девушки, достигших половой зрелости, консультант не только не будет запрещать им половую жизнь, но, наоборот, посоветует начать ее. Помощь в отдельных случаях и меры, принимаемые в масштабе всего общества, — совершенно разные вещи.

В масштабе всего общества половое просвещение характеризуется пока что продолжающимся воспитанием маленьких детей в духе аскетизма, неизменным внушением юношам и девушкам представления о том, что культура требует от них

воздержания или что онанизм может иссушить их, прежде чем они вступят в честный брак. Не стоит, конечно, гордиться образом мыслей, который позволяет втайне продолжать это занятие. Такой образ мыслей — одно из позорных явлений нашего времени. Конечно, он предохраняет от выводов, от того, чтобы сделать шаг, который разделяет науку и политику.

Противоречие между растущим обобществлением жизни и общественной атмосферой, пропитанной отрицанием сексуальности, должно вести к прогрессирующему кризису юношеской сексуальности, разрешения которого в консервативном обществе не существует.

До тех пор пока молодежь находилась в семейном сообществе — девушки были преисполнены стремления вытеснить собственную сексуальность, испытывали незначительные сексуальные раздражения в ожидании мужа-кормильца, а юноши коснели в родительском доме в воздержании, мастурбировали или посещали проституток, — существовали только безмолвные страдания, невроты или сексуальная жестокость. В нынешних условиях постепенно освобождающиеся сексуальные потребности и социальное торможение, привитое в результате воспитания, с одной стороны, а с другой — сопротивление авторитарного общества вырождаются в мучительные индивидуальные конфликты. Против этого никак невозможно бороться, даже с помощью утешений приверженцев сексуальной реформы, дающих добрые советы вроде "отвлечения в духовную сферу", "жесткой постели" и "есть меньше мяса".

Я утверждаю, что современной молодежи приходится гораздо труднее, чем ее сверстникам, жившим, например, на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Те были в состоянии полностью вытеснить свою сексуальность. В наши дни открыты все источники жизни юношества, но у него нет ни опоры в обществе, ни силы, чтобы использовать эти источники.

Сексуальный кризис молодежи стал частью кризиса авторитарного общественного строя вообще. В этих рамках в масштабе общества он остается неразрешимым.

ГЛАВА VII. Принудительный брак и длительные сексуальные отношения

Дополнение, сделанное в 1945 г.:

Замешательство, вызванное понятиями "брак" и "семья", столь велико, что врач, консультирующий по вопросам личной жизни, вновь и вновь оказывается в противоречии с *формальным* понятием брака. Создается общее впечатление, что юридически заверенное свидетельство о браке является для подсознания людей, боящихся сексуальных контактов, ничем иным, как *разрешением жить половой жизнью*. Это проявляется, например, при заключении "браков военного времени" (Англ. "war marriages". —Прим. пер.):

любовные пары, которые перед выступлением на фронт хотели бы испытать счастье объятия, проникнутого чувственностью, спешат в мэрию или к бургомистру, чтобы получить соответствующее разрешение в форме свидетельства о браке. Разлука длится многие годы и постепенно стирает воспоминания о партнере. Если партнеры молоды, то оба они находят других. Этого не осудит никто, пребывающий в здравом уме. Но свидетельство о браке продолжает служить чисто формальной, бессодержательной связью. Молодые люди, которые хотели осчастливить друг друга накануне долгой разлуки и не отваживались сделать это без юридического разрешения, оказываются в ловушке. Особенно много о бедствиях, порожденных такими "бракосочетаниями", писали в США, но не нашлось никого, кто вскрыл бы суть проблемы — требование легализации любовного переживания. И тем не менее каждый знает, что "мы хотим *пожениться*" означает "мы хотим обнять друг друга".

Другая область, где понятие "брак" порождает замешательство и несчастья, — противоречие между законодательным (церковным) и фактическим содержанием этого понятия. Это содержание представляется с формально-юридических позиций

совсем иным, нежели его воспринимает компетентный психиатр.

Для юриста брак — связь между двумя людьми противоположного пола, осуществляемая на основании документа. С точки зрения психиатра, он является эмоциональной связью на основе сексуального сообщества, большей частью проникнутого желанием иметь детей. Для психиатра брака не существует, если двое людей только получили свидетельство о браке, но в остальном не образуют брачного сообщества. *Свидетельство о браке само по себе не конституирует брака.* По мнению психиатра, брак наличествует в том случае, если двое людей противоположного пола любят друг друга, заботятся друг о друге, живут вместе и расширяют свое сообщество, превращая его в семью в результате рождения детей. Для психиатра брак — практическая и фактическая связь сексуального характера, *независимо от наличия или отсутствия свидетельства о браке.* На взгляд психиатра, свидетельство о браке означает только официальное подтверждение сексуальных отношений, установить которые между собой решили и на деле осуществили *партнеры.* Существование или отсутствие брака с точки зрения психиатра обуславливается наличием партнеров, а не судейского чиновника.

Так как под действием принудительной морали сексуальная структура человека вырождается, то для женщины свидетельство о браке означает защиту от возможной безответственности мужчины, постольку оно действительно выполняет определенную функцию. К *фактическим* относятся и *естественные* браки, заключаемые без брачного свидетельства. Это явление глубоко укоренено в народном сознании. В США, во Франции, в Скандинавских и во многих других странах существует "брак на основе обычного права", признаваемый в большинстве государств и юридически. "Брак на основе обычного права" юридически не признается только там, где еще влиятелен католицизм. Но это *не* означает, как полагают многие люди, испытывающие чувство вины на сексуальной почве, что фактический брак без свидетельства *запрещен.* Не существует законов против фактического брака, заключаемого без выдачи свидетельства.

Для рациональной умственной гигиены прообразом длительных сексуальных отношений является, конечно, фактический, а не формальный брак. Это ясно, ведь умственная гигиена направлена на *внутреннее* чувство ответственности, а не на принуждение к ответственности. Принуждение к ответственности является для нее лишь крайним средством, призванным воспрепятствовать асоциальным действиям. Такое принуждение не есть желаемое конечное состояние.

Интерес к моральному саморегулированию требует не только жесточайшей борьбы и принятия строгих законов против влияния "эмоциональной чумы" в этой сфере, то есть против клеветы на партнеров, живущих в браке без свидетельства, и на их детей. Эту клевету распространяют те эмоционально зачумленные индивиды, которые сами не в состоянии ни понять столь высокоморальный тип социального поведения, ни жить таким образом. Необходима борьба против крайне аморальных действий, сравнимых с чумой, — вымогательств и иных безобразий, имеющих материальную подоплеку и становящихся возможными благодаря брачному законодательству, основанному на принудительной морали. Надо бороться против сладострастия и похоти, разжигаемых процессами о расторжении формальных, несчастных "браков", против бессмысленности утверждений о "браке" там, где правят только ненависть и низость, и тому подобных явлений.

В этой сфере извращено все, что только может быть извращено. Здесь надо разгрести гораздо больше грязи, чем где-либо еще. Любовные отношения в первую очередь должны быть защищены от всякого вмешательства экономических интересов, *следует принять строгие законы против клеветы на естественные и порядочные любовные отношения и на детей, появляющихся на свет в результате таких отношений.* Необходимо предпринять шаги по устранению

чувства вины на сексуальной почве и замене внешней принудительной морали сознанием ответственности. Время для этого давно пришло. Нигде больше не оспаривается необходимость радикальной реформы законодательства, разве что в кругах, извлекающих экономическую выгоду из существования регламентирующих сексуальные отношения законов — устаревших и губительных с точки зрения умственной гигиены.

Принудительный брак, представляющий собой лишь одну ступень развития института брака вообще, является результатом компромисса между экономическим интересом и половыми потребностями. Иному исследователю половых проблем сексуальные интересы представляются, например, в виде естественной потребности к пожизненным сексуальным отношениям только с одним партнером или в форме заинтересованности в потомстве. Конечно, они не таковы.

Чтобы глубоко изучить проблемы брака, необходимо в отдельности рассматривать каждый из двух его компонентов. При этом нам надо будет в достаточной степени отличать ту форму половых отношений, которая возникает из половой потребности и ориентирована на длительные отношения, от других, которые соответствуют экономическим интересам и положению женщины и детей в обществе. Первую мы называем *длительными сексуальными отношениями*, вторую — *браком*.

1. Длительные сексуальные отношения

Социальной предпосылкой длительных сексуальных отношений должны были бы быть материальная самостоятельность женщины, обеспечение и воспитание детей за счет общества и устранение всякого примешивания экономических интересов к этим отношениям. С длительными отношениями пришлось бы конкурировать преходящим, свободным связям чисто чувственного характера. С точки зрения сексуальной экономики, недостаток преходящих связей по сравнению с длительными сексуальными отношениями заключается в том, что мы можем хорошо изучить как раз в современном обществе. Ведь никогда прежде промискуитет, эмоционально униженный и обесцененный в результате примешивания денежных интересов не был так распространен и превращен в правило, как в век идеологии строгого моногамного брака.

Свободные сексуальные отношения, наиболее ясным проявлением которых являются связи, длящиеся всего час или одну ночь, отличаются от длительных сексуальных отношений отсутствием нежности к партнеру и интереса к нему, вызванного именно этим чувством.

Отношение к половому партнеру может быть вызвано различными мотивами, как то:

1. *Сексуальная привязанность к партнеру вследствие совместно пережитого чувственного наслаждения.* В ней имеется значительный элемент сексуальной *благодарности*, относящейся к испытанному наслаждению, и сексуальной *преданности* (не путать с покорностью), относящейся к наслаждению ожидаемому. Та и другая вместе являются основными элементами естественных любовных отношений.

2. *Привязанность к партнеру вследствие вытесненной ненависти — реактивная любовь.* Ее рассмотрение мы отложим до обсуждения проблемы брака.

3. *Отношения вследствие неудовлетворенной чувственности.* Ее характерный признак — переоценка, а ее суть — как раз торможение чувственности и бессознательно гаснущее ожидание сексуального удовлетворения. Оно легко может превратиться в ненависть.

Длительное отсутствие нежности в половых отношениях снижает чувственное переживание, а с ним и сексуальное удовлетворение. Но это имеет силу только начиная с определенного возраста, когда миновали чувственные штормы

пубертатного и послепубертатного периодов, когда в сфере сексуальной раздражительности установилась определенная уравновешенность. Нежное отношение проявляется только после определенного насыщения чувственных потребностей, если невротическое противодействие не подавило чувственные стремления.

Эти нежные стремления не следует смешивать с псевдонежностью восторженного юноши, похожей на детские фантазии, в которых он преследует идеал женщины, напоминающий его мать. При этом он осуждает чувственность, находится под давлением чувства вины, порожденного мастурбацией, и будет кандидатом в импотенты, если какие-нибудь благоприятные обстоятельства (например, вхождение в молодежную компанию) или лечение не вырвут его из невротического состояния.

Свободные связи, продолжающиеся поначалу лишь недолго и встречающиеся в определенных слоях пролетарской молодежи, кажутся мне естественными, здоровыми, соответствующими характеру молодежи формами сексуальных переживаний. По формам проявления и сути они приближаются к половой жизни молодежи примитивных народов, достигшей зрелости. Они, конечно, характеризуются высокой степенью нежности, но нежность эта еще не направлена на сохранение длительных отношений. Речь идет не о сладострастной жадности, толкающей к обновлению полового возбуждения, которую мы наблюдаем при невротических формах полигамии взрослых прожигателей жизни и у мужчин типа донжуана, а о бьющей ключом созревшей чувственности, толкающей к действию, о сладострастном стремлении завладеть любым подходящим сексуальным объектом. Такое поведение можно было бы сравнить с радостью движения, испытываемой молодым животным и убывающей с возрастом. Эту сексуальную подвижность здорового юноши тренированный взгляд наблюдателя легко отличает (если она не объясняется невротическими причинами) от истерической преувеличенной подвижности.

Свободные, непродолжительные любовные связи в зрелом возрасте не всегда должны быть безусловно невротическими. Конечно, если честно осмыслить до конца собственный сексуальный опыт и при этом отказаться от всякой оглядки на моральные нормы, надо признать, что тот, у кого не было мужества или силы на свободную половую связь (в том числе и в зрелом возрасте, и не имеет значения, идет ли речь о мужчине или о женщине), находился под давлением рационально необъяснимого, то есть невротического, чувства вины. Но и тот, кто оказывается неспособным на длительную связь, находится, согласно проверенному клиническому опыту, под воздействием детской фиксации на условиях своих тогдашних любовных переживаний. У такого человека, следовательно, не все в порядке в сексуальном отношении.

Причина этой неспособности в том, что нежные стремления коренятся в какой-либо форме гомосексуальной привязанности (что обычно встречается у спортсменов, студентов, военных и т.д.) или в том, что сфантазированный идеал закрывает своей тенью и обесценивает любой реальный сексуальный объект. В качестве бессознательной основы сохраняющегося и не приносящего удовлетворения образа жизни, изобилующего случайными связями, очень часто обнаруживается страх перед привязанностью к объекту. Каждая такая привязанность характеризуется подчеркнутой кровосмесительной направленностью и между субъектом и объектом в качестве препятствия оказывается страх инцеста. Чаще всего здесь дает себя знать нарушение оргастической потенции, препятствующее возникновению нежной привязанности к сексуальному партнеру из-за разочарования, появляющегося с каждым половым актом.

Важнейший, с точки зрения сексуальной экономики, недостаток преходящих

связей заключается в том, что никогда не будет возможным столь полное чувственное соответствие партнеров, а следовательно, и столь полное сексуальное удовлетворение, как при длительных отношениях. Это самое главное, с точки зрения сексуальной экономики, возражение против преходящих связей и самый сильный аргумент в пользу длительных отношений. К прискорбию представителя определенной идеологии брака, уже вскоре выявится, что мы вовсе не протаскиваем с помощью утонченной контрабанды этически обоснованное представление о длительной моногамии. Ведь, если мы говорим о длительных отношениях, то не имеем в виду объективно нормируемый промежуток времени. В сексуально-экономическом смысле неважно, продолжают ли такие отношения неделями, месяцами, два года или десять лет. Не подразумевается также, что они должны обязательно быть моногамными, так как мы ведь не устанавливаем нормы.

В другом месте[11] я показал ошибочность представления о том, что совершение первого полового акта с девственницей или медовый месяц приносят наибольшее удовлетворение. Этому резко противоречат данные клинических наблюдений. Такой взгляд сложился только под влиянием контраста между возделением к девственницам и наступающим с возрастом в продолжительном моногамном браке притуплением сексуальных ощущений, вызывающим тоску.

Половые отношения двух людей предполагают, что происходит взаимное приспособление сексуальных ритмов, что партнеры шаг за шагом точно изучают редко осознанные, но всегда готовые проявиться особые половые потребности друг друга, потому что только так и можно надолго обеспечить соответствующие удовлетворение и порядок в сексуальной сфере. Заключение брака без предварительного изучения сексуальности друг друга и взаимного приспособления негигиенично и большей частью ведет к катастрофам.

Другое преимущество длительных сексуальных отношений, приносящих удовлетворение, заключается в том, что они делают излишними вечные поиски подходящего партнера, освобождая тем самым людей для социальных достижений.

Итак, способность к поддержанию длительных сексуальных отношений предполагает следующие предпосылки:

наличие полной оргастической потенции сексуальных партнеров, то есть отсутствие нарушения связи между нежной и чувственной сексуальностью;

преодоление кровосмесительной привязанности и детской боязни сексуальности;

отсутствие вытеснения каких бы то ни было несублимированных сексуальных побуждений, будь то гомосексуальные или негенитальные стремления;

абсолютно положительное отношение к сексуальности и жизнерадостности;

преодоление основных элементов морализма;

способность к отношениям с партнером, основывающихся на духовном товариществе.

Если мы рассмотрим общественные стороны каждой из названных предпосылок, то придется признать, что в авторитарном обществе ни одна из них не может быть осуществлена, коль скоро речь идет не об исключениях, а о массовом явлении. Так как отрицание и вытеснение сексуальности являются специфическими и неотъемлемыми атрибутами авторитарного общества, то и характер полового воспитания должен неизбежно определяться ими. Мы видим также, что семейное воспитание укрепляет кровосмесительные привязанности, вместо того чтобы ослаблять их, что запрет кровосмешения и ограничение детской сексуальной активности разрывают связь между чувственностью и нежностью, создавая тем самым структуру "Я", отрицающую сексуальность и культивирующую негенитальные и гомосексуальные наклонности, что снова вызывает вытеснение сексуальности, а в результате и ослабление половой жизни. Кроме того, воспитание,

ориентированное на превосходство мужчины, исключает его товарищеские отношения с женщиной.

Как во всяких длительных отношениях, в сексуальных также накапливается немалый потенциал конфликта. Нас же в данном случае интересуют не трудности общего характера, с которыми сталкиваются люди, вступая в любые отношения, а особые, специфические для половой сферы. *Основная трудность любых длительных сексуальных отношений заключается в конфликте между притуплением (временным или окончательным) чувственного желания, с одной стороны, и растущей со временем нежной привязанности к партнеру — с другой.*

В процессе любой половой связи раньше или позже, чаще или реже, но проявляются периоды меньшей интенсивности чувственных отношений и даже чувственное равнодушие. Это эмпирически установленный факт, в опровержение которого нельзя привести никаких моральных аргументов. Чувственным интересом нельзя командовать. Чем лучше сексуальные партнеры настроены друг на друга, как с точки зрения чувственности, так и в том, что касается проявления нежности, тем более редкими и краткими будут перепады в их чувственных отношениях. Но любые сексуальные отношения подвержены притуплению чувственности. Этот факт не имел бы большого значения, если бы три обстоятельства порознь или вместе не осложняли ситуацию:

— притупление может наступить только у одного партнера;

— в настоящее время сексуальные отношения в большинстве случаев подкрепляются и экономическими связями (экономическая зависимость жены и детей);

— независимо от таких внешних трудностей внутренняя проблема заключается в привязанности, возникающей в процессе длительных отношений. Она и затрудняет большей частью единственный выход, возможный при отсутствии экономических связей и детей, а именно, прекращение отношений и обретение новых партнеров.

Каждый человек, особенно при нынешнем обобществлении процесса труда, постоянно подвергается воздействию разнообразных сексуальных раздражителей помимо тех, которые влияют на него со стороны партнера. В кульминационный период сексуальных отношений эти внешние раздражители не оказывают на них существенного влияния. Тем не менее, они никогда не исключаются, и результатом церковных распоряжений о фасоне одежды или мер этического характера, принимаемых обществом, а также выдвигаемых от его имени требований аскетизма вряд ли будет что-либо иное, кроме растущего возбуждения, так как сексуальные стремления только усиливаются в результате их подавления. В игнорировании этого важнейшего факта и заключается трагичность, даже трагикомичность всякой сексуальной морали, ориентированной на аскетизм.

Следовательно, новые сексуальные раздражители, от которых существует только одна эффективная защита, а именно: невротическое сексуальное торможение, порождают у каждого сексуально здорового человека более или менее интенсивные, более или менее осознанные (чем более здоров человек, тем выше степень осознанности) желания, направленные на другой сексуальный объект. В результате существующих сексуальных отношений, приносящих удовлетворение, эти желания первоначально не оказывают особого воздействия и могут быть подавлены тем успешнее, чем более они осознаны. Ясно, что это подавление тем безвреднее, чем меньше его моральный компонент, чем больше, наоборот, сексуально-экономическое обесценение или осуждение с позиций сексуальной экономики, осуществляемое в этом процессе. Если желания, направленные на другие объекты, множатся, то они сказываются на сексуальных отношениях с постоянным партнером, ускоряя притупление чувственности. Явным признаком такого притупления является снижение полового влечения перед интимной близостью и наслаждения,

испытываемого во время полового акта. Акт постепенно превращается в привычку или обязанность. Снижение удовлетворения от близости с партнером и желание обладать другими объектами суммируются и взаимно усиливаются. Против этого не помогают никакие преднамеренные действия, никакая техника любви. Теперь, как правило, начинается критическая стадия раздражения против партнера, которое прорывается или подавляется в зависимости от темперамента и воспитания. В любом случае, как однозначно показывают анализы таких состояний, ненависть к партнеру становится все сильнее. Тот факт, что ненависть к партнеру может стать тем сильнее, чем более он мил и терпим, лишь мнимо парадоксален. Но не это является причиной ненависти к нему, а то, что любовь к нему воспринимается как препятствие к удовлетворению желания, направленного на другого партнера. Чувство ненависти начинает заглушаться проявлением чрезвычайной нежности. Эта нежность, порожденная ненавистью, и бурно разрастающееся чувство вины на таких стадиях, являются специфическими компонентами приверженности к длительной связи, приверженности, которой свойственна некоторая "клейкость". Это, собственно, и есть мотивы, по которым люди, состоящие в незарегистрированном браке, столь часто оказываются не в силах расстаться, хотя им нечего больше сказать друг другу. Еще меньше они могут друг другу дать, и их отношения означают только обоюдные мучения.

Но притуплению чувственности не обязательно становиться окончательным. Хотя из преходящего оно легко может стать окончательным состоянием, если сексуальные партнеры не примут к сведению взаимные импульсы ненависти и будут отгонять от себя желания, направленные на другие объекты, как неподобающие и аморальные. За этим, как правило, следует вытеснение побуждений со всеми несчастьями и уроном, наносимым отношениям двух людей. Урон проистекает обычно из вытеснения очень сильных побуждений. Если находятся силы рассмотреть эти факты беспристрастно, без искажающего морализаторства, то конфликт развивается в мягкой форме и обнаруживается какой-нибудь выход.

Предпосылка такого решения состоит в том, чтобы нормальная ревность не превращалась в выражение претензий собственника, чтобы желание, направленное на другого партнера, признавалось естественным и само собой разумеющимся. Никому не придет в голову упрекать другого человека за то, что он не носит охотно годами одну и ту же одежду или за то, что его раздражает одна и та же еда. Только в сексуальной сфере исключительность обладания превратилась в значительную эмоциональную ценность, так как смешение экономических интересов и сексуальных отношений расширило естественную ревность до масштабов претензий на собственность.

Многие зрелые и здравые люди сообщали мне, что после окончания конфликта в их сознании переставало быть ужасным представление о том, что их сексуальный партнер один-два раза может вступить в кратковременные отношения с другим. После этого им казалась смешной прежняя невозможность придумать "измену". Бесчисленные примеры учат, что *верность, к которой побуждает совесть*, со временем вредит сексуальным отношениям. Этому противостоит множество примеров, ясно свидетельствующих, что случайная связь с другим партнером идет только на пользу сексуальным отношениям, которые как раз были готовы оформиться в брачные.

При длительных отношениях, в которых отсутствует экономическая связь, имеются две возможности развития ситуации:

— отношения с третьим лицом были кратковременными, а это доказывает, что они не могут конкурировать с длительными отношениями, что лишь укрепляет последние;

— отношения с другим партнером могут стать более интенсивными, приносить

большее наслаждение и удовлетворение, чем имеющиеся, которые в этом случае прекращаются.

Что же происходит в последнем случае с брошенным партнером, чьи любовные отношения еще не разрушены? Ему, несомненно, придется выдержать тяжелую борьбу, в первую очередь, с самим собой. Ревность и ощущение сексуальной неполноценности будут бороться в нем с пониманием судьбы его бывшего спутника. Он, возможно, будет стремиться к повторному завоеванию ушедшего партнера, что оживит автоматизм длительных отношений, разрушит уверенность в обладании. Или он предпочтет пассивное и выжидательное поведение и предоставит все своему ходу вещей. Мы ведь не даем советы, а взвешиваем возможности, соответствующие реальным фактам. Во всяком случае, трудностей будет меньше, чем несчастий, проистекающих из ситуации, когда два человека прилепляются друг к другу, движимые моральными или иными соображениями.

Жалость к партнеру, столь типичная для многих в таких случаях и проявляющаяся в том, что человек на протяжении длительного времени подавляет свои новые желания, будучи не в силах искоренить их, слишком часто превращается в свою противоположность. Тот, кто поступил так, легко начинает ощущать себя вправе требовать от другого благодарности за это, начинает рассматривать себя как жертву, становится нетерпимым, то и дело занимает позицию, которая ставит отношения под гораздо большую угрозу и делает их, конечно, куда более ужасными, чем это могла бы сделать "неверность". Но мы и не хотим скрывать, что такое внимание к потребностям партнера возможно у очень немногих людей, если учитывать нынешнюю структуру человеческого характера.

К сожалению, все эти соображения могут иметь значимость лишь для очень узкого круга людей. Во-первых, потому, что сексуальные отношения в современном обществе развиваются из-за экономической зависимости женщины совсем по-другому, чем описанные отношения двух независимых людей, во-вторых, рождение детей опрокидывает в современном обществе все соображения сексуально-экономического характера.

Следует лишь сказать о трудности, с которой сталкиваются многие мужчины и которая может привести к серьезным последствиям, если тот, кто пытается бороться с ней, не имеет ясного представления о ее сущности. Имеется в виду стадия, на которой слабеет или полностью исчезает сексуальная привлекательность партнера, и если это произошло, то у мужчины могут обнаружиться нарушения потенции. Чаще всего речь идет о недостаточной эрекции или об отсутствии возбуждения, несмотря на раздражение. При сохранении нежной привязанности или при не проявлявшемся до сих пор страхе импотенции такой случай может вызвать депрессию или даже привести к длительному половому бессилию. Так как мужчина старается теперь скрыть свою холодность, он чувствует себя вынужденным вновь и вновь пытаться совершить половой акт. Это может оказаться опасным. Прежде всего, такое отсутствие эрекции представляет собой не действительную импотенцию, а является только выражением недостаточной силы желания, обращенного к постоянному партнеру, и — обычно неосознанного — желания, направленного на другого партнера. С женщиной может происходить то же, только нарушение чувствительности имеет для нее другое значение, нежели для мужчины. Это, во-первых, потому, что женщина, несмотря на нарушение чувствительности, может совершить акт, во-вторых, потому, что она воспринимает нарушение не с такой обидой, как мужчина. Если отношения в остальном нормальны, то откровенный разговор о причинах нарушения (чувственное нерасположение или желание найти другого партнера) часто легко устраняет трудности. Во всяком случае, следует подождать до тех пор, пока нерасположение пройдет. При нормальных отношениях половое влечение, как правило, рано или поздно появляется снова. Намерение же

попытать удачи у другого партнера вполне может в такой момент закончиться провалом из-за чувств вины по отношению к прежнему другу. В остальных случаях половой акт с другими партнерами идет на пользу.

При соответствующей предрасположенности вытеснение желания найти другого партнера и попытка заглушить нерасположение к нынешнему может вызвать невротическое заболевание. Очень часто такой конфликт имеет следствием нарушение трудоспособности. Проявление заболевания заключается в том, что, не испытывая удовлетворения в действительности, больной ищет его в фантазии. Поэтому в таких случаях легко возникает настойчивое стремление к мастурбации. Исход подобных конфликтов может быть весьма различным в зависимости от предрасположенности, характера длительных сексуальных отношений, моральных позиций — как партнера, так и собственных.

Наши предрассудки, коренящиеся в сексуальной морали, оказываются, как правило, причиной очень больших несчастий, ибо большей частью одна только мысль о ком-то другом воспринимается как неверность, как нечто неподобающее и т.д. Всем должно быть известно, что такие состояния являются абсолютно неотъемлемым элементом полового влечения, что они разумеются сами собой и не имеют ничего общего с моралью. Тогда бы, конечно, снизилось число убийств возлюбленных и супругов и случаев жестокого обращения с ними. Отпали бы и многие причины душевных заболеваний, представляющих собой только недостаточный выход из ситуации.

До сих пор я говорил о трудностях, которые сами собой вытекают из длительных отношений. Прежде чем перейти к описанию дополнительных осложнений, происходящих под воздействием вмешательства экономических интересов, следует рассмотреть еще некоторые факты, являющиеся экономическими в широком смысле слова, но на самом деле представляющие собой идеологические феномены. Они оказывают затрудняющее влияние на развитие сексуальных отношений, которые еще не являются "браком". Имеется в виду идеология моногамии, которую особенно ревностно поддерживают и отстаивают женщины.

Женщине нелегко дается расторжение длительных сексуальных отношений, даже если она и экономически независима. В этом случае так называемое *общественное мнение* чувствует себя призванным вмешаться в любое частное дело. Правда, сегодня оно уже закрывает глаза на внебрачную связь женщины, но легко приходит в ярость и клеймит как проститутку любую женщину, которая позволит себе вступить в связь с *несколькими* мужчинами.

Сексуальная мораль, пропитанная собственническим интересом, превратила в нечто естественное такую ситуацию, в которой мужчина "обладает" женщиной, женщина же, напротив, "отдается" мужчине. А так как обладание подразумевает честь, в то время как отдаться означает унизиться, у женщин сформировалось боязливое отношение к половому акту. Это отношение стимулируется авторитарным воспитанием, действующим в том же направлении. Поскольку же для большинства мужчин обладание женщиной становится более доказательством их мужественности, нежели любовным переживанием, и предшествующее ощущение завоевания заглушает последующее чувство любви, постольку этот страх женщин получает трагическое оправдание.

Далее, девочка уже с молоком матери впитала заповедь о том, что позволительны сексуальные отношения только с *одним* мужчиной. Это влияние воспитания укореняется в сознании глубже и сказывается сильнее (так как оно неосознанно закрепляется под действием ощущения вины), чем половое просвещение, которое начинается слишком поздно. Нередко встречаются женщины, которые, несмотря на интеллектуальное превосходство, оказываются не в состоянии расстаться с нелюбимым мужем и отгоняют любую мысль об этом с помощью более

или менее несостоятельных аргументов всякого рода. Подлинный мотив, остающийся неосознанным, выражается примерно в таких словах: "Моя (мелкобуржуазная) мать выдержала всю свою жизнь в таком ужасном браке, значит, и я должна быть в состоянии сделать это". Эта идентификация с верной супругу матерью, живущей в моногамном браке, является в большинстве случаев самым эффективным тормозящим элементом.

Длительные сексуальные отношения, не оформленные браком, обычно не сохраняются на протяжении всей жизни. Чем раньше начинаются такие отношения, тем выше вероятность и, как легко можно увидеть, психологическое и биологическое обоснование того, что они распадутся быстрее тех, которые завязались в более позднем возрасте. Человек, если он не слишком угнетен своим экономическим положением, находится примерно до 30 лет в состоянии непрерывного душевного развития. Только в это время интересы становятся обычно более прочными и долговременными. Тем самым идеология аскетизма и моногамии оказывается в резком противоречии с процессом телесного и душевного развития. Она практически неосуществима. Это ведет к противоречивости всякой идеологии брака.

2. Проблема брака

Описанные трудности длительных сексуальных отношений усугубляются экономическими связями и становятся в действительности неразрешимыми.

Длительные сексуальные отношения, обоснованные биологическими и сексуально-психологическими причинами, становятся браком. Его идеологическим признаком являются церковные требования, согласно которым брак должен быть *пожизненным и строго моногамным*. Хотя общество и ослабляет церковную форму брака, но никогда не доходит до его внутренних противоречий, иначе оно окажется в противоречии с собственными либеральными воззрениями.

В силу экономических причин обществу приходится сохранять приверженность институту брака, а следование либеральной идеологии должно было бы заставить его сделать невозможные выводы. Эта противоречивость наблюдается во всех без исключения научных и литературных трудах. Ее суть можно вкратце сформулировать следующим образом: *браки как таковые плохи, но институт брака следует развивать и сохранять*. Первый элемент этого высказывания представляет собой констатацию, второй — требование. Первый соответствует фактам, второй — реакционной принудительной морали, для которой институт брака является неотъемлемым элементом.

В результате такого двойственного положения — констатация фактов с одной стороны, морализм с другой — авторы приходят к самой примечательной и наиболее абсурдной аргументации в защиту брака. Пытаются, например, доказать, что брак и моногамия являются "естественными" институтами, то есть биологическими явлениями. Вот и принимаются среди миллионов видов животных, ведущих, несомненно, неупорядоченную половую жизнь, усердно выискивать аистов с голубями и констатируют, что аисты и голуби моногамны — заметим, на время! — а следовательно, моногамия "естественна". Эта констатация обосновывает идеологию моногамного брака, то есть при рассмотрении проблем брака с биологической позиции тот факт, что промискуитет [\[12\]](#) среди животных является правилом, остается попросту вне поля зрения.

Но данное обстоятельство нельзя все же игнорировать полностью, и тогда на вооружение берется аргумент, что человек все-таки отличается от животного и ввиду своего "высокого призвания" должен придерживаться брака как "высшей" формы сексуальных отношений. При таком подходе человек уже более не животное, а "высшее существо", обладающее врожденной нравственностью. А если так, то выдвигается лозунг "Бороться против сексуальной экономики!" — ведь она однозначно доказала, что врожденной нравственности не существует. Но, коль

скоро нравственность не врожденная, она может быть только приобретена в результате воспитания. А кто воспитывал? Общество или его идеологическая фабрика — принудительная семья, опирающаяся на моногамный брак. Тем самым форма семьи перестает быть естественным институтом и принципиально признается ее общественный характер.

Те же, кто выдвигает реакционные аргументы, настойчивы, они умеют обеспечить себе поддержку. Отлично, говорят они, брак — ни естественный институт, ни требование, вытекающее из сверхъестественного предназначения человека. Следовательно, он — общественный институт. Таким образом, они пытаются доказать, что люди всегда жили моногамно, и отрицают всякое развитие и изменение форм сексуальности. Фальсифицируются даже данные этнологии, как это делал, например, Вестермарк, в результате чего приходят к заключению: если люди всегда жили в моногамном браке, то этот институт необходим и должен существовать для сохранения прочности человеческого общества, государства, культуры и цивилизации.

Но заметьте! Ссылка на прошлое при выдвигании такого требования, что само по себе является логическим заблуждением, следует не при наличии противоположных данных, тогда, например, придется признать, что наряду с моногамным образом жизни существовали полигамный и промискуитет, игравшие, конечно, большую роль из-за своей распространенности. Чтобы не учитывать этот аргумент, рассматривают проблему не с точки зрения вечности, а с точки зрения развития. Констатируется развитие в направлении "более высоких" форм сексуальности, подчеркивается, что примитивные народы живут в состоянии животной аморальности, и отсюда делается вывод, что нам следует гордиться преодолением такого "анархического" состояния половой жизни. При таком ходе мыслей совершенно не задумываются над тем важным фактом, что человек отличается от животного не меньшей, а более интенсивной сексуальностью (постоянная готовность к половому акту). Утверждение о "возвышении над зверем" неверно в применении к сексуальной сфере: человек превосходит животное "животностью". Становится очевидно, что при такой точке зрения приверженец моральной оценки фальсифицирует результат наблюдения, отсюда он никогда не согласится с утверждением о значительном превосходстве сексуальной экономики "примитивных" народов[13]. Но занимать такую позицию — значит отказываться от всякой возможности проверить формы сексуальной жизни, обусловленные определенным временем и местом, с точки зрения их материальной и общественной основы. Невозможность выйти за пределы морализирующего и оценивающего наблюдения означает погружение в безграничные и бесплодные дебаты. Предпринимаются попытки с моральных, метафизических или биологических позиций оправдать социальные явления, давно уже обреченные на гибель, причем это происходит под прикрытием неприкосновенной, якобы объективной научности.

Научным же познанием называется такой способ деятельности, когда предоставляется слово фактам, но из фактов сразу требований не выводят, а изучают ход развития, то есть в нашем случае социальные явления, обреченные на смерть, доводят до смерти, а новое в формах бытия человеческого общества развивают.

При строгом наблюдении над фактами встают два вопроса:

1. Какова общественная функция брака?
2. В чем заключается противоречие брака? Рассмотрим их поподробнее.

Общественная функция брака

В институте брака следует различать экономическую, политическую и социальную общественные функции. В буржуазной семье они совпадают.

Экономическая функция. История человечества свидетельствует, что брак

начинает развиваться с возникновением частной собственности на средства производства. Благодаря своей материальной основе он постоянно получает оправдание своего существования[14]. Это значит, что до тех пор, пока будет существовать частная собственность на средства производства, брак будет *общественно необходим*, будет исполнен общественного смысла. Возражение, что и классы, не заинтересованные в ликвидации частной собственности, практикуют ту же форму половой жизни, необоснованно, так как господствующая идеология всегда является идеологией господствующих классов. Форма брака не только вытекает непосредственно из его материальной основы, но и поддерживается моральными воззрениями как частью идеологической атмосферы и структурой человеческого характера, в которой гнездится страх перед жизнью. Поэтому человек и не осознает действительную основу формы своей половой жизни, ссылаясь просто на придание ей более рационального характера, Материальный базис меняет свою идеологию там и тогда, где и когда ему это необходимо. Например, после того, как численность европейцев резко сократилась в результате Тридцатилетней войны, крайстаг (окружное собрание. — Прим. пер.) в Нюрнберге издал 14 февраля 1650 г. указ, отменявший требование моногамии: "Вследствие того, что насущные нужды Священной Римской империи требуют замены населения, резко уменьшившегося за время этой Тридцатилетней войны, павшего от меча, болезней и голода... на протяжении следующих десяти лет каждому мужчине должно быть позволено взять в жены двух женщин". Вот пример, как вопрос о моногамии, якобы угодной Богу, когда это нужно правящему классу, решается по-другому.

Политическая функция. Так как длительный моногамный брак является ядром принудительной семьи, а она, как мы уже говорили, представляет собой место, где каждый член авторитарного общества, особенно в детские годы, подвергается идеологическому препарированию, то семья имеет и политическое оправдание своего существования.

Социальная функция. Патриархальное общество характеризуется материальной зависимостью женщины и детей. Таким образом, и брак обеспечивает вторичную материальную и моральную (моральную с точки зрения патриархальных интересов) защиту женщины и детей. *Поэтому на всех фазах патриархального общества необходимо придерживаться принудительного брака.* В данном случае вопрос ставится не о том, хорош или плох брак, а о том, является ли он общественно оправданным и необходимым. В обществе, в структуру которого брак входит своими корнями, желать его отмены нельзя. Можно только его "реформировать", не затрагивая самого существенного. Такое реформирование большей частью имеет характер трагикомических проказ по следующему образцу (сообщение "Пестер Лойд" от 25 января 1929 г.):

"Картонная игра как школьный предмет. Из Кливленда в Америке пришло ошеломляющее сообщение. Коллегия учителей городской школы решила ввести бридж в качестве предмета, обязательного для изучения в школе. Это примечательное новшество обосновывается соображением, что американская семья обречена на гибель из-за ослабления интереса к игре в бридж. Сколько браков уже распалось из-за того, что супруги не играли в бридж друг с другом или в хорошей компании, а развлекались порознь! Для городской школы собираются нанять двенадцать преподавателей бриджа, надеясь, что таким образом школьников не только подготовят к достойной жизни в браке, но что дети сумеют, кроме того, благотворно повлиять на своих родителей, чьи браки большей частью расстроены".

Распад браков — не новость, тем не менее приведем некоторые цифры. Для начала статистика заключения и расторжения браков в Вене за 1915 — 1925 гг.[15].

Год	Заключение браков	Расторжение браков
-----	-------------------	--------------------

1915	13954	617
1916	12855	656
1917	12406	659
1918	17123	1078
1919	26182	2460
1920	31164	3145
1921	29274	3300
1922	26568	3113
1923	19827	3371
1924	17410	3437
1925	16288	3241

Итак, если численность заключаемых браков осталась примерно одинаковой, удвоившись лишь в годы, непосредственно следовавшие за окончанием войны, то соотношение между расторжением и заключением браков составляло в 1915 г. одну двадцатую, а в 1925 г. уже одну пятую.

Газета "Пести Напло" от 18 ноября 1928 г. писала в статье, посвященной браку: "Верно, что возросло стремление к заключению брака, но ведь в суды, рассматривающие бракоразводные дела, спешат куда чаще, чем в бюро регистрации браков. Об этом свидетельствует по меньшей мере тот факт, что с 1878 г. по 1927 г. число заключенных браков *возросло в четыре раза*, но за то же время *в восемьдесят раз* увеличилось число расторгнутых браков.

В этой статье отмечается также, что большая часть браков распадается на пятом или шестом году. Из 1 645 расторжении брака, зарегистрированных в 1927 г., в 1 498 случаях супруги желали "добровольного развода", и только в двух случаях брак был расторгнут из-за супружеской неверности.

Газета "Будапести Хирлап" 24 ноября 1928 сообщает, что встревоженные депутаты верхней палате парламента поставили вопрос о росте разводов. Если в 1922 г. было расторгнуто 1 813 браков, в 1923 г. 1 888, то в 1878 г. лишь 21, а в 1879 г. только 15 браков. Со времен экономического и банковского кризиса 1898 г. численность разводов быстро увеличивается (в 1900 — 255, в 1905 — 464, в 1910 — 659). Констатируется, что самая значительная численность разводов приходится на времена экономических кризисов.

С 1931 г. во всей Европе, за исключением Чехословакии, наблюдается рост численности заключаемых браков:

Численность заключаемых браков в Европе (в 1000 ед)

Страна	1931	1932	1933	1934
Германия	514,4	509,6	631,2	781,5
Италия	276,0	267,8	289,0	309,2
Португалия	44,9	45,4	45,8	47,5
Польша	273,3	270,3	273,9	277,3
Нидерланды	59,5	55,8	59,2	60,2
Венгрия	76,4	71,2	73,2	77,7

Чехословакия	129,9	128,0	124,2	118,3
--------------	-------	-------	-------	-------

Но эти цифры, скорее, отражают усиление давления *политической* реакции (366178 семейных ссуд было выдано в Германии на протяжении трех лет, чтобы укрепить институт семьи) и их значение не следует переоценивать. Они ничего не говорят ни о внутреннем состоянии браков, ни об изменении конкретных сексуальных отношений. Основное противоречие института брака осталось без изменений.

В Советской России, где институт брака по существу отменен как юридически, так и практически, поскольку регистрация половой связи не обязательна, статистические исследования дали следующие результаты:

Численность регистрации брака в Москве увеличилась с 24899 в 1926 г. до 26211 в 1929 г., а разводов за то же время — с 11879 до 19421. Численность регистрации брака в Ленинграде составила 20913 в 1926 г. и 24369 в 1927 г., а количество разводов возросло за то же время с 5536 до 16008(!).

Линдсей приводит в своей книге *"Свободный брак"* совершенно недвусмысленные цифры, касающиеся США. В Денвере в 1922 г. на одно заключение брака уже приходился один развод. 2909 заключенным бракам соответствовали 1492 развода и 1500 случаев злонамеренного оставления семьи, что составляет в сумме 2992 случая. В 1922 г. было зарегистрировано на 45 разводов больше и на 618 заключенных браков меньше, чем в 1921 г. Количество заключенных в Денвере браков снизилось с 4002 в 1920 г. до 3008 в 1922 г. В Чикаго на 39000 браков приходилось в 1922 г. 13000 разводов, то есть ровно одна треть. "Люди робеют", — такое исполненное отчаяния замечание прибавляет Линдсей к своему отчету.

Вот еще некоторые цифры, характеризующие ситуацию в Америке и ясно показывающие, что распад брака — не выдумка. Согласно сообщению "Юнайтед Пресс" за 1924 г., в *Атланте* на 3350 заключенных браков пришлось 1845 разводов (более половины), в *Лос-Анджелесе* на 16605 — 7882 (почти половина), в *Канзас-Сити* на 4821 — 2400 (почти половина), в *Огайо* на 53300 — 11885 (пятая часть), в *Денвере* на 3000 — 1500 (половина), в *Кливленде* на 16132 — 5236 (одна треть).

Линдсей дополняет свой отчет такими словами:

"Брак в том виде, в каком он существует сейчас, означает для большинства вступивших в него просто ад. Тот, кто видел длинную-длинную процессию прошедших через мой зал суда — а это разбитые жизни, несчастные мужчины и женщины, страдающие дети, потерявшие родных и ставшие беспризорными, — тот не сможет прийти ни к какому другому выводу".

"Но если в действительности было вынесено 13000 решений о разводе, то сколько пар, желая развестись, не отважились на это? Ведь расторжение брака все еще остается в высшей степени раздражающим, дорогостоящим и неприятным делом, на которое решаются, только дойдя до крайних пределов взаимной непереносимости. Если в Чикаго в благословенном 1922 году было заключено 39000 браков, то в соответствии с крайне осторожной оценкой в дополнение к 13000 расторгнувших брак это сделали бы еще целых 26000 человек, если бы это было возможно для них. Такая моя оценка основывается на опыте, приобретенном в процессе общения с женатыми и замужними людьми, которые приходили ко мне за советом и утешением и никогда не решались на развод, хотя и очень желали его. Я полагаю, что их гораздо больше, чем тех, которые действительно обращаются в суд".

"Если цифры, приведенные выше, сравнить с данными за более ранние годы, то будет ясно видно, что количество распавшихся браков и разводов постоянно растет и вскоре сравняется с числом заключаемых браков".

"Нам известны тысячи и тысячи случаев, свидетельствовавших о

несостоятельности того или иного брака и без юридического подтверждения. Нет причины не причислять такие ситуации к расторжению брака, ведь и здесь имел бы место легальный развод, если бы ему не препятствовали какие-либо причины и стечения обстоятельств. С учетом своих как внешних, так и внутренних признаков подобные ситуации вполне описываются собирательным понятием "браков, оказавшихся несостоятельными".

Вот еще один мучительный разговор с американской девушкой, описанный Линдсеем:

"Мэри боялась брачного контракта как каких-то оков, от которых будет очень трудно избавиться, если в супружестве что-либо ее не устроит. И хотя признавала определенные преимущества юридически оформленного брака, она хотела оставаться сама себе госпожой.

Хорошо! Так, может быть, ее выбор заключался в безбрачии и подавлении своих сексуальных стремлений, которые искали нормального выхода?

На это Мэри ответила, что не хочет приносить себя в жертву фетишу единообразия. Она не хочет выбирать по принципу "или — или", так как считает и ту, и другую возможность неразумной и отвратительной. Вместо этого она размахивает знаменем бунта и говорит: "Нет! Я вместе со своим поколением найду третий путь. Независимо от того, одобряете ли вы это или нет, мы выработаем в своей среде собственный брачный контракт, совпадающий с нашими желаниями и потребностями. Мы верим, что имеем право на товарищество и интимную связь, которой инстинктивно желаем. Мы знаем о мерах защиты, исключающих нежелательное материнство, которое могло бы осложнить положение женщины. Мы не согласны с тем, что такое поведение угрожает безопасности человеческого общества, и считаем, что эта попытка заменить традицию здоровым человеческим рассудком будет иметь, скорее, хороший результат". Так говорят Мэри и ее единомышленники.

Как же должен ответить на этот вызов я, мужчина, занимающий ответственную судебную должность? Могу ли я молча пройти мимо того факта, что заключение брака происходит ради самоцели, а не ради человека? Что женитьба или замужество являются не конечной целью, а только средством на пути к достижению цели? Что, если не подходит обувь, приходится менять ее, а не ногу? Что же касается безбрачия как единственной возможности, кроме, может быть, несчастного брака, то зачем же тратить слова и выдвигать требования, которые люди все равно никогда не выполнят и которые означают насилие над естественным и необходимым влечением?"

Какие же выводы делает Линдсей из собственных утверждений и из тяжелого разговора с Мэри?

"И все же не следует прокладывать путь "свободной любви" и тому подобным вещам. Нам не обойтись без брака. Он должен сохраняться с помощью мудрого, осторожного изменения правил, регулирующих этот институт, чтобы действительно создать в жизни человека то счастье, которое может создать брак. Я твердо верю в благодатные возможности брака, которые, как я надеюсь, мне удалось разъяснить".

Мы видим, что и столь выдающийся человек, как Линдсей, делает прыжок от констатации распада брака и сексуально-экономической абсурдности этого института в царство этики, которая в действительности представляет собой только зеркальное отражение экономических потребностей, заложенных в господствующей системе. Столь быстрый прогресс распада браков в Америке объясняется, несомненно, тем, что там развитие капитализма сделало наибольшие успехи и в соответствии с этим породило наиболее острые противоречия в сфере сексуальной экономики: строжайшее пуританство, с одной стороны, и крах принудительной морали — с другой. Это мы уже видели, рассматривая вопрос о

молодежи.

Линдсей убежден, что брак следует сохранять, так как он может все-таки принести счастье. Но вопрос заключается не в том, *может ли* — причем в двойном смысле — брак принести счастье. Следует доказать, что брак действительно приносит счастье, и если это не так, то необходимо исследовать почему. Если же брак распадается, необходимо рассмотреть сексуально-экономические и экономические причины этого.

Гросс-Хоффингер, исследователь, живший в прошлом веке, в одной из своих работ пришел к такому выводу:

"Хотя он добросовестно и усердно исследовал численность счастливых браков, его исследование все же оставалось напрасным постольку, поскольку ему так никогда и не удалось *обнаружить счастливые браки* как нечто иное, нежели крайне редкие исключения из правил"[16].

Гросс-Хоффингер констатирует также:

1. Примерно половина всех браков абсолютно несчастлива.
2. Более половины браков характеризуются полной и очевидной деморализацией.
3. Моральность же оставшейся меньшей половины заключается отнюдь не в соблюдении супружеской верности.
4. 15% всех состоящих в браке занимаются развратом и сводничеством.
5. Число браков, правильных в моральном отношении, полностью стоящих над всякими подозрениями в нарушении верности (с учетом нынешних способностей на такое действие), будет для любого разумного наблюдателя, который знает заповеди природы и силу ее требований, равно нулю.

Исследовав 100 супружеских пар, Блох установил, что среди них

явно несчастны	48
равнодушны	36
Несомненно счастливы	15
добродетельны	1

Блох констатировал, что 14 из этих 100 супружеских пар "преднамеренно аморальны", 51 — "распущенна и легкомысленна", а 2 — вне всяких подозрений. Следует обратить внимание на оценивающий стиль речи. Я подверг повторному исследованию отдельные случаи и установил, что в 3 браках из тех, которые характеризовались как "счастливые", супруги были пожилыми людьми, в 13 случаях имела место неверность одного или обоих супругов, 3 характеризовались как "флегматичные", а это значит, без сексуальных претензий (импотенция или фригидность), 2 характеризовались как кажущиеся счастливыми. Если среди 15 супружеских пар, обозначенных как "несомненно счастливые", оказалось 13 неверных, то это значит, что длительный брак может быть счастливым только при условии принесения в жертву важнейшего требования идеологии брака — супружеской верности — или при условии полного отсутствия сексуальных притязаний. Собственное статистическое исследование 93 супружеских пар, взаимоотношения которых мне точно известны, дало следующий результат:

Плохие отношения или явная неверность	66
Впавшие в пессимизм или больные супруги	18
Очень сомнительная ситуация (внешне спокойная)	6
Хорошие отношения	3

Ни один из трех браков, которые я с несомненностью охарактеризовал как счастливые, не насчитывал более трех лет. Статистические данные собраны в 1925 г. С тех пор один из браков завершился разводом, другой — внутренним распадом, хотя до развода дело пока не дошло (по словам мужа, пришедшего на психоаналитическую консультацию). Третий брак в 1929 г. еще сохранялся.

Лебедева, читавшая в Москве курс лекций для зарубежных врачей, приводила интересные статистические данные о длительности половых отношений. Контролировались лишь люди, состоявшие в зарегистрированном браке, который практически почти тождествен длительным сексуальным отношениям. 19% всех зарегистрированных связей продолжались менее года, 37% — от 3 до 4 лет, 26% — от 4 до 9 лет, 12% — 10-19 лет и 6% — более 19 лет.

Эти цифры доказывают, что для создания сексуальной основы отношений между мужчиной и женщиной 4-летний срок является в среднем крайним пределом. Как намерены сторонники реформы брака справиться с этим фактом?

Еще несколько замечаний по поводу браков, которые характеризуются как хорошие и спокойные. "Спокойный" означает, что конфликты не проявляются открыто, а "хорошими" называют такие браки, в которых тихое смирение преобладает над всем остальным. Если один из таких супругов приходит на лечение к психоаналитику, то вновь и вновь вызывает удивление, насколько их переполняет бессознательная и затаенная ненависть, накопившаяся на протяжении многих лет существования брачного сообщества и проявившаяся наконец в душевном заболевании, — ненависть, которую пациент никогда до сих пор не осознавал. Неверно объяснять эту ненависть только детскими переживаниями. Можно утверждать, что перенесение ненависти с человека, который был ненавистен в детстве, на супруга последовало только тогда, когда в самом браке накопился значительный потенциал конфликта, придавший новую остроту прежним трудностям.

Как показывает мой опыт, эти браки распадаются в процессе психоаналитического лечения, если осуществлять анализ без оглядки на брачную мораль, то есть если не оставлять сознательно или бессознательно за скобками темы, которые могут поставить под угрозу прочность брака. Такие случаи действительно бывают. Опыт свидетельствует также о том, что браки, которые сумели выдержать давление пресса аналитической терапии, сохраняются только в том случае, если человек, подвергнутый анализу, сам обретает сексуальную подвижность и решается не покоряться безоговорочно строгой брачной морали. Соблюдение ее требований проявляется чаще всего невротами, играющими роль механизмов вытеснения.

Кроме того, анализ супружеских пар дал следующие недвусмысленные результаты:

1. Нет ни одной женщины, которую не посещали бы так называемые "фантазии на тему проституции". Это надо понимать не в прямом смысле. Лишь немногие женщины видят себя в фантазиях занимающимися проституцией. Речь идет почти всегда только о желании совершить половой акт с несколькими мужчинами, не ограничивая свой сексуальный опыт *одним* партнером. Понятно, что такое желание связано с представлением о проституции. Данные, полученные в результате клинического анализа характера, полностью разрушают веру в моногамную предрасположенность женщины. Некоторые психоаналитики считают эти "фантазии на тему проституции" невротическими и видят свою цель в том, чтобы освободить женщину от них. Вынести такой приговор — значит лишить себя аморальной позиции, необходимой для психоаналитического лечения, так как анализ осуществляется лишь в интересах морали, являющейся причиной болезни. Врачу же следует учитывать не моральное состояние пациента, а его здоровье, то есть экономику его полового влечения. Но если снова констатируется противоречие

между требованиями сексуальности больного и общественной морали, то окажется "неаналитичным" отвергать эти требования как "инфантильные", как козни "принципа удовольствия", ссылаясь на необходимое "приспособление к реальности" или "пессимизм", еще до тщательного исследования, еще не составив точного представления о том, действительно ли инфантильны сексуальные притязания и приемлемы ли требования реалистичности, понимаемые с точки зрения здоровья человека.

Женщину, вступающую в половые связи с многими мужчинами под воздействием своих сексуальных потребностей, не следует без долгих раздумий представлять инфантильной. Конечно, ее поведение не соответствует идеологии принудительного брака, но и только. Из-за этого она отнюдь еще не больна, но, вероятно, заболеет, слишком уж покорившись господствующей морали. Следовало бы больше считаться с тем обстоятельством, что добропорядочные женщины, приспособившиеся к реальности, — те, которые внешне без возражений взвалили на себя все тяготы брака, будучи отчасти по экономическим, отчасти по моральным причинам сексуально заторможенными, — обнаруживают все признаки невроза. Но они "приспособились к реальности".

2. Необходимо знать причины моногамной идеологии. Здесь и обнаруживаются такие феномены, как сильная идентификация с родителями, по меньшей мере внешне представлявшими точку зрения моногамии, особенно идентификация дочери с моногамной матерью, а наряду с этим ее противоположность — реакция на строгость матери в вопросах моногамии, проявляющаяся в форме *невротической полигамии*. Далее в качестве причины моногамной ориентации мы видим чувство вины перед супругом как реакцию на вытесненную ненависть к нему — к тому, кто ограничивает сексуальную свободу. В ряду душевных мотивов моногамной ориентации действуют также запрет на сексуальность в детстве и возникший тогда же страх перед сексуальными манипуляциями. *Таким образом, моногамная идеология индивида оказывается мощным реактивным средством защиты от собственных сексуальных тенденций, которые не знают антипода моногамии — полигамии или полиандрии, а стремятся лишь к удовлетворению.* Большую роль играют кровосмесительные привязанности к родителям противоположного пола. Надо сказать, что их ослабление в значительной степени разрушает моногамную ориентацию. Не в последнюю очередь проявляется как носитель моногамной тенденции и экономическая зависимость женщины. Но иногда бывает, что жесткое требование моногамии, обусловленное принципами морали, теряет силу без дальнейшей аналитической работы, если становится возможной экономическая независимость женщины.

3. Требование супруга о моногамности его жены также имеет свои особые индивидуальные причины. Экономическая основа требования моногамности, судя по предшествующему опыту, не находит непосредственного психологического выражения. Мы имеем дело прежде всего со страхом перед конкурентом, в основном перед таким, кто обладает более высокой потенцией, кроме того, супруг боится возможности получить от общества клеймо рогоносца. А ведь обманутую женщину не презирают, ей сочувствуют. Причина такого отношения заключается в том, что для женщины, находящейся в зависимом положении, неверность супруга означает действительную опасность. Напротив, неверность женщины является для общественного мнения доказательством неспособности супруга соблюсти свои господские права, а может быть, и его сексуальной несостоятельности, которая не позволила ему обеспечить верность жены. Если бы экономические интересы непосредственно воздействовали на идеологию, то наблюдалась бы обратная ситуация. Дело же обстоит таким образом, что между экономическим базисом моральных воззрений и ими самими имеется немало промежуточных звеньев,

например, тщеславие мужа, так что, в конечном счете, сохраняется традиционное понимание брака обществом, сводящееся к формуле: муж может быть неверен, жена — нет.

Противоречие брачной ситуации

Противоречие брачной ситуации вытекает из противоречия между сексуальными и экономическими интересами в браке. С точки зрения экономических интересов, выдвигаются очень последовательные и логичные требования. Важнейшим среди этих требований является самое радикальное подавление сексуальных потребностей, прежде всего у женщины. Ведь невероятно, а с точки зрения сексуальной экономики, и невозможно, чтобы полностью здоровый в сексуальном отношении человек подчинился условиям брачной морали — только *один* партнер и *на всю жизнь*. Поэтому мораль требует, чтобы женщина, а если возможно, то и мужчина не жили половой жизнью до вступления в брак. В последнем случае, правда, закрываются оба глаза. Считается, что не чувственная сексуальность, а ребенок составляет сущность брака (это верно в применении к экономической стороне брака, но не к длительным сексуальным отношениям). Супруги не имеют права, состоя в браке, вступать в половые связи с другими людьми. Верно, что эти требования необходимы для сохранения длительного брака. Но это те же требования, которые подрывают брак, обрекают его на гибель уже в момент заключения.

Требование пожизненного сексуального сообщества с самого начала скрывает в себе бунт против принуждения, который, будучи осознанным или неосознанным, оказывается тем более ожесточенным, чем более живы и активны половые потребности. Женщина оставалась до свадьбы целомудренной, она неопытна в сексуальном отношении и, чтобы быть в состоянии сохранить верность, должна вытеснять свои сексуальные потребности. Наступает момент, когда женщина находится как бы под воздействием анестезии, она остается холодной, не может ни возбудить мужчину, ни удовлетворить его, коль скоро миновала новизна переживания. И интерес здорового мужчины снижается уже очень скоро. Мужчина начинает искать других женщин, которые могут дать ему больше — так и появляется первая трещина в отношениях.

В соответствии с господствующими моральными нормами мужчина также не должен осмеливаться на слишком большие "прыжки в сторону". Он тоже должен, особенно если женился, вытеснять значительную часть своих сексуальных интересов. Хотя это и хорошо с точки зрения прочности брака, но плохо, если говорить о качестве сексуальных отношений, так как следствием вытеснения является нарушение потенции или нанесение ей травматического ущерба. Когда женщина намеревается пробудить свою сексуальность, то уже вскоре ее постигает разочарование, если она достаточно осведомлена о происходящем и ищет нового партнера. Она может даже заболеть от застоя сексуальных переживаний, от неудовлетворенности, что проявляется в форме какого-нибудь невроза.

В обоих случаях брак подрывается действием одного и того же мотива, который должен был бы обеспечить его прочность, а именно: воспитанием для супружеской жизни, отрицающим сексуальность.

К сказанному прибавляется и то обстоятельство, что все возрастающая экономическая независимость женщины помогает устранению сексуальных препятствий. Она больше не привязана к дому и детям, а знакомится с другими мужчинами. Включенность в экономический процесс учит женщину размышлять о вещах, находившихся прежде вне ее кругозора.

Браки могли бы складываться хорошо, по крайней мере на протяжении некоторого времени, при наличии сексуального совпадения и удовлетворения. Предпосылкой этого должно было быть воспитание, направленное на формирование

положительного отношения к сексуальности, сексуальная опытность до брака, преодоление господствующей общественной морали. *А то обстоятельство, что брак иногда складывается удачно, является одновременно и его могильщиком, ведь если сексуальности сказано "да", если преодолен взгляд на проблемы пола, сформированный под воздействием моральных принципов, то больше нет внутренних аргументов против связей с другими партнерами (кроме соблюдаемой определенное время, но, конечно же, не пожизненной верности, обусловленной удовлетворенностью). Идеология брака гибнет, брак больше не является браком, оставаясь формой длительных сексуальных отношений, которые именно благодаря устраненному подавлению генитальных желаний оказываются при нормальном взаимопонимании гораздо более счастливыми, чем когда-либо мог быть таковым строго моногамный брак. Таким образом, способом лечения несчастного брака является, вопреки утверждениям защитников брачных уз и буржуазному закону, супружеская неверность.*

Грубер пишет:

"Конечно, в каждом браке наступают времена — пусть даже речь идет всего лишь о мгновениях — очень дурного расположения духа, когда привязанность друг к другу воспринимается как гнетущее бремя. Легче всего справляются с этими досадными нарушениями те супруги, которые целомудренными вступили в брак и остались верны друг другу".

Конечно же, он прав: чем более целомудренными вступают люди в брак, тем более они верны друг другу в браке. Эта верность обязана своей прочностью засыханию сексуальности в результате добрачного воздержания.

Следовательно, безрезультативность брачной реформы объясняется противоречием между идеологией принудительного брака, из которой исходят констатация бедственного состояния брака и стремление к реформе, и тем, что форма брака, подлежащая реформированию, является специфической составной частью общественного строя, в котором она вполне логично находит свои экономические корни. Выше мы пытались показать, что основные элементы бедственного положения сексуальной сферы выводятся из противоречия между естественным половым влечением и идеологическим постулатом: "Внебрачный аскетизм — длительный моногамный брак". Даже сторонник сексуальной реформы констатирует, например, что большая часть браков находится в жалком состоянии из-за неполноты сексуального удовлетворения — мужчины неумелы, женщины холодны.

Он предлагает, подобно Ван де Вельде, эротизацию брака, хочет обучить супругов сексуальной технике и ожидает от этого соответствующего улучшения их отношений. Его основная идея верна, ибо брак, покоящийся на эротической основе, приносящей удовлетворение, действительно лучше неэротического.

При этом, однако, сторонник сексуальной реформы упускает из виду все предпосылки эротизации длительных сексуальных отношений. Одной из таких предпосылок была бы сексуальная опытность женщины, вообще положительное отношение к сексуальности. Но ведь конечный результат, которым определяется характер полового воспитания современного общества, известен — это целомудрие девушки и принудительная верность женщины. Обе эти установки делают необходимым вытеснение сексуальности женщиной, практикуемое в больших масштабах, а то и превращающееся в некий абсолютизм. Самая верная, самая лучшая супруга — это женщина, непритязательная в половом отношении, не особенно самостоятельная, отрицающая сексуальность или только терпящая контакты, окрашенные эротикой. *Это половое воспитание вполне последовательно, если рассматривать его с точки зрения пожизненного моногамного брака, а требование эротизации противоречит идеологии брака.* Оно формировало бы

положительное отношение к сексуальности, делало бы женщину более самостоятельной, то есть было бы в принципе враждебно браку.

Это верно понял базельский профессор Хеберлин, заявляющий в своей книге "О браке", что, хотя подлинным мотивом брака и является половая любовь, без которой "брак в полном смысле слова невозможен, она, с другой стороны, создает в браке опасный и непредсказуемый элемент, и как раз ее присутствие и превращает брачное сообщество на длительную перспективу в весьма проблематичное дело". Он приходит к выводу: "Брак как жизненное сообщество следует осуществлять вопреки связанной с ним любви". Это значит, что мужчина заинтересован в моногамном принудительном браке и может не считаться с сексуальными интересами.

Поэтому любое облегчение юридических формальностей, регулирующих бракоразводную процедуру, не имеет значения для масс. Параграф о расторжении брака означает лишь принципиальную готовность допустить развод. Но имеется ли готовность создать все экономические предпосылки, необходимые для женщины, чтобы она в действительности могла осуществить развод? Одна из таких предпосылок заключалась бы, например, в том, чтобы последствием рационализации производства становилась не безработица, а сокращение рабочего времени и повышение заработной платы. Экономическая зависимость женщины от мужчины, ее меньшая и ниже оцениваемая степень участия в процессе производства превращают брак для нее в своего рода институт защиты, даже если она как раз в условиях этих "производственных отношений" подвергается двойной эксплуатации. Женщина является, как известно, не только объектом сексуальных притязаний со стороны мужчины и детородной машиной для государства. Ее неоплаченный труд в домашнем хозяйстве косвенным образом повышает норму прибыли, извлекаемой предпринимателем. Ведь мужчина может производить прибавочную стоимость за обычную низкую почасовую плату только при том условии, что дома он получит определенный объем неоплаченного труда. Если бы на предпринимателе лежала забота о домашнем хозяйстве рабочего, то ему пришлось бы оплачивать рабочему экономку или поставить его в такое экономическое положение, которое позволило бы рабочему самому платить за такие услуги. Супруга же делает эту работу бесплатно. Если и она работает на фабрике, то ей приходится работать по несколько неоплаченных сверхурочных часов, чтобы поддерживать дом в порядке. Если же она этого не делает, страдает прочность семьи, и брак перестает быть буржуазным браком.

К экономическим трудностям добавляется еще и тот факт, что женщины, большей частью, ориентированы только на половую жизнь в браке, на эту жизнь со всем ее сексуальным убожеством, принуждением, эмоциональной бедностью, но и со свойственными этой жизни внешним покоем и привычными обязанностями, то есть с тем, что освобождает среднюю современную женщину от размышлений о ее сексуальности и от изнуряющей борьбы, которую вызывала бы внебрачная половая связь. Для сознания этой женщины имеет малое значение высокая цена, а именно: ее душевные страдания, которыми приходится платить за такое освобождение. Сознание сексуальности освободило бы женщину, возможно, от невроза, но не от сексуальных страданий, угрожающих ей сегодня.

Противоречия института брака отражаются в противоречиях реформы брака а 1а Ван де Вельде. Реформа брака путем его эротизации внутренне противоречива. Предложение Линдсея о "свободном браке" также грешит не просто констатацией упадка брака и исследованием причин этого явления, но попыткой спасти то, что разрушается, исходя из установки: "Брак — лучшая форма сексуальности". В трудах Линдсея также ясно прослеживается скачок от линии развития, соответствующей фактам, к линии оценок с позиции принудительной морали. Он выступает, например,

по моральным соображениям против пробного брака, но защищает систему свободного брака, то есть "санкционированную законом" связь мужчины и женщины при "разрешенном законом контроле рождаемости".

Если начать искать обоснование юридической санкции, то нельзя будет найти ничего, кроме представления о том, что половые отношения "*следовало бы*" признать в законном порядке. Таким образом, свободный брак отличался бы от настоящего только контролем рождаемости и легкой возможностью расторжения в отличие от ситуации, когда супруги имеют детей. Такое предложение идет, конечно, дальше всех возможных в консервативном обществе. Следует, однако, ясно видеть, что оно увязано с общественными отношениями, поэтому сексуальной экономике приходится отойти на задний план, уступив место вопросу экономического обеспечения женщины и детей. Она, следовательно, не может никак содействовать разрешению вопроса о браке.

Факты же таковы: брачный конфликт становится неразрешимым в рамках существующего строя, так как, с одной стороны, половое влечение перестает примиряться с навязанной ему формой сексуальности, что порождает распад брачной морали, а с другой стороны, способ материального существования женщины и детей делает необходимым сохранение формы брака, откуда и проистекают постоянные выступления в пользу нынешней формы сексуальных отношений, то есть в защиту брака. Данный конфликт представляет собой только продолжение другого, на более высоком уровне, который заключается в том, что в рамках авторитарного общественного строя развиваются способы производства, основанные на принципах рабочей демократии, и брачная мораль изменяется в той мере, в какой возрастает материальная самостоятельность женщин и коллективистские начала среди трудящейся молодежи. С другой стороны, сам сексуальный конфликт подготавливается сексуальными кризисами.

Брак является специфической составной частью капиталистической экономической системы и поэтому сохраняется, несмотря на все переживаемые им кризисы. Его распад и неразрешимое в этих экономических рамках противоречие с продолжающимся существованием этого института, обоснованным экономическими причинами, представляют собой лишь признаки кризисного состояния нынешней формы бытия вообще. Брак устранился сам собой, погибнет от внутренней невозможности своего существования в тот момент, когда иссякнет его материальная основа. Историческое событие — распад брака — произошло в Советском Союзе.

Насколько обветшал институт брака в сексуально-экономическом отношении, можно видеть на примере того, что после революции в России полностью и быстро распались браки, особенно в более прогрессивных слоях населения, среди передовых рабочих и служащих: ведь латентный кризис брака всегда проявляется в эпохи общественных кризисов, приобретая форму распада брака. Могут сказать, что падение морали всегда происходит в бурные времена. Мы же хотим видеть факты в их общественной взаимосвязи и перестать рассматривать их согласно нормам морали. Распад принудительной морали указывает на то, что следствием социальной революции становится сексуальная.

До тех пор, пока согласно принципам идеологии, существует нормирование половой жизни в рамках моногамного брака, она регулируется вовне, внутри же развивается анархически, что противоречит положениям сексуальной экономики. Если идеологов брака больше нельзя убедить, демонстрируя превозносимые и требуемые ими подлинные результаты нормирования половой жизни — унижение любовных отношений, убожество брака, сексуальные бедствия молодежи и прочие "милые" вещи, то на них не подействует и аргумент о том, что жизненные потребности, определяемые законами природы, не нуждаются в таком

покровительстве со стороны общества, пока общество не делает ничего, чтобы помешать удовлетворению.

Смысл обобществления человека заключается в том, чтобы облегчить утоление голода и потребности в любви. В сфере любви возможности почти всего человечества ограничиваются. Именно вмешательство классовых интересов в процесс удовлетворения основных инстинктов порождает анархию. Означает ли *устранение* нормирования половой жизни обществом применение на деле ее регулирования, основанного на *естественных законах*, то есть *сексуально-экономического*? Мы не можем ни бояться, ни надеяться, нам надо только изучать проблему, заключающуюся в том, не развивается ли общество в направлении улучшения как материальной, так и сексуальной экономики с помощью создания институтов, учитывающих потребности человека.

Несомненно одно: повсеместно пробивающий себе дорогу научный и рациональный способ рассмотрения жизни разрушит алтари любых божеств. Больше не будет охоты жертвовать здоровьем и жизнерадостностью в интересах абстрактной идеи культуры, "объективного духа" или метафизической "нравственности". Но согласятся ли ученые, как это еще бывает в наше время, поддерживать своими "научными" заключениями основанное на принципах принудительной морали регулирование человеческой жизни?

До 1918 г. говорили, что "социальная революция" была призвана реализовать научный взгляд на бытие. В России в 1917 г. совершилась "социальная революция". Попытаемся же понять, как она справилась с сексуальными проблемами, что ей при этом удалось и где она не смогла сделать того, что ожидало от нее человечество, страстно жаждавшее свободы.

Часть II. БОРЬБА ЗА "НОВУЮ ЖИЗНЬ" В СССР

Сексуальная реакция в России

Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властью предрержащими".

Карл Маркс

В последние годы множатся сообщения о реакционном развитии в сфере сексуальной и культурной политики в Советском Союзе. Они вызывают разочарование, заставляя проститься с надеждами.

В июне 1934 г. в Советском Союзе снова был введен параграф уголовного кодекса, предусматривающий наказание за гомосексуализм. Учащаются слухи о преследовании гомосексуалистов. Сторонники сексуальной реформы в Австрии и Германии, ведя на протяжении полутора десятилетий борьбу против параграфов уголовных кодексов своих стран, карающих за гомосексуализм, вновь и вновь указывали на прогрессивный Советский Союз, отменивший это наказание.

С недавних пор стало более трудным прерывание беременности в случае первых родов и для матерей, имеющих только одного ребенка, притом что аборт и так был объектом преследований. Немецкое движение за регулирование рождаемости, борясь против политической реакции, видело мощную опору в первоначальной позиции Советского Союза по этому вопросу (пример — кампания Вольфа — Кинле в 1932 г.). Теперь мы все чаще слышим о торжестве противников свободных абортов. Советский Союз также отворачивается от своих прежних взглядов.

Немецкое издательство "Ферлаг фюр зексуальпопитик" ("Издательство сексуально-политической литературы". — *Прим. пер.*) издало в 1932 г. при участии различных молодежных организаций написанную мной книгу "Борьба молодежи за

свои сексуальные интересы", чтобы показать мои взгляды и результаты практической деятельности в этой области. В работе среди молодежи мы ссылались на свободу в сексуальной сфере, предоставленную в Советском Союзе молодым, что и нашло отражение в моей книге. Коммунистическая партия Германии в 1932 г. запретила распространение книги, а годом позже и нацисты внесли ее в список запрещенных. А теперь мы слышим, что молодежь Советского Союза ведет тяжелую борьбу против старых врачей и некоторых высокопоставленных чиновников, которые вновь и вновь возвращаются к старой теории аскетизма. Мы не можем больше ссылаться на сексуальную свободу советской молодежи и видим смятение, которое охватило западноевропейскую молодежь, не понимающую, что происходит в СССР.

Мы читаем и слышим, что в Советском Союзе снова превозносится и "укрепляется" принудительная семья. Как стало известно во время написания этих строк, планируется отмена брачного законодательства, принятого в 1918 г. В борьбе против законов, являющихся юридической базой принудительного брака, мы всегда успешно опирались на советское брачное законодательство. Мы могли видеть подтверждение слов Маркса о том, что социальная революция "отменяет принудительную семью", и нам приходилось вести трудную работу, чтобы объяснить людям, связанным семьей, необходимость и полезность этого процесса. Сегодня торжествует реакционная политика в области семьи. Нам говорят: "Смотрите, с вашими теориями дело дрянь. Даже Советский Союз отказывается от лжеучения о разрушении авторитарной семьи. Принудительная семья была и остается основой общества и государства".

Мы читаем и слышим, что в связи с решением вопроса о беспризорности на родителей вновь возлагается ответственность за воспитание детей. В своей педагогической и культурной работе мы исходили из того факта, что в Советском Союзе власть над детьми была отобрана у родителей, а заботу об их воспитании передали всему обществу. Коллективизация воспитания детей была для нас, несомненно, одним из основных процессов развития социалистического общества. Каждый прогрессивно настроенный рабочий, любая мать, наделенная ясным умом, признавали и одобряли это направление развития общественной жизни в Советском Союзе. Ведя работу среди масс, мы боролись против собственного инстинкта и злоупотребления властью со стороны матерей по отношению к детям, применяли все наши знания, чтобы показать матерям, что детей у них не "отнимают", но что общественное воспитание детей должно снять с них тяготы и заботы. Мы добились успеха. Теперь же реакционно настроенные педагоги могут сказать: "Смотрите, даже в Советском Союзе покончили с глупостями, восстановив естественное право и вечную власть родителей над детьми".

Я рекомендую читателю достать русскую книгу Есипова-Гончарова "Я хотел бы быть как Сталин" ("I want to be like Stalin", 1947 г.). Эта книга была издана русским комиссариатом воспитания (Наркомпросом. — *Прим. пер.*), то есть *официально*. Она представляет собой самое гнусное из всех тех злоупотреблений детским характером в соответствии с целями власть предержащих, которые встречались мне за 30 лет работы психиатра.

В советских школах давно отказались от Далтон-плана. Методы обучения приобретают все более авторитарный характер. Мы давно уже не можем опираться на советский опыт в борьбе, которую ведем в сфере педагогики за самоуправление детей и уничтожение авторитарной формы школы.

Борясь за рациональное половое просвещение детей и юношества, мы всегда ссылались на успехи Советского Союза в этой сфере. Но вот уже который год мы ничего не слышим о каких-либо новых достижениях, кроме того разве, что идеология аскетизма принимает все более жесткие формы.

Следовательно, нам приходится констатировать *торможение сексуальной*

революции, более того, возвращение вспять к формам регулирования любовной жизни, основывающимся на авторитарной морали.

Мы узнаем из самых различных источников, что в Советском Союзе сексуальная реакция постоянно берет верх, а прогрессивные круги не в состоянии объяснить эти процессы, пытаются обрести ясность и не находят ее, оказываясь поэтому бессильными перед злоупотреблениями властью со стороны реакции.

Замешательство как в Советском Союзе, так и вне его ставит, таким образом, на повестку дня вопрос о советской сексуальной политике. Что случилось? Почему сексуальная реакция берет верх? Из-за чего потерпела крах сексуальная революция? Что следует делать? Это вопросы, которые сегодня должны интересовать каждого воспитателя, любого, кто занимается социальным попечением, и каждого теоретика или практика экономической политики.

Аргумент, в соответствии с которым политическая реакция может помешать открытому обсуждению этого вопроса, несостоятелен. Во-первых, политическая реакция никогда не сможет встать на точку зрения научной сексуальной политики, чтобы выступить *против* нынешних мер, принимаемых в Советском Союзе. Напротив, она *торжествует*, наблюдая за этими мерами. Во-вторых, прояснение данного вопроса в европейском и американском рабочем движении важнее оглядки на возможный престиж. Замешательство вредит. Во Франции "Юманите" уже провозгласила борьбу за спасение "расы" и "французской семьи". Реакционные меры, принимаемые в Советском Союзе, сегодня известны каждому и их нельзя отрицать.

Регресс в сексуальной сфере, наблюдаемый в Советском Союзе, связан с обидами вопросами революционного культурного развития. Мы знаем, что направление движения к самоуправлению в общественной жизни отступили в пользу авторитарного руководства обществом. Регресс, проявляющийся в сексуальной сфере, наиболее четко и яснее всего осознается именно здесь, так как сексуальный процесс в обществе всегда был ядром процессов его культурного развития. Мы видим это на примере политики фашизма по отношению к семье столь же ясно, как и в истории первобытного общества при переходе от матриархата к патриархату. В первые годы существования коммунистического государства коренному изменению экономических отношений сопутствовала революция в сексуальной жизни. Эта сексуальная революция была объективным выражением революционного преобразования культуры. Без понимания сексуального процесса в Советском Союзе нельзя понять и происходящий там процесс культурного развития.

Катастрофичной окажется та ситуация, в которой вожди революционного движения попытаются защищать реакционные, мещанские взгляды, используя ярлык "мелкобуржуазности", наклеиваемый на приверженца сексуальной революции. Возвращение к китчу в различных формах является только выражением неудачи прорыва вперед.

В этой работе мы лишь в самом общем виде намечаем соотношение между торможением сексуальной революции и регрессом в культурно-политической сфере. Может быть, в ближайшее время удастся получить материал, необходимый для уяснения общих вопросов культуры. Полезнее все же исследовать сначала ядро культуры, чем поступать наоборот, запутывая общую дифференцированную проблему культуры без знания ее основы, структурированной в соответствии со структурой человеческой личности.

ГЛАВА I. "Упразднение семьи"

Сексуальная революция в Советском Союзе началась с распадом семьи. Она распадалась самым радикальным образом во всех слоях населения — здесь раньше, там позже. Этот процесс был болезненным и хаотическим. Он вызвал ужас и смятение. Так была в высшей степени недвусмысленно доказана правильность

сексуально-экономической теории в части, касающейся сути и функции принудительной семьи. Патриархальная семья является в структурном и идеологическом отношении очагом воспроизводства всех общественных порядков, покоящихся на *принципе авторитета*. С ликвидацией этого принципа автоматически должна испытать потрясение и сама семья.

В распаде принудительной семьи выражается то обстоятельство, что сексуальные потребности людей взрывают оковы, наложенные на них экономическими и властными связями, существующими в семье. *Происходит отделение экономики от сексуальности*. Если в условиях первобытно-коммунистического матриархата экономика служила удовлетворению потребностей всего общества (в том числе и *половых*), если в условиях патриархата сексуальные потребности служили меньшинству, а значит, и подвергались принуждению с его стороны, то настоящая социальная революция, несомненно, направлена на то, чтобы снова поставить экономику на службу удовлетворению потребностей всех членов общества, занятых производительным трудом.

Данный поворот в отношениях между потребностями и экономикой является одной из важнейших характеристик социальной революции. Распад семьи можно понять только с учетом этого общего процесса. Он осуществился бы быстро и радикально, к тому же без помех, если бы речь шла только о том, чтобы устранить бремя, которое означают для членов семьи семейные экономические связи, и высвободить силу половых потребностей, скованных этими связями. Суть проблемы, следовательно, не столько в причинах распада семьи — они очевидны. Гораздо труднее ответить на вопрос о том, почему этот распад представляет собой такое болезненное психическое явление, как ни один другой переворот.

Экспроприация средств производства болезненна только для их прежних владельцев, но отнюдь не для массы, не для носителей революции. Ликвидация же семьи затрагивает как раз тех, кто должен осуществить экономический переворот, — рабочих, служащих, крестьян. Именно здесь с наибольшей четкостью и проявляется консервативная функция семейных связей. Благодаря очень сильным семейным чувствам торможение сказывается именно на носителе революции. Его привязанность к жене и детям, его любовь к сколь угодно убогому дому, его тяга к привычной жизни и т.д. более или менее препятствуют осуществлению главного деяния революции — преобразованию человека. Подобно тому, как, например, в процессе формирования фашистской диктатуры в Германии семейные привязанности оказали тормозящее воздействие на революционные силы, что только и позволило Гитлеру создать империалистическую, националистическую идеологию на прочном фундаменте таких отношений, эти привязанности и во время революции тормозят намеченное *изменение* жизни. Возникает тяжелое противоречие между распадом основ семьи и структурой человеческого сознания, ориентированной на семью. Люди не так-то легко и быстро поддаются изменениям, они хотят сохранить семью, причем большей частью в силу эмоциональных привязанностей и бессознательных стремлений. Замена патриархальной формы семьи трудовым коллективом, несомненно, представляет собой ядро проблемы культуры в условиях революции. Никто не должен обманываться, слыша зачастую очень громкий бунтарский крик: "Прочь от семьи!". Часто как раз тот, кто громче всех требует уничтожения семьи, неосознанно привязан к своему детству, проведенному в семье. Такие глашатаи мало пригодны для теоретического и практического решения сложнейшей из всех проблем — замены семейных связей общественными. Если не удастся одновременно с созданием саморегулирующегося общества, основанного на принципах рабочей демократии, обеспечить укоренение этих принципов в психической структуре человека, если на длительное время сохранятся чувства семейной привязанности, то неизбежно должна возникнуть и будет все

более расширяться трещина между развитием экономики и структуры массового сознания, то есть культуры, в таком обществе. Переворот в культурной надстройке не происходит потому, что начало, являющееся его носителем, то есть *психическая структура человека*, не испытывает *качественных изменений* одновременно с экономическими преобразованиями.

В работе Троцкого "Вопросы быта" мы находим немало материала, касающегося распада семьи в 1919 — 1920 гг. Констатируются следующие факты.

Семья, в том числе пролетарская, "ослабла". Этот факт рассматривался на совещании с московскими агитаторами как непреложный, и его никто не оспаривал. Во время совещания ему давались различные оценки: "одни были спокойны, другие сдержанны, третьи нерешительны". Всем было ясно, что наблюдается "какой-то крупномасштабный, весьма хаотичный процесс, который вскоре примет трагические формы", который еще "вовсе не смог раскрыть скрытые в нем возможности формирования нового, более высокого семейного устройства". Сообщения, указывающие на крах семьи, просачивались и в печать, "даже если это происходило чрезвычайно редко и в общей форме". Многие полагали, что в распаде рабочей семьи следовало усматривать проявление "буржуазного влияния на пролетариат". Многие другие считали такое объяснение неправильным. Они полагали, что проблема сложнее и глубже. С их точки зрения, влияние буржуазного прошлого и настоящего на пролетариат было естественным. Главный же процесс, по их мнению, надлежало искать в "эволюции самой пролетарской семьи", происходящей в болезненных и кризисных формах, и люди были свидетелями первых, в высшей степени хаотичных этапов этого процесса.

Наблюдавшие тогда за процессами, протекавшими в области семейной жизни в послереволюционной России, видели, что первый период разрушения еще далеко не закончен. Расшатывание и распад семьи еще шли полным ходом. Повседневная жизнь оказалась гораздо консервативнее экономики, в том числе и потому, что она осознавалась гораздо меньше по сравнению с хозяйственными проблемами.

Далее отмечалось, что распад старой семьи не ограничивался самым верхним слоем рабочего класса, то есть коммунистическим авангардом, слоем, подверженным наиболее сильному воздействию новых отношений, но, выходя за его пределы, проникал и в более глубокие слои. Бытовало и мнение о том, что коммунистический авангард испытал раньше и в более жесткой форме то, что было более или менее неизбежным для рабочего класса в целом.

Мужчина или женщина все более и более вовлекались в выполнение общественных функций, и тем самым лишалась основы притязание семьи на принадлежность ей того или иного ее члена. Подраставшие дети попадали в коллективы. Так возникала *конкуренция между семейными и общественными связями*. Но если общественные связи были новы, молоды, едва рождались, то семейные гнездились во всех порах повседневной жизни, в каждом проявлении психической структуры. Духовная скудость сексуальных отношений, характерная для большинства браков, не могла конкурировать с новыми, исполненными жизнерадостности сексуальными отношениями, практиковавшимися в коллективах. И все это происходило на основе прогрессирующего искоренения главной связи в семье — материальной власти мужчины над женой и детьми. Экономическая связь разорвалась, а с ней разрушились и сексуальные препятствия к освобождению. Но это еще не означало "сексуальной свободы".

Внешняя свобода, позволяющая достичь сексуального счастья, еще не есть само сексуальное счастье. Его достижение предполагает прежде всего психическую способность создавать счастье и наслаждаться им. Но в семье на место генитальных потребностей большей частью приходили зависимости, напоминающие младенческие или болезненные сексуальные привычки. Это были потребности,

оснащенные всей силой сексуальной энергии, но разрушавшие любую биологически нормальную оргастическую способность к переживанию. Члены семьи сознательно или бессознательно ненавидели друг друга и заглушали ненависть судорожной любовью или клейкой зависимостью, которая едва ли могла замаскировать свое происхождение из скрытой ненависти. В эпицентре проблем семейных отношений стояла неспособность искалеченной в генитальном и сексуальном отношении женщины с ее неготовностью к экономической самостоятельности, позволяющей отказаться от защиты со стороны семьи, оборачивающейся рабством, и от суррогатного удовлетворения, которое давало ей господство над детьми.

Женщина, вся жизнь которой характеризовалась убожеством сексуальных отношений и экономической зависимостью, видела в выращивании детей смысл своего существования. Она воспринимала любое, даже благотворное для детей, ограничение семейных отношений как нанесение ей тяжелого ущерба и умела оказывать таким действиям сильное сопротивление. Это сопротивление вполне понятно, и с ним приходилось считаться. В романе Гладкова *"Новая земля"* со всей ясностью показано, что трудности борьбы за создание коллектива нельзя хотя бы приблизительно сравнить с тяжелой борьбой женщины за дом, семью и детей. Коллективизация жизни вначале происходила под воздействием сверху, посредством декретов и при поддержке революционной молодежи, разорвавшей пути родительского авторитета. Но препятствия, порождавшиеся семейными связями, с каждым шагом, который средний представитель массы хотел сделать в направлении к коллективизации, давали себя знать, проявляясь, в первую очередь, в его собственных неосознанных чувствах зависимости от семьи и тоске по ней.

Трудности и конфликты, возникающие в маленьком мирке повседневной жизни, коренились не в каком-то "случайном", "хаотическом" состоянии, сложившемся из-за "неразумия" или "безнравственности" людей. Эта ситуация вполне согласуется с законом, который определяет отношения между формами сексуальности и общественной организации.

В первобытном обществе, которое было структурировано на основе коллективистских принципов "первобытного коммунизма", единицей социальной структуры является клан, сумма всех кровных родственников, происходящих от одной праматери. Внутри этого клана, представляющего собой и экономическую единицу, существует только внутренне слабый парный брак. В той мере, в какой ввиду коренных экономических изменений кланы подчиняются зародышу патриархальной семьи вождя, начинается и разрушение клана семьей. Семья и клан приходят в антагонистическое противоречие друг с другом. Чем дальше, тем больше семья занимает место клана в качестве экономической единицы, становясь тем самым точкой кристаллизации патриархата. Вождь в клановой организации, зиждущейся на материнском праве, не занимавший первоначально никакой антагонистической позиции по отношению к клановому обществу, постепенно становится патриархом семьи, получает благодаря этому экономические преимущества и шаг за шагом превращается в патриарха всего племени. Впервые возникает, как было доказано, классовое противоречие между семьей вождя и подчиненными ему кланами племени. Следовательно, первыми классами были семья вождя, с одной стороны, и род — с другой.

По мере развития материнского права в отцовское, семья получает наряду со своими экономическими функциями и другие, более значительные. Речь идет об изменении места человека в социальной структуре, о его превращении из свободного члена клана в угнетенного члена семьи. Этот процесс наиболее отчетливо выражен в современной большой индейской семье. Обособляясь от клана, семья становится не только организацией, где формируются первоначальные классовые отношения, но и институтом социального угнетения в границах семьи и

вне их. Возникающий таким образом "человек семьи" начинает, изменяя свою психологическую структуру, воспроизводить формирующуюся патриархальную классовую организацию общества. Важнейший механизм этого воспроизводства — поворот от положительного отношения к сексуальности к ее подавлению, а его основа — материальное превосходство, которого добился вождь.

Подытожим вкратце суть этого психического поворота: на место свободных, добровольных, движимых только общими жизненными интересами отношений между членами одного клана и племени приходит противоречие между экономическими, а с ними и сексуальными интересами. На место добровольной работы приходит требование выполнения этой работы и бунт против требования, на место естественной социальной общности — моральное требование, на место воинства, основанного на боевом товариществе, — дружина, строящаяся на авторитарных началах, место добровольного счастливого любовного союза занимает "душевный долг", клановая солидарность уступает место семейной связи, одновременно с появлением которой возникает и бунт против нее.

Жизнь, упорядоченная сексуально-экономическими методами, заменяется сексуальными ограничениями, а с ними впервые появляются душевные заболевания и половые извращения. Биологический организм, обладающий естественной силой и уверенностью в себе, становится беспомощным, испытывает нужду в защите, боится высшей силы. Естественная оргастическая сила уступает место мистическому экстазу, будущим "религиозным переживаниям", и неутолимой тоске, вызванной состоянием вегетативной нервной системы. Ослабленное "Я" каждого ищет опоры в помощи и идентификации с племенем, постепенно превращающимся в "нацию" с вождем, который, в свою очередь, постепенно становится патриархом племени, а в конце концов и королем. Рождение структуры подданных совершилось, и закреплено укоренение порабощения человека в этой структуре.

Согласно постулатам, сформулированным Марксом в "Коммунистическом манифесте", одной из главных задач социальной революции является упразднение семьи. То, что здесь раскрывается в качестве теоретического положения, сформулированного в результате исследования процессов общественного развития, нашло позже свое подтверждение на примере развития общественной организации в Советском Союзе. Место семьи начала занимать общественная организация, имевшая определенные черты сходства с кланом первобытного общества, а именно: *социалистический коллектив* на предприятии, в школе, в колхозе и т.д. Но социальная революция в Советском Союзе на первой своей фазе открывает перед нами новый поворот этого процесса — восстановление первобытно-коммунистических отношений на более высоком, цивилизованном уровне, *перелом от отрицания сексуальности к положительному отношению к ней*.

Различие между кланом доисторических времен и коллективом при коммунизме заключается в том, что первый базируется на кровном родстве и в этом качестве становится экономической единицей. Социалистический же коллектив при коммунизме состоит из людей, не связанных кровным родством, и основывается на выполнении совместных экономических функций. Он возникает как экономическая единица и с неизбежностью ведет к формированию личных отношений, которые характеризуют или, лучше сказать, начинают характеризовать его как сексуальный коллектив. *Подобно тому, как в первобытном обществе семья разрушила клан, в коммунизме экономический коллектив разрушает семью, которая начала "крошиться" уже в условиях капиталистического кризиса.*

Процесс приобретает обратное направление. Если семья укрепляется в идеологическом или структурном отношении, то развитие коллектива тормозится. Если преодолеть торможение не удастся, то коллектив саморазрушается, не будучи в силах преодолеть границы структуры характера человека, ориентированной на

семью. Так происходило, например, в молодежных коммунах (см. ч. II, гл. V). Процесс, происходящий в начале развития коммунизма, можно охарактеризовать как *конфликт между экономическим коллективом с присущей ему тенденцией положительного восприятия сексуальности и сексуальной самостоятельности, с одной стороны, и структурой индивидов, характеризующейся индивидуалистически-семейственной ориентацией, боязнью сексуальных отношений, — с другой.*

ГЛАВА II. Сексуальная революция

1. Законодательство, стремящееся вперед

Самым четким выражением первого натиска сексуальной революции на систему традиционной сексуальности было советское право, регламентировавшее новые сексуальные отношения. Большинство традиционных положений в этих законах буквально поставлено на голову. (Хотя позже сексуальная реакция, например в пробелах брачного законодательства, в законах об аборте и т.д., снова обретала почву там, где сразу же не был осуществлен этот переворот в полном объеме.)

Чтобы лучше понять полный антагонизм морального регулирования, основанного на сексуальной *морали* и сексуальном *регулировании*, необходимо противопоставить законодательство времен революции прежнему, времен царизма. Излишне подробно здесь доказывать, что либеральные и "демократические" законы, регулирующие половые отношения, в принципе, ничем не отличаются от царских законов, а по степени сексуального угнетения, санкционируемого ими, — лишь незначительно. Регулирующие меры, основанные на сексуальной морали и авторитарных принципах, всегда оставались, по сути, одними и теми же. Это важно подчеркнуть, потому что мы должны полемизировать с точкой зрения, согласно которой меры, принимаемые в Советском Союзе, лишь ставят другой авторитарный порядок на место капиталистического строя, то есть, например, что советский закон о браке представляет собой просто упразднение угнетения, а не принципиально *иное*, начиная с основы, регулирование данной проблемы. Проблема сексуальной экономики заключается как раз в сути этого другого характера "порядка".

Прочитаем сначала выдержку из царского законодательства:

"Ст. 106. Муж обязан любить свою жену как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей.

Ст. 107. Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семьи, пребывать к нему в любви, почтении и послушании, оказывать ему угождение и привязанность как хозяйка дома.

Ст. 164. *Власть родительская* распространяется на детей обоего пола и всякого возраста.

Ст. 165. Родители, для исправления детей строптивых и неповинующихся, имеют право употреблять домашние исправительные меры. В случае же безуспешности сих мер в родительской власти:

1) детей обоего пола, не состоящих в государственной службе, за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки заключать в тюрьму;

2) приносить на них жалобы в судебные установления. За упорное неповиновение родительской власти, за развратную жизнь и другие явные пороки дети по требованию родителей без особого судебного следствия подвергаются тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев. В этом случае родители вправе увеличивать продолжительность тюремного заключения по своему усмотрению или объявлять о вступлении наказания в силу".

Попытаемся составить общее представление о том, в чем выражается моральное

регулирование. Супруги находятся под принуждением морального обязательства, закрепленного законом. Муж *должен* любить свою жену независимо от того, может он или нет, а позже — желает он этого или нет. Жена *должна* быть покорной домохозяйкой. Изменение ситуации, ставшей безнадежной, невозможно. Закон прямо уполномочивает родителей использовать предоставленную им власть над детьми как раз в тех целях, которые абсолютно едины с интересами авторитарной государственной власти, например за "упорное неповиновение родительской власти (представительнице власти государственной) детей можно сажать в тюрьму сроком от 2 до 4 месяцев.

Ввиду столь откровенного выражения приверженности государственному строю, зиждущемуся на патриархальной основе, кажется почти невероятным, сколь мало внимания революционное движение уделяло и все еще уделяет сексуальному угнетению как *главному* средству порабощения человека. Сексуальной экономике не было нужды вскрывать содержание и механизмы угнетения какого бы то ни было рода, так как они открыто проявлялись и проявляются в любом законодательстве, в любом феномене культуры патриархата. Проблема заключается в том, почему этого *не* видели, почему *не* было использовано мощное оружие, которым оборачивается такое разоблачение. Как царское, так и любое другое реакционное законодательство дает ясный ответ на вопрос сексуальной экономики о сути этой проблемы: *целью порядка, основанного на авторитарной морали, является сексуальное угнетение*. Везде, где бы ни осуществлялось моральное регулирование с использованием своего главного средства — сексуального угнетения, не может быть речи о настоящей свободе.

О значении, которое социальная революция придавала революции сексуальной, свидетельствуют два декрета за подписью Ленина, изданные уже 19 и 20 декабря 1917 г. Они, по существу, упраздняли все прежнее законодательство о браке и семье. Один декрет назывался "Об *отмене* брака ", но его содержание было не таким однозначным, как название. Второй декрет назывался "О гражданском браке, о детях и о внесении в акты гражданского состояния". Оба закона лишали мужчину права на руководство семьей, предоставляли женщине полное материальное, а равно и сексуальное самоопределение, объявляли само собой разумеющимся право женщины на свободный выбор имени, места жительства и гражданства. Любому разумному современнику событий было ясно, что законодательство лишь обеспечило *внешние* условия процесса, который еще только должен был развернуться. Таким способом ему была придана определенная идеологическая форма. Недвусмысленное провозглашение отмены патриархальной власти посредством революционного закона разумелось само собой. С отстранением от власти прежнего господствующего класса, с ликвидацией его государственного аппарата подавления прекратилась, конечно, и отцовская власть над членами семьи, прекратилось и представительство государства *внутри* принудительной семьи как структурообразующей ячейки классового общества.

Если бы тогда была понята логическая и безусловно необходимая связь между авторитарным государством и патриархальной семьей как сферой, в которой происходит воспроизводство структур этого государства, если бы из понимания данной связи были бы сделаны практические выводы, то революция избежала бы некоторых бессмысленных дискуссий и ошибок, более того, и попятного движения, вызывающего опасение. Главное, если бы это произошло, то можно было бы найти правильные аргументы и принять должные меры против представителей старой идеологии и морали, которые шаг за шагом начали повсюду оживать. Они занимали высшие должности, а участники революционного движения и не подозревали, какой вред причиняли эти люди.

В соответствии с общей тенденцией к упрощению жизни, характерной для

советской системы, расторжение принудительного брака было чрезвычайно облегчено. Сексуальный союз, который все еще назывался "брачным", можно было столь же легко расторгнуть, как и заключить. При этом решающее значение имело только "свободно выраженное согласие" партнеров. Никто не мог принудить другого вступить в связь, если это противоречило его "свободной воле". Вопрос об отношениях между партнерами больше не решало государство. Сохранение или расторжение этих отношений зависело только от решения самих партнеров. Стало бессмысленным требовать причин для развода. Если один из партнеров хотел выйти из сексуального сообщества, он не был обязан обосновывать свой шаг. Директор института социальной гигиены в Москве Баткис писал, что брак и его расторжение стали исключительно частным делом, а "принцип задолженности", или "расстройства", — "абсолютно чуждым" советскому закону.

Регистрация отношений перестала быть обязательной. Сексуальные отношения, в которые один из партнеров вступал помимо существующих, даже при регистрации последних, "не преследовались". Тем не менее неуведомление партнера о таких отношениях рассматривалось как "обман". Обязательство выплаты алиментов первоначально считалось только "переходной мерой". В случае развода оно сохраняло силу лишь на протяжении шести месяцев и только при условии, если один из партнеров был безработным или нетрудоспособным. Переходный характер требования о выплате алиментов становится вполне понятным, если учитывать тенденцию советской системы к установлению полной экономической независимости всех членов общества. В первые годы после революции эта обязанность имела лишь функцию помощи преодоления первых трудностей, препятствовавших реализации замыслов, заложенных в самой сути общественного строя и направленных на достижение полной личной и экономической свободы. Но семья была упразднена только юридически, а не фактически. Ведь до тех пор пока общество не может обеспечить пропитание всем взрослым и подрастающему поколению, сохраняется функция семьи, заключающаяся в том, чтобы в качестве представителя общества гарантировать социальную обеспеченность всем своим членам. Как регистрация брака, так и выплата алиментов задумывались, следовательно, как переходные институты. Если кто-либо жил длительное время в зарегистрированном браке и оказывал материальную помощь своей семье, то для нее возникал ущерб в том случае, когда этот человек брал на себя новые семейные обязательства. Не сообщая своей первой жене о новых отношениях, он, несомненно, обманывал ее. Из таких семейных отношений возникало, следовательно, само собою торможение сексуальной революции или противоречие смыслу советского закона, недвусмысленно гарантировавшего личную свободу, в том числе и при отношениях с несколькими партнерами.

Здесь мы впервые сталкиваемся с реальным противоречием между элементом советской идеологии свободы, предвосхитившей в законодательстве о браке будущую сексуальную свободу, которую еще только предстояло достичь, и реальными условиями семейного бытия. Обязанность уплаты алиментов и заинтересованность в этом женщин, *еще не ставших свободными*, противоречили желанной свободе. Позже мы обнаружим такие противоречия во множестве. Здесь же важно не то, что противоречия существовали, а то, *в какой форме* они были разрешены, шло ли разрешение в соответствии с первоначальным направлением, то есть к свободе, или к торможению.

Советский закон явственно обнаруживает, таким образом, с одной стороны, элементы, предвосхищающие в идеологическом отношении желаемое конечное состояние, с другой стороны, элементы, свидетельствующие об учете переходного характера ситуации. Только прослеживая с самого начала динамическое развитие этих противоречий между желаемой целью и действительным положением в данный

момент, можно разгадать загадку торможения сексуальной революции в Советском Союзе, все сильнее дающего себя знать.

Лицемеры, рассуждающие на темы культуры и о половых проблемах, часто призывают на помощь Ленина для поддержки своих реакционных позиций. Полезно поэтому будет услышать, сколь ясно Ленин видел, что с помощью законодательства положено только начало культурной революции, а с ней и революции сексуальной.

Дискуссии среди населения о "переустройстве личной и культурной жизни", о так называемом "новом быте", длились годами. Этим дискуссиям были свойственны такие воодушевление и активность, которые могли проявить лишь люди, только что сбросившие тяжелые оковы и ясно понявшие, что им надлежит совершенно заново строить свою жизнь. Дискуссии о "половом вопросе" продолжались с начала революции, пока в конце концов не затихли. Мы как раз и пытаемся понять, почему они затихли и уступили место попятному движению. Характерно, что в 1925 г., когда, согласно сообщению Фанины Халле^[17] дискуссия о половом вопросе достигла кульминации, тогдашний народный комиссар (юстиции. — Прим. пер.) Курский должен был начать новый проект кодекса о браке и семье словами Ленина:

"Конечно, с помощью одних только законов всего не сделаешь, и мы ни в коем случае не удовлетворимся одними декретами. Но в области законодательства мы уже осуществили все, что от нас требовалось, чтобы уравнивать положение женщины и мужчины, и мы можем по праву гордиться этим. Положение женщины сейчас таково, что оно, с точки зрения даже самых развитых стран, может быть названо идеальным. Но мы говорим себе, что это, конечно, только начало".

"Начало" чего? Если понаблюдать за дискуссиями, столь будоражившими тогда все умы, то можно сказать, что консерваторы располагали всей сокровищницей старых аргументов и "доказательств". Революционеры же, хотя и точно чувствовали, что на место "старого" должно прийти что-то "новое", но не могли найти слов, чтобы верно выразить суть этого нового. Они боролись смело и неутомимо, но в конце концов ослабели и оказались несостоятельными в дискуссии потому, что им самим приходилось с большим трудом ковать свое оружие, искать аргументы в бурной жизни революции, а также потому, что они сами, в известной мере, были пленниками старых понятий, которые обхватывали их, как водоросли пловца.

Любое усилие, направленное на раскрытие противоречий советской культурной революции, осталось бы напрасным, если бы не удалось таким образом понять смысл наиболее трагической битвы за новое во всей истории борьбы за эту цель, с тем чтобы противодействовать сексуальной реакции, лучше вооружившись, если общество однажды вновь осознает свое бытие и приступит к переустройству своей жизни.

В Советском Союзе отсутствует как теоретическая, так и практическая подготовка к встрече с трудностями, порожденными переустройством культурной жизни. Попытаемся сначала составить представление об этих трудностях, проистекавших отчасти из незнания глубоких психических структур рода человеческого, унаследованного от патриархата, существовавшего при царизме, а отчасти являвшихся трудностями переходного периода революции. Сопоставим же моменты, вполне соответствовавшие революционным замыслам, будь то в форме требований или реальных шагов, с теми, которые выражали неуверенность и позже вынудили к отступлению.

2. Рабочие предупреждают

Повсеместно считают, что самые важные черты сексуальной революции в Советском Союзе можно увидеть на примере изменений, проявившихся в *законодательстве*. Мы, однако, имеем право только в том случае придавать общественное значение законодательным или каким-либо другим внешним, формальным изменениям, если они действительно "овладевают массами", то есть

преобразуют их психическую *структуру*. Только таким образом, то есть единственно посредством *глубоких* изменений в чувствах и инстинктивной жизни масс, идеология или программа может стать силой, осуществляющей исторический переворот. Ведь "субъективный фактор истории", который так часто упоминают и так мало понимают, заложен только и исключительно в психической структуре масс. Он имеет решающее значение для развития общества независимо от того, терпят ли массы пассивно произвол и угнетение, приспосабливаются ли к процессам технического развития, начатым господствующими силами, или сами активно вмешиваются в ход общественного развития, как, например, во время революции. Поэтому никакой способ рассмотрения общественного развития не может назвать себя революционным, если в соответствии с ним психическое состояние масс воспринимается просто как результат экономических процессов, а не как их двигатель.

При нашем подходе *последствия* советской сексуальной революции следует оценивать не в соответствии с изданными законами (они свидетельствуют лишь о тогдашнем *духе большевистского руководства*), а по революционным потрясениям, которые масса русского народа пережила после издания законов, и по итогам этой борьбы за "новую жизнь".

Какова была сексуально-политическая реакция масс на коренные изменения в законодательстве? Как реагировали низовые партийные функционеры, теснее всего связанные с массами? Какую позицию заняло позже партийное руководство?

Ознакомимся сначала с отчетом Александры Коллонтай, которая очень рано задумалась над проблемами бушевавшего сексуального кризиса:

"Чем дольше длится (сексуальный. — *В. Р.*) кризис, чем более хронический характер он принимает, тем безысходнее представляется положение современников и тем с большим ожесточением набрасывается человечество на всевозможные способы разрешения "проклятого (?! — *В.Р.*) вопроса". Но при каждой новой попытке разрешить проблему пола запутанный клубок взаимных отношений между полами лишь крепче заматывается, и как будто не видать той единственно правильной нити, с помощью которой удастся наконец совладать с упрямым клубком. Испуганное человечество в исступлении бросается от одной крайности к другой, но заколдованный круг сексуального вопроса остается по-прежнему замкнут... "Сексуальный кризис" на этот раз не щадит даже и крестьянство. Подобно инфекционной болезни, не признающей "ни чинов, ни рангов", перекидывается он из дворцов и особняков в скученные кварталы рабочих, заглядывает в мирные обывательские жилища, пробирается и в глухую русскую деревню... От сексуальных драм "нет защиты, нет затворов". Было бы величайшей ошибкой воображать, что в его темных безднах барахтаются одни представители обеспеченных слоев населения. Мутные волны сексуального кризиса все чаще и чаще захлестывают за порог рабочих жилищ, создавая и здесь драмы, по своей остроте и жгучести не уступающие психологическим переживаниям "утонченно-буржуазного" мира"[\[18\]](#).

Разразился кризис скромной частной сексуальной жизни, жизни семейной. Новый закон о браке, провозгласивший "упразднение брака", лишь внешне проложил дорогу этому процессу. Действительная же сексуальная революция происходила в реальной жизни. Для начала один только факт, что руководители государства занялись половыми проблемами, означал революцию, важность которой не следовало недооценивать. Затем этим вопросом занялись функционеры более низкого уровня. Поначалу крах старого порядка вызвал лишь хаос. Простые, непросвещенные носители революции мужественно и бесстрашно подошли к задачам невероятной сложности, "образованные" же и благородные представители интеллигенции, напротив, предавались "размышлениям", если они вообще догадывались о сути процессов, происходивших в обществе.

В своей небольшой книге "Вопросы быта" Троцкий при поддержке московских партийных функционеров обратил внимание советской общественности на скромную повседневную жизнь. Он не поднимал половые проблемы! Он просто дал функционерам возможность высказаться по актуальным проблемам повседневности. И те, будто они уже разбирались в сексуальной экономике, говорили почти исключительно о "семейном вопросе". Речь шла, однако, не о правовых или социологических вопросах семейной жизни, а о неопределенности и неуверенности, касающихся преобразования *сексуальной* жизни, то есть о том, что прежде было связано с семьей как экономической единицей, а теперь, с ее распадом, породило вопросы, неизвестные ранее.

В первые годы революции поведение низовых функционеров было образцовым для каждой будущей революции. *Подход* к сексуальной революции (как к ядру всякой культурной революции) был правилен не только с точки зрения законодательства, но и в том, что касалось способов рассмотрения трудностей и постановки вопросов. Вот некоторые примеры.

Функционер Казаков высказывался следующим образом:

"С внешней стороны переворот в семейную жизнь внесен, то есть стали смотреть на семейную жизнь проще. Но коренное зло не изменилось, то есть облегчение семье от повседневных семейных забот не получается и остается преобладание одного члена семьи над другим. Люди стремятся к общественной жизни, и когда этим стремлениям нет достижения из-за семейных нужд, получают склока, болезнь неврастением, и тот, который уже с этим не может мириться, или бросает семью, или мучает себя, пока не становится сам неврастеником".

В нескольких фразах Казаков осмыслил следующие проблемы:

1) ситуация в семье внешне основательно изменилась, внутри же семьи все осталось по-прежнему;

2) семья оказывала тормозящее воздействие на революционный порыв, устремленный к созданию коллектива;

3) препятствия, имеющиеся внутри семьи, отрицательно сказывались на психическом здоровье ее членов, что равнозначно снижению трудоспособности и радости труда, а также возникновению душевных заболеваний.

Следующие высказывания раскрывают воздействие глубоких экономических изменений на прогрессирующий распад семьи.

Кобозев: "Несомненно, революция внесла большие изменения в семейно-бытовую жизнь рабочих; в частности, если работают на производстве муж и жена, то последняя считает себя материально независимой и держит себя как равноправная; с другой стороны, изживаются такие предрассудки, как то: что муж есть глава семьи и т.д. Патриархальная семья распадается. Под веянием революции как в рабочей семье, так и в крестьянской возникает большое стремление к разделу, к самостоятельной жизни, как только она почувствует материальную базу своего существования".

Кульков: "Революция, несомненно, внесла изменения в семейную жизнь, даже в отношении раскрепощения женщин. Мужчина привык себя чувствовать главой в семье... далее идет религиозный вопрос, отказ жене в мещанских запросах, а так как по наличным средствам много провести нельзя, то начинаются скандалы. Со своей стороны, жена тоже предъявляет требования быть более свободной, сдать куда-либо детей, чаще быть с мужем там, где он бывает. От этого и начинаются всякие скандалы и сцены. Отсюда разводы. Коммунисты, отвечая на такие вопросы, обыкновенно говорят, что семья, в особенности ссоры мужа с женой, — это частное дело".

Трудности, охарактеризованные здесь как "религиозный вопрос" и "отказ жене в мещанских запросах", мы можем понять, без сомнений, как выражение противоречия

между привязанностями членов семьи друг к другу и сексуальными стремлениями к свободе. Недостаток материальных возможностей, например помещений, должен был привести к скандалам. Представление о том, что "сексуальность — частное дело", имело вредные последствия. Члены коммунистической партии оказались перед задачей осуществления революции в личной жизни, но очень часто отходили под защиту формулы закона, не имея ответа на возникшие проблемы.

Это понял парторботник Марков: "Я предупреждаю, что на нас надвигается колоссальное бедствие в том смысле, что мы неправильно поняли понятие "свободной любви". В результате получилось так, что от этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек... Если война нам дала массу инвалидов, то неправильно понятая свободная любовь наградит нас еще большими уродами. И мы должны прямо сказать, что в этом направлении в области просвещения мы ничего не сделали, чтобы рабочая масса правильно поняла этот вопрос. И я вполне согласен, что если нам зададут этот вопрос, то мы не в состоянии будем на него ответить".

О том, что у коммунистов тогда не было мужества для решения вопроса, речь и не заходила. Далее будет видно, что это мужество оказалось ни к чему, так как они не могли справиться с трудностями, которые вызывало обращение к унаследованным богатствам.

Тот же, кто рассматривает эти высказывания с учетом позднейшего развития событий, должен прийти к такому выводу: все было похоже на великолепную симфонию, в которой аккорды и темы финала были слышны как бы случайно, едва заметно уже в первых звуках. То были темы, возвещавшие трагедию.

Партийный функционер Кольцов предупреждал: "Вопросы эти нигде не обсуждаются, как будто их избегают почему-то. До сих пор я никогда их не продумывал... Сейчас для меня это новые вопросы. Я считаю их в высшей степени важными. Над ними стоит призадуматься. По этим же, правда, неопределенным причинам, думаю, они и не выносятся на страницы печати".

В свою очередь, функционер Финковский рано обнаружил определенный аспект сути сексуального страха: "Разговоры на эту тему редко поднимаются потому, что они слишком близко всех касаются... Не поднимали их до сих пор, по моему мнению, чтобы не портить себе кровь... Все понимают, что выходом из положения может быть взятие государством на себя целиком воспитания и содержания всех детей рабочих (держа их где-то рядом с родителями), освобождение женщины от кухни и пр. Коммунисты на это прекрасное будущее обычно ссылаются, тем самым снимая острый вопрос с дальнейшего обсуждения... Рабочие знают, что в семье у коммуниста этот вопрос обстоит еще хуже".

Цейтлин доказал, что обладает революционным инстинктом, заявив: "Совершенно не освещается в литературе вопрос брака и семьи, вопрос отношений между мужчиной и женщиной. Между тем, это те вопросы, которые интересуют работниц и рабочих. Когда мы ставим такие вопросы на собраниях, работницы и рабочие знают об этом, они заполняют наши собрания. Кроме того, масса чувствует, что эти вопросы замалчиваются, и мы действительно их как бы замалчиваем. Я знаю, что некоторые говорят о том, что у коммунистической партии нет и не может быть определенного мнения по этому вопросу... Этот вопрос не освещается, и рабочие и работницы часто задают этот вопрос и не находят на него ответа".

Такие заявления рабочих, совершенно не сведущих в сексуальной науке, черпавших свои знания только из самой жизни, значили гораздо больше длинных трактатов о "социологии семьи". Они доказывали, что разрушение авторитарной государственной власти высвободило ранее незамечавшийся потенциал критики и размышления. Цейтлин ничего не знал о сексуальной экономике и тем не менее точно описал именно то, что утверждает эта наука: *интерес*

среднестатистических масс направлен не на государственную, а на сексуальную политику. Он констатировал безмолвную критику масс в адрес революционных вождей, охваченных боязнью сексуальности. Он верно отметил, что пролетарское руководство, если оно ведет себя таким образом, очевидно, не сформировало мнения по данному вопросу и поэтому было вынуждено уклоняться от ответа. Массы же ожидали ответа как раз на *этот вопрос*.

Не было недостатка также и в критике нежизненного, *только* исторического рассмотрения актуальных вопросов, неспособности по-новому применить живую теорию.

Гордон сообщал, что докладчик, который должен был говорить о половом вопросе, рассказывал только о работе Энгельса "Происхождение семьи" и ничего не добавил к этому выступлению.

"Конечно, я не говорю, что это плохо, но нужно было сделать выводы из этого сочинения Энгельса для настоящего времени, а этого мы как раз не можем сделать. Между тем вопрос этот чрезвычайно назрел".

Таким образом, функционеры указывали самым настоятельным образом на заинтересованность масс в разъяснении сексуальных отношений и их переустройства, на требования дешевой и хорошей просветительной литературы. Говоря о "семье", имели в виду сексуальность. Было понятно, что старый уклад прогнил, что мириться с ним невыносимо, но суть нового устройства пытались осмыслить с помощью старых понятий или, что было еще хуже, с использованием одних только экономических данных. Так, партработник из Москвы Лысенко пытался понять "явления улицы", вызывавшие всеобщее беспокойство. Можно было видеть, что дети "балуются". Они играют, например, "в Красную Армию". Хотя в этой игре и обнаруживали справедливо "привкус милитаризма", ее считали "хорошей", но иногда наблюдались "другие" игры, "похуже", а именно сексуальные. При этом наблюдатель с удивлением констатировал, что никто не вмешивался, чтобы прервать такие забавы. Тем не менее приходилось поломать голову над тем, как можно было бы "направить ребят на правильный путь". Революционное начало проявлялось в этом случае в правильной инстинкте, подсказывавшем, что *нельзя* "вмешиваться", консервативная же боязнь сексуальности вызывала озабоченность.

Если бы старый образ мыслей, принявший форму страха перед сексуальностью, не противостоял новому, то не возникла бы забота о том, как направить детей по "верному", то есть асексуальному, пути. Те, кто наблюдал проявления детской сексуальности, задались бы вопросом о том, как с ней обращаться. Но так как сексуальность представлялась явлением, не имеющим ничего общего с детством, результатом таких наблюдений оказывался страх. Естественные проявления, приобретающие, возможно, дикий характер, так как они были неорганизованны, воспринимались как проявление вырождения. "Нужно знать, что дать детям читать — может быть, в смысле физкультуры или что-нибудь другое, что было бы полезно".

Революционеры напоминали: "Нам часто говорят, что мы рассуждаем только о широких материях, а надо бы лучше говорить о том, что ближе к жизни. Надо обращать внимание на мелочи жизни". В конкретном применении к детским играм это означало постановку следующих вопросов:

1. Должны ли мы быть за эти игры или против них?
2. Естественна ли сексуальность ребенка?
3. Как нам надлежит понимать и регулировать отношение детской сексуальности к труду?

Контрольные комиссии были обеспокоены. Функционеры утешали рабочих: "Контрольной комиссии нечего головой кивать! Он (коммунист. — *Прим. пер.*) пойдет туда и будет проводить там свою деятельность, то есть их удерживать. А если мы не будем с ними жить, то мы оторвемся от масс".

Задача заключалась, однако, не только в том, чтобы коммунисты поддерживали теснейшую связь с массами, но и в использовании контактов с конкретными людьми. Одно уже желание удерживать массы означало непонимание того, что надо делать с новыми проявлениями жизни, которые только что сбросили оковы авторитарной власти. Обнаруживать такое желание означало воздвигнуть новый авторитет на месте старого (и в старом же смысле). На деле же задача заключалась в создании *нового* авторитета, чтобы *направлять пробудившуюся жизнь масс к самостоятельности*, то есть сделать их способными в конце концов обходиться без постоянного авторитарного наблюдения.

Рабочие, наделенные чувством ответственности, стояли, не умея точно сформулировать это, перед решением: *вперед, к новым формам жизни, или назад, к старым*. Так как коммунистическая партия на деле не сформировала взгляды на сексуальную революцию, так как с помощью исторического анализа, предпринятого Энгельсом, можно было практически понять только социальные причины, но не *сущность* происходящего переворота во всей жизни, разгорелась борьба, которая самым впечатляющим образом демонстрирует всем будущим поколениям родовые муки культурной революции.

Сначала утешались, указывая на недостаток чисто экономических предпосылок. Но позиция "Сначала решение экономических вопросов, *потом* забота о мелочах жизни!" была неправильна и лишь выражала неподготовленность к культурной революции, проявлявшейся в хаотических формах. Зачастую такая позиция означала не более чем отговорку. Общество, глубоко погрязшее в бедности, все в кровоточащих ранах гражданской войны и не имевшее сил, чтобы сразу и в достаточном количестве создать общественные кухни, прачечные, детские сады, должно было сначала подумать о самых простых экономических предпосылках. Эти предпосылки революции в области культуры, в особенности в сексуальной жизни, были поняты абсолютно правильно.

В стране отсталости и крайне тяжелого порабощения, которой была прежде Россия, *надлежало* взяться сначала за приучение масс рабочих и крестьян к чистоте, к чистке зубов, к тому, чтобы не ругаться и не плевать. Но речь не шла только о том, чтобы поднять массы до уровня культуры, существующего в развитых капиталистических странах. В этом состояла лишь ближайшая задача. В более широкой перспективе следовало начинать уяснение *качества* новой — социалистической и коммунистической — культуры.

Вначале еще никто не был виноват в том, как развивалась ситуация. Революция столкнулась с неожиданными проблемами, и практический опыт преодоления гигантских трудностей мог появиться только тогда, когда и сами трудности проявились в полном объеме и потребовали решения. Движение вспять неизбежно, если вовремя не увидеть и не понять этот процесс. Не следует забывать, что русская революция стала *первой* успешной социальной революцией. Борьба за постижение ее чисто научных и политических предпосылок была трудна. Но сегодня оказывается, что культурная революция поставила гораздо более трудные вопросы, чем социальная. Иначе и быть не может, так как политическая революция требует "только" закаленного, обученного руководства и веры масс в него. Культурная же революция требует *перестройки психологической структуры масс*. Ее результаты не выражаются статистическими данными, и едва ли существовали идеи, означавшие научное выяснение ее сути. Вот иллюстрация, показывающая итог развития такой ситуации к 1935 г.

29 августа в журнале "Вельтбюне" появилась статья Луи Фишера, который бил тревогу по поводу нарастания реакционных тенденций в сексуальной идеологии в Советском Союзе. Публикация такой статьи в коммунистическом журнале свидетельствует, насколько опасна была ситуация, сложившаяся к 1935 г. В статье

подчеркивались следующие факты.

В переполненных городских квартирах молодежь не находит места для любовной жизни. Девушкам внушается, что аборт вреден, опасен и нежелателен, гораздо лучше иметь детей. Фильм "Частная жизнь Петра Виноградова" представляет собой пропаганду добропорядочного заключения брака. По словам Фишера, "это фильм, который нашел бы отклик в консервативных кругах некоторых консервативных государств". Газета "Правда" пишет: "В Стране Советов семья — серьезное и большое дело". Луи Фишер полагал, что большевики в действительности никогда не нападали на семью. Правда, они знали, что в определенные периоды истории человечества семьи не было, теоретически допускали ее упразднение, но никогда не подрывали семью, а напротив, укрепляли ее. Режим, которому теперь не надо бояться плохого влияния родителей на детей(!), приветствует их "необходимое моральное и культурное влияние", то есть функцию старшего поколения по отношению к подрастающему, заключающуюся в подавлении сексуальности.

Передовая статья одного из номеров "Правды" провозглашала в 1935 г., что плохой отец семейства не может быть хорошим советским гражданином. "Что-либо подобное было невообразимо в 1923 году", — писал Фишер. Он приводил и другие цитаты из "Правды": "Только большая, чистая и гордая любовь может и должна быть в Советском Союзе причиной брака". "Тот, кто еще сегодня утверждает, что интересоваться семьей — мещанство, сам является мещанином худшего сорта". Запрет на умерщвление первого ребенка в утробе матери, вероятно, покончит с беспорядочными половыми связями и будет поощрять "честный брак". За последние месяцы в газетах множатся статьи профессоров, в том числе руководителей клиник, посвященных рассуждениям о вреде, который аборт наносит организму.

"Если печать ежедневно мечет громы и молнии против аборта, если эта пропаганда сопровождается восхвалением торжественных брачных церемоний, если подчеркивают святость брачных обязательств и возвещают об особых наградах матерям, родившим тройню или четверню, если публикуются статьи о женщинах, которые никогда не прибегали к аборту, а низкооплачиваемая сельская учительница, мать четверых детей, удостоивается публичных восхвалений за то, что она не отказалась родить пятого, "хотя и трудно кормить их всех", — начинаешь думать о Муссолини, — пишет Фишер. — Обретя внутреннюю и внешнюю безопасность, думают, что следует сократить ограничения рождаемости... Развернется борьба против легкомысленных "летних романов". Девушки, противостоящие домогательствам мужчин, не будут считаться "консервативно" или даже "контрреволюционно" настроенными. В качестве основы семьи будет рассматриваться любовь, а не удовлетворение физических потребностей".

Эта краткая выдержка показывает, что сегодня в сексуальной *идеологии* руководящих кругов Советского Союза мы не усмотрим более отличия от идеологии руководящих кругов любого другого государства. Возвращение к сексуальной морали, отрицающей жизнь, неоспоримо. Все дело лишь в том, как отнесется к этим процессам молодежь, которая однажды уже была свободной, какова будет позиция промышленных рабочих. Воздействие официальной идеологии Советского Союза проявилось и на Западе.

В "Юманите" от 31 октября 1935 г. появилось следующее обращение:

"Спасем семью! Помогите нам провести 17 ноября большой опрос в защиту права на любовь.

Известно, что рождаемость во Франции падает с ужасающей быстротой... Коммунисты столкнулись с очень серьезной задачей. Французскому миру, который они хотят *направить по верному пути*, стране, которую они должны преобразовать в соответствии со своей исторической задачей, угрожает опасность оказаться изуродованной, значительно снизить численность своего населения.

Зловредность умирающего капитализма, безнравственность, пример которой он дает, эгоизм, порождаемый им, нужда, создаваемая этим строем, кризис, который он вызывает, пропагандируемые им социальные болезни, провоцируемые им тайные аборты — все это *разрушает семью*.

Коммунисты хотят бороться в защиту французской семьи.

Они раз и навсегда порвали с мелкобуржуазной, индивидуалистической и анархистской традицией, возводящей стерилизацию в идеал.

Они хотят унаследовать сильную страну и *многочисленную расу*. СССР указывает им путь. Но необходимо именно *сейчас* применить действенные средства для спасения расы.

В своей книге "Несчастье быть молодым" я назвал трудности, с которыми сталкивается молодежь, обзаводясь семьей, и вместе с нею я защищал ее *право на любовь*.

Право на любовь, любовь мужчины и женщины, любовь одного человека к другому, любовь ребенка, родительская любовь — такова должна быть тема нового опроса... Я вижу, что его идею поддерживают письма наших читателей, рассказывающих о своих трудностях, страхах и надеждах.

Это опрос, который должен изучить средства для спасения французской семьи, такие как обеспечение достойного места материнству, ребенку, *предоставление преимуществ многодетным семьям*, которыми они должны обладать в стране. Пишите нам, молодые люди, пишите нам, отцы и матери... *П.Вайян-Кутюрье*".

Так думает коммунист, соперничающий с национал-социалистами в приверженности расовой теории и поддержке многодетных семей. Такая статья в социалистическом органе печати — просто-напросто катастрофа. Соперничать бесполезно: фашисты понимают в этом деле гораздо больше.

Надменные критиканство и всезнайство были бы в такой ситуации всего лишь явным признаком ее непонимания. Прежде всего, необходимо всерьез относиться к величю, сложности и широте задач. В этом — важнейшая предпосылка обретения необходимых мужества и серьезности, которых требуют сложные исторические процессы.

"Новая жизнь", неузнанная и непонятая, внезапно вырвалась в ходе русской культурной революции из старого уклада, но старое оказалось сильным тормозом.

Старый образ мыслей и чувств вкрался в новое.

Новое поначалу освобождалось от старого, боролось за ясные формы своего выражения, но не нашло их и поэтому было побеждено.

Попытаемся понять, каким образом старое задушило новое, чтобы в следующий раз вооружиться против него.

Ход русской революции должен научить нас тому, что рука об руку с экономическим переворотом, с ликвидацией частной собственности на средства производства и установлением социальной демократии (диктатуры пролетариата) идет революция во взглядах и сексуальных отношениях. Как экономическую и политическую, так и сексуальную революцию следует понять и сознательно *продвигать вперед*.

Но как конкретно выглядит это "движение вперед", которому предшествует распад старого? Очень немногие знают, какой горячей, какой неистовой была в Советском Союзе борьба за "новую жизнь", в том числе и за половую жизнь, приносящую удовлетворение.

ГЛАВА III. Торможение сексуальной революции

1. Предпосылки торможения

Примерно в 1923 г. в Советском Союзе начала резче обозначаться тенденция, направленная *против* коренных изменений в культурной и личной жизни. Она стала по-настоящему очевидной только в 1933 — 1935 гг., проявившись в реакционном

законодательстве. Этот процесс лучше всего можно охарактеризовать как *торможение* сексуальной, а с ней и культурной революции в Советском Союзе. Прежде чем мы детально рассмотрим основные признаки этого торможения, следует ознакомиться с некоторыми его предпосылками.

В экономическом и политическом отношении руководство русской революцией сознательно осуществлялось согласно марксистскому экономическому учению и учению о государстве. Все происходившее в сфере экономики соотносилось с теорией исторического материализма и в основном подтвердилось. Что же касается культурной революции, не говоря уже о ее ядре, революции сексуальной, то ни Маркс, ни Энгельс не оставили исследований, пригодных для того, чтобы дать четкие ориентиры руководителям революции, подобно тому, как это было сделано в экономической области. Сам Ленин в критических замечаниях на брошюру Рут Фишер подчеркивал, что сексуальная революция, как и вообще процесс общественной сексуальности, совсем еще не понята с точки зрения диалектического материализма и что решение этой проблемы требует накопления огромного опыта. Он считал, что тот, кто постиг бы этот вопрос во всем его значении и всей его целостности, оказал бы революции большую услугу. Как мы слышали от парработников, они столкнулись с необходимостью поднимать *целину*. Троцкий в своих работах, посвященных вопросам культуры, также вновь и вновь показывал, насколько нова и непонятна область культурной и сексуальной революций.

Следовательно, теории *советской сексуальной революции не было*.

Вторая предпосылка позднейшего успешного торможения заключалась в том, что люди, призванные осмысливать и направлять стихийно развивавшийся процесс сексуальной революции, находились в плену старых понятий и форм. Большею частью были огульно заимствованы представления из арсенала консервативной сексуальной науки без различия того, что пригодно для революции, а что непригодно.

Следует назвать несколько ложных понятий, весьма существенно способствовавших торможению. Понятие "сексуальность" связывалось и все еще связывается с представлением о том, что "социальное" несовместимо с сексуальной жизнью. Сексуальность противостоит "социальному".

Другой предрассудок заключался (и заключается) в том, что половая жизнь означает "отвлечение от классовой борьбы". Приверженцы сексуальности в Германии весьма неприятным образом пережили неискоренимость этого ложного представления. Не ставятся вопросы: "*Какого рода сексуальность отвлекает от классовой борьбы?*" При каких условиях и предпосылках половая жизнь отвлекает от классовой борьбы? При каких условиях и предпосылках борьба за разрешение сексуального кризиса может быть включена в классовую борьбу?". Вместо этого утверждается: "Сексуальность как таковая, как *факт*, противоречит классовой борьбе".

Далее, из системы сексуальной морали заимствовано представление о мнимой несовместимости сексуальности с *приверженностью культуре*. Сексуальность и культура предстают *абсолютными* антагонистами. Кроме того, проблема процесса сексуальности как такового, то есть форм удовлетворения половой потребности, затушевывалась из-за того, что речь шла о "семье", а не о "сексуальности". Но даже поверхностный взгляд на историю сексуальных реформ должен был бы показать, что семья, основанная на отцовском праве, не является институтом, защищающим сексуальное удовлетворение, а напротив, резко противоречит ему. Она представляет собой *экономический* институт и в качестве такового подавляет половые потребности.

Следующей предпосылкой торможения было невероятно широкое распространение ложных, чисто экономистских взглядов на сексуальную

революцию. Приверженцы этих взглядов утверждали, что со свержением буржуазии и введением советских законов, определяющих отношения в половой сфере, сексуальная революция "уже совершилась" или что половой вопрос решится "сам собой" благодаря завоеванию власти пролетариатом. При этом совершенно упускалось из виду то обстоятельство, что завоевание власти и принятие законов, определяющих отношения в половой сфере, создавали лишь внешние предпосылки для переустройства сексуальной жизни, а не были *самой* этой жизнью. Фундамент, создаваемый для постройки дома, — это еще не сам дом. Только при готовом фундаменте можно приняться за возведение дома. Так, например, Гертруд Александер, находясь в Москве, писала в 1927 г. для журнала "Ди Интернационале":

"С решением великого социального вопроса, с ликвидацией частной собственности был в принципе решен и вопрос о браке, по сути своей являющийся вопросом собственности... Коммунистическая точка зрения сводится к тому, что проблема брака как социальная проблема исчезнет с построением коммунизма, что возможно лишь постепенно и включает в себя формирование абсолютно новой начиная с самых своих основ социальной жизни. Безответная любовь с опасностью одиночества и болью вряд ли будет возможна в обществе, ставящем коллективные задачи и предлагающем коллективные радости, в обществе, в котором личная боль уже не будет иметь столь серьезного значения". А вот что говорилось о будущих формах сексуальности: "Если коммунизм означает растворение семьи в сообществе, — а развитие событий в Советском Союзе указывает, что путь действительно ведет в этом направлении, — то ясно, что с такого рода растворением семьи исчезнет и ее проблема, проблема брака".

Такой способ осмысления трудных проблем массовой психологии вводит в заблуждение. Он опасен. Получается, что стоит только преобразовать экономическую основу Общества и его институты, как сами собой изменятся и человеческие отношения. После успеха фашистского движения не приходится более сомневаться в том, что эти отношения обособляются. В форме душевной и сексуальной структуры человека определенной эпохи они становятся независимой силой, в свою очередь, воздействующей на экономику и общество. Не учитывать это обстоятельство означает исключать живых людей из истории.

Короче говоря, к делу подошли слишком просто, слишком непосредственно и прямо воспринимая связь идеологического переворота с экономическими основами. Эта позиция не имеет ничего общего с марксизмом.

В какой форме выражается много раз упоминавшееся и мало понятое "обратное воздействие идеологии на базис"?

Женщина, строго ориентированная на брак и семью, становится ревнивой, если ее муж начинает участвовать в политической жизни. Она боится, что во время мероприятий у него могут возникнуть контакты с другими женщинами. Точно так же ведет себя и патриархально настроенный, ревнивый мужчина, если его жена просыпается к политической активности. Он опасается ее неверности. Родители, в том числе, в пролетарских семьях, с неохотой наблюдают, как их подрастающие дочери включаются в работу организаций. Они боятся, что девушки могут "опуститься", то есть начать половую жизнь. А вот дети должны участвовать в деятельности пионерской организации или какого-либо другого коллектива, но родители предъявляют знакомые претензии к ним и возмущаются, если ребенок начинает критически смотреть и на них. Количество примеров можно умножать сколько угодно.

Некоторые попытки решения таких вопросов заканчивались провозглашением ничего не говорящих лозунгов, вроде "повышения уровня культуры и развития человеческой личности".

Противоречие между природой и культурой должно быть устранено, природа

должна быть согласована с культурой". Это правильные революционные взгляды. Но при первой же попытке практического решения этих вопросов старое проглядывало в форме антисексуальных, морализаторских воззрений.

Вот, например, что писал директор института социальной гигиены в Москве Баткис в своей брошюре "Сексуальная революция в Советском Союзе":

"Момент эротика, сексуализма играл во время революции лишь подчиненную роль, так как молодежь была полностью захвачена революционным настроением и жила только ради великих идей. Когда же пришли спокойные времена строительства, начались опасения, что теперь молодежь охлажденно и трезво, как в 1905 г., двинется по пути неограниченной эротика..."

На основе опыта, накопленного в Советском Союзе, я утверждаю, что женщина, так как она пережила социальное освобождение и познакомилась с общественной работой, испытала в это время перехода от "бабы" к человеку *определенное сексуальное охлаждение*. Сексуальность в ней вытеснена, даже если только на какое-то время.

...Задачей сексуальной педагогики в Советском Союзе является воспитание здоровых людей, граждан будущего общества в полном согласии между естественными влечениями и великими социальными задачами, ожидающими их. Ориентирами в такой деятельности должны были бы стать содействие всем творческим, созидательным элементам, таящимся в естественных влечениях, и устранение всего, что могло бы быть во вред развитию личности члена коллектива.

...Свободная любовь в Советском Союзе — это не какое-то необузданное дикое прожигание жизни, а идеальная связь двух свободных людей, любящих друг друга в условиях независимости".

Как видно, даже Баткис, занимающий, как правило, четкую позицию, несмотря на правильные исходные посылки, не идет дальше лозунгов,

Сексуальность молодежи характеризуется как "сексуализм", сексуальная проблема называется "моментом эротика". Успокаивали себя, констатируя, что женщины переживают "определенное сексуальное охлаждение" и что они стали из "баб" людьми. Считается, что должно быть устранено все, что могло бы повредить "личности" (имеется в виду, конечно, сексуальность), а "необузданное дикое прожигание жизни" противопоставляется "идеальной" связи "двух свободных людей, любящих друг друга в условиях независимости". Массы застревают в этих понятиях, как в сетях, а если приглядеться к этим формулировкам повнимательнее, то обнаружатся как их полная бессодержательность, так и антисексуальные, то есть реакционные, тенденции. Что значит "дико прожигать жизнь"? Имеется ли при этом в виду, что мужчина и женщина, заключая друг друга в объятия, не дают волю страстям? А что такое "идеальная связь"? Идеальна ли та связь, в которой любящие способны к прямо-таки "животному" самоотречению? Да, но тогда двое опять оказываются "дикими"! Короче говоря, это слова, которые, вместо того чтобы содействовать осознанию реальности сексуальной жизни и устранению противоречий, господствующих над ними, лишь затушевывают противоречия, чтобы, чего доброго, не коснуться этой мучительной действительности.

Где же запуталось мышление? В неспособности отличить *болезненную* сексуальность молодежи, противоречившую ее культурным задачам, от *здоровой* сексуальности, представляющей собой важнейшую основу социальной активности; в противоречии между "бабой" (то есть *чувственной* женщиной) и "человеком" (то есть *деятельной, сублимирующей* женщиной) — вместо того, чтобы увидеть в становлении *сексуальности* женщины психическую основу ее революционной эмансипации и деятельности; наконец, в противоречии между "прожиганием жизни" и "идеальной связью" — вместо того, чтобы видеть в *полной* сексуальной преданности любимому партнеру прочнейшую основу товарищеских отношений.

2. Морализаторство вместо понимания и решения проблем

Один из самых существенных признаков торможения состоял в том, что недостатки и явления хаоса, возникшие вместе с сексуальной революцией, подвергались осуждению с моральной точки зрения, а не осмысливались как характерные черты переходного революционного времени. Кричали, что воцарился хаос, все распадается, что необходимо вновь ввести дисциплину, а "внутренняя дисциплина должна занять место внешнего принуждения". Подчеркивали "ценность уз, связывающих мужчину и женщину", говорили об "индивидуальной культуре". Рассуждения о "внутренней дисциплине" означали, что старое прокрадывается в новой одежде — ведь внутренней дисциплины нельзя требовать, она существует или не существует. Требование "внутренней дисциплины" вместо "внешнего принуждения" означало как раз новое принуждение. Следовало бы задаться вопросом:

как мы добьемся того, чтобы люди были дисциплинированы *добровольно*, без необходимости принуждать их к этому.

Принцип "равноправия женщины" звучал революционно. В экономической сфере действительно был осуществлен принцип равной оплаты за равный труд. В сфере же сексуальной первоначально не имели ничего против выдвижения женщиной тех же притязаний, которые выдвигал и мужчина. Но главное было не в этом. Были ли женщины и внутренне *способны* воспользоваться предоставленной свободой? Были ли способны на это мужчины? Не унаследовали ли все они от прошлого такую структуру характера, которой были свойственны антисексуальность, морализаторство, застенчивость, которая, разлагаясь, порождала похоть, ревность, претензии на обладание, неврозы и другие болезни? Сначала было необходимо понять, что происходило, осмыслить хаос, четко отделить революционные силы от реакционных, тормозящих, понять, что высшая форма жизни может родиться только с болью.

Тенденция к торможению стихийного сексуального переворота быстро выкристаллизовалась вокруг различных центров. Руководящие советские ведомства сначала вели себя пассивно. Из жалоб партийных работников явствует, что происходящее не замечали или недооценивали. Формула "Половой вопрос мы решим позже, сначала — экономика" была очень употребительна. Печать предоставляла свои страницы исключительно или преимущественно для освещения вопросов экономики. Мне неизвестно, существовали ли органы прессы, руководимые из центра и предназначенные для осмысления проблем сексуальной революции.

Очень серьезное влияние на вопросы сексуальной революции оказывала интеллигенция. Она по природе своей, по структуре характера, происхождению и способу мышления, унаследованным из родительского дома, должна была быть настроена *против* сексуальной революции. Она превозносила до небес старых революционеров, которые вследствие трудных задач, стоявших перед ними, не могли жить половой жизнью, приносящей удовлетворение, и без всяких сомнений переносила этот вынужденный образ жизни революционных вождей на массы в качестве идеала. Этот подход имел вредные последствия. Никто не может требовать от масс того, что осуществляет руководство для реализации стоящих перед ним задач. Да и почему можно обращаться к массам с таким требованием?

В своей книге "Женщина в Советской России" Фанина Халле восхваляет эту идеологию вместо того, чтобы объяснить, какие катастрофические последствия имела она с точки зрения влияния на массы и изменения структуры их психологии. Она пишет о революционерах прежних времен:

"...Все они, эти революционерки, были молоды, некоторые поразительно красивы, наделены художественными дарованиями (Вера Фигнер, Людмила Волькенштейн), в

высшей степени женственны, а тем самым и в своем личном бытии созданы для счастья. У революционеров-мужчин личное, эротическое и женщина, несмотря на всю силу способности к переживанию, всегда отходили на задний план по сравнению с общим, с любовью к людям, отодвигающей в тень все остальное. Резко проявлявшаяся из-за этого черта целомудрия, чистоты во взаимоотношениях между полами, накладывавшая отпечаток на все тогдашние и будущие поколения русских интеллигентов, как и зачастую не понимаемый в Западной Европе товарищеский тон в русских студенческих кругах еще и сегодня преобладают в отношениях между мужчиной и женщиной в Советском Союзе, вновь и вновь сбивая с толку иностранцев, совершенно по-другому относящихся к этой проблеме...

...Это полное освобождение от всего мелкобуржуазного, это абсолютное отрицание всех общественных ограничений, связывающих свободу людей, таким образом содействовали здесь росту особенно чистых, тесных товарищеских отношений на почве общих духовных интересов и горячей, серьезной дружбы, как это лишь очень редко может произойти в условиях свободы...

...Но с тем большим воодушевлением часть заключенных посвятила себя математике, и называли фанатичек, у которых это занятие вызывало такое душевное напряжение, что они даже ночью во сне решали задачи..."

И снова нет конкретного и недвусмысленного разъяснения — включают ли так называемые "чистые... отношения" между мужчиной и женщиной, например, генитальный акт и разрешают ли совершать его любому простому смертному, включают или исключают "чистые... отношения" вегетативное, неограниченное самоотречение и растворение друг в друге, на время отбрасывающее все ограничения культурного и интеллектуального характера. Совершенно бессмысленно воздвигать для широких масс идеал, согласно которому математика должна стать сенсацией, захватывающей дух и заменяющей самую естественную потребность всех живых существ. Мы не можем допустить, что такая идеология искренна и соответствует действительности. Жизнь выглядит не так! А революция должна защищать и охранять не ложные идеалы, а живую жизнь, часть которой — сексуальность и труд.

В 1929 г. я слышал в Москве, что осуществляется половое просвещение молодежи. Мне сразу же удалось увидеть, что просвещение было *антисексуальным*. Оно заключалось в наставлениях относительно венерических заболеваний, дабы удержаться от полового акта вообще. Об открытом обсуждении сексуальных конфликтов, переживаемых молодежью, не было и речи. Говорили только о продолжении рода.

В Народном комиссариате здравоохранения на мой вопрос об отношении к юношескому онанизму ответили, что от него, "само собой, отвлекают". Как нечто ужасающее была отвергнута точка зрения врачей, ставшая само собой разумеющейся в австрийских и некоторых немецких консультациях по половым вопросам и заключающаяся в том, что, давая советы юноше, охваченному чувством вины, следует сделать возможным для него мастурбацию, приносящую удовлетворение.

Лебедева, руководитель ведомства по охране материнства, на вопрос о том, разъясняют ли юношам и девушкам в период полового созревания необходимость и правила применения противозачаточных средств, ответила, что такую меру нельзя согласовать с коммунистической дисциплиной.

В тот же вечер, когда представитель Наркомздрава показала свою боязнь сексуальности, я посетил группу молодежи стекольного завода, находящегося на окраине Москвы, и побеседовал с молодыми людьми о многом. В конце концов речь зашла о девушках, и я изложил взгляды представителя Наркомздрава. Ребята громко засмеялись и сказали успокаивающим тоном, что они над всем этим никогда

не ломали голову и знают, что им надо делать. Таково было их мнение. Из дальнейшего разговора выяснилось, что они не знают, где можно было бы встречаться с девушками, но, тем не менее, серьезно сомневаются насчет самоудовлетворения. Короче говоря, они испытывали конфликты, типичные для полового созревания.

Особенно вредным оказалось использование плохо понятых суждений Ленина для торможения сексуальной революции. Ленин был чрезвычайно сдержан, высказывая определенные взгляды по половым вопросам. Он сформулировал свою настоящую позицию по этому вопросу, заявив: "Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни". Самыми же известными, благодаря проникнутому идеями сексуальной реакции образу мышления представителей влиятельных кругов, стали выдержки из беседы Ленина с Кларой Цеткин, посвященные "хаотической" половой жизни молодежи:

"Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, "принципиально" и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию "революционной" и "коммунистической". Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая "новая половая жизнь" молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой "теории стакана воды" наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта — марксистская. Спасибо за такой "марксизм", который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто.

...Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу"[19].

Попытаемся разобраться, что имел в виду Ленин. Для начала он отвергал экономизм, который хочет вывести все культурные процессы "непосредственно и прямолинейно из экономического базиса". Ленин понимал, что отклонение молодежью нежных отношений в половой жизни представляло собой старое консервативное воззрение, только с обратным знаком, и что жизнь в соответствии с "теорией стакана воды" была не чем иным, как абсолютной противоположностью церковной идеологии аскетизма. Ленин понимал также, что жизнь, о которой он говорил, не была жизнью, урегулированной согласно желаемому сексуально-экономическому принципу. Такая жизнь была асоциальной и *не приносила удовлетворения*. Что отсутствовало в формулировке Ленина? Для начала — *положительное* представление о том, что должно заменить сексуальные формы старой жизни молодежи.

Так как существуют только три возможности — воздержание, самоудовлетворение

или любовная жизнь, приносящая удовлетворение, — коммунистам надо было ясно выдвинуть одну из них как ориентир. Ленин, не заняв определенной позиции программного характера, все же ясно отверг половой акт без любви и указал направление "счастливой любовной жизни". А это исключает воздержание в той же мере, в какой и самоудовлетворение. Ленин ни в коем случае не защищает аскетизм! Но, как говорилось, именно слова Ленина о "теории стакана воды" вновь и вновь использовались всеми трусами и моралистами для борьбы против юношеской сексуальности.

Известная коммунистка Смидович писала в "Правде":

"Молодежь, похоже, думает, что самый примитивный взгляд на половой вопрос как раз и является коммунистическим. Но все то, что выходит за границы примитивных воззрений, которые, может быть, впору готтентоту или еще более примитивным представителям первобытных народов, означает на деле только проявление мещанства и буржуазного отношения к половой проблеме".

Она не могла сказать ничего положительного, разве что выразить глубокое презрение к готтентотам и высмеять тяжелую борьбу молодежи за новые формы жизни в сфере сексуальных отношений. Вместо того чтобы понять и помочь, вместо того чтобы развивать новое из старых форм, Смидович следующим образом суммировала основные положения сексуальной идеологии комсомольцев, чтобы поиронизировать на ее счет:

"1. Каждый комсомолец, каждый рабфаковец и вообще любой зеленый юнец может и имеет право реализовать свое половое влечение. По каким-то непонятным причинам это считается непреложным законом. Половое воздержание клеймится как "проявление мещанства". 2. Каждая комсомолка, каждая рабфакровка или другая учащаяся, на которую пал выбор того или иного парня, — кстати, я не могу судить, откуда у нас на Севере появились такие африканские страсти, — должна быть покорна ему, иначе она "мещанка" и не заслуживает звания пролетарской студентки. Теперь 3-я, последняя часть этой своеобразной трилогии. Бледное, измученное лицо девушки, почувствовавшей себя матерью, с трогательным выражением на нем, свойственным беременным женщинам. В приемных "комиссий по разрешению аборт" можно прочесть немало таких печальных историй о комсомольской любви..."

При чтении этих строк нас озаряет гордость "нордического", сексуально "чистого" человека, то есть Смидович, по отношению к типичному недочеловеку, например готтентоту. Но не додумался "нордический" человек до простого выхода — до того, чтобы научить девушек избегать беременности, применяя для этого противозачаточные средства, и до того, чтобы позаботиться об обеспечении гигиеничных условий половой жизни. Ведь иначе советская культура не смогла бы конкурировать с американской. Тем не менее ничего не помогло. Эти слова Смидович красовались на афишных тумбах в Германии как образец "коммунистической сексуальной идеологии"!!

И как всегда, когда не отваживаются понять юношескую сексуальность, в Советском Союзе в конце периода тяжелых конфликтов с молодежью был провозглашен лозунг: *"Воздержание!"*. Лозунг столь же удобный, сколь и запутывающий, катастрофический и невыполнимый. Фанина Халле сообщает:

"Представители старшего поколения, втянутые в дискуссию, — ученые, специалисты по социальной гигиене, партийные работники — занимали тогда позицию, близкую ко взглядам Ленина, которую народный комиссар здравоохранения Семашко следующим образом сформулировал в письме к учащейся молодежи: "Товарищи, вы пришли в высшие учебные заведения и техникумы, чтобы учиться. В этом ведь и заключается сейчас главная цель вашей жизни. И подобно тому, как все ваши побуждения и намерения подчинены этой

главной цели, ради которой вы должны отказываться себе в удовольствиях, потому что они вредно сказываются на вашей главной цели — учебе, на намерении стать активными участниками строительства новой жизни, вы должны подчинить этой цели все остальные области своей деятельности и своего бытия. Государство пока еще слишком бедно, чтобы взять на себя материальную помощь вам, воспитание детей и обеспечение родителей. Поэтому наш совет — воздержание!"

И в Советском Союзе повторилось явление, с незапамятных времен по пятам следующее за воздержанием, — сексуальная безнадзорность.

Следует энергично протестовать против ссылки на Ленина, вводящей в заблуждение. Ленин никогда не защищал аскетизм молодежи. Кто подумает, что Ленин был настолько ограниченным, чтобы подразумевать под "жизнерадостностью и бодростью, вызванными также и полнотой любовной жизни" аскетизм ученых-импотентов и искалеченных жизнью специалистов по сексуальной гигиене?

Тех представителей руководящих кругов Советского Союза, которые именно в решающие годы были облечены политической ответственностью, нельзя упрекнуть в том, что они не знали, как справляться с имеющимися трудностями. Упрекнуть их следует в том, что они уклонялись от трудностей, двигаясь по линии наименьшего сопротивления и наибольшей неудачи. Они виноваты в том, что, будучи революционерами, не задались вопросом, в чем же смысл происходящих событий, и в том, что, говоря о революционном преобразовании жизни, не попытались отыскать или осуществить эту революцию в самой жизни. Эти люди виновны в том, что они рассматривали действительно господствовавший хаос как "нравственный хаос" в соответствии с представлениями приверженцев политической реакции, а не как хаос времени перехода к новым, коммунистическим формам сексуальности. Не в последнюю очередь их следует упрекнуть за то, что они отвергли подходы к пониманию проблем половой жизни, сформулированные приверженцами немецкой революционной сексуальной политики.

В чем же заключались трудности, которые, став слишком большими, вызвали торможение? Прежде всего, сексуальная революция происходит иначе, нежели экономическая. Она осуществляется не в формах, выражающихся в законах и планах, а в скрытых, потаенных и обремененных эмоциональными моментами, отличающихся друг от друга в миллионы раз деталях личной жизни. Справиться с сексуальным хаосом, воздействуя на эти детали, невозможно из-за одного только их обилия и сложности. Из этой невозможности выводится теория, суть которой в утверждении: "Частная жизнь мешает классовой борьбе, поэтому частной жизни не существует!"

Конечно, нельзя пытаться в одиночку выйти из хаоса, справляясь с ситуацией в каждом отдельном случае. Это не соответствовало бы и нашему основному воззрению, согласно которому проблемы решаются действиями масс, а не индивидов, но среди личных трудностей встречаются и такие, которые затрагивают миллионы людей. Это, например, вопрос, до крайности занимающий каждого хоть сколько-нибудь здорового юношу в любом уголке Земли: как бы ему побыть наедине со своей девушкой? Нет сомнения, что решение одного только этого вопроса, то есть создание возможности быть вместе с целью беспрепятственного полового общения, завоевало бы всю молодежь, так как она почувствовала бы себя понятой. Одним ударом было бы устранено весьма существенное проявление хаоса. Ведь если в каком-то городском квартале четыре тысячи юношей не знают, где они могли бы обнять своих девушек, то они будут делать это в подворотнях и темных закоулках, мешая друг другу, вызывая ревность и ссоры. Короче говоря, они-то и создают "хаос". Но ни в одной, буквально ни в одной из существующих политических организаций не прозвучало до сих пор недвусмысленного заявления в пользу создания квартир для молодежи *специально в целях беспрепятственного полового*

общения. Это только *одна* деталь того, что приверженцы сексуальности пытались осмыслить и выразить с помощью лозунга: "Политизация частной жизни".

3. Объективные причины торможения

Причины описанных выше фактов торможения заключались в необразованности и предвзятости, свойственных ответственным работникам. Но размах революции был столь велик, что препятствия, воздвигавшиеся отдельными функционерами и старыми реакционными профессорами, не смогли бы устоять, если бы не трудности *объективного* процесса, на которые смогли сослаться партийные функционеры, защищая свою не особенно надежную позицию.

Было бы, следовательно, ошибкой утверждать, что в Советском Союзе сексуальная революция, а с ней и культурная революция потерпели неудачу из-за неразумия и боязни сексуальности, характерных для руководящих кругов. Это было бы субъективистское воззрение, противоречащее историческому материализму. Движение такого размаха, каким была сексуальная революция в Советском Союзе, может быть заторможено только в результате столкновения с очень серьезными объективными препятствиями. Они могут быть с большей или меньшей степенью точности сведены в четыре группы:

1) трудность всего процесса перестройки старого общества на новых началах, в особенности культурная отсталость старой России, гражданская война и голод;

2) отсутствие учения о сексуальной революции, которое соответствовало бы глубине произошедшего переворота. Не следует забывать, что советская сексуальная революция была *первой* революцией такого рода;

3) структура характеров людей, отрицающая сексуальность, то есть та конкретная форма, в которой законсервировался патриархат, насчитывающий тысячи лет и означающий подавление сексуальности;

4) конкретные осложнения в такой взрывчатой и содержательной сфере жизни, какой является сексуальность.

Эти четыре группы охватывают еще не все факторы, но они позволяют нам получить общее представление о предпосылках, на которых могла основываться деятельность отдельных партийных работников, оказывая тормозящее воздействие.

Нет никакого сомнения в том, что гражданская война 1918 — 1922 гг., сменившая трехлетнюю бойню, выставила процессу разрушения старых форм жизни в результате социальной революции оценку, едва тянущую на "гротескно" и "опасно". Ужасные голодные годы — 1921-й и 1922-й — резко снизили средний психический и материальный уровень жизни бедствующих народных масс и вызвали, мягко говоря, настоящие переселения народов.

По сообщениям Коллонтай, Троцкого и многих других революционеров, тысячам семей, жителям целых поселков приходилось покидать свои родные места и перебираться куда глаза глядят в поисках хоть какого-нибудь пропитания. Случалось нередко, что по дороге матери оставляли детей, а мужа — жен на произвол судьбы. Многие женщины были вынуждены продавать свое тело, чтобы только продлить жалкое существование себе и своим детям. Численность беспризорных детей неизмеримо выросла. В такой обстановке стремление молодежи к сексуальной свободе приняло, естественно, иные формы, чем если бы это было в спокойных условиях. Место болезненной и беспокойной борьбы за ясность и переустройство сексуальных отношений заняло огрубление половой жизни. О том же, что должно прийти на место "старого", не было никаких представлений. В принципе, это огрубление просто означало проявление структуры, испокон века свойственной человеку, чья личность организована на патриархальных началах, структуры, которая существует более или менее скрыто и только время от времени проявляется в виде эксцессов.

Революция была столь же мало виновна в этом так называемом "сексуальном

хаосе", как, например, гражданская война или голод. Революционеры ведь не хотели гражданской войны. Революция лишь свергла царизм и покончила с капитализмом, и ей пришлось взяться за оружие, когда изгнанные решили вернуть себе отнятые власть и землю. Разразившийся же сексуальный хаос был, наряду с прочим, следствием свойственного состарившимся партработникам неумения справиться с прежними структурами, неспособными к восприятию свободы.

Если проанализировать взгляды ответственных советских руководителей на развивающийся хаос и оценки этого процесса, то можно однозначно констатировать, что хорошо знакомый нам страх перед сексуальной свободой замутнял взгляд, когда заходила речь о действительных трудностях и их причинах. Как жертвы, так и носители сексуальной революции обвинялись в утрате чувства ответственности, но ведь устаревшая сексуальная мораль на протяжении тысячелетий подавляла сексуальную ответственность, неразрывно связанную с полноценной в сексуальном отношении структурой характера.

В особенности же обвиняли молодежь в том, что сексуальные связи между полами становятся все слабее. При этом забывали, что никогда и не было действительно здоровых связей, приносящих удовлетворение, а то, что не существовало, нельзя было и ослабить. Если что в действительности и ослабло, так это принуждение в семейных отношениях — результат экономической зависимости — и давление моральной совести на молодежь. Если что и погубило, то не здоровые сексуальные отношения, а авторитарная мораль, бременем лежавшая на народе и запечатлевшаяся в сознании глубже, чем идеи бунта. Речь идет о той морали, которая всегда достигала результата, обратного намерениям. Никому не следовало оплакивать эту мораль.

Во всех тех случаях, когда требовались объяснения ситуации, проявлялась растерянность. Бедственным экономическим положением, например, пытались объяснить случайные половые связи, замеченные у немецкой молодежи и чуть позже как нечто само собой разумеющееся прекратившиеся. Это была ложная интерпретация.

Никогда материальная нужда сама по себе не ведет к случайным связям. Исключением является только проституция. Следовательно, не могли отличить бедствия, порожденные гражданской войной и тяжелым экономическим положением, от проявлений новой жизни. Последние, будучи сами по себе здоровыми и оптимистическими, должны были показаться "сексуальным хаосом" всем тем, кто находился под грузом старых понятий. А ведь половой акт между 17-летним юношей и 16-летней девушкой может представлять собой одно *или* другое. Так, половой акт хаотичен, противоречит принципам сексуальной экономики, вреден для молодежи и опасен для общества, если он совершается в неблагоприятных условиях, если нездоровая внутренняя психическая структура его участников, если они испытывают страх, давление моральных предписаний и совести и не переживают удовлетворения, короче говоря, если эта близость проникнута хаосом, свойственным нашему времени. С другой стороны, в какой-то мере можно приблизиться к сексуальности будущего, совершая половой акт в благоприятных условиях, если структура личности молодых людей способна к счастливой любовной жизни, если они полностью сознают ее величие и важность и если близость происходит без чувства вины и страха перед авторитетами и нежеланными детьми, для воспитания которых нет возможности.

Существует большое различие между тем, когда двое мужчин, испытывающих сексуальный голод, насилуют женщину или с помощью алкоголя склоняют ее к половому акту, и тем, когда двое самостоятельных людей разного пола, сознающих свою сексуальность и способных проявить ее, сознательно проводят друг с другом во время отпуска *только одну* счастливую ночь. Существует различие между тем,

когда мужчина безответственно бросает на произвол судьбы жену и детей ради легкой связи, или тем, когда он, будучи сексуально здоровым, пытается сделать более терпимым невыносимый для себя гнетущий брак, поддерживая втайне счастливые отношения с другой женщиной. Этих примеров может быть достаточно, чтобы показать следующее:

1. То, что людям, отравленным авторитарным сексуальным устройством, представляется хаосом, не обязательно должно быть таковым, а напротив, может быть проявлением активности психического организма, сопротивляющегося непереносимым условиям жизни.

2. Что многое, из являющегося хаосом, на деле — не моральная вина молодежи, а выражение неразрешимого противоречия между естественными половыми потребностями и окружающим миром, противящимся стремлению всех и каждого к их удовлетворению.

3. Что переход от внешне якобы упорядоченного образа жизни, а внутренне хаотичного, к внутренне упорядоченному, но при взгляде извне кажущемуся обывателю неупорядоченным, может совершиться не иначе, как только пройдя фазу тяжелой смуты.

Но решающее значение имеет при этом не только внимание к состоянию общественной жизни. Мы должны понять, что в людях нашей эпохи развивается безмерный страх как раз перед той жизнью, прихода которой они так страстно жаждут, но до которой они еще не доросли в эмоциональном отношении.

Хотя сексуальное разочарование, в которое впадает большинство человечества, и означает притупление чувств, убожество жизни, паралич любой активности и инициативы или является основой для возникновения жестоких садистских эксцессов, оно предлагает и относительный жизненный покой. Такая ситуация похожа на некое предвосхищение смерти самим образом жизни — как если бы человек жил только ради того, чтобы идти навстречу смерти! И это-то состояние смерти заживо люди предпочитают, если их психическая структура не способна выдержать беспокойство и потрясения, свойственные живой жизни.

Стоит подумать о ревности, которой, как правило, высокая политика не уделяет внимания, но которая, тем не менее, за кулисами крупных политических событий играет гораздо более значительную роль, чем можно догадываться. Стоит подумать и о страхе людей перед невозможностью найти подходящего партнера, когда они теряют прежнего — пусть даже отношения с ним были сплошной мукой. Стоит подумать и о тысячах убийств партнеров, произошедших лишь потому, что было просто невыносимо представить себе, как близкий человек заключает другого в объятия, побуждаемый к этому сексуальными намерениями. И этот факт играет в жизни гораздо большую роль, чем даже поездки какого-нибудь Лавалля: ведь парламентарии смогут представлять и подавлять народ только до тех пор, а диктаторы — делать что хотят за спиной терпеливых масс до тех пор, пока люди неустанно, неосознанно и безнадежно борются с этими сексуальными, наиболее тщательно скрываемыми от постороннего взгляда, личными трудностями и бедствиями, касающимися самой сути их жизни. Попробуйте разыскать в каком-нибудь городском квартале, насчитывающем сто тысяч жителей, всех женщин, истерзанных тоской и измученных неурядицами из-за воспитания детей, неверности мужей, собственной сексуальной неспособности или неудовлетворенности, и спросить их, что они думают о дипломатических поездках Лавалля. Их ответ докажет, что миллионам женщин, мужчин и молодых людей голова дана вовсе не для того, чтобы понять, что над ними попросту издеваются.

ГЛАВА IV, Освобождение и торможение на примере регулирования рождаемости и проблемы гомосексуализма

1. Регулирование рождаемости

В области регулирования рождаемости с самого начала существовала максимальная ясность. Переворот в идеологии права и в социально-гигиенических взглядах на эту проблему характеризовался следующими основными чертами.

До тех пор пока у общества нет возможности или воли позаботиться о воспитании детей, у него нет и права требовать от матерей вопреки их воле или несмотря на их бедственное положение производить на свет детей. Только тогда, когда воспитание детей полностью станет заботой всего общества, можно будет подумать и о том, чтобы взяться за проведение осознанной демографической политики и регулирование рождаемости. Поэтому всем женщинам без исключения было предоставлено право прерывать беременность на протяжении первых трех месяцев. Прерывание беременности должно было осуществляться в государственных акушерских клиниках. Строгие наказания ожидали только тех лиц, которые осуществляли тайные аборты, не имея на это права. С помощью этих мер надеялись легализовать подпольные аборты, вырвав их осуществление из рук знахарей. В городах это в основном удалось, но в деревне было гораздо труднее побудить женщин отказаться от прежних взглядов. Вопрос аборта — это ведь вопрос не только законодательства. Его решение зависит и от сексуального страха, испытываемого женщиной. Скрытность и страх, которые тысячелетиями окутывали половую жизнь, приводят к тому, что простая работница или крестьянка скорее пойдет к знахарствующей акушерке, чем в клинику, даже если у нее и будет такая возможность.

В Советском Союзе никогда и не думали о том, чтобы превратить практику изгнания плода в долгосрочное общественное явление, и с самого начала отдавали себе отчет, что легализация аборта была только одним из средств для противодействия знахарству. Главной целью оставалось предупреждение аборта с помощью широкомасштабной просветительной кампании и применения противозачаточных средств. Советы, состоявшие из рабочих и крестьян и оказывавшие мощное давление на интеллигенцию и врачей, точно знали: для того чтобы женщина могла воспринять зачатие ребенка как счастье, санитарные меры должны быть дополнены другими.

Какими же мерами изменяли к лучшему положение матери и ребенка в Советском Союзе?

Осуждение незамужних матерей быстро прекратилось. Растущее вовлечение женщин в производственный процесс придало им материальную самостоятельность и уверенность, облегчившие материнство и сделавшие его желанным. Был введен отпуск по беременности, который начинался за два месяца до родов и заканчивался два месяца спустя. При этом женщины продолжали получать заработную плату в полном объеме. Предприятия и крестьянские артели заботились о создании детских яслей, об обеспечении младенцев одеждой, о подготовке квалифицированных воспитательниц, которые могли бы освободить работающих матерей от хлопот по уходу за ребенком. Следовательно, матерям не приходилось выполнять тяжелые работы на больших сроках беременности и, кроме того, женщины были уверены, что не надо беспокоиться о детях, когда через два месяца закончится декрет.

У того, кто собственными глазами видел в Советской России ясли, не было больше оснований сомневаться в том, насколько продуктивна советская общественная система с точки зрения социальной гигиены. Женщины получали за все время кормления премии, им предоставлялись оплаченные перерывы, чтобы они могли спокойно кормить детей. Было запрещено с началом беременности использовать женщин на тяжелой работе. Бюджет органов охраны материнства и

младенчества рос из года в год почти в геометрической прогрессии. Поэтому неудивительно, что не только не наступило снижение рождаемости, которого боялись все трусливые мещане и моралисты, но, напротив, за последние десять лет превышение рождаемости над смертностью составляло в среднем 3—4 млн человек за год.

Советское правительство прилагало все усилия, чтобы изменить к лучшему положение матери и ребенка даже в самых отдаленных "медвежьих углах" огромного государства. Например, организовывались летучие амбулатории, занимавшиеся проблемами регулирования рождаемости, а поезда, оснащенные всем необходимым, выезжали на периферию. Те десять-двенадцать лет, которые потребовались, чтобы снизить до минимума численность нелегальных абортотворцев, показывают, какую силу представляет собой сексуальный страх, укоренившийся в массах, и как он затрудняет формирование положительного отношения к полезным мерам.

В Советском Союзе, как и повсюду, разумные принципы сексуальной гигиены пробивали себе дорогу в борьбе против реакционного мышления старых гигиенистов. Здесь, как и повсюду, оказалось, что массы обладают верным инстинктом, позволяющим принимать правильные решения, касающиеся этих вопросов. Напротив, "образованный" специалист по социальной гигиене, оснащенный множеством аргументов "за и против", ведет себя как тысяченожка, которая не смогла больше ходить, узнав, что у нее тысяча ножек. Зададимся же вопросом о том, в каком аспекте проблемы абортов смогла скрыто угнездиться реакция, сумевшая впоследствии затормозить решение этой проблемы.

Здесь нет необходимости заниматься историческим изложением проблемы прерывания беременности, подкрепленным цифровым материалом, — на эту тему написано несметное количество хороших книг. Мы хотим лишь попытаться снова осмыслить динамику противоречия этой проблемы.

Этическая, а по существу, замаскированная религиозная аргументация сумела в Советском Союзе не только сохраниться, но с течением времени начала набирать все большее влияние. Как всегда, реакционную этику можно опознать по свойственному ей фразерству. Реакционеры в сфере сексуальной политики изначально последовательно боролись против революционного решения вопроса об абортах, используя отчасти старые аргументы, заимствованные из времен царизма, а также новые, приспособленные к советской действительности, но от этого не менее реакционные. Конечно же, слышались пророчества о том, что "человечество вымрет", что "мораль распадется", что необходимо "защитить семью" и укрепить "волю к деторождению". Разглагольствовали о душевных и телесных потрясениях, испытываемых женщиной. Самой же большой заботой приверженцев сексуально-политической реакции в Советском Союзе, как и везде, было снижение рождаемости[20].

Рассматривая эти аргументы, следует отличать такие, которые представители сексуальной реакции выдвигают, руководствуясь честными намерениями, от других, как субъективно, так и объективно представляющих собой не более чем пустые отговорки, служащие для того, чтобы не заниматься живыми вопросами половой жизни. "Образованные" люди, пользующиеся этой аргументацией, внутренне озабочены сохранением "нравственности", то есть тем, чтобы не допустить удовлетворения половых потребностей, а также не допустить гибели семьи. В ходе дискуссии об абортах становится все яснее, что неосознанный страх перед операцией, затрагивающей генитальную сферу, иррациональным образом затуманивает понимание ее необходимости.

И вот мы слышим различного рода отговорки — это и забота о том, чтобы человечество не вымерло, и фраза о защите зарождающейся жизни. Господа,

оперирующие подобными доводами, не размышляют над тем, что в природе и без них численность всего живого увеличивается. Следующее утверждение будет ни самонадеянным, ни ошибочным, а наоборот, абсолютно верным: демографическая политика, осуществляемая сегодня, является в своей неопределенности и бесчестности аппаратом для отрицания сексуальности, средством отвлечения от вопросов преобразования имеющихся возможностей сексуального удовлетворения.

Выступая на конгрессе в Киеве в 1932 г., д-р Кириллов заявил: " Мы рассматриваем прерывание первой беременности как особенно опасное с точки зрения последующего бесплодия женщины. Поэтому мы всегда считаем своей обязанностью удерживать матерей от аборта и одновременно устанавливать причины желаня прервать беременность. Но в ответах едва прослеживаются какое-либо материнское начало или какие-либо внутренняя борьба и поиски.

Около 70 % случаев причина аборта — "неудачная" любовь. Встречались короткие фразы: "Он меня оставил", "Я его оставила", а в заключение — издевательское замечание о нем и о себе: "Да и что он за мужчина!". Почти никогда в ответах не обнаруживалось никакого признака возникновения семьи как начальной единицы общества.

Не свободная любовь как протест против буржуазного доморощенного брака, не свободная любовь как неосознанный выбор евгеники[21], а понимание чувства и вырастающее отсюда заблуждение с заранее принятым решением: "В больницу". Вот о чем идет речь. Неконтролируемая поспешность, с которой реализуется стремление отдать юное тело партнеру, является результатом перехода к новым, но еще не выкристаллизовавшимся формам сексуального хаоса...

...Я должен сравнить работу в сфере проблемы аборта с искоренением, с египетской казнью первенцев за грехи их отцов, губящей людей и общество. Такой аборт должен быть вытеснен как общественно негативное, уродливое проявление жизни. Его место должна занять настойчивая просветительная работа. Совершенно необходимо преобразование психологических настроений с тем, чтобы добиться признания социальной функции материнства...

Выводы:

1. Криминальный аборт является *нравственным злом*, зиждущемся на представлении законности аборта.

2. Социальный аборт часто служит маской для *перекошенной физиономии проблемы пола* и прикрытием еще не откристиллизовавшихся новых форм жизни. Аборт преграждает путь к материнству и часто снижает успехи в общественной жизни женщины. Поэтому он чужд *подлинному сообществу*.

3. *Аборт представляется массовым средством для уничтожения подрастающего поколения*. В нем не прослеживается намерения служить матери и обществу, и поэтому он чужд ясным целям охраны материнства".

В противоречие этим фразерам, способным в любой момент соответственно структуре своего характера и своему мышлению поддаться фашистской унификации, есть и революционно настроенные сексуальные политики и врачи, которые хотя и не обладают особенно обширными теоретическими познаниями, но на основе приобретенного на практике верного инстинкта представляют правильную, революционную точку зрения. В их числе Клара Бендер из Бреслау, мужественно выступившая на конгрессе немецкой организации Международного криминалистического объединения 11 — 14 сентября 1932 г. во Франкфурте-на-Майне против лицемеров, когда те попытались использовать проявления реакционной демографической политики в Советском Союзе для борьбы против революционной политики в вопросе об абортах.

Она заявила с полным основанием, что все утверждения о физическом и душевном ущербе бессмысленны, если прерывание беременности осуществлено в

нормальных условиях. Беспокойство о снижении численности населения опровергается практикой Советского Союза.

Разглагольствования об "извечном влечении женщины к материнству" обнаружат свою полную несостоятельность, если противопоставить все те трудности, которые делают невозможным правильное воспитание детей. При капитализме прерывание беременности является чисто денежным вопросом, и поэтому закон об абортах — закон чисто классовый, толкающий неимущих женщин к знахарю. В московской же акушерской клинике при 50 тыс. аборт за год не было зарегистрировано ни одного смертного случая.

Вновь и вновь удивляет, что столь ясная аргументация не дает результатов. Тот, кто в начале 30-х гг. участвовал в Германии в дискуссиях о регулировании рождаемости, не мог отделаться от впечатления, что реакционные специалисты в области демографической политики и гигиенисты типа Гротьяна вовсе не заинтересованы в разумных аргументах. При этом невольно возникали ассоциации с дискуссией вокруг реакционной расовой теории нацистов. В ходе такого рода дискуссий со всей ясностью выявилось следующее обстоятельство: невозможно ничего доказать отупевшим болтунам, профессорам, страдающим импотенцией и оттого еще более тщеславным, предпринимая утомительные попытки убедить их, что германская нордическая раса не является самой замечательной в мире или что ребенок негра ничуть не менее умен и прелестен, чем отпрыск немецкого бюргера.

Если бы мы имели дело с вопросами рассудка, то революционная аргументация давно уже разбила бы идеологию реакционных специалистов по демографической политике или приверженцев расовой теории. Но на стороне и тех, и других — иррациональные элементы массового сознания, с которыми нельзя справиться с помощью одного только рассудка. Реакционные представители демографической политики имеют успех в Германии потому, что сотни тысяч, даже миллионы женщин в этой стране испытывают бессознательный страх перед повреждением гениталий и потому вопреки собственным интересам голосуют за параграф об убийстве. Это проявилось и в сборе подписей против отмены параграфа об аборте, проведенной христианскими партиями в Дании в 1934 г. Расовые теоретики могут существовать только потому, что немецкий обыватель, чувствуя себя неполноценным, компенсирует собственное душевное ничтожество, слыша о своей принадлежности к "руководящей", "самой умной", "самой творческой" расе, то есть к нордической. Мы подчеркиваем, таким образом, что иррациональные построения вроде расовой теории или сегодняшней евгеники не могут быть сокрушены с помощью одних только доводов разума, что рациональные аргументы, выдвигаемые против них, должны базироваться на прочном фундаменте мощных естественных чувств. Речь идет не о требовании официального признания теории сексуальной экономики. Ведь общественная жизнь сама собой подтверждает правильность сексуально-экономического воззрения, если революционные изменения в обществе позволяют раскрыться всем источникам жизни, обеспечивают сексуальное счастье, а не заботятся лишь о продолжении рода.

Огромным шагом вперед было уже то, что вопрос о регулировании рождаемости в Советском Союзе обсуждался не в частных объединениях и кружках, а на общественном, государственном, официальном уровне, то есть в общественной форме, при этом общественное понимается в *положительном* смысле. Только благодаря этому стало возможно выступление смелого и умного революционера Зелинского, который бросил в лицо авторитетам, оставшимся на консервативных позициях, следующие великолепные слова:

"С учетом всей совокупности прозвучавших на конгрессе докладов о вреде свободного аборта мое выступление прозвучит еретически. Но доброе сомнение стоит худой веры. Трудно поверить в социальную честность тех докладчиков,

которые, облачившись в тоги, застегнутые на все пуговицы, и повернувшись к людям спиной, изрекали с недогнущими лицами абстрактные истины о вреде аборта. Похоже, будто здесь господствовала слепота зрячих, социальная близорукость или социальное лицемерие. Эти люди не видят или не хотят видеть реальные отношения, реальную социально-экономическую ситуацию и состояние массовой психологии, в которой происходит эпидемия абортов.

В приговорах по поводу абортов больше морализаторской предвзятости, чем беспристрастности и независимости. Эта тема обросла массой страшных историй. Нас пугали всем: инфекциями и перфорацией матки, нервными потрясениями, снижением рождаемости вплоть до угасания материнского инстинкта и вырождения нации, но можно было бы сказать вместе с Толстым: "Меня пугают, а мне не страшно". Говорят об операции вслепую, в нездоровых условиях, о том, что работают чуть ли не ломом. А разве введение зонда в желудок и дальше до двенадцатиперстной кишки не является работой вслепую? И разве работа с эзофагоскопом (аппаратом для исследования пищевода) не есть использование "железки"? А если вы вводите в вены все, вплоть до сублимата, воздействуя тем самым на нежную ткань слизистой оболочки, знаете ли вы заранее последствия своего вмешательства? А если вы в целях диагностики, не имея медицинских показаний, продуваете трубы (яйцеводы) и вводите в них едкие растворы для рентгеноскопии, проходит ли это безнаказанно для организма? И все-таки мы не отказываемся и не откажемся от всех этих методов.

Является ли связь между гормональными нарушениями и абортом уже бесспорным фактом? Почему же горожанки, систематически совершающие аборт, продолжают и по достижении "бальзаковского возраста" (примерно 30 лет) успешно соперничать в сексуальности и красоте тела со своими 20-летними подругами, в то время как их добросовестно рожавшие сельские сестры после шести-восьми родов к 30 годам превращаются в ходячие трупы, в выжатые лимоны? По-видимому, дело с гормонами обстоит не так-то просто. И кто скажет, что уменьшение количества родов всегда плохо сказывается на внешности? Я утверждаю, что это уменьшение может быть при определенных условиях даже полезно.

Садовники знают, что если на хризантемовом кусте слишком много цветов, то часть их надо обрезать, чтобы спасти куст от гибели и получить большие и махровые цветы. До тех пор пока коэффициент рождаемости и "коэффициент насыщения" не совпадут, будет существовать и различие, которое не должно быть списано со счетов. Но для наблюдателя извне не имеет значения, каким образом произойдет это "списание". Говоря же об индивидуе, о женщине, я предполагаю, что ей будет психологически легче переносить аборты, чем сопровождать один гробик за другим и хоронить вместе с ними частицу своей молодости и силы. Можно, конечно, заставить хризантемовый куст рожать больше красивых цветов, но для этого потребуется изменить состав почвы и культуру цветка. Измените культуру, и на этих таблицах появятся другие цифры, которым будут соответствовать другие величины и другие сектора кругов, и все это будет на другом языке говорить об аборте.

Посмотрите откровенно в глаза жизни и вы увидите, в каких социально-экономических и психологических условиях приходится жить женщинам и давать жизнь новым существам. Семья с ее малой устойчивостью и крайней недолговечностью не гарантирует женщинам условий, необходимых для воспитания детей. Выплата алиментов больше не достигает своей цели. Неплатежеспособный алиментщик более интересен теоретически, то есть юристам, чем практически, то есть женщинам. Противозачаточные средства ненадежны. Право на свободное материнство не всегда осуществимо, так как часть женщин не имеет работы и, располагая ежемесячным пособием в 40 — 50 рублей, не может воспользоваться этим правом. вспомните, как в романе Золя нелегальная абортница отчитывает

дипломированного врача: "Вы толкаете женщину в тюрьму или в Сену, а мы вытаскиваем их оттуда". Хотите ли вы, чтобы "вытаскивание из Сены" снова перешло в руки нелегальных абортниц?

Один из выступавших воскликнул в ужасе: "Достаточно рецепта врача и требования женщины — и вопрос об аборте решен". Да, именно так и должно быть: достаточно требования женщины, потому что право определять социальные показания принадлежит только ей, и никому больше.

Никто из нас, мужчин, не вынес бы ситуации, когда решение о нашем браке принимала бы какая-нибудь комиссия и, согласно социальным воззрениям ее членов, мы имели бы право вступать в брак или были бы лишены его. Так не мешайте и вы женщине распоряжаться собой и самой решать кардинальный вопрос своей жизни. Женщина имеет право на половую жизнь и хочет осуществлять его так же свободно, как и мужчина, и она должна иметь эту возможность как нечто нормальное, чтобы сохранять свою социально-биологическую полноценность. Не должно иметь места массовое производство класса старых дев, вредного для коллектива".

Ведомый верным инстинктом, Зелинский выступил как раз в тот момент, когда сексуальная реакция в Советском Союзе перешла к постепенному свертыванию регулирования рождаемости и аборта, используя для этого комиссии, декреты и отговорки гуманитарного свойства.

Таким образом, на этом конгрессе развернулась весьма решительная борьба между двумя направлениями демографической политики. Представители одного выступали в поддержку сексуальности, другого — против нее. Там всерьез обсуждался, например, вопрос о том, не следует ли положить конец росту численности абортниц, вновь введя запрет на них. Народный комиссар Ефимов полагал, что аборт "столь очевидно означает биологическую и психическую травму для женского организма, что доказательства излишни". Тем не менее он считал прерывание беременности в клинических условиях меньшим злом по сравнению с нелегальным абортом. Но и криминальный аборт, несмотря на борьбу с ним, сразу не отомрет. Ефимов присоединился к точке зрения Зелинского, заявив, что с помощью запрета абортниц нельзя уменьшить их численность, ибо он в таком случае "будет всего лишь вновь загнан в подполье". Он отметил далее, что "условия социально-экономической жизни и повышение культурного уровня требуют ограничения рождаемости". "Что лучше, — спрашивал нарком, — гуманное отношение к еще неродившемуся ребенку и, следовательно, возложение нового бремени на нынешнюю семью или регулирование рождаемости?" Ефимов ответил правильно: "Требование жизни сильнее соображений гуманности. Современная ситуация такова, что о запрете абортниц не может быть и речи".

Десять лет спустя после легализации аборта сексуальная реакция не только не была уничтожена, напротив, она наносила представителям революционного направления чувствительные удары. Ефимов потребовал тщательного изучения противозачаточных средств, но жаловался в то же время, что эти средства беспрепятственно продаются в Москве на улицах, что широко распахнуты двери спекуляции и обману. Бендерская потребовала бесплатного предоставления обычных противозачаточных средств, а Белинский, Шинка и Селицкий выступили за их предоставление согласно предписанию врача, так как, по их мнению, неконтролируемое распределение противозачаточных средств могло бы нанести громадный ущерб самому существованию народа. Вопрос о характере распределения противозачаточных средств остался нерешенным, ибо договориться об этом было невозможно. "Заботы, продиктованные соображениями демографической политики", являлись на деле заботами о последствиях распространения противозачаточных средств для нравственности населения.

Сексуальное наслаждение казалось несовместимым с желанием иметь детей.

Д-р Бендерская из Киева сформулировала, например, следующие принципы:

1. Возвращение к наказуемости аборта вернуло бы нас к временам, когда резко росла численность таких операций, осуществлявшихся знахарями.

2. Борьбу против знахарского аборта следует вести с помощью легального прерывания беременности.

3. Борьбу против легального аборта необходимо вести, используя пропаганду противозачаточных средств.

4. В условиях социалистического общественного строя женщина будет исполнять свою функцию материнства в соответствии с требованиями коллектива, членом которого она станет.

Четвертый пункт одним ударом покончил с той ясностью, которая была свойственна первым трем пунктам. С помощью сексуально-гигиенических мер хотели обеспечить людям свободу и радость в сфере половых отношений, но вдруг деторождение было подчинено моральному требованию, "требованию коллектива". При этом упускалось из виду, что и радость материнства является производной от наслаждения, от радости, вызванной появлением нового живого существа. Никогда не удастся и не удастся принудить женщину родить ребенка под давлением власти, стоящей над ней. Материнство будет как часть общей радости жизни опираться на прочный фундамент или останется моральным требованием и в качестве такового будет, как и прежде, неразрешимой проблемой.

Почему интересы демографической политики в настоящее время вновь и вновь противодействуют сексуальным интересам людей? Является ли это противоречие неразрешимым, вечным? До тех пор пока нации враждебно противостоят друг другу, до тех пор пока они отделены друг от друга границами и таможенными барьерами, до тех пор пока существует заинтересованность в том, чтобы во время войны не экономить на человеческом материале, демографическая политика *не может* соответствовать требованиям сексуальной гигиены. А так как нельзя во всеуслышание сказать о необходимости прироста населения, приходится говорить о "нравственности функции продолжения рода" и об интересах "сохранения вида". В действительности же "забастовка" женщин с отказом рожать является всего лишь выражением кризиса половой жизни людей. Рожать детей в плохих жизненных условиях и от нелюбимых партнеров — такая перспектива не приносит никакой радости. Более того, половая жизнь превращается в мучение. Специалисты по демографической политике не видят этого противоречия, не могут его видеть и оказываются проводниками националистических интересов.

Только с полным исчезновением социальных причин войны, только тогда, когда общество сможет обратиться к созданию основ и обеспечению счастливой жизни всем людям, исчезнет и противоречие между сексуальным счастьем и проблемами народонаселения. Ведь тогда радость от сексуального наслаждения найдет свое непосредственное продолжение в радости от рождения ребенка. Тем самым и отпадает требование: "Продолжай род свой".

Разрешение на аборт включало одновременно — хотя это и не было прямо сказано — положительное отношение к сексуальному наслаждению. Это требовало бы *осознанной* перестройки всей сексуальной идеологии в направлении от негативной ориентации к позитивной, *от отрицания* сексуальности к ее *признанию*.

По данным акушеров, участвовавших в конгрессе, большинство женщин (60 — 70 %) было неспособно испытать чувственное наслаждение. Речь шла об "отсутствии" полового влечения, о его "уменьшении", утверждали даже, что причиной снижения сексуальной потенции является искусственное прерывание беременности.

Клинические исследования сексуальных нарушений опровергают это воззрение, представляющее собой попытку всеми средствами затушевать вопрос об аборте и

оправдать его запрет. Все женщины, входящие в эти проценты, повсюду страдают сексуальными нарушениями, будь то в результате аборта или без него. Случалось, что женщины до пятнадцати раз шли на аборт, а средняя частота совершения этих операций составляла от двух-трех до семи в год (последний показатель отнюдь не редок). Это доказывает, что женщины боятся применять противозачаточные средства. Иначе они сами выступили бы в поддержку производства соответствующих противозачаточных средств в достаточном количестве. Данные сексуально-политической практики в Германии свидетельствуют о том, что почти все женщины охвачены этим страхом и одновременно мало чего желают столь сильно, как урегулирования *этого* вопроса,

Женщин необходимо освободить от страха. Надо выразить это горячее невысказанное желание и во что бы то ни стало позаботиться о его выполнении. Одна только отмена запрета абортотворения еще не породит положительного отношения к деторождению, желания иметь детей. Чтобы достичь такого результата, необходимо формирование внутренней способности к счастливой любовной жизни и всех ее внешних предпосылок.

Вместо того чтобы вечно носиться с вопросом о том, следует ли распределять противозачаточные средства по предписанию врача или каким-то другим способом, было бы важнее и полезнее, чтобы по-настоящему *обученные* врачи и работники сферы социального обеспечения провели максимально тщательное исследование противозачаточных средств и установили, какие из них обеспечивают, а какие — нет достижение *сексуального удовлетворения*. Что толку будет от пессария для женщины, которая во время полового акта испытывает дискомфорт из-за ощущения в себе инородного тела и не может поэтому испытать удовлетворения? Что пользы от презерватива, если в результате его применения снижается степень удовлетворения и появляются жалобы неврастенического характера? К чему самая лучшая пропаганда противозачаточных средств, если нет достаточного количества предприятий, которые могли бы обеспечить все население качественными противозачаточными средствами? И какой толк был бы, наконец, от предприятий, если бы женщины не освободились от страха перед применением противозачаточных средств?

В резолюции конгресса еще вполне поддерживалась идея легализованных абортотворения, но документ этот, тем не менее, вписывался в общую атмосферу страха перед тем, чтобы в действительности допустить и обеспечить возможность сексуального удовлетворения.

Это была атмосфера, о которой Фанина Халле в 1932 г. рассказывала следующее: "За границей мало что знали о протесте старых большевиков, многие из которых шли дальше Ленина и проповедовали почти аскетические идеалы. С тем большим усердием распространяется басня о "социализации женщин в Советском Союзе", которая еще и сегодня сидит во многих головах, в особенности под воздействием антисоветской пропаганды. Но тем временем интерес к сексуальным проблемам, прежде очень высокий, окончательно заглох, и подрастающая молодежь Советской России, авангард революции, видит перед собой в настоящий момент столь серьезные и ответственные задачи, что представляется *несущественным* обращать внимание на половые проблемы.

Таким образом, сексуальная жизнь в Советском Союзе снова вступила в *стадию эротизации*, которая, возможно, развивается дальше вглубь и в гораздо большем объеме, чем когда бы то ни было ранее. Отсутствие проблем в отношениях между мужчиной и женщиной, которое было характерно для узкого круга первопроходцев русской революции, превратилось теперь в характеристику поведения широких масс русского народа, а сила, сумевшая добиться этого, зовется "пятилетний план"

Советская идеология гордится "освобождением жизни и людей от эротики". Но это

"освобождение от эротики" представляет собой фантастическую картину. Ввиду отсутствия ясных идей половая жизнь продолжается в болезненных, искаженных и вредных формах. Альтернативы "сексуальное или социальное" не существует. Действительная альтернатива формулируется только таким образом: признаваемая обществом, приносящая удовлетворение и счастье *или* болезненная, тайная, гонимая обществом половая жизнь.

И когда мнимое освобождение от эротики, а на самом деле расшатывание естественной сексуальности сделает граждан Советского Союза больными и разрушит их социальные связи, ответственные государственные деятели почувствуют себя вынужденными ужесточить меры морального регулирования и вновь ввести ограничение аборт. Так возникает круг, который не удастся прорвать, пока угнетенная сексуальность может быть сдержана только моральным давлением, а моральное давление будет усиливать расстройство половой жизни.

Профессор Строганов уже жаловался на то, что женщины раньше стыдились аборта, "а теперь они начали кичиться им как своим законным правом, но право это они получили в результате легализации абортов". Руководитель организации по охране материнства Лебедева отмечала, что безнаказанность аборта "*освободила* психологию женщины *от оков*^{1/1}. Аборт стал теперь уже "жизненной привычкой", "модой", он представляет собой своего рода "психоз", повсеместно распространяющийся подобно "эпидемии". Кривко полагает, что этот "психоз" развивается и нельзя предвидеть, когда начнется стадия его спада. Результатом "одичания нравов" является притупление и потрясение чувства материнства в женщинах. Некоторые советские врачи делают правильный вывод из того факта, что материальная нужда *не* играла доминирующей роли в распространении применения аборта. Этот вывод напрашивается сам собой, ведь иначе как объяснить то, что женщина, не испытывающая нужды, прерывает беременность. В действительности же аборт является выражением первостепенного стремления к сексуальному наслаждению без появления детей.

И действительно, в ходе выполнения второго пятилетнего плана половая свобода была существенным образом ограничена, а в качестве причины для ограничений были использованы неясности, о которых шла речь. Прерывание беременности стало невозможным для женщин, вынашивавших первого ребенка. Втихомолку были снова введены медицинские показания, комиссии практиковали значительное моральное давление. Пока нельзя увидеть, куда приведет это развитие событий. Оно завершится тем или иным образом, станет результатом исхода борьбы между двумя течениями: отрицающим сексуальность, реакционным в сексуальном отношении и признающим ее, ориентированными на сексуальную революцию.

Есть самые веские причины опасаться, что представители революционного направления сексуальной политики не сумеют быстро собрать достаточные силы, чтобы взять верх над старой и привычной умственной нищетой. Результатом этого будет экономика, в основе которой — блестящая техническая оснащенность, экономика, приводимая в движение неврастениками и живыми машинами. Но это не будет социализм.

Принципиальное решение

Чтобы быть лучше вооруженными на тот случай, если перед обществом снова встанет вопрос о его рациональной организации, подытожим уроки борьбы, о которой шла речь выше. В такой ситуации будут необходимы следующие меры:

1. Избавление от всех *отговорок* и бесчестных заявлений. Признание материальной нужды единственной причиной аборта. Отмена разделения между демографической политикой и сексуальной политикой в целом.

2. *Признание* сексуальной функции независимо от продолжения рода.

3. Признание воли к продолжению рода как частичной функции сексуальности, а

стремления женщины иметь ребенка — как выражения жизнерадостности. Признание того факта, что, если жизнь приносит материальное и сексуальное удовлетворение, радость материнства разумеется сама собой, а рождение ребенка является результатом радости жизни.

4. Открытое признание точки зрения, в соответствии с которой *предупреждение* беременности служит практически не только устранению абортов, но прежде всего — обеспечению сексуального наслаждения и здоровья.

5. Мужество, позволяющее признать сексуальность и саморегулирование половой жизни.

6. *Исключение на практике какого бы то ни было влияния* всякого рода святош, моралистов и иных замаскированных сексуальных невротиков.

7. *Самый жесткий контроль над практикой и идеологией* реакционных профессоров акушерства со стороны сексуально-политических организаций, представляющих интересы женщин и молодежи. Борьба против бездумного уважения, которое массы испытывают к современной науке. Эта наука лишь в редких случаях заслуживает такого названия.

Цель революционной демографической политики может заключаться только в том, чтобы пробудить интерес самого народа к этим проблемам, не навязывая ему "сверху" обязанность "сохранения вида". Сегодня демографическая политика вообще не интересует среднего человека. Чтобы пробудить этот интерес, необходимо, прежде всего, сформировать положительное отношение к сексуальному наслаждению и создать условия, обеспечивающие его для всех тех, кто принимает *производительное* участие в общественной жизни. Люди должны чувствовать, что именно в этом вопросе — скажем без обиняков: в вопросе сексуального наслаждения — их правильно понимают и готовы помочь, чтобы обеспечить им радость от половой жизни и сделать их способными к наслаждению.

Решение этой проблемы окажется относительно простым по сравнению с решением главной проблемы: *как устранить распространенный в массовом масштабе страх современного человека перед оргастическим наслаждением?* Это неслыханно трудная и большая проблема. Если ее однажды удастся разрешить, то проблемы демографической политики не будут больше решать профессора, охваченные сексуальным страхом. Их решением займутся молодежь, рабочие, крестьяне, научные специалисты и дети. До тех пор демографическая политика и евгеника останутся теми же реакционными конструкциями, какими они являются сегодня.

2. Восстановление параграфа о наказуемости гомосексуализма

Из советского законодательства, регулировавшего половые отношения, был просто вычеркнут параграф закона царских времен, каравший за гомосексуальные действия длительным сроком лишения свободы. Официальная "Большая советская энциклопедия", выходящая под контролем правительства, при изложении проблем сексуальности опиралась, в основном, на выводы Магнуса Хиршфельда и отчасти Фрейда.

Отмена параграфа о наказуемости гомосексуализма обосновывалась необходимостью исключительно научного подхода к этому явлению, что исключало преследование гомосексуалистов. Необходимо было разрушить стены, отделявшие гомосексуалистов от общества. В свое время этот шаг советского правительства придал колоссальный импульс сексуально-политическому движению Западной Европы и Америки. Речь шла не просто о пропагандистской акции, а о мере, которую с полным правом обосновывали тем, что гомосексуализм, понимаемый как врожденное свойство или как результат нарушения развития, является действием, никому не приносящим вреда. Такая позиция полностью соответствовала образу мыслей городского и сельского населения, которое занимало чрезвычайно терпимую

позицию во всех сексуальных вопросах, хотя в деревнях, как отмечал некий корреспондент, "добродушно подтрунивали" над гомосексуалистами и лесбиянками.

В противоположность этому мелкобуржуазные слои пребывали еще полностью в плену аскетических взглядов и средневековых предрассудков на сексуальность. Представители этих слоев, занимая также средние и верхние этажи партийной иерархии, оказывали влияние и постепенно распространяли свои взгляды на часть рабочих. С течением времени все четче стали выделяться два взгляда на гомосексуализм:

1) согласно одному, он был "признаком варварского бескультурья", "свинством, свойственным полудиким народам Востока";

2) в соответствии с другим, гомосексуализм представлял собой проявление "рафинированной культуры извращенцев-буржуа".

Несмотря на отмену наказания, преследования за гомосексуализм среди народов Средней Азии сохранялись. Примерно в 1925 г. в Туркестане было введено дополнение к Уголовному кодексу Советского Союза, уже предусматривавшее большие сроки лишения свободы для гомосексуалистов.

Взгляды на гомосексуализм, о которых шла речь выше, в сочетании с общей неясностью относительно сексуально-политической ситуации и возможностей ее развития приводили к возникновению гротескных случаев преследования гомосексуалистов, и число таких судебных прецедентов неуклонно росло, то есть одним только принятием закона вопрос не был решен.

Согласно сексуально-экономическим представлениям, гомосексуализм в подавляющем большинстве случаев является следствием нарушения развития функции любви к противоположному полу, причем нарушение это проявляется в очень раннем возрасте. По мере всеобщего торможения сексуальной революции неизбежно должно было начаться все более широкое распространение гомосексуализма среди молодежи, в армии и флоте и т.д. Доходило до слежки и доноительства, гонений со стороны партийных комитетов и даже принятия организационных мер в ходе "чисток партии". В отдельных случаях вмешательство старых большевиков, например Клары Цеткин и некоторых других, приводило к освобождению арестованных. Но из-за нерешенности полового вопроса волна гомосексуализма росла чем дальше, тем выше до тех пор, пока в январе 1934 г. не начались массовые аресты гомосексуалистов в Москве, Ленинграде, Харькове и Одессе. Эти аресты обосновывались политическими причинами. Среди арестованных было очень много актеров, художников и музыкантов, которых за якобы устраивавшиеся ими "гомосексуальные оргии" в административном порядке приговаривали к многолетнему тюремному заключению или ссылке.

В марте 1934 г. был опубликован закон за подписью Калинина, запрещавший и каравший половые контакты между мужчинами. Согласно одному частному свидетельству, это был своего рода чрезвычайный декрет, так как изменения в законах принимались только по решениям съездов Советов. В соответствии с этим законом половой акт, совершаемый между мужчинами, характеризовался как "социальное преступление", каравшееся в более легких случаях тюремным заключением на срок от трех до пяти, а в случае зависимости одного партнера от другого — от пяти до восьми лет. Таким образом, гомосексуализм снова оказался в ряду других социальных преступлений, таких, как бандитизм, контрреволюция, саботаж, шпионаж и т.д.

Преследования гомосексуалистов находились в определенной связи с событиями в Германии, вызванными "делом Рема" в 1932 — 1933 гг. Советская печать открыла поход против гомосексуализма как "явления, свидетельствующего о вырождении фашистской буржуазии". Как мне сообщали, известный советский журналист Кольцов написал серию статей, в которых речь шла о "теплых братьях (жаргонное

название гомосексуалистов. — *Прим. пер.*) министра пропаганды Геббельса" и о "сексуальных оргиях в фашистских странах".

Решающую роль в формировании общественных настроений сыграло вмешательство Горького, который писал в статье "Пролетарский гуманизм": "Память отказывается загружаться грязью, которую все более усердно и обильно фабрикует буржуазия". (Имелись в виду антисемитизм и гомосексуализм.) Далее говорилось буквально следующее:

"В стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуемым, а в "культурной" стране великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка: "Уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет"[\[22\]](#).

Мы видим, насколько неясно было и сколь вредные последствия имело такое представление о гомосексуализме. Гомосексуализм, действительно свойственный организациям Рема и им подобным, представлявшим собой чисто мужские объединения, смешивался с гомосексуализмом "*не от хорошей жизни*", распространенным среди матросов, солдат и заключенных, который следует приписать недостатку гетеросексуального полового общения, приносящего удовлетворение. Кроме того, полностью оставляли без внимания идеологическую позицию фашизма по отношению к гомосексуализму, которая была такой же отрицательной, как и в Советском Союзе. Стоит напомнить только о 30 июня 1934 г. — дне, когда Гитлер уничтожил все руководство СА, обосновывая свой шаг ссылкой на преследования гомосексуалистов, начавшиеся в СССР. Ясно, что с такими *хаотическими* представлениями об отношениях сексуальности к фашизму и к общим вопросам половой жизни вообще многого не достигнешь. В связи с массовыми арестами среди гомосексуалистов в Советском Союзе воцарилась паника. Утверждают, что немало солдат и командиров Красной Армии покончили с собой. До 1934 г. в Советском Союзе не было доносов, но после событий 1934 г. оно возродилось. В противоположность этому население относилось к гомосексуалистам терпимо.

Я ограничиваюсь лишь кратким описанием. Соотношение преследования гомосексуалистов с общей сексуально-политической ситуацией, в особенности у народов советского Востока, потребовало бы обстоятельного изложения, но я не хотел перегружать работу. Отношение к проблеме гомосексуализма с позиций сексуальной экономики сформулировано в трудах "Функция оргазма", "Анализ характера" и "Борьба молодежи за свои сексуальные интересы". Суммируя, можно сказать, что:

1) гомосексуализм не является социальным преступлением, он никому не приносит вреда;

2) его следует ограничивать единственно с помощью создания всех предпосылок естественной любовной жизни масс;

3) прежде чем цель, о которой говорится в п. 2, будет достигнута, гомосексуализм должен рассматриваться как вид сексуального удовлетворения, равноправный с гетеросексуальным, и быть ненаказуемым (за исключением случаев соращения лиц, не достигших половой зрелости).

ГЛАВА V. Торможение в молодежных коммунах

В годы гражданской войны русская молодежь сразу же завоевала передовые позиции в борьбе. По достоинству оценивая значение, которое имела для революции воля к жизни, свойственная молодому поколению, Ленин уделял особое внимание организации молодежи, улучшению ее экономического положения и сохранению ее сил.

Признание самостоятельности молодежи в общественном процессе, в том числе

по отношению к старшему поколению, нашло свое полное отражение в решении II съезда РКСМ, гласившем: "Комсомол является автономной организацией с собственным уставом". Уже в 1919 г. Ленин подчеркивал: "Без полной самостоятельности молодежь не сможет выработать из себя хороших социалистов".

Только ставшая самостоятельной, действующая без авторитарной дисциплины и сексуально здоровая молодежь могла решать в длительной перспективе неслыханно трудные задачи революции.

В качестве поистине образцового примера, дающего представление о сексуально-политическом характере деятельности самостоятельных революционных молодежных организаций, могут быть названы события, о которых речь пойдет ниже.

1. Революционная молодежь

Еще каких-нибудь десять лет назад Баку считался одним из заповедников самой мрачной реакции и духовной тьмы России. Именно здесь, в русско-тюркской республике Азербайджан, революция потребовала очень больших кровавых жертв. Хотя в ходе революции и были изменены законы, преобразован экономический фундамент, религия объявлена частным делом каждого гражданина, но, как писал Бальдер Олден, "среди новых демонов свирепствовал старый — жестокое воспитание для гарема".

Девушек посылали на обучение заповедям ислама, им запрещали учиться чтению и письму — ведь грамотная женщина могла бы с помощью писем связаться с внешним миром, бежать из дому и навлечь позор на семью. Девушки были крепостными отца. По достижении половой зрелости они становились крепостными супруга, которого не имели права выбрать сами, да и вообще не видели до свадьбы. Женщины и девочки не имели права показывать лицо мужчинам. Закрывшись чадрой и закутавшись, они выглядывали из окон и под строгой охраной ходили по немногим разрешенным им улицам. Им не разрешалось работать, читать книги и газеты. У женщин было, правда, право на развод, но воспользоваться этим они не могли. Хотя русский кнут и исчез из каторжных тюрем, в гаремах женщин били по-прежнему. Этим женщинам приходилось рожать в полном одиночестве, так как не было акушерок и женщин-врачей, а заповеди религии, которым втайне продолжали следовать самым строгим образом, запрещали женщинам показываться врачу-мужчине.

В середине 20-х гг. русские женщины основали в Баку центральный женский клуб, целью которого была организация системы образования женщин. Постепенно начали распространяться знания, классы наполнялись все больше, и девушки внимательно слушали седовласых учителей (молодые мужчины не могли преподавать им). Так спустя годы после социальной революции началась "революция нравов". Ученицы узнали, что есть страны, в которых юноши и девушки воспитываются вместе, женщины занимаются спортом, ходят в театр без чадры, участвуют в собраниях, сами выступают и вообще живут жизнью своего общества.

Кроме того, в Баку распространялось сексуально-политическое движение. Когда отцы семейств, братья и мужья слышали призывы, провозглашавшиеся в женском клубе, они чувствовали, что их интересы находятся под угрозой. Они принялись распускать слухи о том, что женский клуб — это вертеп разврата, и его посещение стало опасным для жизни.

По сообщению Бальдера Олдена, случалось, что девушек, которые ходили в клуб, обливали кипящей водой и травили собаками. Более того, еще в 1923 г. вполне можно было поплатиться жизнью за любое публичное выступление, за ношение спортивного костюма, обнажавшего руки и ноги, так что вполне понятно, почему мысль о любовном союзе, не скрепленном узами брака, была чужда даже самым смелым женщинам.

Несмотря на все это, находились немногие девушки, которые по внутреннему убеждению рвали с унаследованным жизненным укладом и, решившись на все, начинали борьбу за сексуальное освобождение женщин. Они испытывали невероятные муки. Конечно, их сразу же узнавали, они подвергались гонениям, стояли в общественном мнении ниже проституток и ни одна из них не могла и помыслить о том, что какой-нибудь мужчина когда-либо вступит с нею в брак.

В 1928 г. двадцатилетняя Сариял Халилова бежала из родительского дома. Она созывала собрания и провозглашала на них сексуальную эмансипацию женщин. Без покрывала и без чадры она посещала театр, в стенных газетах, которые издавал женский клуб, обращалась с призывами к женщинам. Она появлялась в купальнике на пляже и на спортплощадках. Отец и братья девушки устроили над ней суд и приговорили ее к смерти. Сариял была заживо разрезана на куски. Это произошло в 1928 г., одиннадцать лет спустя после того, как в России началась социальная революция.

Ее смерть была началом мощного подъема сексуально-политического движения женщин. Гроб с телом Сариял, который забрали из родительского дома, был выставлен в клубе, и вокруг него молодежь круглые сутки несла почетный караул. Женщины и девушки шли через клуб нескончаемым потоком. Убийцы Сариял были приговорены к расстрелу, и с тех пор ни отцы, ни братья не отваживаются подобным образом противодействовать женскому и молодежному движению.

Бальдер Олден описывает эти эпизоды как часть культурного движения лишь в самом общем виде. Мы же должны высказаться конкретнее. Несомненно, это было начало сексуально-политического переворота, который привел к подъему культурного сознания девушек и женщин Азербайджана.

Уже в 1933 г. в высших учебных заведениях учились 1 044 девушки, в республике было 300 акушерок и 150 клубов женщин и девушек. Из числа этих женщин вышли многие писательницы и журналистки. Женщина занимает должность председателя Верховного суда республики, другая возглавляет один из комитетов ЦИК Азербайджана. Женщин можно встретить среди инженеров, врачей и летчиков. Революционная молодежь отвоевала свое право на жизнь.

2. Молодежные коммуны

Опыт молодежных коммун наиболее пригоден, для того чтобы продемонстрировать роль молодежной сексуальной революции. Они были первым естественным выражением развития коллективной жизни молодежи. В молодости, особенно в период полового созревания, все находится в движении, психологические препятствия еще не приобрели вид жестких структур. Напротив, коммуна, руководимая людьми старшего возраста, с первых же шагов своего существования сталкивается с трудностями, вызванными закостенелостью возрастных психических реакций и привычек. Поэтому именно молодежные коммуны имели наилучшие перспективы утвердиться, доказав тем самым полезность и прогрессивность коллективных форм жизни. Какие элементы прогрессивной революционной жизни утвердились в коммунах? Какие препятствия тормозили этот прогресс?

В Советском Союзе очень рано поняли, что политическая организация молодежи и подъем ее жизненного уровня относятся к числу первоочередных задач. Но только одного этого было недостаточно. Бухарин попытался обобщить главную задачу в словах: "Молодежи нужна романтика". Сделать такой вывод пришлось под влиянием спада пролетарского молодежного движения, который обозначился с началом периода нэпа, наступившего после гражданской войны. Тогда бурные события первых лет борьбы сменились менее романтичными годами трудной работы, направленной на восстановление.

"Мы должны обращаться не только к разуму, — говорилось на V съезде

комсомола. — Ведь прежде чем человек что-либо понимает, он должен чувствовать это. Для воспитания юношества должен быть использован весь романтический революционный материал — будьте подпольная работа до революции, гражданская война, ЧК, бои и революционные подвиги рабочих и Красной Армии, технические открытия и экспедиции". Прежде всего, отмечалось в решениях съезда, необходимо создать литературу, в которой "в воодушевляющей форме" был бы показан социалистический идеал, возвеличивались бы борьба человека с природой, героизм рабочего класса и беззаветная преданность делу коммунизма. Таким образом, воодушевление молодежи предполагалось пробудить и поддерживать с помощью *этических* идеалов. Место буржуазных идеалов и представлений должны были занять революционные.

Конкретно это означало, например, следующее. Молодежь буржуазного общества, охочая до сенсаций, с интересом читает детективные романы. Но ведь вполне возможно заменить криминальный роман с обычным содержанием детективом революционной направленности, так чтобы речь шла не о преследовании преступника сыщиком, а например, о погоне сотрудника ГПУ за белогвардейским шпионом. И в том, и в другом случае юные читатели переживают одно и то же — ужас, страх, ощущения загнанности и напряженности. Результатом оказываются садистские фантазии, связанные с неудовлетворенным сексуальным возбуждением. Следовательно, формирование психических структур зависит не от содержания переживания, а от характера вегетативного возбуждения, которым это переживание сопровождается.

Страшная сказка воздействует на психику одинаково, идет ли в ней речь об Алибабе и сорока разбойниках или о казни белогвардейских шпионов. С точки зрения читателя, дело в ощущении *ужаса*, а не в том, будут ли обезглавлены сорок разбойников или сорок контрреволюционеров.

Если революционное движение хотело лишь донести свои воззрения и сделать их притягательными, то было достаточно замены одного этического идеала другим. Но если оно, кроме того, хотело изменить структуру психологии людей, сделать их способными к *самостоятельным* мышлению и действию, короче говоря, выкорчевать психологию подданного, то ему надлежало подумать не только о том, чтобы консервативный Шерлок Холмс был бы просто изгнан Шерлоком Холмсом красным, а о том, чтобы революционная романтика взяла верх над консервативной.

В решении V съезда комсомола отмечается: "Демонстрации, факельные шествия, знамена, массовые концерты должны в полном объеме использоваться для оказания могучего воздействия на молодежь". Это было необходимо, но это было только *продолжение* использования старых форм, с помощью которых обеспечивались воодушевление масс и идеологическое воздействие на них.

В гитлеровской Германии с целью оказания сильного влияния на молодежь также *успешно* проводились демонстрации, факельные шествия, церемонии освящения знамен и массовые концерты. Эти мероприятия, конечно же, рождали в душе молодого коричневорубашечника из "Гитлерюгенда" не меньшее воодушевление и чувство преданности, чем в душе комсомольца.

Сопоставляя эти две организации и их методы работы в массах, следует отметить решающее значение того обстоятельства, что программа немецкой организации "Гитлерюгенд" включала в себя клятву о безусловном и некритическом повиновении вечному фюреру, что эта организация не осмеливалась и подумать о том, чтобы по собственной воле "строить свою жизнь на основе собственных принципов". Тогда как задача комсомола, напротив, заключалась в том, чтобы создать новое бытие для всей трудящейся молодежи исходя из условий ее собственной жизни и на основе ее собственных потребностей, чтобы сделать молодежь готовой к действию и при этом наделенной по убеждению, а не в силу повиновения такими свойствами, как

самостоятельность, антиавторитарная ориентация, трудолюбие, способность испытывать сексуальное удовлетворение, самостоятельно принимать решения, критически мыслить. При этом молодежь должна была знать, что она борется не за "коммунистический идеал", находящийся где-то еще далеко, а что эта коммунистическая цель представляет собой осуществление ее собственной самостоятельной жизни.

Для авторитарного общества характерно, что молодежь не осознает действительной сущности собственной жизни и поэтому или ведет тупое убогое существование, или проявляет слепую преданность. Революционная же молодежь, осознавая свои потребности, развивает на этой основе свойство, вызывающее наиболее длительное и мощное воодушевление. Это воодушевление, порождаемое *жизнерадостью*. "Быть молодым" и "самостоятельным" означает и положительно относиться к сексуальности. Советскому государству надо было выбирать, хочет ли оно опереться на аскетическую жертвенность или на жизнерадость, означающую положительное отношение к сексуальности. Широкие массы молодежи можно было завоевать на сторону Советской власти и добиться изменений в структуре их психологии в соответствии с социалистическими принципами только с помощью идеологии, проникнутой жизнеутверждением.

В 1925 г. в рядах Ленинского комсомола насчитывался 1 млн., в 1927 г. — 2 млн, в 1931 г. — 5 млн членов. В 1932 г. численность организации возросла почти до 6 млн человек. Следовательно, задача организационного охвата рабочей молодежи оказалась успешно выполненной. Но была ли вся молодежь в соответствии с главной установкой II съезда РКСМ *переструктурирована для обеспечения "собственной самостоятельности"*? Ведь только около 15 % крестьянской молодежи были объединены в комсомоле и легче всего могли быть организованы. Изменение структуры характеров происходило у крестьянской молодежи по-иному, нежели у пролетарской, — ведь сексуально-политическая ситуация той и другой группы подрастающего поколения была совершенно различна.

Вовлечение молодежи в организацию прямо связано со способностью последней понять свои материальные и сексуальные потребности, сформулировать и выразить их и сделать все для их реализации. Новые формы жизни создаются только благодаря *новому* ее содержанию, а новое содержание должно быть облечено в новые формы.

Коммуна Сорокина

В ходе революционного переворота возникали социальные конструкции, которые хотя и были весьма характерны для переходного времени, но не могут рассматриваться в виде зародышевых ячеек будущего коммунистического строя. Попробуем на примере ставшей знаменитой "коммуны Сорокина" понять, в чем заключается своеобразие таких организаций.

Эта коммуна представляет собой образцовый пример организации, структурированной на началах авторитарной дисциплины, антифеминизма и гомосексуальных связей и *не являющейся* специфически коммунистической.

Молодой рабочий *Сорокин*, работавший на паровой мельнице на Северном Кавказе, прочитал в газетах об "Автострое" — строительстве самого большого автомобильного завода в Советском Союзе. У него возникло желание работать на этом строительстве. Во время учебы на технических курсах в соседнем городе Сорокин организовал из сокурсников ударную бригаду. По окончании курсов все сорок два выпускника, заразившись энтузиазмом Сорокина, завербовались на "Автострой", куда и прибыли 18 мая 1930 г. Под руководством Сорокина двадцать два молодых рабочих создали трудовую коммуны. Каждый отдавал свой заработок в общую кассу, из которой финансировались все расходы. Никому из участников этой типично молодежной коммуны не было больше двадцати двух лет.

Молодой энтузиазм, с которым коммунары принялись за работу, их честолюбие и неутомимость уже вскоре начали действовать на нервы другим рабочим. К ним придирался и директор, гоня добровольцев по разным объектам стройплощадки, вместо того, чтобы, как они желали, использовать их всех вместе на одном участке. В конце концов Сорокину удалось добиться смещения директора.

Его преемник относился к коммуне с большим пониманием. Сразу же после назначения нового директора коммунары попросили поставить их на особенно трудный участок, где план выполнялся только на 30 %. Надо было осушать болото. Из коммуны вышли четверо ее членов, в том числе единственная женщина, входившая в коллектив. Они не выдержали нагрузок. Оставшиеся же восемнадцать сплотились в крепкую группу, для которой борьба была радостью. Они работали как одержимые. В коммуне установили железную дисциплину. Коммунары решили даже изгонять из своих рядов каждого, кто отсутствовал на работе более двух часов. И действительно, один из проштрафившихся членов коммуны был безжалостно исключен, несмотря на то, что его любили все товарищи.

Вскоре план был выполнен на 200 %. Слава коммуны Сорокина распространилась по всему заводу. Теперь коммунаров уже без просьбы систематически ставили на все трудные участки. Они повсюду увлекали рабочих за собой. Случалось, что коммунары трудились по 20 часов в сутки. Эта напряженная деятельность крепко связывала их друг с другом. Им удалось обзавестись двумя палатками, где коммунары вместе жили и питались. Так трудовая коммуна превратилась в полную коммуну. Их пример оказал зажигательное воздействие. Когда Сорокин со своими товарищами прибыл на строительство, там было 68 ударных бригад, в которых трудился 1 691 ударник, коммуны же, кроме Сорокинской, не было ни одной. Через полгода существовало уже 253 ударные бригады и 7 коммун, а весной 1931 г. численность ударных бригад дошла до 339, ударников — до 7023, а коммун — до 13. Заслуги бригадира Сорокина были отмечены орденом Красного Знамени.

Эти коммуны напоминают нам о коллективистских группах в некоторых отделениях Союза красных фронтовиков в Германии (организация рабочей самообороны, руководимая компартией Германии и действовавшая в 1924 — 1933 гг. — *Прим. пер.*). Хотя исключение женщин *не* характеризует коммуны как образец будущих коммунистических коллективов. Ее структура чужда психологической структуре среднего человека. Героические требования, которые коммунары предъявляли к себе и своим друзьям, несомненно, необходимы для трудной борьбы в переходное время, но они, безусловно, непригодны при выработке перспективных взглядов на процесс образования коммун. (Необходимо различать коммуны, возникающие под действием крайней необходимости, как это бывало среди ударников, и такие, которые создаются на основе обычных жизненных потребностей.)

Развитию многих коммун в Советском Союзе был свойствен именно переходный характер. Совместный труд и совместно переносимые трудности становились краеугольным камнем таких коллективов на заводе, в колхозе или армии. Ударники так же привыкали друг к другу, как это происходит с солдатами в окопах. Именно примитивность жизни затушевывала различие между элементами своеобразия.

Трудовой коллектив становился коллективом в полном смысле этого слова, если к совместному труду прибавлялось и общее жилье. Но такой коллектив еще не является подлинной коммуной, так как в общую кассу вносится только часть индивидуального заработка. В некоторых коллективах все, независимо от величины заработка, делают одинаковый взнос "в общий котел". Есть и другие правила, согласно которым все члены коллектива платят минимальный взнос и сверх того определенные проценты со своих доходов.

В "полных коммунах" дело обстоит по-другому. Коммунары берут на себя

обязательство отчислять в кассу коммуны весь свой заработок. Полная коммуна рассматривается как "высшая форма совместной жизни людей". Однако при создании таких полных коммун оказалось, что отсутствие внимания к вопросам структуры коллектива и личности привело к появлению авторитарных форм связи, характеризующихся известной долей принуждения.

В Государственной библиотеке в Москве сложилась полная коммуна, в которой всем коммунарам предоставлялись одинаковые пальто, обувь и даже нижнее белье. Если кто-нибудь из коммунаров хотел носить собственное пальто и белье, это осуждалось как проявление "мещанства". Личной жизни не было вовсе. Было запрещено, например, поддерживать более тесную дружбу с каким-либо одним из коммунаров. Любовь же считалась чем-то предосудительным. Если замечали, что девушка находила особое удовольствие от общения с одним коммунаром, их обоих клеймили на заседании как "разрушителей коммунистической этики".

Просуществовав недолго, по свидетельству Менерта[23], коммуна распалась.

Если коммуны одобряют в качестве "будущей формы семьи", будущей единицы общества, если есть намерение сохранять и поддерживать ее, то особенно важно внимательно проследить за ошибочными тенденциями в развитии таких коммун.

Любая странность, противоречащая природе человека и его потребностям, любого рода авторитарное, моральное или этическое регулирование жизни должны ее разрушить. Основная проблема заключается в том, каким образом должна была бы развиваться коммуна, если бы она была основана на *естественных*, а не моральных условиях.

В качестве примера того, как противоречие между структурой и формой существования может обостриться до гротеска, стоит привести коммуны Горной академии в Москве. Там было решено планировать не только расходы своих членов, но и их время. Был составлен график, по свидетельству Менерта, выглядевший следующим образом:

7.30	Подъем, одевание,
7.30-8.45	Завтрак, уборка
8.45-14.00	Лекции
14.00-15.30	Обед и отдых
15.30-21.00	Лекции и самостоятельная работа
21.00-21.30	Ужин
21.30-23.00	Отдых, чтение
23.00-24.00	Чтение газет
Всего:	24 часа 00 мин

Коммуна завода АМО на основе длительных и тщательных наблюдений подготовила даже следующий статистический материал о том, как каждый коммунары использует 24 часа (средние данные):

1. Работа на предприятии	6 ч 31 мин
2. Сон	7 ч 35 мин
3. Учеба	3 ч 1 мин
4. Принятие пищи	1 ч 24 мин
5. Общественная работа	53 мин
6. Чтение	51 мин
7. Отдых (кино, клуб, театр, прогулка)	57 мин
8. Работа по дому	27 мин

9. Посещение гостей	25 мин
10. Личная гигиена	24 мин
11. Не установлено	1 ч 32 мин
12. Всего:	24 ч 00 мин

Перед нами случай одержимости статистикой. Такие явления носят явно выраженный патологический характер, будучи симптомами невроза принуждения, возникающего в условиях "обязаловки", против чего должно было бунтовать все существо коммунара. Вывод, который следует сделать из такой ситуации, принадлежит не Менерту, вообще ставящему под вопрос возможность организации жизни на коллективистских началах. Он заключается в следующем: придерживаясь коллективистских форм жизни, необходимо найти путь, к которому структура психологии человека может приспособить эти формы.

До тех пор пока мысли и чувства коммунаров противоречат коллективу, общественная необходимость будет волей-неволей пытаться пробить себе дорогу с помощью совести и принуждения. Необходимо закрыть "ножницы" между психологической структурой человека и формой существования, причем сделать это не с помощью принуждения, а естественным образом.

Трудовая коммуна ГПУ для беспризорных "Болшево"

Речь идет о первой трудовой коммуны для беспризорных детей, основанной в 1924 г. по инициативе председателя ГПУ Дзержинского. Принцип, положенный в основу ее деятельности, гласил, что преступники должны воспитываться в условиях полной свободы. Главной проблемой являлась организация бывших правонарушителей. Она была решена следующим образом: перед началом реализации замысла два основателя коммуны "Болшево" побеседовали с заключенными Бутырской тюрьмы в Москве. Это были подростки и юноши, осужденные за грабеж, воровство, бродяжничество и т.д. Предложение ГПУ гласило: мы даем вам свободу, возможность культурного развития, учебы/участия в строительстве, которое ведет Советская страна. Хотите ли вы идти с нами и основать коммуны?

Поначалу беспризорники были недоверчивы. Они не хотели и не могли понять, как это вдруг то самое ГПУ, которое арестовало их, теперь собиралось дать им свободу. Они предполагали, что за этим предложением кроется какая-то хитрость и решили перехитрить ГПУ. Как выяснилось позже, они договорились осмотреться на месте, а потом сбежать, чтобы снова промышлять грабежом и воровством. 15 парней получили *одного* руководителя, деньги на электричку и пропитание. Им дали также полную свободу уходить и возвращаться, как и когда им будет угодно. Оказавшись на территории, где еще предстояло создать коммуны, вчерашние заключенные обшарили все кусты и закоулки в поисках спрятавшихся солдат. Наткнувшись на железную решетку, они подумали, что это ограждение, почувствовали недоверие и решили убраться подобру-поздорову. Но их успокоили, убедив, что ничего подобного и не планировалось. Они остались и не разочаровались. С помощью только этих 15 "первооткрывателей" численность членов коммуны была доведена сначала до 350, а потом и до 1000 человек. Например, они составили список, в который внесли имена 75 своих товарищей, сидящих в тюрьме, и поручились за них. Затем сами же отправили делегацию в тюрьму и привезли этих ребят.

Теперь возникла проблема наилучшей организации работы. Решили наладить производство обуви для окрестного населения. Парни все урегулировали сами. Они создали коммуны, которые решали вопросы быта, труда, проведения вечеров культурного досуга. Заработок составлял поначалу примерно 12 рублей в месяц при

бесплатных питания и размещении.

Сельские жители запирались, охваченные страхом, и резко протестовали против создания коммуны беспризорников. Чтобы воспрепятствовать этому, они направляли петиции в адрес советского правительства.

Но постепенно началась культурная работа. Был построен клуб, создан театр. И в их работу вовлекались крестьяне из близлежащих сел и деревень. С течением времени взаимопонимание между бывшими беспризорниками и жителями окрестностей наладилось настолько, что ребятам стали отдавать в жены девушек из деревень и городков, расположенных по соседству.

Шаг за шагом маленькие предприятия превращались в фабрики по производству спортивного инвентаря. В 1929 г. существовала обувная фабрика, на которой производились ежедневно 400 пар обуви и 1000 пар коньков, а также одежда. Теперь заработок составлял от 18 рублей для вновь пришедших до 100 — 130 для старожилов. Рабочие отчисляли 34-50 рублей на организацию отдыха, питание, жилье, одежду, 2% уходило на оплату учреждений культуры.

Проблема, с которой сталкивались новички, заключалась в том, как поддержать свое существование. Ответ гласил: мы предоставим вам кредит до тех пор, пока вы не начнете зарабатывать в полном объеме.

На предприятии существовала такая же система самоуправления, как и на предприятиях всего Советского Союза. Действовали избирательное правление, состоявшее из трех человек, и орган представителей коллектива, имевший своей задачей наблюдение за деятельностью правления.

В состав культурно-политического отдела входило несколько комиссий, к работе которых привлекались вновь прибывавшие правонарушители. Численность членов коммуны постоянно росла. Если в 1924 — 1925 гг. беспризорники еще опасались вступать в свободную коммуну, то несколько позже их наплыв так возрос, что коллектив предприятия выдвинул блестящую идею — перед приемом новичков в сообщество устраивать им экзамен.

Этот экзамен должен был доказать, что испытуемый — действительно беспризорный преступник, а не, скажем, рабочий, не находившийся в конфликте с законом. "Экзаменаторы" самым тщательным образом разузнавали, где был арестован испытуемый, какие преступления он совершил, как он их планировал, с какими тюрьмами он познакомился, каково их внутреннее устройство и т.д. Если новичку не удавалось удовлетворительно ответить на эти вопросы — а члены проверочной комиссии очень хорошо разбирались в том, о чем шла речь, — то в приеме в коммуну ему отказывали. Следовательно, не принимали тех, кто не был в заключении. Список кандидатов предлагался общему собранию коммуны. На собрании новичок должен был рассказать о себе. Если его не знали, два члена коммуны получали задание заботиться о своем новом товарище. Кандидатский стаж продолжался шесть месяцев. Если испытуемый достойным образом проявлял себя, его окончательно принимали в коммуну. Если он оказывался неприемлемым, то мог беспрепятственно уйти.

Постепенно образовались библиотека, шахматный клуб, маленькая коллекция произведений искусства, был создан кинотеатр. Вся эта сеть учреждений культуры не руководилась сверху — ею управляли коммунары, избранные на соответствующие должности. Возникли и так называемые конфликтные комиссии. Тот, кто допускал упущения в работе или опаздывал, получал публичный выговор. Повторные нарушения наказывались вычетами из зарплаты. В случаях самых тяжелых нарушений использовалось следующее средство: коммуна осуждала провинившегося на один или два дня ареста. "Арестанту" давали записку с адресом соответствующей тюрьмы в Москве. Он ехал туда без какого бы то ни было сопровождения или наблюдения, сидел день-два взаперти и, радостный,

возвращался назад.

В течение первых трех лет к 320 юношам присоединились 30 девушек. Но это не вызывало проблем сексуального характера, так как юноши поддерживали отношения с девушками из окрестностей. В ответ на мой прямой вопрос об этой проблеме руководитель коммуны заявил, что члены коммуны испытывали в отношениях друг с другом трудности сексуального свойства, но грубые эксцессы были редкостью. Жизнь упорядочилась сама собой благодаря возможности наслаждаться любовью без каких-либо ограничений.

Коммуна "Болшево" может считаться образцовым примером воспитания молодых преступников, базирующегося на принципе самоуправления и неавторитарного изменения структуры характера. К сожалению, такие коммуны остались отдельными, изолированными друг от друга учреждениями, и в последующие годы этот принцип по непонятным причинам больше не применялся. Доказательством тому служат отчеты за 1935 г. (Не следует забывать, что мероприятия, проводившиеся в 1935 г., осуществлялись уже в такой обстановке, когда всеобщее попятное движение к авторитарным методам руководства обществом становилось все более заметным.)

Молодежь в поисках "новых форм жизни"

В то время когда благодаря нэпу была восстановлена экономика, выдающуюся роль играло создание частных коммун. В коллективных общежитиях молодые люди должны были осуществлять коммунистическую форму общественной жизни. Как свидетельствует Менерт, эти стремления с течением времени снова отошли на задний план.

"Наступило отрезвление, — писал он в 1932 г. — стали открыто признавать, что мало смысла в том, чтобы уже теперь, когда вся страна переживает процесс ликвидации нэпа и находится в самом начале построения социализма, предвосхищать на маленьких островках его высшую стадию — коммунизм. Несмотря на большое рвение, с которым осуществлялось создание коммун, процесс этот был, скорее, делом, порожденным трудной ситуацией. Сегодня в создании коммун больше не нуждаются". Но эту информацию Менерта все-таки нельзя считать удовлетворительной. Может быть, попытки создания молодежных коммун, предпринятые в середине 20-х гг., оказались преждевременными? Но почему они не удалась?

Общественное развитие в Советском Союзе до сих пор характеризуется тяжелой борьбой новых форм жизни против старых. Исход этой борьбы определит судьбу русской революции. Вопрос о молодежных коммунах представляет собой лишь часть общей проблемы. Мы не можем согласиться с тем, что их создание было лишь "делом, порожденным трудной ситуацией". Представляется более вероятным, что этот в высшей степени серьезный и значительный шаг молодежи завершился неудачей, прежде всего, из-за столкновения с непонятными трудностями. Очевидно, новое не смогло возобладать из-за того, что оно было заглушено старым. Тем не менее, в Советском Союзе уже говорят об "осуществленном социализме"[\[24\]](#). Познакомимся с приведенным Менертом отчетом из дневника одной коммуны.

Это было зимой 1924 г. В Советском Союзе, прежде всего в крупных городах, в том числе и в Москве, властвовала самая жестокая нужда. Общий голод, совместно переносимые лишения, общая нехватка жилья сблизили людей. Чувство сплоченности, выраставшее из этих общих переживаний, стало столь сильным, что иные друзья, которым оставалось совсем немного до окончания школы, оказались не в состоянии расстаться друг с другом. У них еще не было ясного представления о планах на будущее, но возвращение в обычные индивидуальные семьи после нескольких лет коллективного товарищеского сотрудничества казалось невозможным. Так появилась идея остаться вместе большой семьей и в будущем, то есть идея создания коммуны. Желавших вступить в коммуну было очень много, но

строг был и отбор. Будущие участники оказались достаточно умными, считая такой отбор необходимым. Отвергнутые пролили немало слез.

После длительных безуспешных поисков жилья на втором этаже одного старого московского дома освободилось несколько комнат в бывшей пивной. На первом этаже находилась китайская прачечная, пар из которой через трещины в стенах и потолке поднимался наверх. Легче дышалось только с двух до шести часов ночи, когда работа прекращалась. Но воодушевлял сам факт, что над головой была крыша.

Вселение состоялось в апреле 1925 г. Квартира состояла из двух спален, одной жилой комнаты, которую называли клубом, и кухни. Мебелью служили нары, два стола и две скамьи. Десять человек, пятеро девушек и пятеро юношей, хотели создать новую жизнь.

Сначала планировалось делать всю работу по дому своими руками. Но уже вскоре коммунары оказались так перегружены задачами, которые надо было выполнять вне дома, что, когда прошло первое воодушевление, они стали с прохладцей относиться к домашним делам. Воцарилась неряшливость. Прошло несколько месяцев, и в дневнике коммуны появились такие записи:

"28 октября. Дежурный по комнате проспал. Завтрака не было. Помещение коммуны оказалось не убрано. После ужина посуда не вымыта (кстати, не было воды).

29 октября. Опять без завтрака. Ужина тоже нет. Посуда все еще не вымыта. Ни столовая, ни туалет не убраны (да и вообще туалет почти никогда не убирается). Везде толстый слой пыли. Когда мы ложились спать, дверь оставалась незапертой. В двух комнатах остался свет. (Обычное явление.) Вопреки всем правилам наш фотолюбитель принялся в два часа ночи проявлять снимки.

30 октября. Мы начали уборку. Все разбросано по полу, на подоконниках, на стульях, на кроватях и под ними. Газеты, чернильницы, письма, ручки раскиданы по всему клубу. На столе хаос. В кухне все еще стоит невымытая посуда, чистой больше нет. Кухонный стол заставлен до предела. Водосток забит грязным жиром. Столовая превратилась в ад. Коммунары спокойны, апатичны, а некоторые даже довольны. Построим ли мы так новую жизнь?"

Несколько дней спустя принимается решение нанять экономку. Но разве это не чистой воды эксплуатация? После обстоятельного совещания принимается решение: "Любой человек вынужден постоянно пользоваться платными услугами других; он сдает белье в прачечную, приглашает уборщицу, чтобы она вымыла пол, заказывает рубашку у портнихи. Наем экономки является, в принципе, тем же самым, разве что в этом случае все названные работы выполняются одним лицом". Так в коммуну пришла экономка Акулина, а с ней воцарились определенные чистота и порядок.

Несмотря на это, к исходу первого года дневник коммуны фиксирует мрачную картину. Взаимоотношения между коммунарами безотрадны: "Давление тяжелой обстановки вызвало нервозность и раздражительность". Последовало четыре выхода из коммуны. Одна девушка ушла, заявив, что в коммуне она подрывает здоровье, другая мотивировала свой уход вредным характером одного из юношей, третья вышла замуж и переехала к мужу. Четвертым был парень, который утаил от товарищей по коммуне часть своего заработка — 160 рублей. В наказание за это его исключили. В результате остались только две девушки и четверо юношей. Это была низшая точка самого серьезного кризиса. С наступлением лета снова началось движение по восходящей. Скоро коммуна насчитывала одиннадцать участников, почти все они были студентами. В конце концов из первых десяти основателей коммуны осталось только четверо. Все коммунары (пять девушек и шесть юношей) были ровесниками — в возрасте 22 — 23 лет.

С организационной точки зрения, для коммуны было характерно восприятие государственно-формальных механизмов регулирования — "комиссий". Каждый вопрос, даже самый незначительный, обсуждался на общем собрании членов коммуны. Отдельным "комиссиям" надлежало заботиться о различных сторонах жизни. Перед финансовой комиссией стояла трудная задача поддерживать равновесие между доходами и расходами, хозяйственная комиссия отвечала за продовольствие и другие покупки, а также за соблюдение порядка в доме. Учебно-политическая комиссия занималась вопросами, связанными с учебой коммунаров, заботилась о пополнении библиотеки и приобретении газет, а также поддерживала связь между коммуной и молодежными организациями, прежде всего комсомолом. В ведении вещевой комиссии находилось приобретение одежды, белья и обуви, а санитарная комиссия заботилась о здоровье коммунаров и обеспечивала их мылом и зубным порошком.

Но по мере того как члены коммуны преодолели первые трудности устройства своего чисто материального бытия и начала заявлять о себе так называемая частная жизнь, начались проблемы морального характера.

Среди трудностей, обременявших жизнь коммуны, можно различать непосредственные последствия материальной нужды и выражение сексуального страха, обусловленного структурой личности. Со стороны складывалось впечатление, что "эгоизм", "индивидуализм" и "мещанские привычки" вредили коллективистскому духу коммуны. Предпринимались попытки выкорчевать эти старые "плохие свойства" с помощью ужесточения дисциплины и моральных требований. В противовес "эгоистическим склонностям" устанавливался некий идеал, моральный принцип "коллективной жизни". Следовательно, с помощью морально-этических, даже авторитарных мер пытались создать организацию, принципами которой должны были быть самоуправление и добровольная внутренняя дисциплина. Откуда проистекал этот недостаток внутренней дисциплины? Могла ли коммуна в долговременной перспективе выдержать противоречие между принципом самоуправления и насаждением авторитарной дисциплины?

Самоуправление коммуны предполагает психическое здоровье, требующее, в свою очередь, обеспечения всех внутренних и внешних условий для любовной жизни, приносящей удовлетворение. Противоречие между самоуправлением и насаждением авторитарной дисциплины коренилось в противоречии между стремлением к коллективной жизни и психической структурой коммунаров, непригодной для нее. *Молодые люди оказывались несостоятельными при урегулировании сексуальных отношений внутри коммуны.* Коллектив должен был стать новой родиной для молодежи, которой опостылел родительский дом, но в сознании этой молодежи уживались *одновременно страх* перед семьей и *тоска* по ней.

Проблемы с колкой дров и выполнением мелких повседневных обязанностей стали неразрешимыми только из-за запутанности сексуальных отношений. Поначалу коммунары выдвигали вполне верные требования. Отношения должны были быть "товарищескими". Но никогда так и не стало ясным, что значит "товарищеские". Правильно подчеркивалось, что коммуна — не монастырь, а коммунары — не аскеты. В уставе коммуны было даже дословно записано:

"Мы считаем, что ограничение половых отношений (любви) не должно иметь места. Половые отношения должны быть открытыми, и мы должны воспринимать их серьезно и сознательно. Следствием нетоварищеских отношений являются стремление уединиться в темном углу, флирт и тому подобные нежелательные явления".

В этих немногих словах видно, что коммунары инстинктивно правильно поняли

принцип сексуальной экономики: несвобода половых отношений ведет к "занятиям любовью" на черной лестнице. Были ли коммунары так воспитаны, сознавали ли они настолько свою сексуальность, были ли они настолько здоровы, чтобы последовать этому правильному, с точки зрения сексуальной экономики, коллективистскому принципу? Нет, они не были таковы.

Уже вскоре оказалось, что с помощью требований и слов нельзя решить проблемы перестройки психической структуры. Как выяснилось, желание юноши и девушки уединиться, без помех предаться любви отнюдь не является следствием нетоварищеских отношений. Тотчас же дала о себе знать проблема жизни молодежи всех социальных слоев любой страны: *отсутствие собственного жилья*. Каждая комната была полна народа. Где же могла беспрепятственно развиваться любовная жизнь? При основании коммуны никто не подумал о множестве задач, которые возникнут из одного лишь факта совместного пребывания лиц обоего пола. Так диктовала действительность, сама жизнь, и с ней невозможно было что-либо поделаться ни приказом, ни дисциплиной. Позже "конституция" коммуны получила дополнение, направленное на то, чтобы одним ударом покончить с проблемой. Оно гласило: *"В первые годы существования коммуны половые отношения между коммунарами нежелательны!"*

В протоколе сказано, что это решение смогло продержаться два года. После всего того, что нам известно о юношеской сексуальности, мы считаем это совершенно нереальным. Нет сомнения, что половые отношения продолжались втайне, будучи недоступными для глаз "комиссии". Так часть реакционного мира сумела вторгнуться в новый. Был нарушен первый правильный принцип коммуны — быть открытым и откровенным в половых отношениях.

Неразрешимое противоречие между семьей и коммуной

Трудности жизни в коммуне заключались не только в решении вопроса о том, кому надлежало гладить и чинить одежду — одним ли девушкам или и юношам тоже. Главное, что создавало трудности, — это вопросы сексуального сосуществования. Доказательством сказанному служит отчасти революционный, а отчасти проникнутый судорожным страхом характер попыток коммунаров справиться с половой проблемой. Под конец тяжелого конфликта был сформулирован результат: семья и коммуна — несовместимые организации.

В начале 1928 г. эта трудность проявилась самым острым образом. Как показывает протокол, 12 января на собрании, которое созвал Владимир, велись следующие дебаты:

Владимир: "Я женюсь. Катя и я решили пожениться. Мы хотим жить обязательно вместе, причем в коммуне, так как мы не можем и представить себе жизнь вне коммуны".

Катя: "Я подала заявление о приеме в коммуны".

Семен: "Как хочет быть принятой Катя, как жена Владимира или просто как Катя? От этого зависит наше решение".

Катя: "Я уже давно собиралась подать заявление о приеме в коммуны, я знаю коммуны и хочу стать ее членом".

Сергей: "Я за прием. Если бы Катя подала заявление независимо от брака с Владимиром, то я бы всерьез поразмыслил над этим делом. Но в данном случае речь идет не только о Кате, но и об одном из наших коммунаров. Мы не должны забывать это".

Леля: "Я против того, чтобы в коммуны принимали любого супруга. *Сначала надо взвесить, насколько вновь возникающая таким образом семья подходит для коммуны (!)*. Правда, я считаю Катю подходящей для такого эксперимента; так как она, по сути своей, подготовлена к жизни в коммуне".

Миша: "Сейчас наша коммуна переживает кризис. Брак означал бы формирование

группы в коммуны и еще больший ущерб ее единству; поэтому я против приема Кати".

Леля: "Если мы не примем Катю, мы потеряем Владимира. Мы и сейчас его почти потеряли — он едва бывает дома. Я голосую за прием".

Катя: "Я прошу рассмотреть мое дело без "смягчающих обстоятельств", я хочу стать полноправным членом коммуны, а не просто женой одного из коммунаров".

Решение: Катя принимается в коммуны.

В спальне девушек поставили еще одну койку. Ни в протоколах коммуны, ни в сообщении Менерта нет конкретной информации о том, как же осуществлялись половые контакты между молодыми коммунарами. Хотя проблема брака одного из коммунаров и была, в принципе, решена положительно, трудности начались только вслед за этим. После длительных дебатов пришли к выводу о том, что коммунарам нежелательно иметь детей из-за нехватки места и тяжелого материального положения коммуны. Присутствие детей лишило бы студентов всякой возможности спокойно работать дома. В протоколе читаем:

"Брак в коммуны возможен и разрешен. Ввиду трудной жилищной ситуации он должен оставаться без последствий. *К аборту прибегать нельзя*".

В этих трех предложениях сказано о проблемах исторического переворота в Советском Союзе больше, чем на тысячах страниц формалистических протоколов. Рассмотрим их подробнее:

Первое предложение: *"Брак в коммуны возможен и разрешен"*. Были, правда, сомнения в том, возможен ли брак, и его все-таки разрешили — ведь нельзя же было запретить любовные отношения. К идее о том, что нет необходимости заключать "брак", чтобы поддерживать любовные отношения, не пришли, так как понятие "брак" в официальной советской идеологии совпадало с *любой* формой половых отношений. Не проводили никакого различия между отношениями, связанными с желанием иметь детей, и такими, которые были порождены только потребностью в любви. Не отличали также кратких, преходящих отношений от длительных. Не думали ни о прекращении кратковременных отношений, ни о развитии длительных.

Второе предложение: *"Ввиду трудной жилищной ситуации брак должен оставаться без последствий"*. С одной стороны, коммунары признавали, что можно заключить брак, не заводя детей, которых негде было бы устроить. Но действительно трудным с самого начала был вопрос о том, как, собственно, половая жизнь может остаться без последствий. В немецком молодежном движении брал верх принцип, согласно которому проблема пристанища решалась в компании молодых людей следующим образом: тот, у кого была комната, предоставлял ее на время своим друзьям, чтобы никто не мешал им побыть наедине. При всей важности такого решения ни одна официальная партийная инстанция не осмелилась официально признать его как крайнюю меру в безвыходной ситуации.

Третье предложение: *"К аборту прибегать нельзя"*. В этой фразе нашла выражение консервативная тенденция, смысл которой в дозволенности любовных отношений, но в недопустимости абортов. Следовательно, как практический выход избиралось воздержание. Чтобы быть корректным, решение должно было бы звучать следующим образом: "Так как мы из-за недостатка места пока не можем допустить появления детей, вам поначалу нельзя обзаводиться потомством. Если вы хотите быть вместе, то используйте противозачаточные средства и скажите нам, когда вы хотите, чтобы вам не мешали".

Дискуссии, последовавшие за этим решением, показывают, сколь беспомощны были коммунары, запутавшиеся в представлении о единстве продолжения рода и сексуального удовлетворения. Не все были согласны с этим решением, некоторые правильно считали его слишком уж резким вмешательством в законы природы,

грубым, неясным и вредным для здоровья шагом. Когда по прошествии года появилась возможность получить для коммуны новое жилье большей площади, названная резолюция была заменена новой, которая гласила: "Коммуна допускает рождение детей". Вопрос о беспрепятственности половых контактов снова не затрагивался. Революционный характер имела точка зрения, в соответствии с которой дети коммунаров должны были рассматриваться как дети коммуны и воспитываться за счет общих средств.

Здесь-то и проявляется противоречие, ведь коммуна, несомненно, была новой формой "семьи", являясь коллективом, состоявшим из людей, не связанных кровным родством, и призванным заменить старую семью. Хотя тоска по коллективу и порождалась протестом против ограничений, накладывавшихся семьей на жизнь, сама эта тоска была выражением стремления к жизни в сообществе, подобном семейному. Потому и была основана новая форма семьи, в которой в то же время сохранялась и ее старая форма. Все это вызывало ужасную неразбериху. После того как коммуна внутренне консолидировалась, появилась мысль о возможности брака, которая в ходе дальнейших дебатов привела к принятию следующего решения:

"Если кто-либо из коммунаров пожелает жениться, это вполне нормально, и коммуна не вправе препятствовать ему. Напротив, коммуна должна приложить усилия к обеспечению предпосылок, необходимых для создания семьи".

Теперь противоречие между семьей и коллективом нашло конкретное выражение в следующих вопросах: как же быть, если коммунар захочет жениться на девушке со стороны, причем на такой, которая не подходит для коммуны? принимать ее в коммуны или нет? а что делать, если эта девушка со стороны вовсе не хочет, чтобы ее приняли в коммуны? должны ли в этом случае муж и жена жить врозь? Таким образом, один вопрос породил другой.

Коммунары не знали, что:

- 1) *между новыми формами существования коммуны и старой структурой психологии коммунаров имелось разительное противоречие;*
- 2) *коммуны были несовместимы со старыми браком и семьей;*
- 3) *необходимо было осуществить структурную перестройку психологии людей, входящих в коммуны.* Они не знали также, как это сделать.

Консервативное понятие "брак" связывалось с представлением о нерасторжимости отношений и опутывало коммунаров, которые не находили выхода из трудностей.

Едва коммунары порадовались решениям, найденным в рамках семейного права, как случилось нечто совсем плохое. Вот что сказано в дневнике: "Владимир больше не любит Катю. Он сам не смог объяснить ситуацию. Когда он женился на Кате, он любил ее, но теперь у него не осталось никакого чувства к ней, кроме чисто товарищеского, а жить как муж и жена без любви трудно, да в этом и нет необходимости".

Следствием был развод, и событие это очень взволновало товарищей. Прежде всего весьма резко выступали девушки. Они говорили: "Владимир просто свинья! Ему бы надо было обдумать все до брака. Нельзя же сначала жениться, а через какое-то время сбежать. Это чертовски похоже на мелкобуржуазную романтику: хочу — люблю, хочу — перестаю любить. Сегодня говорит: "Я не могу без тебя жить, давай поженимся", а пройдет месяц: "Мне очень жаль, но я больше тебя не люблю, давай останемся просто товарищами".

Как же мало влияло советское законодательство о браке на душевную структуру коммунаров! Мелкобуржуазным считалось расторжение брачного сообщества, то есть как раз то, чего так боится сам мелкий буржуа! Вот она, диалектика!

Юноши отнеслись к ситуации с большим пониманием. Они полагали, что

Владимир, несомненно, любил Катю и не был виноват в исчезновении этого чувства. Дело обсуждалось на общем собрании членов коммуны. Некоторые девушки считали странным, что Катя не рассказала эту историю вообще ни одному человеку, а теперь вот вынесла ее даже на общее собрание. Разгорелся долгий спор. Одни говорили:

"Владимир прав, если он хочет разводиться, и мы не можем его за это осуждать. В конце концов, его нельзя заставить любить с помощью решения коммуны". Большинство же осуждало Владимира за то, что он легкомысленно вступил в брак и вел себя не так, как подобает комсомольцу и коммунару. Согласия так и не достигли.

Все дело разрешилось само собой благодаря тому, что Катя на несколько месяцев уехала из Москвы. По возвращении они с Владимиром возобновили совместную жизнь, но это не решило проблемы развода.

С течением времени в брак вступили пять из десяти коммунаров. Жилищные условия несколько не изменились, то есть у юношей и девушек были отдельные спальни. Это ситуация, невозможная с точки зрения сексуальной гигиены.

Коммунарка Таня написала мужу письмо, проникнутое отчаянием: "Я хочу личного счастья, маленького, совсем простого и вполне соответствующего закону. Я тоскую по тихому уголку, в котором мы могли бы быть одни только друг с другом, когда захотим этого, — так, чтобы нам не надо было скрываться от других, чтобы наши отношения могли быть более полными, свободными и радостными. Разве коммуна не может понять, что все это необходимо человеку?"

Мы утверждаем, что Таня обладала более здоровой генитальной структурой, чем ее товарищи. Теперь мы видим, что стало причиной краха коммуны. Коммунары очень хорошо понимали Таню, ибо они сами страдали из-за жилищных условий и идеологической путаницы, но не могли ничего изменить ни в том, ни в другом. Записи прекратились, проблема "утонула" в повседневности и продолжала существовать, не привлекая к себе внимания коммунаров. Даже если бы и был решен жилищный вопрос, проблема отношений между полами в коллективе существовала бы еще долго. Жилищный вопрос только создает важную *внешнюю* предпосылку. Наша семья коммунаров не дошла, да и не могла дойти до понимания невозможности устанавливать длительные отношения, если нет убежденности в полной, в том числе и сексуальной, совместимости друг с другом. Они не понимали, что для того, чтобы убедиться в этом, надо некоторое время пожить вместе, не беря других обязательств. Приспособление друг к другу часто требует длительного времени, и надо быть готовым расстаться, если двое не подходят друг другу в сексуальном отношении. Они не знали, что нельзя требовать любви и что сексуальное счастье наступает само собой или отсутствует. Несомненно, здоровые и бодрые юноши и девушки догадались бы обо всем этом после ряда тяжелых конфликтов, если бы в их сознание не были заложены понятия брака и отождествления сексуальности с продолжением рода. Такие понятия не были врожденными, но их нельзя было вытравить из идеологии общества.

3. Необходимые структурные предпосылки

Подведем итоги:

1. Семейная ситуация примерно 1900 г. была довольно простой. Люди замкнуто жили в своих семьях. Не было коллектива, выдвигавшего требования, которые противоречили бы как семейной ситуации, так и семейной структуре человека. Семья не противоречила и общественному строю государства, основанного на патриархальных и авторитарных началах. Угнетенная сексуальность получала выход только в истериках, ожесточении и огрублении характеров, посещении проституток, половых извращениях, самоубийствах, жестоком обращении с детьми и фанатическом поведении мелких буржуа во время войны.

В 1930 г. ситуация была уже сложнее. Происходил распад принудительной семьи,

принявший форму противоречия между производством, основанным на коллективистских принципах, и уничтожением экономического базиса семьи. Институт семьи лишь в редких случаях имел экономическое значение, но тем крепче он становился в структурном отношении. Он не мог ни жить, ни умереть. Люди не могли больше жить в семье, но не могли жить и без нее. Они не могли жить длительное время с одним партнером, как не могли жить и одни.

2. В Советском Союзе рождена *новая форма семьи, представляющая собой коллектив людей, не связанных друг с другом родственными узами*. Такой коллектив исключает прежний институт брака. С неизбежностью возникает вопрос о том, как в таком сообществе будут развиваться половые отношения. Мы не можем предопределить это развитие, да и не вправе делать это. Единственное, что мы можем сделать, это внимательно наблюдать за процессом коренных преобразований, который представляет собой современная сексуальная революция, и помочь родиться тому направлению, которое ни в коей мере не противоречит формам экономической и общественной организации, присущим принципам рабочей демократии.

Если сформулировать нашу позицию в самом общем виде, то она такова: *ничем не ограниченное положительное отношение к сексуальному счастью людей*. Этому требованию не соответствуют ни нормативная продолжительная моногамия, ни лишённые любви и не приносящие удовлетворения случайные отношения (промискуитет). Советский коммунизм исключает, если говорить о нормах, как аскетизм, так и пожизненную моногамию. Половое общение развивается в совершенно новых условиях. Коллектив так усложняет отношения индивида с другими людьми, что оказывается невозможным застраховаться от смены партнера или от начала новых отношений. При одинаковом числе юношей и девушек, мужчин и женщин в коллективе имеется возможность более легкого выбора и смены партнеров.

Было бы опасным упущением не понять уже сегодня болезненный процесс рождения нового сексуального устройства и не научиться справляться с ним. Речь идет о том, чтобы понимать происходящее и справляться с ним, рассматривая ситуацию не с моральной точки зрения, а с позиции *жизнеутверждения и обеспечения счастья*. Советская молодежь училась на горьком опыте. Нельзя допустить, чтобы ее страдания оказались напрасными.

Структура психологии человека должна быть приспособлена к коллективной форме бытия. Это, несомненно, приведет к снижению ревности и страха потери партнера. Большинство людей характеризуется высокой степенью сексуальной несамостоятельности, они как бы вязнут в лишенных любви отношениях с партнером и не способны поэтому расстаться с ним. Потеря партнера вызывает страх, связанный с возможным одиночеством. Этот страх питается детскими привязанностями к матери, отцу, старшим братьям или сестрам. Благодаря формированию коллективного образа жизни, начинающегося с детства, это ядро привязанности к семье исчезает, что способствует ликвидации сексуальной беспомощности людей и увеличению возможности поиска подходящего партнера. В результате этого проблема ревности если и не исчезает совсем, то существенно упрощается. Один из основных вопросов — способность устанавливать новые продолжительные отношения, не нанося этим ущерба прежнему партнеру.

Задачей изменения психологической структуры должно было бы быть наделение человека способностью к объединению нежной и чувственной генитальной любви. Начиная с самого детства, следует развивать в человеке способность к полной самоотдаче, саморефлексии, что определяет возможность глубокого сексуального переживания (*оргастическую потенцию*). Предотвращение сексуальных нарушений, недопущение невротической полигамии, не приносящей

удовлетворения, клейких сексуальных притязаний, неосознанной сексуальности и т.д. потребует громадных усилий. Дело не в том, чтобы предписывать людям, как они должны жить. Их следует с самого детства воспитывать так, чтобы они были в состоянии сами, без трудностей, приводящих к социальным конфликтам, организовывать свое сексуальное бытие в живом потоке коллективной жизни. Это предполагает, прежде всего, неограниченное, поощряемое обществом развитие естественной сексуальности. Только в таком случае будет развиваться способность к свободному диалогу с партнером и они оба научатся переносить импульсы ревности, не прибегая к насильственным действиям. Конфликты, порождаемые половой жизнью, не устраняются, но разрешение этих конфликтов может и должно быть облегчено.

Занимаясь целенаправленно предотвращением неврозов как важным общественным делом, следовало бы позаботиться о том, чтобы люди не усложняли невротическими реакциями переживаемые ими повседневные конфликты. Сексуальная самостоятельность масс, опирающаяся на материальное богатство общества, устранил из жизни этическое лицемерие как социальное преступление. Борьба, страдание, сексуальное наслаждение — все это жизнь, и дело в способности психической структуры человека переживать наслаждение и страдание и справляться с ними. Люди, обладающие такой структурой характера, не способны занимать должности, предусматривающие подчинение. Только люди, здоровые в сексуальном отношении, способны к добровольному труду и неавторитарному управлению своей жизнью. Без ясного понимания данного обстоятельства задача преобразования психической структуры человека не будет решена. Неприспособленность сексуальных структур людей к коллективной форме бытия приведет к негативным реакционным результатам, а попытки осуществить это приспособление с помощью авторитарных моральных требований потерпят фиаско. Невозможно призывать к соблюдению "добровольной" сексуальной дисциплины. Эта дисциплина или присутствует у человека, или ее нет. Можно лишь помочь людям полностью развить свои природные способности.

ГЛАВА VI. Некоторые проблемы детской сексуальности

Детские сады в Советской России, которые я посетил в 1929 г., отличались великолепной организацией коллектива. В саду было шесть педагогов, которые работали с детьми по пять часов и по часу должны были готовиться к этой работе. Руководительница сада и завхоз были фабричными работницами. В число персонала входила секретарша. Примерно половина из тридцати детей были детьми рабочих, остальные — детьми студентов технических вузов. Фабрика оплачивала содержание каждого ребенка в саду по 28 рублей в месяц. В совет сада входили руководительница, один из педагогов, два представителя родителей, один представитель комсомольской организации фабрики, представитель района и врач.

Детей воспитывали в антирелигиозном духе. В праздничные дни работали. Темы занятий были разными, например "Каково значение леса для человека?" или "Каково значение леса для здоровья?" Дети очень много работали по дереву. В целом можно отметить, что детские учреждения вполне соответствовали задаче формирования коллективных структур в соответствии с коммунистическими принципами.

Ситуация асексуальной сфере детей была хуже. Педагоги жаловались на их нервозность и в то же время вели неусыпное наблюдение за детьми, чтобы не допустить онанизма. Часто родители вынуждены были забирать из сада детей, застигнутых за мастурбацией. Рассказывая обо всем этом, педагог добавила: "Онанируют даже дети врачей". В заключение еще одно небольшое наблюдение. Я стоял у окна детского сада, выходящего в сад, разговаривая со старшим педагогом. В саду играли дети, и я увидел, как маленький мальчик вынул свой член, а маленькая девочка принялась рассматривать его. Дети стояли рядом с деревом. Все

это было как раз в тот момент, когда педагог заверяла нас в том, что в ее детском саду "что-либо вроде" детского онанизма или сексуальности невозможно.

1. Коллективное структурирование

История формирования идеологии учит, что каждая система сознательно или неосознанно прибегает к воздействию на детей, чтобы закрепиться в психологической структуре человека. Проследив характер этого процесса применительно к психологической структуре детей во время перехода от общества, основанного на материнском праве, к обществу, зиждущемуся на отцовском, мы можем констатировать, что в центре системы воздействия стоит *половое* воспитание ребенка.

В обществе матриархата, основанном на началах первобытного коммунизма, половая свобода детей не подвергалась каким бы то ни было ограничениям. Одновременно с развитием зародышевых ячеек патриархата в экономике и социальной надстройке развивается и аскетическая идеология, регулирующая половую жизнь детей. Это резкое изменение в отношении к половой жизни детей служит созданию авторитарно ориентированных структур вместо прежних неавторитарных.

В обществе матриархата *коллективному* характеру всей жизни соответствует и *коллективная* сексуальность детей, то есть ребенок не втискивается с помощью каких бы то ни было норм в определенные формы половой жизни. Свободное проявление детской сексуальности создает прочную структурную основу добровольного включения в коллектив и соблюдения добровольной дисциплины труда.

По мере развития патриархальной семьи, приходящей в противоречие с родом, развивается и сексуальное угнетение ребенка. Сексуальные игры с друзьями запрещаются. Онанизм постепенно оказывается под запретом, как и другие сексуальные манипуляции.

Из сообщения Рохайма о жизни детей племени питчентара недвусмысленно явствует, как пугающе изменяется сущность ребенка, если ему больше не дают свободно проявлять свою естественную сексуальность. Он становится робким, медлительным, пугливым, подавленным и начинает бояться всякого авторитета. В детской душе развиваются неестественные инстинктивные побуждения, например садистские склонности. На место прежнего свободного, "бесстрашного" существа приходит новое, характеризующееся послушанием и легкой подверженностью влиянию.

Для подавления сексуальных побуждений требуется много энергии, внимания, "самообладания". В той мере, в какой биологические силы ребенка не могут больше всецело обратиться к внешнему миру и удовлетворению влечений, он теряет также двигательную силу, подвижность, мужество и чувство реальности. Он становится "заторможенным". Коренной причиной этого состояния является, как правило, заторможенность моторики, способности бегать, "беситься", короче, заторможенность мышечной активности в целом.

Можно видеть, как дети, принадлежащие к патриархальным культурным кругам, достигая 4 — 6 лет, испытывают некое окостенение, охлаждение, становятся "тише" и начинают отгораживаться от мира. Из-за этого они теряют свою привлекательность и очень часто становятся неуклюжими, несмышленими, упрямыми, "трудновоспитуемыми". Это, в свою очередь, провоцирует новое ужесточение патриархальных методов воспитания. Обычно на таких структурных основах развиваются религиозные склонности, а также сильная привязанность к родителям и зависимость от них.

Естественную моторику, которую утрачивает ребенок, он начинает теперь заменять идеалами, рожденными фантазией. Маленький человек уходит в себя,

превращаясь в "замечтавшегося" невротика. Чем слабее становится в действительности его "Я", тем более строгие требования предъявляет он себе с позиций идеала, чтобы все-таки сохранить способность к действию. Мы должны, в принципе, различать формирование идеала, являющееся результатом естественной биологической подвижности ребенка, и такого идеала, который развивается вследствие необходимости владеть собой и подавлять влечения. Первому соответствует производительная работа, принимающая форму свободного потока, второму — работа по обязанности.

На место принципа саморегулирования в процессе социального приспособления и радостного труда приходит принцип авторитарного повиновения с присущими ему внутренним неприятием и бунтом против социального давления и бремени работы, что коренится в деформации психологической структуры характера. Мы ограничимся только этой общей характеристикой. В действительности рассматриваемые отношения очень сложны и их можно изложить только в рамках специальных исследований по анализу характера.

Нас интересует, прежде всего, вопрос о том, как саморегулирующееся общество воспроизводится в детях. Существуют ли специфические различия между воспроизводством авторитарной и саморегулирующейся систем с помощью воспитания? Попытаемся охватить эту проблему на некоторых примерах.

Имеются две возможности:

1) воспитание у ребенка способности к саморегуляции вместо готовности следовать идеалам принудительной морали, что означает формирование такой структуры характера ребенка, когда он может сам себя регулировать и без *сопротивления воспринимает* общую атмосферу, проникнутую принципами рабочей демократии;

2) отказ от такой системы воспитания.

Мы можем без каких бы то ни было сомнений сказать, что второй вид воспроизводства соответствует желаемому саморегулированию, первый же — нет.

Если во всех исторических периодах совершалось изменение структуры психологии детей в результате преобразования их сексуальности, то исключением не может быть и формирование структуры, основанное на принципах рабочей демократии. В Советском Союзе также можно было наблюдать отдельные многочисленные попытки подхода к такому способу формирования структуры. Например, многие педагоги, особенно ориентированные на принципы психоанализа, — в частности, Вера Шмидт, Шпильрайн и т.д., — стремились добиться такого воспитания детей, которое формировало бы *положительное* отношение к сексуальности. Но эти попытки так и остались отдельными эпизодами, и половое воспитание детей в Советском Союзе в общем и целом по-прежнему ориентируется на негативное отношение к сексуальности.

Данному обстоятельству следует придать большое значение. Психологическая структура детей должна быть приспособлена к желаемой коллективной жизни. Это приспособление невозможно без одобрения детской сексуальности, так как нельзя воспитывать детей в коллективе, одновременно подавляя самое живое из их побуждений — сексуальное. Если все же так поступают, то ребенок хотя внешне и живет в коллективе, но внутренне ему приходится затрачивать еще больше энергии, чем в семье, чтобы подавить свою сексуальность. Поэтому он становится все более одиноким и все чаще вступает в конфликты.

Воспитатель видит только один выход из такого отчуждения от коллектива, а именно: требование жесткой дисциплины, "порядок", навязываемый извне, создание преград и идеалов, противодействующих сексуальной активности, особенно возрастающей в коллективе. Возражения против коллективного воспитания обычно зиждутся большей частью на страхе перед так называемым "плохим поведением"

детей и их сексуальными играми и т.д.

Впечатления от детских садов и школ были очень противоречивы. Старые патриархальные формы сосуществовали с новыми, весьма обнадеживающими. Дети сами должны были под руководством педагога обсуждать свои дела ("самоуправление"). Несомненно, объединение ручного труда с учебной работой оказывало воздействие на изменение структуры характеров детей. Так называемые *трудовые школы*, в которых дети наряду с географией, математикой и другими предметами обязательно учатся и ручному труду, являются основными формами учебных заведений, призванных формировать коллективные структуры.

Еще совсем недавно между школьниками и учителями существовали не на словах, а на деле товарищеские отношения. В повести "Дневник Кости Рябцева" встречается немало анекдотов из жизни детей, прежде всего об их отношениях с учителями, причем критика школьников в адрес своих наставников характеризуется жизнерадостностью и остроумием.

Особо сильное впечатление как пример формирования психической структуры, обуславливающей позицию жизнеутверждения, произвели на меня "летучие детские сады" в парке культуры. Его посетители могли на время прогулки разместить детей в "детском саду", где с ними играли педагоги и воспитательницы. Исчезал безрадостный образ ребенка, который неохотно, томясь скукой, тащился с родителями по дорожкам парка. Незнакомые дети быстро знакомились и становились друзьями в этом детском саду и так же легко расставались друг с другом. Бывало, правда, что эта дружба продолжалась.

Детей в возрасте от 2 до 10 лет "в полном беспорядке" размещали в зале, и каждый получал самый примитивный "музыкальный инструмент" — ключ, ложку, тарелку и т.д. Педагог-музыкант садился за фортепиано и начинал брать какие-нибудь аккорды в любом ритме. Постепенно и дети без всякого приглашения, напоминания или руководства вступали в этот ритм, так что за несколько минут возникал просто удивительный оркестр. Революционность того, о чем я рассказывал, не в существовании парков культуры. Они есть и в самых реакционных странах. Специфику жизнеутверждения следует искать в том, что в парке культуры детей собирают вместе и развлекают таким поистине сказочным образом. В этом случае вполне учитывается моторика ребенка. Дети, пережившие радость от игры, организованной с помощью неорганизованности, будут способны и готовы не бессмысленно следовать идеалам рабочей демократии, а формировать их исходя из собственного опыта. Таким образом, вопрос об обращении с детской моторикой ведет в самый центр педагогических проблем.

Задача революционного движения, формулируемая в самом общем виде, заключается в освобождении и удовлетворении связанных и подавленных биологических побуждений человека. В результате все растущей возможности удовлетворения потребностей у людей будет все больше шансов развивать свои естественные стремления и склонности. Ребенок, который не связан и не встречает препятствий в развитии двигательных потребностей, становится самостоятельным, он почти или вовсе недоступен разрушающему воздействию реакционной идеологии. Напротив, психика ребенка, развитие моторики которого заторможено, легкокоранима и может быть подвергнута любому идеологическому воздействию.

К сфере формирования свободной моторики ребенка относятся и стремления советского правительства в первые годы после революции предоставить детям полную свободу в критике их родителей. В странах Западной Европы эта мера была поначалу не понята и казалась чем-то невозможным, тогда как в Соединенных Штатах о ней давно знали. Там можно было услышать, как ребенок называет родителей по имени. Это вполне соответствовало процессу формирования

свободных, неавторитарных отношений. В Советском Союзе как школа, так и родительский дом уже было начали перестраиваться в направлении саморегулирования детей, но этому направлению, которое мы могли бы проиллюстрировать еще на многих примерах, противостояло другое, и его сторонники, к сожалению, стали набирать все большую силу. Его недавний триумф выразился в возвращении родителям ответственности за воспитание детей. Следовательно, и здесь имеет место возвратное движение к патриархальным формам воспитания. В последние годы все реже приходилось слышать о продолжении усилий по решению сложных проблем коллективного воспитания. Семейное воспитание снова взяло верх.

Трудно оценить, что еще осталось от прежнего направления, но ориентация на патриархальные формы воспитания, несомненно, имеет прочную опору в характере преподавания обществоведения и других политических предметов в школе. Например, в педагогическом журнале можно прочесть о том, что школьники устраивают политбои. Вопросы типа «Что сказано в таком-то и таком-то тезисах VI Всемирного конгресса» (Коминтерна. — *Прим, пер.*) показывают, что преобладает привитие коммунистической идеологии извне. Не приходится сомневаться в том, что у ребенка нет ни малейших предпосылок для того, чтобы действительно глубоко понять и оценить какой-либо тезис Всемирного конгресса. И даже если в этих политбоях и найдутся победители с блестящей памятью, которые сумеют воспроизвести тот или иной тезис, они ни в малейшей степени не будут застрахованы от влияния фашистской идеологии.

Фашистские пропагандистские формулы вдальбливаются в голову так же легко, как и коммунистические. В противоположность этому ребенок, чья моторика была совершенно свободной и который мог в играх высвободить свою естественную сексуальность, сможет противостоять аскетическому влиянию, проникнутому принципами строгой авторитарности. Политическая реакция всегда может конкурировать с революционным воспитанием в том, что касается авторитарного воздействия на детей, которое при поверхностном взгляде представляется лишь внешним. Но это невозможно в области полового воспитания. Ни одной реакционной идеологии или политическому направлению не удастся предложить детям, если речь идет об их половой жизни, того же, что может дать социальная революция, — свободного выражения биологической подвижности. Вместо этого реакционные идеологии и их носители предлагают впечатляющие шествия, марши, знамена, песни и униформу.

Итак, мы видим, что главным *при структурировании характера ребенка в соответствии с революционными принципами является высвобождение его биологической, сексуальной подвижности.*

2. Неавторитарное изменение структуры характера маленьких детей

Важнейшей задачей неавторитарного изменения структуры человека является воспитание ребенка, формирующее у него положительное отношение к сексуальности.

19 августа 1921 г. московский психоаналитик Вера Шмидт основала детский дом, в котором она предприняла попытку правильного воспитания маленьких детей. Собранный ею опыт, о котором рассказывает вышедшая в 1924 г. небольшая книжка "Психоаналитическое воспитание в Советском Союзе", подтверждает: то, что сегодня утверждает сексуальная экономика про развитие детей, тогда возникало стихийно из приближенной к жизни позиции, включающей в себя положительное отношение к наслаждению. Направление, избранное Верой Шмидт, полностью лежало в русле положительного отношения к детской сексуальности.

Важнейшие принципы деятельности детского дома заключались в следующем: воспитательниц учили, что здесь нет наказаний. Им указывали, что нельзя даже

разговаривать с детьми строгим тоном. Не должно было быть места никакой субъективной оценке детей. Похвала и порицание рассматривались как непонятные ребенку оценки со стороны взрослых, ибо служили лишь удовлетворению честолюбия и тщеславия детей. Эти немногие основные положения одним ударом исключали из воспитания авторитарно-морализаторские принципы. Что же пришло на их место?

Оценивался результат деятельности ребенка, но не его личность. Например, дом, построенный ребенком, характеризовали как красивый или некрасивый, *не* хваля и не порицая за него самого строителя. В случае драки оскорбителя не ругали, а рассказывали ему о боли, которую он причинил другому. При детях воспитательницы должны были быть в высшей степени сдержанными. Им нельзя было делать каких-либо замечаний оценочного характера о свойствах и поведении детей. Точно так же воспитательницы должны были быть в высшей степени скупы на проявления нежности и ласки по отношению к детям. В детском доме были строжайше запрещены бурные выражения любви со стороны взрослых, как, например, горячие поцелуи, крепкие объятия и т.д. Вера Шмидт абсолютно правильно подчеркивала, что такие проявления любви служат скорее удовлетворению взрослых, чем соответствуют потребностям детей.

Такая позиция означала разрыв со вторым принципом воспитания детей, основанным на началах морализаторства и авторитаризма. Ведь тот, кто чувствует себя вправе бить ребенка, считает точно так же возможным, общаясь с ним, избыть свою неудовлетворенную сексуальность. В этом, как правило, преуспевают защитники семейного воспитания. Разрыв со строгостью и моральной оценкой ребенка делает излишним и необходимость искупать поцелуями зло, причиненное побоями. Все окружение ребенка было приспособлено к его возрасту и потребностям. Игрушки и материалы для игр выбирались с учетом стремления к деятельности, чтобы будить в ребенке творческие силы. При возникновении новых потребностей соответствующим образом менялись игрушки и материалы для игр.

Принцип приспособления материала к потребности, а не наоборот, вполне соответствует воззрению, лежащему в основе сексуальной экономики и применимому далеко за пределами детского сада — ко всему общественному бытию. *Следует приспособлять не потребности к экономике, а экономические институты к потребностям.* Таким образом, в детском саду Веры Шмидт раскрылся сексуально-экономический принцип в противоположность принципу морального авторитета, на котором строились детские сады Монтессори, где детям надлежало одинаково обращаться с однажды выданным материалом.

Вера Шмидт считала: "Чтобы приспособление ребенка к реальным внешним условиям происходило без больших трудностей, внешний мир не должен противостоять ребенку как враждебная сила. Поэтому мы стремимся сделать действительность максимально приятной для него и заменить любое примитивное наслаждение, отказу от которого он должен учиться, разумными рациональными радостями".

Это значит, что ребенку сначала надо научиться любить действительность, к которой ему необходимо приспособляться. Он должен быть в состоянии радостно идентифицировать себя с окружающим миром — таков *сексуально-экономический* принцип. Ему противоречит принцип *морального авторитета*, в соответствии с которым предпринимается попытка приспособить ребенка к окружающему миру, по определению, противостоящему и враждебному ему. Причем происходит это не с помощью преисполненной любви идентификации с этим миром, а с помощью обязательств, а то и с использованием морального давления.

Сексуально-экономическому принципу соответствует такое поведение матери или воспитательницы, когда ребенок любит их стихийно. Общественное же, религиозное

или юридическое требование: "Ты должен любить свою мать, даже если ее поведение не вызывает любви" — является примером регулирования, основанного на принципах морального авторитета.

Необходимость включения в общественное сосуществование упрощалась различными способами. Требования проистекали из условий повседневной жизни и устройства жизни детского сообщества, а не были результатом произвола страдающих невротизмом, больных, одержимых честолюбием и изголодавшихся по любви взрослых.

Детям объясняли так, чтобы это было им понятно, чего от них требуют и почему, но не давали приказов. От удовлетворения влечений, с которыми действительно следовало расстаться, ребенок отказывался, "обменивая" их на удовлетворение других влечений, более высокого порядка, например, стремления к любви взрослых или товарищей и т.д. В ребенке развивались и поддерживались чувства собственного достоинства и независимости, ибо требованиям жизни легче всего подчиняются не ведомые дети, а такие, которые наделены чувствами собственного достоинства и независимости. Эти факты совершенно непонятны сторонникам "воспитания по-фельдфебельски".

Сексуально-экономический принцип добровольного отказа от удовлетворения влечений был применен и к воспитанию чистоплотности. Запреты какого бы то ни было рода со стороны воспитателей строго исключались. Воспитанники детского дома и не подозревали, что их сексуальные побуждения могли бы быть оценены как-то иначе, чем другие естественные телесные потребности. Поэтому они и удовлетворяли эти побуждения на глазах воспитательниц точно так же, как если бы речь шла о голоде или жажде, то есть совершенно спокойно и безбоязненно. Это делало ненужной какую бы то ни было таинственность, укрепляло привязанность детей к воспитательницам, содействовало *приспособлению к действительности* и создавало, таким образом, благоприятную основу для развития детской личности в целом. В таких условиях воспитательницы имели полную возможность наблюдать шаг за шагом за сексуальным развитием детей, содействуя сублимации отдельных инстинктивных побуждений и поддерживая этот процесс.

Достоинно благодарности указание Веры Шмидт на необходимость работы воспитателей над собой. Выяснилось, что беспокойство детей или беспорядок, который они создают, являются следствием невротически бессознательного поведения воспитателей. Воспитание ребенка в соответствии с сексуально-экономическими принципами невозможно до тех пор, пока воспитатели не будут свободными от иррациональных побуждений или, по меньшей мере, не будут знать и контролировать их.

Согласно традиционным представлениям о воспитании детей в западных культурных кругах недопустимо, если дети, которым уже гораздо больше шести месяцев, не привыкли к горшку. В детском же саду Веры Шмидт только приблизительно с конца второго года жизни переходили к высаживанию детей на горшок "через определенные промежутки времени", но никогда не побуждали их к отправлению этих потребностей именно таким способом с помощью пусть даже сколь угодно малого насилия. Детей не ругали, если им случалось обмочиться. На это не обращали внимание как на что-то вполне естественное.

Этот факт, имеющий важнейшее значение для воспитания чистоплотности у детей, показывает нам, какие предпосылки следует осуществить, прежде чем станет возможным и думать о структурировании детского характера в соответствии с сексуально-экономическими принципами. Реализация этих принципов в семье невозможна, они осуществимы только в детском *коллективе*. Противопоставляя свой опыт губительным взглядам и столь же вредным действиям необразованных, невежественных врачей и педагогов, полагающих, что ребенка, мочащегося в

постель, следует подвергать адским карам, вот что Вера Шмидт рассказывает: у трехлетней девочки обнаружился рецидив недержания мочи. На него просто не обратили внимания. Рецидив продолжался три месяца, а потом прекратился сам собой. Этот факт также будет абсолютно непонятен педагогу, мыслящему авторитарными категориями, но от этого он не становится в меньшей степени самоочевидным.

Далее психоаналитик пишет: "Отношение детей к вопросу чистоплотности вполне спокойное и сознательное. Сопротивление и капризы не наблюдались. Дети не связывают с происходящим чувства стыда или понятия "позора". Наш метод представляется пригодным для того, чтобы уберечь детей от тяжелых травматических переживаний, которые в противном случае весьма часто оказываются следствием воспитания, направленного на контроль над выделительными процессами".

Как свидетельствует клинический опыт, очень часто причиной тяжелейших нарушений оргастической потенции у взрослых является строгое воспитание чистоплотности. Дело в том, что это воспитание приводит к образованию связи чувства стыда и позора с генитальной функцией. Очевидно, что таким образом разрушается способность к упорядочиванию запасов вегетативной энергии. Действия Веры Шмидт были совершенно правильными, ведь у маленьких детей, не связывающих чувства стыда и позора с функцией выделения, нет и причин для формирования впоследствии такого рода генитальных нарушений.

Дети в детском доме Шмидт никоим образом не были стеснены в удовлетворении своего стремления к движению. У них была возможность возиться, прыгать, бегать и вообще делать все, что им заблагорассудится. Благодаря этому у них была возможность не только проявить свои естественные стремления, но и дать им культурную оценку. Это полностью совпадало с сексуально-экономическим воззрением, согласно которому свобода детского влечения является *предпосылкой* его сублимации, то есть культурной оценки, а препятствие ему лишает возможности сублимации, которая заменяется вытеснением.

В наших детских садах, где детям прививают "способности к восприятию культуры" и "приспосабливают к реальности", парализуя их моторику, мы замечаем у детей примерно в 4—6 лет — в противоположность опыту Веры Шмидт — отрицательное изменение всего поведения: из естественных, живых и подвижных детей они превращаются в тихих и добропорядочных. Дети *охладевают*. Анна Фрейд, подтверждая этот факт в своем труде "Психоанализ для педагогов", не подвергает его критике, а принимает как необходимость, ибо она сознательно стремится воспитать ребенка человеком, проникнутым *буржуазными* ценностями. В основе этого стремления лежит свойственное всей консервативной педагогике представление, согласно которому естественная подвижность ребенка противоречит его способности к восприятию культуры. Верно же как раз обратное утверждение.

Очень важны сообщения Веры Шмидт об *онанизме* среди ее питомцев. Дети онанировали "относительно мало". Она поступает совершенно корректно, отличая онанизм, обусловленный чисто телесным возбуждением, исходящим от половых органов, и служащий удовлетворению генитальных потребностей в наслаждении, от такого, который проявляется "как реакция на оскорбление, унижение или ограничение свободы со стороны внешнего мира". Первая форма не представляет вообще никаких трудностей для воспитателей. Вторая является следствием повышенной вегетативной возбудимости, результатом страха и упрямства, от которых ребенок пытается избавиться с помощью генитального возбуждения.

Вера Шмидт смотрела на вещи правильнее, чем Анна Фрейд, считавшая так называемый эксцессивный онанизм детей следствием "инстинктивного проявления своего "Я". Следует принять во внимание то обстоятельство, само собой

разумеющееся для нас, что дети, воспитывавшиеся в условиях положительного отношения к влечению, мастурбировали "не таясь, на глазах воспитательниц". Надо знать о страхе воспитателей перед онанизмом, чтобы оценить утверждение о том, что "воспитатель должен быть воспитан", прежде чем он сможет спокойно наблюдать за естественным инстинктивным поведением ребенка.

Дети имели столь же полную свободу и в удовлетворении друг с другом своего сексуального любопытства. Они могли беспрепятственно рассматривать друг друга, и соответственно этому были "вполне спокойными и разумными" их высказывания об обнаженном теле — как о своем, так и о теле друга. "Мы могли заметить, что интерес к половым органам проявлялся не тогда, когда дети были голыми, а в то время, как они были одеты". На свои вопросы сексуального характера дети получали ясные и правдивые ответы. Как подчеркивает Вера Шмидт, они не знали родительского авторитета, родительской власти и т.п. Отец и мать были для них прекрасными идеальными существами. Вера Шмидт писала: "Не исключено, что все эти отношения между детьми и родителями могут установиться только там, где воспитание происходит вне родительского дома".

Но если практика воспитания в детском доме вполне соответствовала сексуально-экономическому принципу жизнеутверждения и положительного отношения к влечению, то теоретические воззрения В. Шмидт отклонялись от этого принципа. Обосновывая тезисы о работе в детском саду, психоаналитик говорила о "преодолении принципа удовольствия" и о необходимости заменить его "принципом реальности". Она оказалась в плену неправильного представления о психоанализе, о механическом противопоставлении наслаждения и производительности, вместо того чтобы именно в каждом естественно заданном принципе наслаждения видеть лучшую основу сублимации и социального приспособления. Ее практическая работа противоречила теоретическим воззрениям.

Судьба этого детского дома имеет важное значение для оценки такого рода попыток изменения психологической структуры нового поколения. Уже очень скоро после его создания по городу начали распространяться всякого рода слухи. Говорили, что в "заведении" происходят ужасные вещи, что воспитатели для наблюдения вызывают у детей преждевременное сексуальное возбуждение и т.д. Ведомство, с согласия которого был создан детский дом, по требованию консервативно настроенных педагогов, врачей и психологов начало специальное расследование. Народный комиссариат просвещения объявил устами своего представителя, что детский дом не может далее существовать, но мотивировал свое решение якобы слишком большими расходами на его содержание. Подлинная причина заключалась, конечно, в другом. В это время сменилось руководство Психоневрологического института, в ведении которого находился детский дом. Новый директор института, также входивший в следственную комиссию по проверке детского дома, дал уничтожающее заключение. Он даже обругал дирекцию и сотрудников лаборатории, не говоря уже о детях, принимавших участие в экспериментах. Вслед за этим Психоневрологический институт не только прекратил всякую поддержку детского дома, но и поспешил идеологически отмежеваться от него.

В тот же день, когда должно было быть опубликовано решение о закрытии детского дома, там появился представитель немецкого объединения горняков "Унион" и от имени германского и российского профсоюзов шахтеров предложил материальную и идеологическую поддержку новой научной организации. С апреля 1922 г. немецкое объединение горняков "Унион" снабжало детский дом продовольствием, а русские шахтеры — топливом. Детский дом был переименован и стал называться "Детский дом-лаборатория "Международная солидарность". Но он просуществовал совсем недолго. Комиссии, проверки, лишение какой бы то ни было

поддержки быстро покончили с ним. Характерно, что детский дом был ликвидирован примерно тогда же, когда общая тенденция к торможению русской сексуальной революции начала брать верх.

Следует отметить и то, что Международное объединение психоаналитиков отнеслось к попытке Веры Шмидт скептически и даже отрицательно, что объясняется постепенным превращением психоанализа в *антисексуальное* учение.

Тем не менее работа Веры Шмидт была первой в истории педагогики попыткой наполнить теорию детской сексуальности практическим содержанием. Если говорить об историческом значении этой попытки, то ее вполне можно — хотя речь и идет об иных масштабах — сравнить с Парижской коммуной. Вера Шмидт была, несомненно, первым педагогом, которая чисто интуитивно осознала как необходимость, так и сущность перестройки психологии человека в соответствии с социалистическими принципами. И, как это было всегда на протяжении советской сексуальной революции, ведомства, "ученые", психологи и педагоги помогли победе регресса, а профсоюзы шахтеров, напротив, доказали на практике, не обладая особыми теоретическими знаниями, что они поняли проблему во всей ее значимости. Этот пример говорит о том, что если в истории еще раз представится возможность революционного развития психической структуры личности, будет правильным опираться на интуитивное сознание шахтеров, а не на знания психологов, получивших реакционное образование.

3. Псевдореволюционное пасторское воспитание

Приступая к решению задач, которые ставит воспитание подрастающего ребенка, воспитатель едва ли сталкивается со столь сложными вопросами в какой-либо другой области, как в сфере полового воспитания. Хотя оно и неотделимо от воспитания в целом, именно эта область демонстрирует свои специфические трудности.

Дело в том, что сам педагог получал, как правило, *половое воспитание*, ориентированное на неприятие сексуальности, да и самой жизни во всех ее проявлениях. Такими воззрениями пропитали его родительский дом, школа, церковь, все консервативное окружение, и они не позволяют сформироваться его собственной жизнеутверждающей позиции. Тем не менее если воспитатель хочет действовать в духе положительного, а не отрицательного отношения к жизни, ему необходимо избавиться от консервативных взглядов, сформировать собственную жизнеутверждающую позицию и отстаивать ее в процессе воспитания детей. При этом он может позаимствовать некоторые важные положения консервативной педагогики, многое из нее отбросит как антисексуальное, а еще что-то "выпрямит", приспособив к своим взглядам. Это большая и трудная задача, в решении которой до сих пор удавалось сделать лишь первые шаги.

Самую большую трудность представляют пасторы из революционного лагеря. Это, большей частью, интеллигенты, чья сексуальность приобретает судорожные формы, революционеры, ставшие таковыми под влиянием невротических мотивов и только сеющие смуту. В их числе и коммунистический поп Залкинд, член Коммунистической академии и Международного объединения психоаналитиков.

Революционная молодежь в Советском Союзе ожесточенно боролась против его взглядов, но они, к сожалению, определяют характер официальной идеологии. Его статья "Некоторые вопросы полового воспитания юных пионеров", опубликованная в журнале "Дас пролетарише кинд" ("Пролетарский ребенок". — *Прим. пер.*) причинила немало хлопот немецким специалистам по сексуальной политике. Мы хотим на ее примере показать, насколько это безнадежная затея — перемешивание революционной формы с содержанием, враждебным сексуальности.

Залкинд начинает с верного утверждения о том, что пионерское движение охватывает детей "на важнейшей стадии их развития" и обладает средствами,

которые отсутствуют у семьи и школы. Но он исходит из такого взгляда на детскую сексуальность, который вполне можно сравнить с христианским. Отсюда проистекают все дальнейшие ошибки Залкинда и его единомышленников. Он пишет:

"...Поэтому (потому, что пионерское движение располагает лучшими средствами для воспитания по сравнению с семьей), оно должно быть и главным борцом против основных препятствий, *против паразитического переключения энергии подрастающих детей на сексуальные цели*".

Следовательно, Залкинд оценивает детскую сексуальность как "паразитическую". Как приходит он к такой оценке? Что хочет он этим сказать? Какие сделать выводы для воспитания? Под "паразитическим" он понимает нечто чуждое телу. Этот сексуальный философ, к мнению которого прислушиваются в Советском Союзе, заявляет вполне серьезно, что следует *воспрепятствовать* "переключению" энергии на "паразитическое", "сексуальное":

"Если пионервожатые сумеют предложить детям материал для пионерской работы в такой форме, которая соответствует потребностям переходного возраста, то не останется энергии для преобладания паразитического начала".

Таким образом, Залкинд полагает, что сексуальные интересы детей и подростков могут быть полностью исключены. Он не спрашивает, как следовало бы привести коллективные интересы в соответствие с сексуальными, в каких случаях они противоречат друг другу, а в каких составляют единое целое. Чем же отличается Залкинд от какого-нибудь католического священника или реакционного педагога, убежденных в возможности стопроцентного переключения сексуальной энергии?

Теперь уже больше нельзя отрицать существования детской и подростковой сексуальности. Раньше это было возможно. Теперь говорят о стопроцентном отвлечении, но это лишь старое в новом обличье. Залкинду даже не пришло в голову спросить, почему церковь не допускает половой жизни детей. Он и не задумался о том, что если хочет сформулировать правила воспитания, то должен сначала обосновать, почему он представляет ту же точку зрения, что и реакционный воспитатель. Ему представляется нечто вроде такого обоснования, когда он рассматривает половую жизнь и коллективизм как противоположности. Он хочет исключить сексуальность в интересах коллективизма.

"Раннему половому влечению подвержены главным образом одичавшие, одинокие дети, те дети, которые лишены активной живой связи с ровесниками, которые слишком часто остаются предоставленными самим себе...", что, по мнению Залкинда, приводит к слишком ранней половой зрелости.

Все это общие слова, проникнутые невежеством. Ведь что такое "ранняя зрелость"? Следует ли говорить о ранней зрелости применительно к онанирующему 4-летнему ребенку? Можно ли говорить о ранней зрелости, когда самоудовлетворяется 13 — 15-летний подросток, переживающий пору полового созревания? Можно ли говорить о ранней зрелости, если он рано или поздно начинает желать полового акта?

Залкинды с их неконкретной, лозунговой аргументацией лишь доказывают, что они не способны спуститься из сфер абстрактной этики в реальность жизни детей и подростков. И, конечно, были правы те пионервожатые, которые обращали внимание на просвещение в своих отрядах, видя нездоровые сексуальные явления и понимая, что причина возникновения так называемых "сексуальных проблем" не в недостатке "коллективизма", а наоборот, невыясненность проблем половой жизни детей, порождаемая, в частности, воззрениями Залкинда, и является наиболее существенной причиной "сбоев" в жизни коллектива.

Никогда нельзя обосновать коллективизм, зиждущийся на полном подавлении половой жизни, чем-либо иным, кроме доводов авторитарного характера. По мнению Залкинда, "непрерывный контроль со стороны коллектива над сексуальным и другим

поведением детей должен быть основой здорового полового развития". Заметим при этом, что "здоровый" означает "лишенный сексуальности". Залкинд хочет достичь торжества этой "пионерской этики" с помощью "умелой организации работы".

Давайте наконец конкретно представим то, что нам предлагается. Как долго должны работать подростки? Непрерывно? Значит, и ночью? Последнее, очевидно, необходимо для того, чтобы они, лежа в постели, не касались половых органов. А должны ли мы во время игр детей и подростков осуществлять "непрерывный контроль коллектива", чтобы дети не влюбились, чтобы не начались "любовные приключения"? Залкинд говорит о "детях" 13 — 16 лет. А это ведь подростки, переживающие половое созревание! Почему же эти "дети" не должны влюбляться и позволять себе "любовные приключения"? Потому ли, что это вредит коллективизму? Или потому, что залкинды не могут наблюдать за ними?

Берлинские комсомольцы во время дискуссионных вечеров установили как неопровержимую истину, что группы распадаются именно в том случае, если в них слишком мало девушек, а сохраняются как раз тогда, когда в них примерно поровну юношей и девушек. Уж не потому ли, что они осуществляют "непрерывный контроль коллектива" и не допускают возникновения "ненужных любовных приключений"? Или все же потому, что партнеры находят друг друга и любовная жизнь перестает быть проблемой, мешающей коллективу? Залкинды договариваются до нелепостей, потому что они не *отличают нарушенную* любовную жизнь от *ненарушенной*, потому что они не видят: именно препятствия любовной жизни и создают одичание, так как сексуальное влечение никогда не может быть убито. Это делает совершенно невозможным и сотрудничество в коллективе. Как же сухо и бюрократически звучат нижеследующие слова, сколько в них враждебности к жизни:

"Активный коллективизм — лучшее средство воспитания чувства сексуального равенства, ведь товарищ по труду не вызывает ненужных мыслей любовного характера. На это не остается ни лишних сил, ни свободного времени".

Что означает в данном контексте "сексуальное равенство"? Мы пропагандируем равноправие между полами, мы боремся против политической реакции, используя в этой борьбе идеологию сексуальной свободы. Залкинды пропагандируют "равенство между полами" при недозволенности любовной жизни. Они делают то же самое, что и некий руководитель католической молодежи, с той лишь разницей, что они не отрицают, *еще не отрицают* совместного воспитания представителей обоого пола[25]. Но именно из-за этого они доходят до абсурда. Конкретно речь идет вот о чем: что нам делать, если юноша и девушка сделали вместе важную политическую или организационную работу и влюбились друг в друга? Как же быть? Осуществлять контроль со стороны коллектива или "задушить" влюбленность в процессе дальнейшей работы? Или с помощью воздержания осуществить сексуальное равенство? И это в таком возрасте, который сам Залкинд называет "серьезнейшей стадией детского развития — стадией созревания половых влечений". Сколько же лжи и лицемерия оказывается после всего сказанного в следующих словах:

"Полное взаимное доверие и взаимное уважение, полная взаимная откровенность — таково главное условие, без которого в пионерском отряде невозможна здоровая система воспитания".

Как могут пионеры питать взаимное доверие друг к другу и к своему руководителю, если их не понимают, когда заходит речь об одном из самых важных для них вопросов?

"Ребенок в пионерском возрасте знает о половом вопросе довольно много, даже слишком уж много (в соответствии с пропагандируемым Залкиндом "сексуальным оздоровлением детей"), но он знает не то и не так, что и как было бы необходимо знать. Вожатый не должен замалчивать эту путаницу, он должен говорить. Но как?"

Итак, как же должен говорить пионервожатый? Мы в напряженном ожидании. И

вот что мы узнаем буквально в следующих строчках:

"Во всяком случае, он не должен читать детям лекций о половом вопросе. Более того, он вообще не может говорить с детьми специально на сексуальные темы".

Значит, с детьми можно вести беседы только в связи с социальными и политическими вопросами? Это было бы верно, но как бы не так. Дальше он пишет:

"При тщательном наблюдении можно заметить у отдельных детей склонность к онанизму". (У "отдельных" детей, только в возрасте от 13 до 16 лет, то есть на стадии созревания половых влечений! Только при "тщательном наблюдении!")

Далее Залкинд рекомендует следующее:

"Здесь необходима величайшая осторожность со стороны вожатого, так как дети особенно чувствительно (Правильно. — В. Р.) реагируют на попытки бороться с такими их *вредными привычками*..."

"В любом случае вмешательство вожатого непосредственно в сексуальную сферу ребенка разрешается только при условии, если он прежде получил педологическую и педагогическую подготовку по этой проблеме". (У кого? И какую? Заключается ли эта подготовка в формировании представления о том, что онанизм — вредная привычка?)

"Открытое массовое обсуждение таких недоразумений всем отрядом под руководством вожатого совершенно недопустимо. С делом надо покончить в зародыше один на один (С каким делом? Со "скандалом" из-за того, что дети занимаются онанизмом?), причем можно опираться на лучших активистов, в сексуальной безупречности которых нет оснований сомневаться". Вот как, по мнению нашего немецкого ханжи, должна выглядеть "полная взаимная откровенность"!

Педагоги типа Залкинда капитулируют перед громадными трудностями, которые возникают сразу же, стоит только разумно и научно подойти к вопросу о половой жизни детей и подростков. Нельзя просвещать детей и подростков, одновременно запрещая им сексуальные игры и онанизм. От них нельзя утаивать правду о функции сексуального удовлетворения. Можно говорить только правду и предоставить жизнь ее свободному ходу. Сексуальная потенция, телесная бодрость и красота должны стать постоянными идеалами движения за свободу. Революции не требуется рабочий вол, ей нужен бык, ей не нужен каплун, ей требуется петух. Люди достаточно долго были волами. Кастраты не являются борцами за дело свободы.

4. И снова вопрос непризорности

Русской революции пришлось бороться не только против последствий гражданской войны, голода, моральной деградации, доставшейся в наследство от царизма. Очень серьезная проблема огромного масштаба стояла перед советской властью. Это была детская непризорность. Чтобы справиться с этой проблемой, революционная власть не располагала достаточным количеством образованных, прежде всего имеющих настоящую сексологическую подготовку педагогов. Да и чиновники от педагогики с душами кастратов препятствовали, подобно колодкам на ногах прыгуна, движению революции. Конечным результатом невыясненности проблемы сексуального бунта детей явилось обострение вопроса непризорности в 1935 г.

Нельзя утверждать, что новая волна непризорности объяснялась ситуацией, сложившейся после гражданской войны, ведь непризорники 1934 — 1935 гг. были уже детьми новой общественной системы. При рассмотрении таких вопросов не помогают ложная осторожность и утаивание фактов. Советский Союз делал все мыслимое для решения вопроса непризорности. Фильм "Путевка в жизнь", который на многие годы останется документальным свидетельством революционной воспитательной работы, показал, сколь выдающиеся результаты были достигнуты в сфере культуры труда и трудового воспитания. Но почему же тогда проблемы

беспризорности не были решены. Об этом свидетельствует постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) "О ликвидации детской непризорности и безнадзорности" от 31 мая 1935 г.:

"Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что в настоящее время, в условиях непрерывного улучшения материально-культурного положения трудящихся города и деревни и при производимом государством отпуске огромных средств на содержание детских учреждений, наличие непризорных детей в столицах и других городах страны объясняется плохой работой местных советских органов и партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в области ликвидации и предупреждения детской непризорности и отсутствием организованного участия в этом деле советской общественности, при этом:

а) в большинстве детских домов работа в хозяйственном и воспитательном отношении поставлена неудовлетворительно;

б) совершенно недостаточна, а в ряде мест и вовсе отсутствует организованная борьба с детским хулиганством и преступными элементами среди детей и подростков;

в) до сих пор не созданы условия, при которых дети, по той или иной причине очутившиеся "на улице" (потеря родителей или уход от них, бегство из детских домов и пр.), немедленно помещались бы в соответствующие детские учреждения или возвращались к родителям;

г) отсутствует воздействие и привлечение к ответственности родителей и опекунов, безучастно относящихся к своим детям и допускающих хулиганство, воровство, разврат и бродяжничество их"[\[26\]](#).

Оказывается, не "плохая работа" была причиной сложившейся ситуации! Виноваты родители и опекуны! Отсюда последовало возвращение к ответственности родителей за воспитание детей и принятие мер, которые противоречили прежним принципам воспитания. Оказались ли несостоятельными сами эти принципы? Нет, они просто грешили неполнотой, они не включали постановку главной проблемы, а часто и вовсе сознательно обходили ее. Речь идет о проблеме половой жизни детей.

Коллективная общественная идеология и коллективная жизнь взрослых *при сохранении требований аскетизма, обращенных к детям, сексуального лицемерия и семейного воспитания должны неизбежно вести к детской непризорности*. Совершенно немислимо, чтобы при общем свободном развитии можно было бы подавлять сексуальные потребности детей, не нанося ущерба ребенку и обществу.

В 1935 г. советское правительство прилагало большие усилия для преодоления непризорности. В распоряжении № 3 "Об организации борьбы против хулиганства детей на улицах" задача усиления этой борьбы была возложена на Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Народные комиссариаты просвещения союзных республик обязывались без возражений принимать детей в детские дома. Органы милиции получили право подвергать родителей в административном порядке штрафу до 200 рублей за хулиганство детей на улицах. Было принято решение о привлечении родителей и опекунов к материальной ответственности за действия детей, повлекшие за собой материальный ущерб. У родителей, которые "не заботились о надлежащем наблюдении за поведением своих детей", дети должны были отбираться и помещаться в детские дома за родительский счет.

Норвежская газета "Арбейдерблад" от 16 июня 1935 г. сообщала, что советскому правительству пришлось прибегнуть к массовым облавам на непризорных детей. Газета подчеркивает, что наряду с воровством, кражами, грабежами как типичными занятиями непризорных они заражались венерическими заболеваниями, и оказывались переносчиками инфекций: "Как чумной поток, дети несли с собой с места на место опасность заражения". Правда, судя по сообщению газеты, общественные бани, детские дома и больницы были доступны детям, но они

отказывались пользоваться всем этим. Оказалось, что дети толпами бежали из детских домов. По сообщению "Арбейдерблад", в "Известиях" можно было чуть ли не ежедневно прочесть объявления о розыске бежавших детей.

Норвежская газета писала: "До недавних пор такие объявления никогда не встречались в русской печати, теперь же они стали чем-то обычным". Она указывала и на меры, принимавшиеся советским правительством против детской беспризорности: предоставление квалифицированных учителей, инструментов и машин, учебных фильмов и специальных учебников. Кроме того, весь народ был мобилизован на решение этой проблемы.

В 1929 г. в беседах с советскими педагогами Верой Шмидт и Гешелиной я приложил немало усилий, чтобы обратить их внимание на неполноту и бесперспективность попыток возврата беспризорных детей в детские дома.

Уже тогда было совершенно ясно, что хотя проблема беспризорности в Советском Союзе и возникла в результате гражданской войны, но ее питала в значительной мере неясность характера сексуальной жизни. Работы в Советском Союзе было достаточно. Трудотерапия была высоко развита. Безработица исчезла. Детские дома и коллективы были большей частью образцово организованы. И *тем не менее* дети вновь и вновь убегали, предпочитая жизни в детских домах опасную, поистине губительную жизнь на улице и антиобщественное поведение. Эту громадную проблему нельзя было решить только трудовым воспитанием или объяснить ссылкой на романтическое любопытство, свойственное детской душе.

У нас в Германии были богатейшие возможности изучить подлинную природу беспризорности и, как следствие ее, воспитание в детских домах. Когда стало известно о моих усилиях по сексуальному оздоровлению молодежи, ко мне начали приходить беглые воспитанники детских домов и от всего сердца, честно и откровенно рассказывать о своих бедах и подлинных мотивах своего асоциального существования. Это происходило потому, что я понимал их и их проблемы. Я могу уверить читателя, что мои собеседники были превосходными ребятами и, более того, среди них попадались очень умные, наделенные большими способностями личности. Часто я ловил себя на мысли о том, насколько больше жизненной силы было в так называемых беспризорных, чем в добропорядочных лицемерах из числа школьных учителей, и именно потому, что они бунтовали, восставали против общественного строя, который отказывал им в самом простом естественном праве. В их рассказах речь шла всегда об одном и том же: мои собеседники не справлялись со своим сексуальным возбуждением и фантазиями. Родители не понимали их, столь же мало понимали их учителя и представители власти. Ребята так никогда и не смогли с кем-нибудь поговорить об этом и были вынуждены хранить тайну в себе. Они все сильнее замыкались, становились более злобными и недоверчивыми.

Понимание своих проблем эти дети и подростки находили только у ровесников с подобной психологической структурой, сталкивавшихся с такими же трудностями. Так как их не понимали в школе, они бойкотировали ее, а поскольку их не понимали и родители, они проклинали родителей. Но, будучи в то же время крепко привязанными к родителям и неосознанно ожидая от них помощи и спасения, они оказывались из-за упрямства в состоянии тяжелейших конфликтов. Конфликты еще усиливались чувством вины. Так эти дети и подростки попадали на улицу. Там они не были счастливы, но чувствовали себя свободными. И продолжалось это до тех пор, пока полиция не задерживала их и не водворяла в приюты зачастую только за то, что этих 15-, 16- и 17-летних девушек где-нибудь заставляли с парнями.

Беседуя с многими из них, я смог установить, что они были психически здоровы, обладали критическим складом ума и бунтовали (на это были все основания) до тех пор, пока не попадали в когти полиции и системы общественного призора. С этого момента они становились психопатами, отвергнутыми обществом. Общество

совершило по отношению к этим детям преступление огромного масштаба. Тем не менее удалось — и это было еще одним доказательством правильности моих взглядов, — вызвать полное доверие со стороны этих "беспризорных" и действительно управлять ими, если им доказывали на практике, что их понимают.

Если уж в Германии проблема детей и подростков была необычайно сложна, то до какой же степени должен был обостриться конфликт между нарастающими требованиями бурно развивающейся сексуальности и саботажем со стороны общества в такой стране, как Советский Союз, где была провозглашена полная свобода, но сексуальное угнетение продолжало существовать. Всеобщая коллективная жизнь и сохранение семейного воспитания детей неизбежно должны были приводить к социальным взрывам. Мы не должны забывать также, что советские матери все больше втягивались в производственный процесс, духовно и эмоционально оживали в качестве действующих членов общества, что создавало новое противоречие в их отношении к детям.

Видя участие матерей в производстве, дети тоже хотели войти в жизнь. Перед ними открывался путь в трудовую жизнь, но многие не хотели идти по нему, если им закрывали путь к сексуальности. Именно в этом причина непризорности в Советском Союзе, все еще сохраняющая свое значение, а не в последствиях гражданской войны, которая к 1935 г. уже стала историей. Тем более такой причиной не является существование самой советской системы. Можно утверждать, без сомнений, что непризорность детей и подростков является видимым выражением тайного сексуального кризиса их жизни. И можно предсказать, что никакому обществу не удастся решить проблему непризорности, проблему психопатии детей и подростков, если оно не найдет мужества и знания для того, чтобы урегулировать половую жизнь детей и подростков в соответствии с принципами положительного отношения к сексуальности.

Сегодня мы никоим образом не можем предсказать, какие конкретные воспитательные меры придется принять, если мы столкнемся с необходимостью решить эту проблему. Мы можем, напротив, только вскрыть общие связи и закономерности.

Решение вопроса непризорности, как и вопроса воспитания детей в целом, зависит от того, удастся ли и насколько удастся исключить из формирования психической структуры ребенка привязанность детей к родителям и родителей к детям, имеющую кровосмесительный характер, мотивированную ненавистью и пропитанную чувством вины.

Логичным будет утверждение, что исключить эту привязанность не удастся, если дети не начнут воспитываться в коллективе примерно до 4 лет. Сказанное *не* означает уничтожения естественных отношений между родителями и детьми, проникнутых любовью.

Речь идет только о ликвидации невротических, болезненных отношений. Конечно же, попытка решения этой задачи окончится неудачей, если не будет разрешено в широком масштабе противоречие между семьей и коллективом. Как родители должны любить детей, так и дети должны отвечать им тем же, так, чтобы и те, и другие имели возможность во всей полноте наслаждаться этим чувством. Но, как ни парадоксально прозвучит сказанное, это-то и предполагает упразднение принудительной семьи и воспитания в ней. Мы потерпим неудачу, если не сумеем покончить с запрещением детской сексуальности и вытекающим отсюда чувством выброшенности из общества вследствие желаний и действий сексуального характера. Мы должны всеми средствами препятствовать тому, чтобы в будущем оказались возможными сообщения такого рода:

"Шестилетний Гарик: "Ради Бога, что случилось?" А произошло нечто неслыханное. Восемилетняя Любка, едва умеющая писать, "влюбилась" и тайком

сунула своему ровеснику Павлику записку следующего содержания: "Мой сладенький пирожок, моя конфеточка, мой золотой бриллиантик..." "Влюбиться! Такое мещанство! Времена царя Николая давно прошли!" Дело возбужденно обсуждалось, и в наказание Любке запретили целых три дня появляться на детской площадке", — так писала Фанина Халле, доказывая нравственность советской системы и стремясь реабилитировать коммунизм перед всем "нравственным" миром в своей книге, снискавшей широкое признание[27].

Педагоги и сексологи "социалистической" ориентации, которые не выносят вида двух детей, ласкающих друг друга, будучи не в состоянии понять очарование и природную естественность детской сексуальности, совершенно не пригодны для революционного воспитания нового поколения, несмотря на их пусть даже самые благие намерения. В детском половом возбуждении, в чувственных отношениях между детьми бесконечно больше нравственности, искренности, силы и воли к жизни, чем в тысячах страниц сухого анализа и тезисов. Здесь, и только здесь, в живости детского существа, следует искать гарантию построения общества подлинно свободных людей.

Сказанное не вызывает сомнений, но было бы вредно считать все проблемы уже решенными в результате одной только этой простой констатации. Мы должны быть готовы к тому, что перестройка психической структуры человека, в результате которой его жизнь будет основываться не на патриархальных и авторитарных началах, а на добровольности и способности радоваться, окажется самой трудной из всех задач, которую нам придется решать.

Часто механически повторяют марксистское положение о том, что "сам воспитатель должен быть воспитан". Пришло время конкретно представить себе, как следует понимать это положение, и взяться за его реализацию. Воспитатели нового поколения, родители, педагоги, государственные руководители и хозяйственники должны сначала сами быть здоровы в сексуальном отношении, прежде чем они смогут допустить, чтобы воспитание детей осуществлялось правильно с точки зрения сексуальной экономики.

ГЛАВА VII. Какие выводы следуют из борьбы за "новую жизнь" в Советском Союзе?

Функционер рабочего движения, воспитатель, консультант молодежи и все те, кто постоянно сталкивается с необходимостью решать повседневные задачи воспитания молодого поколения, теперь потребуют конкретных указаний для своей работы. Это понятно, но совершенно невыполнимо. Можно лишь попытаться постигнуть причины провалов революционных переворотов и лишь в общих чертах указать средства и пути революционного развития, только примерно задающие направление, в котором мы должны вести поиски. Мы не можем знать, как в случае нового революционного переворота будет развиваться конкретная ситуация в той или другой стране. Все дело заключается только в применении общих принципов к конкретным ситуациям. Ни в коем случае нельзя предаваться утопическим представлениям о деталях, так как они в каждом случае только блокируют путь к постижению конкретной действительности.

Один из общих принципов, который можно вывести из анализа процесса торможения сексуальной революции в Советском Союзе, заключается, несомненно, в необходимости создания *всех предпосылок и условий сексуального счастья людей*. Так как советское законодательство 1917 — 1921 гг., регулировавшее сексуальные отношения, вполне соответствовало этому направлению, мы переняли бы эти законы лишь с очень небольшими изменениями. Но этого было бы недостаточно. Необходимы практические шаги, чтобы принятые законы действительно дали реальный результат, то есть привели бы к изменениям в психической структуре людей. Кроме того, в Советском Союзе отсутствовали

некоторые меры, которые могли бы направить в упорядоченное русло стихийно начавшуюся революцию в сексуальной жизни.

Чтобы обеспечить революционное законодательство, регулирующее половые отношения, необходимо изъять заботу о сексуальном здоровье населения из ведения урологов и старых профессоров гигиены. Всем должно быть понятно, что в этой сфере в консервативном обществе нет авторитетов, что те, кто считают себя специалистами по сексуальной гигиене и врачами-сексологами, проникнуты духом аскетизма и страхом перед "чувственным поведением человека". На основе опыта работы с молодежью и в рабочих организациях можно сделать несомненный вывод о том, что любой "средний" необразованный, но бодрый телом и духом молодой рабочий лучше чувствует вопросы половой жизни и способен вернее судить о них, чем какой-нибудь из этих авторитетов. На основе этой правильной позиции трудящимся удастся без особых сложностей выдвинуть из своей среды таких функционеров и организаторов, которые сумеют решить вопросы, поставленные сексуальной революцией.

Переустройство сексуальной жизни должно начинаться с перевоспитания ребенка. Необходимо поэтому, чтобы педагоги переучивались, а массы учились использовать свой верный инстинкт в этих вопросах для критики старых педагогов, имеющих неправильное сексологическое образование. Переучить педагогов удастся, вероятно, гораздо легче, чем убедить гигиенистов и специалистов по демографической политике. В Западной Европе и Америке постоянно множатся признаки того, что воспитатели, принадлежащие к прогрессивному лагерю, стихийно ищут новые пути воспитания детей и подростков и во многих случаях исповедуют взгляды, суть которых — положительное отношение к сексуальности.

Переустройство сексуальной жизни не удастся, если политические руководители рабочего движения не будут уделять надлежащего внимания этой сфере. Рабочие лидеры, разделяющие принципы сексуального аскетизма, представляют собой труднопреодолимое препятствие на пути к такому переустройству. Нам надо будет привить этим деятелям, некомпетентным в данной сфере и часто страдающим от этого, убеждение в необходимости *учиться*, прежде чем они получают право руководить.

Следует также, далее, не пренебрегать стихийно возникающими дискуссиями по "половому вопросу" как "отвлечениями от классовой борьбы", а включать их в общую работу, направленную на создание свободного общества. Рабочее движение никогда больше не должно мириться с тем, чтобы социалисты пасторского типа, интеллектуалы, рассуждающие на этические темы, мечтатели, женщины, страдающие сексуальными расстройствами, имели возможность решать вопросы переустройства сексуальной жизни. Надо знать, что эти люди, побуждаемые неосознанными чувствами, постоянно вмешиваются при обсуждении сексуальных проблем и заставляют замолчать необразованного рабочего, так как он обычно полагает из уважения к интеллигенту, что тот лучше разбирается в проблеме. Каждой рабочей организации понадобятся функционеры, хорошо подготовленные в вопросах сексологии, которые будут только наблюдать за развитием организации с точки зрения сексуального поведения, учиться на этом опыте и стремиться преодолеть трудности вместе с центральной сексологической службой.

Наряду с законодательством, обеспечивающим положительное отношение к сексуальности и меры по ее защите, необходимы и другие меры, в пользу принятия которых говорят уроки прошлого.

Например, следовало бы запретить любую литературу, порождающую сексуальный страх. Речь идет о порнографических и криминальных историях, а также о страшных сказках для детей. Эти книги надо будет заменить литературой, которая описывает истинные чувства восприятия бесконечно разнообразных

источников естественной радости жизни.

Любое воспрепятствование развитию детской сексуальности со стороны родителей, учителей или властей должно быть исключено. Сегодня еще нельзя сказать, каким способом это будет осуществлено. Но *необходимость юридической защиты детской и подростковой сексуальности больше не вызывает сомнений.*

Самые лучшие законы до тех пор будут стоить не дороже бумаги, на которой они написаны, пока все заинтересованные лица не отдадут себе отчета в том, с какими трудностями придется сталкиваться при положительном отношении к детской и подростковой сексуальности при нынешних политических условиях и с учетом нынешней структуры человеческой психики. Если бы родители и учителя не были сами воспитаны неправильно, если бы они не были сами больны и если бы детям и подросткам могли быть обеспечены наилучшие условия воспитания, то ситуация была бы проще. Но так как этого не происходит, необходимо осуществить, прежде всего, два следующих мероприятия:

а) в различных районах надо будет создать образцовые воспитательные учреждения для коллективного воспитания. В них хорошо подготовленные, реалистически мыслящие и здоровые в сексуальном отношении воспитатели должны внимательно наблюдать за сексуальным развитием подрастающего поколения и пытаться решать практические проблемы, возникающие при этом.

Такие учреждения образуют ядро, из которого принципы нового устройства сексуальных отношений будут распространяться повсюду. Это длительная, тяжелая, трудоемкая работа, но только она в долгосрочной перспективе обеспечивает возможность справиться с элементами верноподданничества в психологии человека. Наряду с образцовыми воспитательными учреждениями *исследовательские институты* совершенно по-иному, чем прежде, изучали бы психологию сексуальности, проблемы предотвращения душевных заболеваний и условия сексуальной гигиены. Они видели бы в этом свою задачу, а не в том, чтобы, как раньше, коллекционировать индийские фаллосы и кондомы различных типов.

б) вне этих центров будет необходимо подготовить в массовом масштабе естественное сексуально-экономическое регулирование половой жизни. В качестве первого принципа должно быть признано, что половая жизнь *не является* частным делом. При этом сказанное нельзя понимать таким образом, что какой-нибудь чиновник получит отныне право совать нос в чьи-либо интимные дела. Речь идет о том, что забота об изменении сексуальной структуры людей, о формировании у них полной способности к сексуальному наслаждению не может быть предоставлена частной инициативе, а является кардинальным вопросом всей общественной жизни.

В соответствии с имеющимися экономическими возможностями общество могло бы сразу же принять ряд мер, которые подготовили бы формирование будущего устройства сексуальной жизни. Предпосылкой этих преобразований будет отношение к половой жизни не как к второстепенному, а то и последнему по важности делу. Следовательно, будут предприняты попытки производить хорошие противозачаточные средства таким же технически совершенным способом и с таким же вниманием, как изготавливаются самые сложные машины. Для того чтобы сделать сексуальную гигиену массовой, необходимо построить централизованно управляемые фабрики по производству противозачаточных средств и сделать эти средства легкодоступными для населения. Таким образом, пропаганда предупреждения беременности для снижения численности абортот не будет оставаться только на бумаге, а воплотится в *практику.*

Необходимо подумать о недопущении повторения сексуальной катастрофы, подобной той, которую пережил Советский Союз. Для этого следует сразу же после прихода к власти взяться за решение *вопроса о помещениях* для молодежи и неженатых. Молодежь сама с удовольствием практически решит вопрос с этими

помещениями и, почувствовав, что обладает всеми возможностями самой устраивать свою жизнь, конечно же, не устранился от участия в общественно полезном труде.

Людям необходимо чувство уверенности в том, что революционная власть делает все, чтобы обеспечить возможность сексуального наслаждения всем без ограничений, без всяких "но" и "если". Просвещение масс относительно вреда абортотв и опасности венерических заболеваний станет излишним в той мере, в какой будет прогрессировать информированность масс относительно ценности здоровой жизни и естественной сексуальности. Население, счастливое в сексуальном отношении, будет лучшей гарантией общественной безопасности, будет с радостью строить свою жизнь, защищаться от любой опасности со стороны реакции.

Для того чтобы избежать "сексуального хаоса" в армии на флоте и не прибегать снова в будущем к помощи параграфа об уголовном преследовании за гомосексуализм, надо с самого начала приступить к решению одной из труднейших проблем сексуальной экономики общества — к *вовлечению женской молодежи в жизнь армии и флота*. Как бы невообразимо это ни казалось сегодня военным специалистам, нет другого пути, кроме указанного, для того чтобы избежать сексуального разрушения личности в результате военной службы.

Театр, кино и литература не должны больше быть поставлены исключительно на службу решению экономических проблем, как это имеет место в Советском Союзе. Нельзя ликвидировать проблемы любовной жизни, занимающие 90 % в литературных произведениях всех времен, невозможно и заменить их возвеличиванием и воспеванием машин. На место реакционной, патриархальной любовной культуры должно будет прийти жизнеутверждение в литературе, кино и т.д. Благодаря этому мы уберем себя от возвращения к мещанским формам в этой области, к китчевой сентиментальности.

Работа в сексуально-политической области не может быть построена лишь на частной инициативе, хаотических усилиях малообразованных в сексуальной области врачей или романтически настроенных и сексуально неудовлетворенных женщин. Она должна, как и любое направление общественной жизни, основываться на *коллективных* началах.

Проблемы, возникающие в ходе сексуального переустройства общества, требуют *небюрократического* решения. Сейчас не имеет никакого смысла ломать голову над деталями организации этой работы. Вопрос об организации разрешится сам собой, если половая жизнь людей будет рассматриваться в одном ряду с другими проявлениями жизни человека. Какая-либо центральная инстанция не должна иметь право декретировать переустройство сексуальной жизни. Широкая сеть сексуально-политических организаций будет осуществлять посредничество между массами и научными центрами.

На информационных собраниях, подобных тем, какие проводили немецкие специалисты в области сексуальной политики, необходимо ставить на обсуждение проблемы сексуальной жизни масс и давать рекомендации по их решению. Так, вопросы, интересующие людей, снова будут возвращаться в самую широкую аудиторию.

Исследователей, занимающих ответственные посты, и ведущих специалистов по сексуальной политике следует проверять с точки зрения их сексуального здоровья и отсутствия установок морализаторско-аскетического характера.

Необходимо противодействовать религии, которая своими ханжескими догмами отнимает у людей сексуальное счастье, и нести в массы достижения естественных наук. Тогда и будет видно, окажется ли права церковь со своим утверждением о внемозной природе религиозного чувства. Мы также не скрываем своего намерения

защищать детей и подростков от привития чувств сексуальной вины и страха.

В процессе социальной революции семья неизбежно распадется. Возвращение к старому семейному укладу будет невозможно. Необходимо считаться с семейными чувствами и привязанностями масс, *открыто* обсуждая и решая вопрос о семье по мере его развития. Наша точка зрения такова: цель сексуально-политической работы, проникнутой идеями культурной революции, формируется лишь на основе фактов, а не каких-либо закулисных соглашений.

Спонтанная, инстинктивная жизнь людей, в которой проявляется единство со всей живой природой, характеризуется стремлением к развитию, активности, наслаждению, желанием избежать того, что вредит организму. Она проявляется в виде сильных, устойчивых чувств. Именно чувства, переживания представляют собой важнейшие элементы любого побуждающего к движению вперед революционного мировоззрения. Явления биологической жизни лежат и в основе так называемых "религиозных переживаний" и "океанического чувства". Недавно было открыто, что вегетативное возбуждение сопровождается биоэлектрическими процессами в тканях организма. Это понятно, ибо человек является частью природы, приводимой в движение биоэлектрической энергией[28].

Религиозному чувству, заключающемуся в том, чтобы быть наедине с Космосом, соответствует характер существования природы. Однако религиозная мистификация принципа органического волнообразного движения природы привела к параличу этого процесса вместо его развития. Первоначальное христианство было движением коммунистического характера, но его побуждающая к поступательному движению и жизнеутверждающая сила оказалась превращенной в свою противоположность — в аскетизм и отрешенность от мира — во многом из-за отрицания сексуальности.

Став государственным институтом, христианство, априори стремящееся к освобождению человека, превратилось в свою прямую противоположность. Влияние церкви в силу ее метафизического восприятия жизни способствовало значительным изменениям психической структуры человека, что, в свою очередь, приводило к усилению самой церкви.

В марксистской экономической теории важная роль отводится экономическим предпосылкам в понимании жизни, стремящейся к более высоким формам развития. Но ограничение этой теории лишь грубо экономическими и механистическими воззрениями явилось причиной отрицания жизни. Экономизм потерпел поражение потому, что он не признавал важности биологической воли к жизни и расценивал ее как "психологию", отдавая этот процесс на откуп мистикам.

Биологическая жизнь вновь проложила себе путь в условиях "неоязычества", культивируемого германским национал-социализмом. Фашистская идеология поняла вегетативное волнообразное движение лучше, чем это сумела сделать церковь, и смогла "приземлить" его. Тем самым мистические рассуждения национал-социалистов о "кипении крови" и "связи с кровью и почвой" означают *прогресс* по сравнению с древнехристианским представлением о первородном грехе, но прогресс этот оказывается задушенным новым мистицизмом и реакционной экономической политикой. Жизнеутверждение снова превращается в отрицание жизни, становится благодаря идеологии аскетизма, верноподданничества, долга и расового сообщества тормозом развития жизни. Тем не менее учение о грехе нельзя защищать, противопоставляя ему учение о "кипении крови". Это последнее надо двигать вперед, выпрямлять его.

Из этого соотношения между старым христианством и неоязычеством проистекает немало недоразумений. Одни рекламируют неоязычество как революционную религию, чувствуя прогрессивную тенденцию, но не видя искажения в сторону мистицизма. Другие хотят защитить церковь от фашистской идеологии, полагая при этом, что они действуют по-революционному. Может быть, такая позиция и верна с

учетом нынешней политической ситуации, но при ее развитии в долгосрочной перспективе она вводит в заблуждение.

Среди социалистов много таких, которые не хотели бы полностью отказываться от "религиозного чувства". Они правы в той мере, в какой имеют в виду вегетативную тенденцию развития, и неправы постольку, поскольку не видят реальных изменений и торможений, происходящих в естественной жизни. Еще никто не осмеливается коснуться сексуального ядра развития жизни и каждый неосознанно использует свой собственный сексуальный страх, для того чтобы занять позицию жизнеутверждения в форме революционных взглядов или религиозных переживаний, но буквально тут же превратить ее в отрицание жизни из-за отрицания сексуальности. Таким образом мы видим, что религиозные социалисты и экономические марксисты дополняют друг друга.

В ходе сексуально-экономических исследований был сделан правильный вывод из естественнонаучных предпосылок этой дисциплины и наблюдений над социальными процессами. Он заключается в следующем: *необходимо способствовать осознанию и развитию жизнеутверждения в его субъективной форме положительного отношения к сексуальному наслаждению и в его объективной форме рабочей демократии. За жизнеутверждение следует организовано бороться.* Страх людей перед наслаждением является самым могучим противником жизнеутверждения, укоренившимся в психической структуре людей.

Органический страх получения наслаждения, возникающий из-за социально обусловленных нарушений этого процесса, образует под видом скромности, нравственных представлений, покорности вождю и т.д. ядро всякого рода трудностей, с которыми повседневно сталкивается практика массовой психологии и сексуальной политики. При этом, правда, стыдятся импотенции и неспособности подарить жизненное счастье так же, как стыдятся и разделять реакционные политические взгляды. Как потенция, так и революционность остались высокими идеалами, и каждый реакционер выступает сегодня в облике революционера. Но о том, что разрушено счастье чьей-то жизни, а у кого-то *позади* жизнь, растраченная впустую, неохотно хотят слышать. Поэтому люди в возрасте всегда активнее защищаются от конкретного жизнеутверждения, чем молодежь, а молодые люди с возрастом становятся консервативнее. Ведь не хочется признавать, что можно было бы устроить свою жизнь лучше, поэтому теперь отрицают то, что когда-то поддерживали. Для осуществления собственных желаний необходимо преобразование всего жизненного *процесса*, разрушение многих полюбившихся способов суррогатного удовлетворения и иллюзий. Впадая в отчаяние, не решаются отказаться от привычной жизни. И исполняющим волю авторитарной государственной власти не препятствуют, так как имя им — "отец" и "мать".

Но развитие жизни нельзя остановить. Процесс общественного развития не без основания воспринимается как естественный процесс. Может быть, еще раз окажется возможно согнуть человека, принудив к аскетизму, повиновению авторитарной власти, отрицанию жизни, но в конце этого пути — победа естественных сил в человеке, *единство природы и культуры*. Налицо все признаки очевидного восстания естества против наложенных на нее оков образа жизни.

Только теперь по-настоящему и началась истинная борьба за "новую жизнь", но сначала в форме тяжелейшего материального и душевного потрясения индивидуального и общественного бытия. Тот же, кто способен понять жизнь, не отчаивается. Тот, кто сыт, не крадет. Тот, кто испытывает сексуальное счастье, не нуждается ни в какой "моральной опоре" и способен на свое самое естественное "религиозное переживание". Жизнь очень проста, проста так же, как и эти факты. Она становится сложной только под действием проникнутой страхом перед жизнью

структуры человеческой психики.

Всеобщее теоретическое и практическое возобладание простоты жизненной функции и обеспечение ее продуктивности называется *культурной революцией*. Ее основой может быть только *естественная рабочая демократия*. *Любовь, труд и знание* — естественные источники нашего бытия. Они и должны управлять им.

Перевод с немецкого В. А. Брун-Цехового

Под редакцией доктора медицинских наук В. П. Наталенко

---

[1] Vgl. Reich. Der Einbruch der Sexualmoral. Verlag G. Sex-Pol. 1934

[2] См. мои труды "*Der Einbruch der Sexualmoral*" и "*Massen psychologie des Faschismus*"

[3] См. работы Генсса по вопросу об абортах в Советской России, а также Вольфсона "*Soyology der Ehe und Familie*", Баткиса "*Die sexuelle Revolution in der Soviet Union*" и др.

[4] Ср. в данной связи. Bryk Negereros. S. 77, Ploss Bartels. Das Weib. Leipzig, 1902. Bd. I, S. 449 и особенно Malinowski Das Geschlechtsleben der Wilden. London. 1929.

[5] Genss. Was lehrt die Freigabe der Abtreibung in Sowiet Rußland? Berlin, 1926.

[6] Хильдегарт Родригес (1917—1934) — деятель молодежного и женского движения Испании. О ее жизни см. E. Hackl. Auroras Anier. Zurich: Diogenes, 1993.

[7] Редактор журнала, перепечатавший эту статью, впервые появившуюся в 1927 г. в "*Zeitschrift für psychoanalytische Pädagogik*", получил от весьма либеральных властей 40 дней тюрьмы.

[8] Исторически доказано в "*Der Einbruch der Sexualmoral*" (1934).

[9] "Разве не покажется нам странным, что у этих народов спокойно допускается даже детям удовлетворять едва проснувшееся влечение с такой свободой, которую мы сами считаем наглым распутством (!), но которую взрослые представители этих народов считают "игрой"... мы встречаемся у многих первобытных народов с самой наивной увлеченностью мальчиков и девочек этими "играми". — Ploss-Bartels. *Das Weib*. Bd. I., S. 449. Leipzig, 1902. См. также Havelock-Ellis. *Geschlecht und GeseUschaft*. 1923, S. 355, 368, Mayer. "Das Sexualleben bei den Wahehe und Wossangu (*Geschlecht und GeseUschaft*, XIV Jahig., H. 10, S. 455). Самое лучшее описание подобных сюжетов см. в Malinowski. *Das Geschlechtsleben der Wilden*.

[10] Существует целая наука, использующая все средства сложной аргументации, чтобы доказать, что суть пубертатного периода состоит не в *половом созревании*, не в созревании генитального сексуального аппарата, следствием чего являются известные духовные изменения. Конфликт в пору полового созревания заключается в противоречии между "новыми задачами", перед которыми стоят юноши и девушки, и испытываемым ими чувством неполноценности от сознания того, что они оказываются не на высоте этих задач. Речь идет о психологии индивида, разработанной Альфредом Адлером. В соответствии с этой теорией у молодого человека, проводящего важнейшую часть периода полового созревания в гимназии, где не ставятся никакие новые задачи (а может быть, следует считать такой новой задачей включение греческого языка в учебный план?), не должно быть никаких конфликтов на почве полового созревания. Психология индивида равнодушна к тому, что средняя успеваемость учеников примерно с 14 лет начинает ухудшаться, для нее не представляет также достаточного интереса и тот факт, что широкие слои рабочей молодежи, которые по достижении половой зрелости начинают половую жизнь, сталкиваются с чем угодно, но не с половыми проблемами, — конечно, за исключением того, что они слишком мало знают о предотвращении беременности и не имеют квартир, где были бы возможны половые контакты в условиях, соответствующих требованиям гигиены. Примерно в 14 лет перед новыми задачами оказывается именно молодой рабочий. Они, однако, не воздействуют на его

характер — в том смысле, в каком об этом говорит Адлер, — постольку, поскольку происходит удовлетворение половых потребностей.

[11] Die Funktion des Orgasmus.

[12] Промискуитет — неупорядоченные половые отношения.

[13] В этой связи следует указать на работу Малиновского 'Das Geschlechtsleben der Wilden' и на мою книгу "Der Einbruch der Sexualmoral".

[14] Дополнение 1944 г.: хотя эта формулировка и верна, но неполна. В Советском Союзе нет частной собственности на средства производства, но существует государственная собственность. Тем не менее был снова введен принудительный брак. Поэтому вышеназванную формулировку необходимо дополнить следующим образом: а) историческая основа авторитарной принудительной семьи заключается в частной собственности на средства производства, и она сохраняется государственной властью даже после отмены частной собственности на средства производства; б) авторитарная принудительная семья коренится в авторитарной структуре человеческого характера, подавляющего сексуальность.

[15] Walter Schiff. Die natdrliche Bewegung der Bevolkening der Bundeshauptstadt Wien in den Jahren 1905—1925 (1926).

[16] Bloch. Sexualeben unserer Zeit. S. 247

[17] Халле Фанина (собств. Рут Кеммрх, 1886 — 1937) — немецкая публицистка, член КПГ, автор многочисленных публикаций о положении женщины в СССР. Покончила с собой в момент ареста мужа — юридического эксперта КПГ Феликса Халле.

[18] Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919, с. 48—50.

[19] Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955, с. 48—49.

[20] (Прим. переводчика англ. изд.): Это касается времени русской революции. С тех пор иррациональные аргументы реакционеров не претерпели ни малейших изменений. Так, генерал Анри Оноре Жиро пишет о разгроме Франции (Life, 1. February, 1943): "Каковы причины этого непредвиденного крушения, равного которому не знает французская история? Во-первых, это *коренной* вопрос об уровне рождаемости. Франция была даже и без войны на пороге самоубийства. Семья исчезала, уступая место бездетным супружеским парам. В богатейшей стране мира, которая дает землю каждому, желающему ее обрабатывать, становятся безлюдными целые сельские области". Тот антисексуальный аргумент ведет прямо к фашизму: "Чему учила школа этих молодых людей и мужчин? Во-первых, эгоизму, превознесению личных интересов и культу зависти. Затем отрицанию всего духовного, всего святого, всего идеального. Если атеизм и не провозглашался во всеуслышание, то его, по меньшей мере, поддерживали. Если перейти от молодежи, составлявшей лишь небольшую часть армии, ко всему народу, то каковы были его характерные черты? Допустим, что у немцев, *возможно(!)*, и нет свободы, но у них, конечно же, нет *ни беспорядка, ни анархии*. Для всех есть работа, единственное счастье народа, который хочет трудиться и жить счастливо. Пусть Франция вспомнит об этом и извлечет из этого пользу". (Выделено им же.).

[21] Евгеника — учение об улучшении биологической природы человека, в основе которого лежит деление людей на полноценных и неполноценных.

[22] М. Горький. Собр. соч., т. 30, с. 277.

[23] Klaus Mehnert. Die Jugend in Sowjetrupland. Berlin, 1932.

[24] "В Советском Союзе социализм полностью и окончательно победил под руководством ВКП(б), ее ленинского Центрального комитета, под руководством великого вождя трудящихся товарища Сталина" (Д. З. Мануильский)

[25] Совместное обучение в СССР было отменено несколько лет назад. В США оно все более поощряется. Прим. к изд. 1949 г.

[26] КПСС в резолюциях. Т. 5. М, 1971, с. 206—207. (Прим. перев.)

[27] Fanina Halle. Op. cit, S. 235.

[28] Со времени открытия энергии оргона в этом представлении многое изменилось, (ср. The Discovery of the Orgone. New York, 1942, 1948). (Прим. 1949.)

Источник: Райх, Вильгельм. Сексуальная революция: [Пер. с нем.]. СПб.-М.: Унив. кн: АСТ, 1997. - 350 с. - (Классики зарубежной психологии).